

ISSN 1680-645X
9 771680 645003 >

— ЕСЛИ

ЯНВАРЬ 2006

ФАНТАСТИКА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

1'2006

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU, WWW.RUSF.RU/ESLI

ГРЕГОРИ БЕНФОРД
ВОДОРОДНАЯ СТЕНА

ГРЕГ ИГАН
ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ
ЕУГЕНИУШ ДЕМЬСКИЙ
ЮДЖИН МИРАБЕЛЛИ

**ВЛАДИСЛАВ СИЛИН:
СОРОКАЛЕТНИЕ ПОДРОСТКИ**

ЧИТАЙТЕ РАЗДЕЛ **ВИДЕОДРОМ**

Ник Парк

и его

**пластилиновые
персонажи**

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

«Золотой дубль» Джеффри ФОРДА:
премии «Хьюго» и «Небьюла»
за новеллу «Империя мороженого»

Гладиаторы на аренах Галактики:
повесть Далии ТРУСКИНОВСКОЙ
и Леонида КУДРЯВЦЕВА
«Баллада о двух гастарбайтерах»

Они могут выжить там, где не способны другие:
повесть Бориса РУДЕНКО «Мертвые земли»

а также

рассказы Александра ГРОМОВА,
Сергея СИНЯКИНА, Алексея КАЛУГИНА

и еще

мейнстрим и фантастика:
размышления Олега ДИВОВА

и наконец

давние соавторы о «случайных связях»:
статья Дмитрия БАЙКАЛОВА и Андрея СИНИЦЫНА

ЧИТАЙТЕ ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

Текущая подписка на журнал
проводится по каталогам «Пресса России»
и «Роспечать. Газеты и журналы».
Цена одного номера — 50 рублей
(без стоимости доставки).
Индекс — 73118

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА,
Людмила ШЁКОТОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКьяНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэръ».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б. Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru
if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli
www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейдс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечать», ДМ Пресс.

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской обл.,
ул. Полиграфистов, д. 1.

Тираж 14 600 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.
© «ЕСЛИ», 2006

45 Грег ИГАН
СИНГЛЕТОН

Верите ли вы в существование еще одной
своей версии? Помешенные после повести
комментарии переводчика доказывают, что
это имеет научную основу.

205 Еугениуш ДЕМБСКИЙ
КРАХ ОПЕРАЦИИ
«ШЕПОТ ТИГРА»

Невидимые миру слезы готов пролить пи-
лот потерпевшего бедствие космического
корабля. В буквальном смысле: пилот не-
видим сам и не видит окружающий мир.

3 Ричард МЮЛЛЕР
ВЕК ЧУДЕС

Почему человечество додумалось до ком-
пьютера не в XV веке, а много позже? Бы-
ла, значит, на то воля Божия...

25 Василий ГОЛОВАЧЁВ
ВТОРАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Испытание секретного оружия заканчива-
ется для всех весьма неожиданно.

109 Юджин МИРАБЕЛЛИ
ЖЕНЩИНА В ВОЛНОВЫХ
УРАВНЕНИЯХ ШРЁДИНГЕРА

Что общего может быть между физиком-
теоретиком и официанткой? Правильно,
уравнения Шрёдингера.

135 Евгений БЕНИЛОВ
В ТУПИКЕ

...оказалось расследование серии жестоких
и дерзких преступлений. Однако на по-
мощь сыщику приходит ученый.

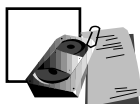

167 **Грегори БЕНФОРД**
ВОДОРОДНАЯ СТЕНА

Постижение истинной сути космических посланий и физического смысла происходящего дается с невероятным напряжением сил.

259 **Михаил АКИМОВ**
ИТОГИ РЕФЕРЕНДУМА

А в российской глубинке к законам физики отношение самое простецкое.

150 **Дмитрий БАЙКАЛОВ**
«ПЛАСТИЛИН НЕЖНЕЙ, ЧЕМ ГЛИНА»

...готов пропеть этот режиссер.

161 **Степан КАЙМАНОВ**
ПОИГРАЕМ В ФАНТАСТИКУ?

Оказывается, такое теперь возможно и у нас.

165 **Тимофей ОЗЕРОВ**
МАЛОВАТО БУДЕТ!

Первое полугодие любителям кинофантастики покажется бедноватым.

154 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Зато конец года вытряхнул на головы поклонников жанра целую охапку новых фильмов.

271 **Владислав СИЛИН**
БЕСКОНЕЧНОЕ ДЕТСТВО

...царит во взрослой литературе.

275 **ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ**

На этот раз все наши эксперты сошлись во мнении.

286 **Мария ГАЛИНА**
ПЕРВЫЙ И НЕПРЕЛОЖНЫЙ...

Так он еще и фантаст?!

278 **РЕЦЕНЗИИ**

И наших, и не наших — поровну.

298 **КУРСОР**

Последние конвенты прошлого года и другие новости.

288 **Вл. ГАКОВ**
ДВЕ ИПОСТАСИ ГРЕГОРИ БЕНФОРДА

Знающие его творчество уже поняли, о чем речь.

301 **ПЕРСОНАЛИИ**

Любители «твердой» НФ.

Р И Ч А Р Д М Ю Л Л Е Р

ВЕК ЧУДЕС

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Арчибетто машинально поигрывал любимым кривым ножом, восседая на одном из туго набитых тюков, загромождающих палубу баржи «Странник», которая неспешно тащилась по направлению к Ферраре. Солнце вот-вот должно было взойти над горизонтом. А последние минуты перед восходом как раз и представляют то злополучное время суток, когда речные бандиты особенно любят нападать на расслабившихся торговцев. Четверо арбалетчиков, единственная вооруженная охрана нагруженного ценными товарами и небедными пассажирами судна, нынешней ночью усердно предавались возлияниям под покровом темноты. И теперь эти четверо были отнюдь не в такой кондиции, чтобы отбить внезапную атаку умелых абордажников, в чем Арчибетто мог поклясться перед самим Господом.

Крик совы огласил предрассветные сумерки, и Арчибетто моментально насторожился. Не вставая с тюка, он медленно совершил полный оборот на пятой точке, обозревая доступные его взгляду окрестности, но ничего подозрительного не заметил. Только серые неясные силуэты здешних крестьянских хозяйств да неопределенные темные формы, обозначающие перелески и рощицы. Вода журчала и звонко шлепала по корпусу баржи, на ближнем берегу канала размеренно топтали подковами тянущие ее тяжеловесные першероны, но во всей остальной части долины По царили изумительная тишина и спокойствие.

Предчувствие и трезвый расчет подсказывали Арчибетто, что на сей раз успешная продажа крупной партии самых новых товаров определит его дальнейшее преуспеяние и благосостояние на годы вперед. Поскольку *firma*, на которую он ныне работает, сумеет обеспечить талантливого Магистра буквально всем, что только может тому понадобится, *elementum et instrumentum et liber quantum satis**. Арчибетто был абсолютно уверен в этом. Вот почему он, даже глазом не моргнув, подписал с перспективным клиентом крайне жесткий по сроку поставки контракт и без колебаний вложил в закупку чудесных новинок пару тысяч дукатов, опустошив собственную кубышку в расчете на полный успех задуманного предприятия.

В самом деле, кто еще во всей Италии, помимо него одного, сможет предложить привередливому пользователю наиновейший *Fenestrum*** суперпродвинутой формы, неизмеримо превосходящий хваленые продукты *Malum Opera****, коими Магистр вынужден был доселе довольствоваться?..

* *Сколько угодно элементов, инструментов и книг (лат.). (Здесь и далее прим. перев.)*

** *Окно (лат.).*

*** *Необходимые действия (лат.).*

Да, эта сделка станет подлинным звездным часом Арчибетто! А Зукка, его вечный ревнивый соперник, впадет в неистовство от черной злобы и зависти, что тоже чрезвычайно приятно.

Наконец солнце взшло. Быстро поднимаясь по небосводу, оно пролило свет на дальнюю линию обрывов, ограждающих долину, и Арчибетто не столько разглядел, сколько чутьем угадал там вдали группу всадников. Через пару минут стало очевидно, что конных не меньше дюжины, если не более, и над этой группой развевается несколько стягов. Нет, это определенно не обычные мародеры. Должно быть, вооруженный отряд какого-то здешнего землевладельца из благородных?..

Арчибетто похолодел, нервная дрожь пробежала по телу. Некоторые из мелкопоместных провинциальных дворян по существу были главарями крупных и недурно экипированных бандитских шаек. Потом он увидел, как всадники сгруппировались в плотный строй и изменили направление. Теперь отряд скакал, по всей видимости, напрямик к арочному мосту над каналом, по которому совершал свое путешествие «Странник». Шкипер баржи обернулся и одарил Арчибетто всепонимающим и сочувственным взглядом.

— Кто эти люди? Стража какого-то местного князька?

— Нет, eruditus, — вздохнув, покачал головой шкипер. — Я вижу у них Ключи*.

Дерьмо! Выходит, это эмиссар Александра, имеющий неоспоримое право преследовать кого угодно и где угодно во исполнение священной воли Папы. Господи, помилуй и спаси, взмолился Арчибетто в своих мыслях, сделай так, чтобы они свернули куда-нибудь еще! Но всадник, скакавший во главе отряда, въехал на мост, к которому приближался «Странник», и торопливо спешил. Еще через мгновение стражник на мосту приложил к губам рожок и четко протрубил незамысловатый сигнал.

Шкипер встревоженно обернулся к нему.

— Мне очень жаль, eruditus, — сказал он извиняющимся голосом, — но они пожелали подняться на борт. И лучше бы убрать с глаз долой эту твою рыбную потрошилку...

Сердце Арчибетто ухнуло в пятки, и он поспешно убрал в поясные ножны свой излишне примечательный нож. Шкипер принялся мощно топтать ногой по дощатой палубе. Первыми из палубного люка выкарабкались сонные охранники, вслед за ними потянулись не менее сонные пассажиры, и вскоре все обитатели баржи сгрудились в кучу на верхней палубе, глаза, как шкипер подводит «Странник» к пристани у арочного моста.

* Ключи святого Петра — эмблема папской власти.

Всадники в церемониальных одеждах остались в седлах, когда важный толстяк, облаченный в великолепную белую мантию, вступил на пристань в сопровождении двух своих ассистентов. Эти двое смахивали на обычных писарей из папской канцелярии, но слухи донесли до ушей Арчибетто совсем иное: в качестве ассистентов высших иерархов Святой Церкви всегда выступают убийцы и шпионы — специально обученные *percontatore*, подсудные одной лишь таинственной Черной Палате... По крайней мере, так говорится в народе.

Арчибетто снова пробрала нервная дрожь, он припомнил, о чем еще народ упорно толкует. По слухам, генерал-инквизитор Торквемада уже при смерти и готов с минуты на минуту отдать концы.* Сам Арчибетто не видел веских причин к тому, чтобы после этой смерти весь мир непременно изменился к лучшему. Он вообще не верил в простодушные радужные ожидания, отчего к нему издавна приклеилось прозвище «Мрачный Густо». Однако в действительности Аугусто Арчибетто не мог служить образцовым примером вечного пессимиста. В хорошие времена он был счастлив, смеялся и шутил, в дурную пору хмурился, брюзжал и бранился. Таким уж неудобным характером одарила его природа, возможно, поэтому Арчибетто все еще не был женат.

Шкипер, блеснув своим мастерством, остановил неуклюжую баржу почти впритык к веревочному ограждению пристани. Наемные арбалетчики напыжились, демонстрируя воинственность, но под пристальными взглядами стражи папского легата трусливо увяли. Матросы перекинули на пристань широкий грузовой трап, и толстяк в белоснежной мантии стал подниматься по нему, тяжело пыхтя и опираясь на свой официальный посох. Взбравшись наконец на палубу, всемогущий эмиссар Папы безошибочно направился прямо к Арчибетто.

— *Eruditus* Аугусто Бенедетто Арчибетто?

Поименованный молча кивнул, не доверяя собственному языку. Шарообразная голова легата ужасно напоминала головку желтого сыра, которую Господь вдруг решил снабдить подобием человеческого лица. Желудок Арчибетто конвульсивно вздрогнул и жалостно заурчал, подозревая, что останется без завтрака.

— Ты арестован, дабы предстать перед судом Ватиканского совета по новым чудесам, — сурово уведомил его легат. — И мы отправимся в Рим немедленно.

— Но... но... — запинаясь, запротестовал свежеиспеченный аре-

* *Томас де Торквемада, Великий инквизитор, скончался в 1498 г. на-шей исторической реальности (НИР).*

стант. — А как же мой груз?! Эти вещи драгоценны! Бесценны! Они предназначены для самого магистра Микельанджело!

Легат улыбнулся легкой безмятежной улыбкой.

— Твой груз отправится вместе с нами и тоже предстанет перед судом. А что до магистра, мы сами в ближайшее время всенепременно навестим его... Можешь не сомневаться.

Упаковки с товарами Арчибетто дополнительно обернули мягким тряпьем, бережно сложили в новенькие крепкие мешки и, предварительно опечатав, аккуратнейшим образом перенесли в грузовой фургон, который тут же бодро покатил по большой дороге, ведущей к осиянному божественным благословением Риму. И к роскошному дворцу Папы в Ватикане, и к неумолимым судьям с суровыми лицами, которые наверняка положат конец успешной коммерческой деятельности Арчибетто и, что вполне вероятно, самой его жизни.

Но покамест арестант проводил время не так плохо, как можно было предположить. Удобно восседая на пухлом тюке, он с аппетитом поглощал козий сыр и апельсины. Один из неприметных ассистентов легата Грациани заботливо снабдил его в дорогу вином и продуктами, о чем Арчибетто сам никогда не осмелился бы попросить. У него оставалось еще достаточно хлеба, сыра и вина, чтобы хватило до самого Рима, который был уже совсем недалеко, если судить по сероватому дымному облаку, висящему над горизонтом.

Сельская местность, где проходила дорога, впечатляла простой, естественной красотой. Местное население трудолюбиво занималось крестьянскими делами под защитой и с благословения Святой Церкви, и никакие мирские фокусы, смахивающие на магию, как *dumpos* и *computos*, не смущали девственно благочестивые умы этих простых людей. Все подобные штучки были пока еще в исключительной компетенции просвещенных наукой вольнодумцев, вроде магистров, самого Арчибетто и других, похожих на него. Новые люди земного мира — теоретики, изобретатели, носители и распространители безграничного прогресса... Если их всех, конечно, не остановит Инквизиция.

Сам по себе Арчибетто не совершил ничего такого, чтобы привлечь пристальное внимание ее всевидящего ока. Дело было вовсе не в Арчибетто, а в ошеломляющих новых технологиях, которые вдруг обильно посыпались, не только из знаменитых мастерских да Винчи, и Реджимунди, и Ремиджио, но из множества других, почти никому не известных. Бурный шторм научных и технологических идей внезапно разразился по всей Италии, однако Святой Престол упорно

воздерживался от любых комментариев по этому поводу. Но, очевидно, теперь положение вещей резко переменялось...

Арчибетто приказал себе не углубляться в неутешительные мысли. Так или иначе, но похоже, что ему в любом случае не удастся выйти сухим из воды. Очень внушительная неустойка за срыв поставок по контракту с магистром Микельанджело — это, конечно, плохо. Но гораздо хуже — хуже во сто крат! — оказать неповиновение Святой Инквизиции. Каждому хорошо известно, как могущественны инквизиторы, сколь нетерпимы они к еретическим заблуждениям, с каким энтузиазмом выслеживают и отлавливают разнообразных врагов Церкви и Веры.

Пятьдесят лет назад случилось первое Новое Чудо. Некий Джотто Панци, ныне знаменитый, совершил открытие, известное теперь как «Принцип динамического хранения». И вскоре вокруг каждого крупного города и богатого дворца выросли обширные хранилища стеклянных коллекторных банок*, из коих извлекали *dynamos*. Потом *dynamos* научились получать путем взаимодействия слабой кислоты с металлами, а чуть позже — при помощи магнитов и вращающих проволочных витков. И насколько Арчибетто было известно, очень много *dynamos* вот-вот начнут извлекать из природной энергии падающей воды и, возможно, даже из морских приливов.

Когда коллекторные банки стали портативными, их соединили в батареи. Вследствие чего вскорости появились самодвижущиеся лодки и первые экспериментальные модели самокатных телег. Андреас Локомелли приступил к конструированию колоссальной специальной машины, которая станет кататься по металлическим рельсам от Рима до Остии и обратно, перевоза в прицепленных к ней крытых фургонах ценные грузы и пассажиров. И вот тогда, чуть менее двенадцати лет назад, был создан самый первый *computos*...

— *Eruditus!* — Водитель фургона, обернувшись, заглянул в переднее смотровое окошко кузова. — Мы, почитай, приехали! Тебе пора переоблечься во что-то получше.

Его лучшее парадное одеяние, чересчур громоздкое для такой прекрасной летней погоды, основательно пропотело изнутри и запылилось снаружи, когда Арчибетто в сопровождении конного эскорта въехал наконец на Святую землю Ватикана. Во внешнем дворе, примыкающем к огромному роскошному палаццо, легата Грациани суетливо встречала толпа ординариев и сервиторов. Неприметные асси-

* *Лейденская банка, накапливающая электрический заряд, изобретена в 1745 г. (НИИ).*

стенты легата тем временем цепко подхватили Арчибетто под руки и повели к небольшой боковой арке дворца, открывающей низкий сводчатый проход.

- Куда вы ведете меня? — спросил он дрожащим голосом.
- Молчи, арестованный. Ты все узнаешь в надлежащее время.
- За что меня арестовали?
- И про это ты тоже узнаешь.

Арчибетто заперли в небольшой комнатке с единственным окном, забранным толстыми металлическими прутьями. Через это окошко был немного виден и хорошо слышен шумный, бурлящий Рим. Однако Вечный город с таким же успехом мог бы располагаться в Персии или Китае, ибо новое обиталище Арчибетто, не лишенное кое-каких признаков скромного комфорта, несомненно представляло собой тюремную камеру.

Из предметов обстановки здесь были хлипкий столик с табуретом, жесткий деревянный топчан, а под ним — ночной горшок. Из предметов тюремной роскоши ему достались оловянный кувшин с водой, такая же кружка, полдюжины свечей и старенькое покрывало из овечьей шерсти. Здешний тюремщик принес ему в деревянной миске простую, но горячую и сытную еду. Он также немногословно уведомил узника, что тому дозволено дважды в день, по утрам и вечерам, посещать туалетную комнату.

Засим Арчибетто на три дня был предоставлен самому себе, если не считать, понятно, неразговорчивого тюремщика. Не имея никаких иных занятий, он погрузился в беспокойные размышления и, будучи Арчибетто, беспокоился с чрезвычайным рвением... Пока к исходу третьего дня с ним не произошло нечто странное.

Внезапно его воспаленный разум затих, и на Арчибетто снизошло глубокое спокойствие. Он ощутил даже что-то вроде оптимизма по поводу своей дальнейшей судьбы. И он совсем перестал думать про Инквизицию, а погрузился в воспоминания о единственной женщине в своей жизни, которую действительно любил. И потерял ее, при том дважды. Сперва она взяла себе другого мужчину, а затем ее взяла смерть.

Эту женщину звали Мария Авоннония. Она была полновластной хозяйкой крупной транспортной компании в Модене, умелой рукой повелевая многочисленными работниками, фургонами и сотнями маленьких, но ужасно упрямых мулов. Арчибетто шутливо называл ее Мулаткой, а Мария именovala его Словесником, ведь тогда он еще сочинял стихи, почитая себя поэтом, а зарабатывал на хлеб в скромной должности писаря.

В их взглядах и вкусах было много общего. Кое в чем они похо-

дили друг на друга как двойняшки, брат и сестра, зато в остальном расходились почти до противоположности. Их роман был пылким и длился довольно долго, но однажды Мария сказала ему, что влюбилась в другого.

Как ни странно, но после этого между ними установилась теплая дружба. Что шокировало приятелей Арчибетто, не говоря уж о новом любовнике Марии, и все кругом считали такое положение вещей совершенно неестественным. Но Словеснику и Мулатке было на это глубоко наплевать. Арчибетто просто игнорировал друзей, если те особенно на него наседали, а Мария управлялась со своим мужчиной точно так же, как с упрямыми мулами: ласково, но железной рукой.

А потом разразилась одна из тех гнилых лихорадок, что время от времени победоносно прокатываются по всему бассейну реки По. И эта хворь унесла его Мулатку, и ее любовника, и почти всех друзей и знакомых Арчибетто, так что он сразу же согласился, когда Портас предложил ему новую перспективную работу, связанную с чудесами *computos*. И новый жизненный путь увел Арчибетто из пораженной лихорадкой печальной Модены, освободил его душу и мысли, подарил ему цель жизни, успех и благосостояние... И довел до тюремной камеры Ватикана в конце концов.

Но Мария никогда не уставала напоминать Арчибетто, что в любой, даже самой тяжелой жизненной ситуации можно и нужно обнаружить положительную сторону. Надо только поискать и найти то, во что ты поверишь, говорила она. И порадоваться хотя бы на единственный миг! Он припомнил и другие простые, но мудрые истины, которые слышал от Марии, и подумал, что Мулатка все же успела преподать хороший урок своему Словеснику.

«Не знаю, что будет, если меня начнут допрашивать под пыткой, — честно признался самому себе Арчибетто. — Но сейчас я пока еще жив и здоров, в здравом уме и твердой памяти. Держу себя в руках, от страха не помираю. Я — это я. И это само по себе замечательно!»

Он закрыл глаза и перед его мысленным взором возникло ее прелестное, чуточку лукавое лицо. Мария Мулатка проказливо улыбнулась ему, и Арчибетто улыбнулся в ответ. А потом поудобней устроился на топчане и заснул глубоким, спокойным сном.

Утром четвертого дня за ним наконец явился инквизитор. Это был не ассистент в грубой шерстяной рясе, а полномочный представитель Карающей Руки в парадном церемониальном облачении. Крайне вежливо он пригласил Арчибетто проследовать за ним в палаты Совета по новым чудесам. С не менее изысканной вежливостью Арчибетто принял это приглашение. Стараясь не расплескать воцарившийся в его

душе покой, он облачился в самое темное и скромное из своих одеяний и отправился на судилище.

Он ничуть не удивился, обнаружив, что в Большом холле его дожидается Портас. Весь груз, конфискованный у Арчибетто, тоже оказался здесь, его распаковали и аккуратно разложили на нескольких простых столах, должно быть, позаимствованных из хозяйственной мебели. Большой холл оказался огромным роскошным залом с изящными арками, которые подпирали стройные колонны, и невероятно высоким сводчатым потолком. Далеко вверху многочисленные круглые окошки проливали яркий утренний свет на колоссальные фрески, живописующие канонические эпизоды Небесного суда в впечатляющих, леденящих душу подробностях. Внизу, под бдительными взглядами стражи и инквизиторов Портас с понурым видом нервно занимался соединением компонентов. Заметив Арчибетто, он оживился и призывно помахал рукой.

— Друг мой, помоги мне привести эту систему в рабочий вид, — сказал он вполголоса, когда Арчибетто подошел. Глаза Портаса опухли и казались воспаленными, по шее стекали струйки пота. — Ты должен все сделать так, словно от этого зависит твоя собственная жизнь... Впрочем, так оно и есть...

Они занялись работой, переговариваясь шепотом. Портас немного успокоился, но потом опять занервничал.

— Кажется, Операриус и его *computos* тоже здесь, — пробормотал он. — Сдают свой экзамен где-нибудь по соседству.

— Уж конечно, *praefectus*, не ради обычного сравнения аналогичных продуктов?

— Тс-с-с! — взволнованно прошипел Портас. — Полагаю, что они решают вопрос о душеспасительности либо душегубительности *dynamos*.

Слухи и пересуды по поводу того, имеет ли Ватикан *dynamos* и динамические устройства или же не имеет, бесплодно гуляли по Италии годами. Бесконечные ученые дискуссии касательно природы новых чудесных изобретений и технологий не принесли ничего конкретного или утешительного. Святой Престол словно в рот воды набрал, не было ни устных заявлений высших иерархов Церкви, ни папского декрета по этому поводу. Многие полагали, что магическими штучками должна заняться Инквизиция, но и она предпочитала сохранять загадочное молчание, по обыкновению, с пылом преследуя еретиков, евреев, язычников и неверующих.

— Вероятно, мы здесь для того, чтобы на практике решить этот вопрос? Ценою наших жизней и знаний? — мрачно предположил Арчибетто. — Но я надеюсь, что Господь все-таки даст нам ответ...

Он зажмурился на секунду, пытаясь мысленно нарисовать светлый образ Господа, но вместо этого ему улыбнулась Мария Мулатка. Казалось, она говорит Арчибетто: «Нет, дорогой мой, ты должен решить это сам!».

Когда они с Портасом полностью завершили сборку и обернули металлические соединения не пропускающей *dynamos* липучей лентой, к ним приблизился вежливый инквизитор, волоча за собой толстый кабель. С насмешливой улыбкой он вручил этот кабель Портасу и, не сказав ни единого слова, удалился.

— Мм-да, — раздраженно промычал Портас. — Выходит, что они получают откуда-то динамическую энергию... Ты замкнул главную цепь?

— Конечно, *signor*.

— Что ж... ладно.

Портас подсоединил ватиканский кабель к приемным контактам для вливания энергии и с удовлетворением пробурчал:

— По крайней мере, ничего не взорвалось...

— Можно впустить *dynamos*? — деловито спросил Арчибетто.

— Нет, — категорически отрезал Портас. — Не стоит, пока судьи не дадут нам своего дозволения.

Потом он кротко опустил глаза, молитвенно сложил ладони и мягким голосом произнес:

— Пресвятая дева Мария, владычица наша, смилуйся над нами и благослови! Обеспечь нам свободный доступ, избави нас от перебоев с *dynamos*...

— И не допусти в нашу систему диавола! — подхватил Арчибетто с энтузиазмом.

— Да будет так, Густо, — заключил Портас, важно кивая. — *Amen*.

Потом они долго ждали, когда появятся судьи, назначенные Советом по новым чудесам. А может быть, когда запоят трубы и забьют барабаны, призывая грешников предстать перед Небесным судом с его бесконечной мудростью, или страшным гневом, или всепрошающим милосердием.

— Надеюсь, магистр Микельанджело не слишком взбесился, — пробормотал Арчибетто, в десятый раз проверяя, не отвалился ли случайно кабель или другие провода. — Магистр ожидал меня сегодня. Он как раз затеял новый проект, и ему срочно нужны рабочие станции для его подмастерьев.

— Ну и что мы теперь можем сделать? — сварливо буркнул Портас. — Сказать самому Папе «ах нет, извините»? Микель, разумеется, станет рычать и разорваться... Но я подарю ему в качестве компен-

сации первую копию FENESTRUM VI, и он будет безмерно счастлив.

— Что, шестая версия уже готова?

— Не вполне. Кое-где в подсистемах еще сидят довольно мерзкие отродья дьявола, но Донато клятвенно пообещал мне, что экзорцирует всех до единого.

— Да уж, Нато мастеровит в отлове чертенят, — кивнул Арчибетто с понимающим видом. — Если кто и сумеет отчистить FENESTRUM VI до полного блеска, так это он...

Они еще немного потолковали на эту тему. Пока внезапно не обнаружили, что стража и инквизиторы, коим следовало неусыпно приглядывать за ними, незаметно улетучились из Большого холла! Да-да, в огромном зале не осталось ровно никого, кроме двух ошеломленных арестантов.

«Господи Боже мой! — мысленно простонал Арчибетто. — И что же теперь воспоследует?! Стрелы? Львы? Ассасины?»

— Замри!.. — вдруг прошипел Портас, указывая глазами на дальний затененный конец зала. И Арчибетто узрел маленького человечка в простой белой рясе и с тросточкой в руке, который неторопливо ковлял в их сторону. Сперва Арчибетто решил, что это слепой, но потом заметил: он опирается на трость, оберегая больную ногу.

Портас и Арчибетто с тревогой уставились на незнакомца во все глаза. Тот был немолод, по сути уже старик. Приблизившись, он взглянул прямо на арестантов и улыбнулся. Настал ужасный момент замешательства, перешедшего в паническое смятение, когда загадочный человечек благосклонно протянул хрупкую руку ладонью вниз. Никто из них двоих не узнал Александра VI*, который не любил выезжать из Ватикана, но этот перстень смог бы опознать любой.

Опомнившись после нескольких секунд глубокого шока, они оба дружно рухнули на колени и по очереди пылко облобызали Папский перстень, рассыпаясь перед его владельцем в нижайших apologias.

— Встаньте, встаньте! — Александр досадливо поморщился. — Прошу вас... — Он машинально вытер обцелованную руку с перстнем о белоснежную рясу и вдруг хихикнул. — О Господи, какой только слюны не перебивало на этой руке, даже самой знаменитой! Крайне негигиеничная и неприятная традиция... Хорошо, что я могу говорить откровенно; вы — торговцы, никто вам все равно не поверит. Кстати, вы, должно быть, не знаете, что они намеревались допросить вас

* Родриго де Борджиа (1431—1503), был избран Папой в 1492 г. (НИР). Его понтификат ознаменовался жесткой борьбой семейства Борджиа за власть над всей Италией.

en самегга по всем канонам Экклезиаста? А после завершения такой процедуры они невероятно долго спорят, покуда самые терпимые из них наконец не утомятся до того, что покинут это bestолковое заседание. И остаются одни инквизиторы, а вы прекрасно знаете, чем это обыкновенно кончается... auto-de-fe.

Портас и Арчибетто, остолбенеv и разинув рты, жадно внимали откровениям, столь непринужденно изливающимся из уст Помазанника Божия. Но Папа вдруг остановился, взглянул на computos и сказал:

— Итак! Расскажите мне об этом странном чуде.

Портас захлопнул рот. Помешкал пару секунд и начал:

— Пятьдесят лет назад, после того как знаменитый Джотто Панци преуспел в своих стараниях накопить динамическую энергию в изолированном резервуаре с целью долговременного хранения, многие из лучших умов всей Италии...

Александр нетерпеливо поднял руку, и Портас замолк.

— Друг мой, — мягко сказал Папа, — я весьма недурно знаю историю. И мне известны все мнения о новейших чудесах, как с мирской, так и со спиритуальной точки зрения. Я также хорошо понимаю, что вас мучит неумное любопытство, поэтому... Да, мы провели на нашей Святой земле как dynamos, так и telephonos, уж поверьте слову Папы.

Глубокий шок вторично поразил Арчибетто. Он слышал не раз, конечно, досужие сплетни о говорящих машинах, которые общаются через медные провода... Но никогда не верил этим слухам.

— Сам магистр Портобелло теперь поселился в Ватикане, — поведал Папа. — Мы предоставили ему апартаменты и мастерскую, где он успешно совершенствует свои telephonos. Но все-таки его чудо устроено очень просто, по сравнению с этим computos. И я должен сказать, что ваши странные чудеса, как и все computos Операриуса, вызывают серьезную озабоченность у Святой Церкви. Мы ничего не знаем ни о природе ваших систем, ни о направлении и цели их развития. Все ваши люди, рассуждая о computos, используют ангельские и демонические термины, что чрезвычайно смущает. Нас смущают также сверхъестественные способности computos к калькуляции и, паче того, к анализу информации такими способами, кои неведомы Святому Престолу. Все эти аспекты крайне подозрительны, возможно, в них заключается ересь и даже сатанизм.

— Ваше Святейшество, — сказал Портас на удивление твердо и спокойно. — Мы всегда готовы принять в любой и каждой из наших мастерских официального представителя Святого Престола. Мы покажем, расскажем и объясним все, что тот пожелает узнать о наших действующих системах и перспективных проектах. Но мы решитель-

но против того, чтобы открыть все наши секреты для конкурентов и широкой публики. Каждая фирма хочет сохранить в тайне свои преимущества, иначе она не сможет успешно развиваться. Что касается сомнительных терминов... Это всего лишь удобные в обиходе метафоры, Ваше Святейшество. Гораздо проще и быстрее произнести, к примеру, «черт», чем фразу «Неизвестная ошибка, связанная с неопределенными системными параметрами».

Александр задумчиво кивнул:

— Продолжай.

— Да, Ваше Святейшество. Я должен подчеркнуть, что мы никоим образом не претендуем на исчерпывающее истолкование природы наших систем. Ни в философском, ни в теологическом аспекте. Мы просто делаем машины, и у нас это очень хорошо получается. Такие способности и умения нам дарованы Божьей милостью. А значит, мы просто обязаны использовать их для прогресса науки и техники к вящей славе Господней...

«Интересно, сколько раз Портас репетировал эту речь?» — размышлял Арчибетто, с интересом наблюдая за реакцией Папы. Его Святейшество слушал, кивал, хмурился, поджимал губы, но под конец широко улыбнулся.

— Прекрасно сказано, signor Портас... Я услышал как раз то, что ожидал.

Тень паники прмелькнула на побледневшем лице оратора, но Александр снова улыбнулся ему.

— В конце концов, я Помазанник Божий, — заметил он, — и кое-кто полагает, что вдобавок я еще и вполне разумен. Вы должны позволить мне выслушать все аргументы, signor Портас — и ваши, и Инквизиции, — а окончательное решение... Понятно, оно всегда остается за мной.

Затем Александр повернулся к Арчибетто и неторопливо окинул его пронизательным взглядом.

— А это, значит, тот самый человек, который убеждает других приобрести ваше чудо? *Suadeo*?*

Арчибетто со смиренным достоинством поклонился.

— Ваше Святейшество, я путешествующий торговый агент. Я не разрабатываю новые системы и не конструирую *computos*. Но мой статус требует досконального знания о том, как работают наши машины и как следует ими управлять.

— Отлично, молодой человек, — с улыбкой молвил Александр. — Тогда продай мне ваш *computos Fenestrum*!

* *Мастер уговаривать (итал.).*

Бросив мгновенный взгляд на Портаса, Арчибетто повернул *clavis**, открывающий главную цепь, и в нее полилось *dynamos*. К счастью, машина не выказала ни малейшей неуверенности, даром что все ее компоненты протряслись по доброй половине дорог Италии. Затем Арчибетто продемонстрировал Папе клавиатуру с клавишами из слоновой кости, установленными на серебряных *tumpani***, показал, как менять регистры и шрифты, как печатать буквенный текст, числа и символы. После первого урока Папа Александр под его руководством старательно настучал одним пальцем собственное имя и пришел в восторг, узрев, как оно высветилось на *speculum dynamic*.

— Сейчас мы используем нити Вольфрамио, они способны показывать только свет и темноту... Черно-белая гамма, — пояснил Арчибетто. — Но через несколько месяцев, я уверен, мы сумеем получить разноцветные картинки.

— Не может быть!.. — восхитился Папа. — И сколько же будет цветов?

— Ну... — Арчибетто замялся. Вопрос был скользкий, ибо Святая Церковь признавала исключительно семь цветов Божьей радуги. — Все, разумеется, Ваше Святейшество... какие только подарил нам в своей милости Бог.

— Изумительно. Господь был щедр в своем вдохновении.

Арчибетто послушно кивнул, испытывая смешанные чувства унижения и гордости. Он показал, как следует сохранять файлы, объединять и защищать. Как производить простые математические действия и более сложные расчеты. Как перевести неактуальную информацию на специальные диски для хранения, изготовленные из прессованных волокон и слюды.

— А можно ли будет использовать *computos* для составления документов? — заинтересовался Александр.

— Для самых простых — хоть сейчас, однако со сложными придется немного подождать. У Леонардо отыскался подходящий для нас талантливый подмастерье, мы обучаем его элементам графического дизайна... Или, скорее, теперь он обучает нас.

— И он рисует эти штуки прямо на *computos*?

— Si, Ваше Святейшество. Позвольте мне показать нашу новую графическую программу?

Сервиторы принесли скромную еду и вино. И Портас слегка перекусил, одобрительно наблюдая за бравурным представлением Арчибетто. Когда громадный, громко клацающий *autoscriptor* ожил и принялся за работу, усталый *eruditus* присоединился к Папе и Портасу, которые

* *Ключ (лат.).*

** *Здесь: рычажки (итал.).*

потихоньку прихлебывали из кубков. Наконец огромная машина извергла из себя бумажный лист in quarto, покрытый строчками четких печатных букв: официальное послание Святого Престола, адресованное Султану Оттоманскому. Арчибетто и Портас давно подготовили подобные сюрпризы для эффектного показа своей продукции, просто на всякий случай. Александр взял бумагу в руки и критически изучил текст.

— Мы каждодневно совершенствуем качество наших систем, Ваше Святейшество, — вкрадчиво заметил Портас.

— Как скоро будет цвет? — В глазах Александра без труда читалось нетерпеливое предвкушение.

— Через три месяца, — мгновенно отрапортовал Портас. — Но для широкой публики через год.

— Почему такая задержка? — недовольно спросил Папа.

— Ваше Святейшество, — не задумываясь, ответил Арчибетто, — наши эксперты сначала должны отловить все дьявольские...

Он тут же прикусил язык, но Александр сурово нахмурил брови, и повисло тягостное гробовое молчание.

— Возможно, — наконец произнес Папа, — будет гораздо лучше использовать менее скандальную терминологию? Без религиозной окраски? Думаю, вы найдете новые метафоры... да хотя бы в мире насекомых. Почему бы не рассуждать, например, о ловле блох?

— Замечательная идея, Ваше Святейшество! — с искренним чувством откликнулся Арчибетто.

— Так подумай о ней, — ухмыльнулся Александр и, выказав намерение подразмять ноги, взял Арчибетто под руку.

— Сын мой, — сказал Папа, когда они вместе доковыляли до середины зала. — Ты превосходно справился, и твои усилия втуне не пропадут, обещаю. Ваш computos Fenestrum произвел на меня самое благоприятное впечатление. И я могу предсказать, что тебя ожидает славная судьба, и никто больше не назовет тебя Мрачным Густо.

Арчибетто третий раз впал в глубокий шок, вытаращив глаза на самую могущественную личность в христианском мире, которая только что непринужденно назвала его полудетским прозвищем. Александр высоко поднял брови и хмыкнул:

— Сын мой, неужели тебе неизвестно, что мои секретные службы на редкость эффективны? Между прочим, все они получают большую пользу от ваших талантов и умений. А также Инквизиция. Плохо для еретиков — хорошо для нас! И кстати, тебе не стоит так волноваться из-за контракта с магистром Микельанджело. Мы оценили его выдающийся гений по достоинству, и он согласился поработать на нас. Так что мы позаботимся о том, чтобы магистр был полностью обеспечен вашими computos...

Папа ненадолго задумался, и лицо его опечалилось.

— Я также проверял *computos Malum Opera*, — сказал он наконец, — и переговорил с Операриусом. Должен признать, что в графике они на нынешний момент сильнее, но во всем остальном... Им явно не хватает гибкости и воображения, а это очень крупный недостаток. Практически роковой, с политической точки зрения. Сын мой, запомни... Ты никоим образом не должен винить себя за то, что может произойти.

— Э-э-э... Ваше Святейшество?

— Я ведь уже говорил, что прочитал все ваши технические абстракты. Включая даже те, которые не предназначались для посторонних глаз. Лучше продуктов *Fenestrum* нет ничего, я не просто верю, а точно знаю это. Хорошо для вас — плохо для них!

Арчибетто никогда не забудет этих слов...

Их с Портасом отпустили через два дня после той беседы с Папой и разрешили вернуться в Парму, к своим мастерским. Они вернулись отнюдь не с пустыми руками, а с заказом Ватикана на все машины, какие фирма *Fenestrum* сможет произвести за ближайшие пять лет. Так что они немедленно принялись укреплять свою рабочую силу, набирая самых лучших специалистов. Многие из новых техников до того работали на фирме *Malum Opera*, и потребовалось особое разрешение Папы Александра VI, чтобы их выпустили из тюрьмы.

Поскольку, если перед *Fenestrum* развернулись золотые перспективы, судьба *Malum Opera* оказалась краткой и печальной. Сам Операриус, Зукка и большинство их ответственных работников были арестованы Инквизицией, по всем правилам допрошены *en camera* и отправлены на костер. Ведь Папа Александр VI своим декретом объявил, что труды Портаса и всех его помощников благословил сам Господь. А это, в свою очередь, означало, что Операриус и все его прихвостни старались непосредственно для дьявола.

Именно так они и видят все окружающее, понял Арчибетто. Таков их образ мыслей. Для каждого Добра непременно должно отыскаться соответствующее Зло. Все на свете или белое, или черное. Черно-белая картинка.

Но мы сможем изменить все это, подумал он, если добавим к картинке ЦВЕТ. Очень много разного цвета. Гораздо больше, чем в Божьей радуге.

Перевела с английского
Людмила ЩЁКОТОВА

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА

Если говорить о научно-технической идее рассказа, она состоит в том, что в альтернативной реальности (АР) с момента изобретения аналога лейденской банки до персонального компьютера, аналогичного нашим примерно середине 1990-х годов НИР, прошло всего-навсего пятьдесят лет.

На самом деле все произошло так.

Лейденская банка появилась на свет в 1745-м, стало быть, к 1995-му с того момента прошло двести пятьдесят лет. То есть ушла альтернативная Италия впятеро обставила ВСЕ реальное человечество по темпам развития науки и техники! Ну, правда, они там раньше начали. Если действие рассказа развивается в 1498-м АР (считая, что тамошний Торквемада умер в том же самом году, что и в НИР), то первая collector bank, накапливающая дунамос, датируется 1448-м АР. То есть тамошние итальянцы подступились к электричеству, грубо говоря, на триста лет раньше... Могло ли такое хотя бы в принципе произойти и у нас?

Но в принципе: почему бы и нет? В конце концов, есть же мнение, что телескоп Галилея запоздал минимум на два столетия. То есть, с технической точки зрения, ничто не мешало кому-то сотворить его гораздо раньше. Просто у человечества еще не появилась настоящая потребность глядеть на небеса, например, в целях

дальней морской навигации. Но если бы нашелся какой-то упертый энтузиаст просто так любоваться на звезды, и притом с умением шлифовать стеклянные линзы — кто знает? Эта лейденская банка, в сущности, очень несложное устройство. Ее можно было соорудить в любой момент с тех пор, как у человечества появилось выдувное стекло и металлическая фольга, не хватало только энтузиаста.

Правда, дальше все гораздо сложнее.

Дорога к персональному компьютеру проходит через освоение электричества. Его надо было досконально понять, научиться с ним обращаться, запрячь в работу. Получать в промышленных количествах, передавать по проводам и так далее. Словом, без электричества о компьютерах нечего и мечтать, по крайней мере, в цивилизациях земного типа.

Судя по всему, альтернативные итальянцы проскочили стадию огромных ламповых ЭВМ и сразу сделали ПК. Но тогда откуда же взялись продукты прецизионного про-

мышленного производства — полупроводниковые компоненты? Нет, это я спрашиваю, разумеется, не всерьез. Просто мне захотелось понять, а что же надо было предвзвешенно сотворить человечеству в НИР, чтобы в итоге получить нашу привычную персоналку? И тогда я села за свой собственный ПК и трудолюбиво составила прилагаемый ниже список, который, признаться, глубоко меня впечатлил.

В общем, все оказалось безумно увязано и укручено. Теперь вопрос стоял уже так: а могли ли мы в НИР добраться до искомого результата, то бишь персоналки, быстрее? На мой дилетантский взгляд, не исключено, что да.

Обратите внимание на два заметных провала в хронологии победных достижений науки и техники НИР, причем оба они, что знаменательно, связаны именно с компьютерами. Во-первых, в разделе ПРОГРАММИРОВАНИЕ поражает странное отсутствие интереса (до определенной поры) к конкретной разновидности изощренной умственной гимнастики... И это у того самого человечества, которое не раз с восторгом бросало свои мозговые ресурсы на головоломные пустяки?

Во-вторых, в разделе ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА. Уж не знаю почему, но создается полное впечатление, что наши предки отнюдь не горели желанием механизировать свои арифметические

расчеты. Хотя такие возможности у них, безусловно, были, зато не было интереса. Только в XIX веке дело сдвинулось с места... И знаете что? У человечества действительно был великолепный шанс!

Он заключался в человеке по имени Чарлз Бэббидж, к которому лично я питаю самые теплые чувства. Ей-богу, он был настоящий гений и бился за свою аналитическую машину до конца. До конца своих дней то есть. Бэббидж совершил единственную техническую ошибку: не оценил потенциальные возможности электромеханического реле, которое уже три года существовало в реальности, тогда как он разработал проект чисто механического компьютера. А что было бы, если вдруг?..

Ну что ж, тогда первая в мире электронно-вычислительная машина смешанного типа, притом с программным управлением, могла появиться раньше лет на 80. И построил бы ее не немецкий инженер Конрад Цузе, а английский ученый Чарлз Бэббидж. Могло так случиться? Конечно, могло. Однако НИР на развилке свернула на другую дорожку.

В общем, я полагаю, мы могли бы сэкономить лет 100—150. Возможно, и больше, хотя сомнительно. Впятеро быстрее? Практически исключено.

Впрочем, к автору никаких претензий. В конце концов, его рассказ совсем не про это.

P.S. Кстати, заодно выяснилось, что международное словечко *firma* исконно итальянского происхождения. Не знала!

P.P.S. Кто догадался, почему начальник Арчибетто — Портас?

* * *

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

- 1745 — первый в мире конденсатор: лейденская банка;
- 1786 — Гальвани открывает электрический ток;
- 1800 — электрическая батарея Вольта;
- 1820 — Арго изобретает электромагнит;
- 1831 — Фарадей открывает электромагнитную индукцию;
- 1852 — первый в мире трансформатор: индукционная катушка Румкорфа;
- 1859 — электрический аккумулятор Планте;
- 1865 — сухой гальванический элемент Лекланше;
- 1882 — патентованный трансформатор Голяра и Гиббса;
- 1888 — Феррари и Тесла открывают эффект вращающегося магнитного поля;
- 1889 — трехфазный трансформатор Доливо–Добровольского;
- 1910 — усовершенствованный щелочной аккумулятор Эдисона.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ЛАМПА

- 1820 — первая лампа накаливания, Деларю;
- 1873 — лампа накаливания с угольной нитью и откачкой воздуха из баллона, Лодыгин;
- 1876 — электродуговая лампа с угольными электродами: свеча Яблочкова;
- 1879 — лампа накаливания с откачкой и хлопковой нитью специальной обработки, Эдисон;
- 1890 — Лодыгин предложил идею электролампы современного типа с нитью из тугоплавкого вольфрама.

ЭЛЕКТРОГЕНЕРАТОР

- 1831 — экспериментальный генератор Фарадея;
- 1832 — первая магнитоэлектрическая машина, Пиксиа;
- 1856 — серийный выпуск больших динамо–машин с постоянными магнитами (Франция);
- 1866 — генератор Вильде с электромагнитами;
- 1867 — динамо–машина с самовозбуждением, Ледд;

- 1870 — генератор переменного тока, Грамм;
1888 — двухфазный электрогенератор, Тесла.

ЭЛЕКТРОДВИГАТЕЛЬ

1834 — электромотор постоянного тока, питающийся от батареи, Якоби;

1841 — синхронный двигатель переменного тока, Уитстон;

1888 — первый двухфазный электродвигатель, Тесла;

1889 — трехфазный асинхронный электродвигатель Доливо-Добровольского: безотказность и высокий КПД. Начинается быстрая повсеместная электрификация промышленности и внедрение электродвигателей во все сферы производства.

ДИСТАНЦИОННАЯ ПЕРЕДАЧА ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

1882 — первая городская электростанция, сооруженная в Нью-Йорке под руководством Эдисона; первая линия электропередачи постоянного тока протяженностью 57 км (Германия);

1884 — передача переменного тока на расстояние 40 км (Туринская выставка, Италия);

1891 — первая промышленная линия электропередачи, от гидростанции в Лауфене до Франкфурта (Германия).

ТЕЛЕФОН

1837 — первые опыты Пейджа;

1860 — телефон Рейса, передающий звуки;

1876 — телефон Белла, передающий речь. В августе того же года на практике использовалось уже около 800 телефонных аппаратов;

1877 — первая в мире центральная телефонная станция, Нью-Хейвен (США).

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА

1642 — первая в истории механическая вычислительная машина Паскаля;

1694 — механический арифмометр Лейбница;

1822 — действующая модель разностной машины Бэббиджа, предназначенной для составления таблиц;

1831 — первое электромеханическое реле;

1834 — Бэббидж выдвигает проект аналитической машины — механического прообраза программируемой ЭВМ (умер в 1871-м, не успев достроить свое изобретение, очень сложное и дорогостоящее);

1884 — патент Голлерита на идею счетно–перфорационного комплекса;

1887 — электромеханический табулятор Голлерита для сортировки перфокарт;

1911 — фирма Голлерита преобразуется в корпорацию IBM;

1938 — Z1: первая в истории электронно–вычислительная машина смешанного типа, созданная Конрадом Цузе на телефонных реле при механическом записывающем устройстве;

1941 — Z3: первая в мире действующая вычислительная машина Цузе с программным управлением и двоичной системой (все машины Цузе погибли во время войны).

ЭЛЕКТРОННЫЕ ЛАМПЫ

1904 — двухэлектродная лампа–диод Флеминга;

1907 — трехэлектродная лампа–триод Де Фореста;

1910 — усовершенствованный триод Либена;

1915 — вакуумные лампы глубокой откачки.

ЭЛЕКТРОННО–ЛУЧЕВАЯ ТРУБКА

1856 — газоразрядная лампа Гейслера;

1879 — катодно–лучевая трубка Крукса, открытие люминофоров;

1895 — электронно–лучевая трубка с вертикальным отклонением луча;

1902 — электронно–лучевая трубка с вертикальным и горизонтальным отклонением луча;

1905 — электронно–лучевая трубка с регулируемой интенсивностью электронного пучка;

1905 — электронно–лучевая трубка с растровой разверткой;

1929 — кинескоп Зворыкина;

1953 — система цветного изображения.

КЛАВИАТУРА, ПЕЧАТАЮЩЕЕ УСТРОЙСТВО

1822 — впервые буквенно–символьная клавиатура появилась в наборной машине Черча;

1855 — буквопечатающий телеграфный аппарат Юза.

ПРОГРАММИРОВАНИЕ

1703 — трактат Лейбница о двоичной системе счисления;

1804 — ткацкий станок Жарккара с программным управлением посредством перфокарт;

1843 — Ада Лавлейс, дочь лорда Байрона, пишет первую в истории программу для вычислительной машины;

1948 — первая ЭВМ с хранимой программой, Килбурн и Вильямс.

ЭЛЕКТРОННО–ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ МАШИНЫ

1944 — релейная машина Говадра Айкена Mark–1 смешанного типа, собранная из стандартных частей табуляторов производства IBM;

1946 — ЭВМ ENIAC на электронных лампах, Эккерт и Маучли;

1951 — советская ЭВМ МЭСМ, Лебедев; память на магнитных сердечниках, Форрестер;

1952 — фирма IBM выпускает первую промышленную машину IBM 701;

1958 — первые ЭВМ второго поколения на транзисторах;

1961 — первая экспериментальная ЭВМ третьего поколения;

1964 — фирма IBM начинает выпуск ЭВМ на интегральных микросхемах: IBM 360;

1976 — первые машины четвертого поколения на больших интегральных схемах.

ЭЛЕКТРОННЫЕ КОМПОНЕНТЫ

1907 — Беддекер открывает резкое увеличение проводимости полупроводников при наличии примесей;

1940 — точечный германиевый диод;

1948 — транзистор Шокли, Бардина и Браттейна;

1952 — первые примесные германиевые транзисторы;

1958 — первая интегральная полупроводниковая схема Килби;

1961 — первые серийные микросхемы для ЭВМ;

1962 — интегральные микросхемы матриц памяти для ЭВМ;

1971 — первый микропроцессор фирмы Intel: единая интегральная схема для арифметических и логических операций.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ КОМПЬЮТЕР

1974 — операционная система CP/M, положившая начало созданию операционных систем для 8–разрядных ПК (Digital Research);

1976 — первый персональный компьютер Apple Джобса и Возняка;

1979 — микропроцессор i8088 для ПК (Intel);

1981 — первый персональный компьютер IBM PC на базе микропроцессора i8088;

1983 — персональный компьютер IBM PC/XT.

Людмила ЩЁКОТОВА

В А С И Л И Й Г О Л О В А Ч Ё В

ВТОРАЯ

© BIGANT COMICS

Иллюстрация Алексея МАЛАНОВА

СТОРОНА МЕДАЛИ

Камчатка. 21 июля

Камчатский полигон Кроноцкий для испытаний геофизического оружия был создан еще в середине девяностых годов прошлого века. Проводились ли испытания и закончились ли успешно, знали только те, кто их планировал и проводил. Но в июле этого года на полигоне появились другие военные специалисты, разрабатывающие так называемое вакуумное оружие; среди его конструкторов оно получило несерьезное название «дыробой».

Испытания «дыробоя» состоялись двадцать первого июля в двенадцать часов дня. Были предприняты беспрецедентные меры безопасности, секретность мероприятия обеспечивал специальный батальон охраны Министерства обороны, и о настоящем положении дел знали лишь несколько человек, ответственных за разработку новейших систем оружия страны. Персонал же полигона считал, что на Камчатку прибыли геофизики для проведения очередных «стрельб»: все превратилось в рутинную проверку техники измерений, вошло в норму и никого особенно не волновало.

Между тем на полигон прилетели не только министр обороны и начальник научно-технического управления ФСБ, но и физики, чьи идеи легли в основу разработки «дыробоя». Среди них был и «отец» вакуумной энергетики Вадим Леонтьев, а также конструктор «дыробоя» — официально изделие именовалось «поляризатором вакуумных осцилляций» — Роман Злотниченко, совсем молодой, тридцати четырех лет, но уже доктор технических наук и лауреат многих премий.

Полигон Кроноцкий расположен в западной части Камчатки, на берегу красивого и чистого Кроноцкого озера. Озеро полукольцом окружают шестнадцать вулканов, сидящих на высоких платообразных фундаментах — долах. Высота долов достигает тысячи четырехсот метров, а самый высокий здешний вулкан — Кроноцкая сопка — поднимается вверх на три с половиной километра.

Из всех этих вулканов лишь пять считаются действующими, хотя выбрасывают в воздух только пар и газы. Однако в последние годы начали просыпаться и остальные, давно потухшие, да и землетрясения в этом районе стали происходить чаще, что, естественно, было связано с испытаниями геофизического оружия, генерирующего направленные пучки электромагнитных и спин-торсионных полей.

Группа ученых-физиков и конструкторов «дыробоя» расположилась там же, где базировался и Центр управления полигоном, охраняемый спецподразделениями Министерства обороны. На берегу озера

наскоро соорудили домики для проживания делегации, а к подземному бункеру Центра управления гости доставлялись небольшим электропоездом, нырявшим в туннель на противоположном берегу. Сам «дырбой» был установлен на склоне сопки Медвежья, представлявшей собой голый каменный бугор, испещренный рытвинами и трещинами. Когда-то в древности сопка тоже была вулканом, но выбросила столько серного ангидрида, что ни деревья, ни кустарники, ни травы здесь не росли. Лишь подножие сопки окружало кольцо кедрового стланика и вереска.

В двенадцать часов дня начальник полигона генерал Уткин доложил министру обороны, что все готово к испытаниям, и тот кивнул: — Начинайте.

Московские гости расположились в центре зала управления, перед большим плоским телеэкраном, показывающим склон сопки и бронетранспортер, на борту которого высилась установка вакуумного поляризатора, похожая на лазерный излучатель и на старинную пушку одновременно. Ее ствол располагался под углом к основанию сопки. Во избежание неприятных сюрпризов решено было «просверлить вакуум», а заодно и горные породы под сопкой на глубину километра и по направлению к ядру Земли, хотя и не строго по радиусу к нему.

В зале прозвучал гудок.

Все разговоры стихли. Ученые замерли, впившись глазами в экран. Раздался равномерный стук метронома. На десятой секунде руководитель испытаний коротко сказал: «Пуск!» — и нажал красную кнопку включения «дырбоя».

Дуло «пушки», обмотанное стеклянной спиралью, покрылось слоем неярких в свете дня искр и плюнуло сгустком прозрачного лилового огня. Раздался странный скрежещущий вопль, от которого у всех присутствующих в зале управления, упрятанного в недрах скал на глубине двадцати метров, завибрировали кости черепа. Люди схватились за уши. Министр обороны выругался. Что-то быстро проговорил Леонтьев, обращаясь непосредственно к конструктору «дырбоя». Речь шла о каких-то «нелинейных деформациях вакуумного поля».

— Предсказанное нарушение конфайнмента, — коротко ответил физику Злотниченко.

Сгусток пламени вонзился в склон сопки, вспухло и расплылось струйками сизое дымное кольцо.

«Пушка» погасла.

— Эксперимент закончен, — лаконично доложил министру руководитель испытаний.

Все разом задвигались, заговорили, перебивая друг друга.

— Я думал, эта штука эффективней сработает, — проворчал министр.

— Наоборот, слишком много шума, — возразил ученый. — В канале разряда возникает лавинообразный процесс распада квантонов пространства на монополи, которые, в свою очередь, разрушают кварки. Процесс этот не должен сопровождаться значительными звуковыми и световыми эффектами.

— Что же мы тогда слышали? Не глюк же, в самом деле.

— Глюком мы называем распад кварков и глюонов на кванты энергии. Проанализируем его параметры и выясним причины звукового удара.

— А посмотреть на ваш «дырбой» поближе можно?

Леонтьев повернулся к коллеге.

— Радиация?

— Практически в норме.

— Пойдемте, обследуем место удара.

Через полчаса присутствующие на эксперименте в сопровождении начальника полигона взобрались на складку дола и подошли к броне-транспорттеру с установкой вакуумного поляризатора.

— Ну и где результат? — хмыкнул министр.

— Вот, — показал рукой один из специалистов в камуфляже, бывший к установке раньше.

В каменном бугре напротив БТР зияло круглое отверстие диаметром с кулак, окруженное сеточкой трещин.

— И это все?

— Так точно! — вытянулся руководитель испытаний.

— Я думал... — министр пошевелил пальцами, — здесь будет нечто вроде кратера...

— Мощность импульса невелика... — начал оправдываться Злотниченко.

— Главное, что поляризатор работает, — перебил его Леонтьев. — По всей длине канала произошел кварк-глюонный распад материи, чего мы и добивались.

— А в броне ваш «дырбой» способен пробить отверстие?

— Разумеется.

— И на каком расстоянии мы сможем уничтожить бронетехнику противника?

— Теоретически на любом, но в данном случае импульс был рассчитан на километровую глубину затухания. Сейчас проверим и выясним.

— Что ж, неплохо. Продолжайте работу. — Министр бросил взгляд на несolidную дырку в каменном бугре и направился к подножию сопки, где его и свиту ждал вездеход.

Злотниченко и Леонтьев задержались возле группы испытателей, облепивших бронетранспортер.

— Миша, какова глубина канала? — поинтересовался конструктор «дырбоя».

— Измеряем, — отозвался руководитель эксперимента. — Нет эха... но, должно быть, не меньше километра, без сомнений.

Он ошибался.

Длина канала была гораздо больше, хотя никто из специалистов этого еще не знал.

Москва. 22 июля

Савву Бекетова разбудил звонок.

«Какого черта?! — ругнулся он мысленно, дотягиваясь до трубки телефона. — Я же в отпуске...»

— Слушаю, Бекетов.

— Майор, срочно в управление! — раздался в трубке глуховатый голос полковника Старшина. — В десять должен быть у меня как штык.

— У меня билет на самолет... — заикнулся Бекетов, надеясь, что замначальника управления пожалеет сотрудника и даст отбой. — В Сочи лечу... а что случилось, Иван Поликарпович?

— Убиты военспецы, занимавшиеся разработкой импульсного оружия, покушались на министра обороны, он жив, но в реанимации... короче, живо в контору! Будем работать.

— Слушаюсь, товарищ полковник!

Положил трубку, попрощался с мечтой об отдыхе на море.

— Вот гадство! Надо было вчера улететь...

Через полчаса он уже ехал по Москве в Управление военной контрразведки, где работал следователем по особо важным делам.

Полковник Старшинин, за глаза называемый подчиненными Старшиной, худой, костистый, длиннолицый, с полуседыми волосами ежиком, ждал его в своем кабинете. Кроме хозяина в кабинете сидел маленький неприметный человечек в бежевом летнем костюме, с лицом мелкого клерка. Но стоило заглянуть ему в глаза, умные, рассеянно-ждушие, как бы проваливающиеся в себя, и становилось ясно: этот человек далеко не так прост, как кажется.

— Знакомьтесь, — отрывисто бросил Страшинин. — Майор Савва Бекетов — «важняк», Борис Константинович Шелест — кандидат

физматнаук, заведующий нашей лабораторией в Красноярске-66. Савва Андреевич, ты знаешь что-нибудь о теории УКС?

— Нет, — качнул головой Бекетов.

Старшинин посмотрел на гостя.

— Теория упругой квантованной среды, — неожиданным басом отозвался тот, — разработана всего двадцать лет назад, Вадим Петрович — ее апологет.

— Вадим Петрович?

— Тот, кого убили.

— Борис Константинович — ученик Леонтьева, — добавил полковник. — Он расскажет, над чем работали Леонтьев и Злотниченко.

— Мы работали... — Шелест запнулся.

— Ему можно рассказывать все, — кивнул Старшинин. — У него «красный» карт-бланш.

— В общем, мы работали над практическим использованием эффекта Ушеренко. Вадим Петрович пошел дальше...

— Что такое эффект Ушеренко? — спросил Бекетов.

— Эффект сверхглубокого проникновения твердых микрочастиц размером от одного до тысячи нанометров в твердые преграды. При этом происходит аномально высокое выделение энергии, примерно как при ядерном распаде. Леонтьев доработал теорию УКС в области энергетических вакуумных взаимодействий, и на базе его расчетов мы создали У-излучатель, в луче которого амплитуда вакуумных осцилляций становится такой большой, что начинают разрушаться не только ядра атомов, но и элементарные частицы, вплоть до кварков.

Контрразведчики переглянулись.

— Ты все понял? — поинтересовался Старшинин.

— Я закончил радиотех, — пожал плечами Бекетов, скептически поджав губы. — Однако до сих пор никому из ученых не удавалось не то что разрушить кварки, но даже растащить, расщепить элементарные частицы на отдельные кварки. Это явление называется конфайнментом.

— Вы меня приятно удивили, — пробасил Шелест, благожелательно глянув на майора. — Это верно, кварки, свернутые в протоны, нейтроны и электроны, невозможно отделить друг от друга обычными методами, но мы обошли этот закон, открыв явление нелинейной квантовой «расшнуровки» частиц.

— Все равно не понимаю...

— Идем дальше, — поднял ладонь Старшинин. — Углубляться в теорию нет времени. Если совсем коротко, Леонтьев и Злотниченко создали генератор...

— Поляризатор, — поправил ученый.

— ...поляризатор вакуума, в обиходе «дырбой», и испытали его на полигоне. После чего и произошли нападения на разработчиков и тех, кто присутствовал при запуске аппарата. Исчезли все расчеты, схемы и чертежи установки. Кстати, сам «дырбой» наполовину сгорел, по оценкам инженеров — из-за короткого замыкания. Однако не верю я в случайные короткие замыкания. Мы закрыли полигон, отсюда ни одна душа не выскользнет, надо лететь.

Бекетов вопросительно поднял бровь.

— Испытания прошли успешно?

— В общем-то да. — Шелест смущенно почесал кончик носа. — Хотя и не без сюрпризов.

— Что вы имеете в виду?

— Понимаете, мощность импульса рассчитали так, что длина канала, пробитого «дырбоем» в горных породах, не должна была превысить одного километра. На деле же канал оказался намного длиннее.

— Насколько?

Ученый снова взялся за нос.

— Если верить измерителям, он достиг ядра.

— Ядра чего? — не понял Старшинин.

— Ну, не атома же, — усмехнулся Шелест. — Ядра Земли, конечно. И это странно. Мы такого не ожидали. Надо тщательно проанализировать результаты и попытаться объяснить, что произошло.

— Представляешь? — посмотрел на майора Старшинин. — Такая пушка поразит технику противника с расстояния в тысячу километров.

— Шесть тысяч, — флегматично поправил его завлаб. — Радиус Земли равен шести с лишним тысячам километров. Я вообще считаю, что наши расчеты неточны, и канал на самом деле длиннее, чем мы себе представляем.

— Почему? — заинтересовался Бекетов.

— Потому что при пробое происходит не сферическая деформация вакуума, как при рождении волны гравитационного поля, а векторная, с возникновением самофокусирующегося солитона...

— Это не главное, — перебил Шелеста полковник. — Доработки теории — ваша забота, расследование — наша. Майор, убийством физика Леонтьева и покушением на министра — на них напали уже в Москве — будет заниматься бригада Скворцова, тебе же придется лететь на Камчатку и разбираться с техникой и теми, кто ее обслуживает. Самолет через два часа. С тобой полетит капитан

Лазарев из научно-технического управления и Борис Константинович.

Бекетов посмотрел на военспеца. Тот сморщился, развел руками.

— Прошу прощения, попутчик я скучный, придется потерпеть.

— Ничего, не красна девица, потерпит, — буркнул Старшинин.

Москва — Камчатка. 22 — 23 июля

Полет из подмосковной Кубинки до Петропавловска-Камчатского на новом военном Ту-160 занял всего шесть часов. Еще через час старенький Ми-8 доставил делегацию военной контрразведки на Кроноцкий полигон.

Во время полета Бекетов успел познакомиться с Шелестом поближе и убедиться, что военспец поскромничал — не такой уж и скучный он человек.

После беседы о теории УКС майор с улыбкой вспомнил известный анекдот о рабочих, пытавшихся из украденных на заводе деталей собрать трактор, а получалась у них ракета.

Шелест улыбнулся в ответ.

— Это правда, не существует такой теории, которую военные не смогли бы применить для разработки оружия. Но таков уж человек, наполовину ангел, наполовину зверь, жаждущий крови ближнего своего. Вы знаете, я как-то ради любопытства сделал анализ развития орудий уничтожения, получилась интересная статистика.

— Секретная?

— Нет, конечно, просто я ее никому не показывал.

— Поделитесь?

— Если вам интересно.

— Я тоже работал над анализом оружия, но с другой точки зрения, профессионально — как над утечкой военных технологий.

— Понимаю. В общем, картина получается такая. Если начать с доисторических времен, то первыми орудиями убийства были кремниевые ножи, затем топоры, луки и копья. Хотя я лично считаю, что они являются лишь следами и свидетелями деградации погибших цивилизаций — Лемурии, Атлантиды и Гипербореи, владевших куда более мощным и современным оружием.

— Магическим.

Шелест озадаченно глянул на собеседника.

Бекетов улыбнулся.

— Я увлекаюсь эзотерикой и почитаваю соответствующую литературу. А ваша идея не нова.

— Я и не претендую на открытие, — махнул рукой военспец. — После палеолита человечество шагнуло в неолит, эпоха каменных орудий сменилась эпохой бронзы. Появились мечи, кинжалы, копья с металлическими наконечниками, сначала бронзовыми, потом железными. С изобретением пороха на смену холодному пришло огнестрельное оружие, мощь его постоянно росла, появилось атомное и термоядерное. Не упускались из виду и «боковые веточки» — промежуточные энергетические диапазоны, также принятые на вооружение учеными.

— Электромагнитное, лазерное оружие.

— Пучковое, психотронное, химическое и так далее. Теперь мы подошли к использованию энергетических запасов вакуума, которые поистине неисчерпаемы. Причем, заметьте: сначала возникают идеи мирного использования новых энергетических источников, но тут же вслед за ними появляются образцы принципиально новых видов оружия. Будто работает некая программа, понимаете?

— Нет.

— Создается впечатление, что кому-то выгодна деятельность человечества по изобретению средств индивидуального и массового поражения.

— Кому? — Бекетов посмотрел на капитана Лазарева, как бы приглашая его принять участие в беседе, но капитан промолчал. Он вообще предпочитал слушать и в разговоры вступал редко.

Шелест развел руками.

— Тут я пас, не знаю. Если бы я верил в пришельцев и во всякую мистику, сказал бы, что создание новых военных технологий выгодно либо «зеленым человечкам», контролирующим жизнь на Земле, либо дьяволу.

Бекетов засмеялся.

— В «зеленых человечков» и я не верю, хотя считаю, что дыма без огня не бывает. Возможно, за нами действительно кто-то наблюдает из космоса, слишком много непонятных явлений, не вмещающихся в рамки естественных природных, описано очевидцами. Не могут же все они быть лгунами и шизофрениками.

— Не могут, — согласился Шелест.

Больше им поговорить не удалось.

Самолет приземлился в аэропорту Петропавловска-Камчатского, их тут же пересадили в вертолет, и в одиннадцать часов утра по местному времени Бекетов ступил на землю Кроноцкого полигона, одетый в удобный туристический костюм «арктик»: штаны и куртка из мягкой, прочной, водонепроницаемой ткани, кросс-ботинки на ли-

пучках, в куртке множество кармашков и приспособлений для ношения личных вещей и кучи разных необходимых для походного человека приамбасов: очков, ножа, рации, компаса, бинокля и тому подобного.

В отличие от него, капитан Лазарев натянул армейский пятнистый комбез и ничем не отличался от мрачных охранников полигона, встретивших контрразведчиков.

Первым делом прибывшие осмотрели труп Злотниченко, хранившийся в отдельном помещении возле казармы. Конструктор «дыробоя» был убит выстрелом в голову. Стреляли из пистолета «волк» отечественного производства.

— Как это случилось? — спросил Бекетов.

Начальник полигона, сопровождавший гостей из столицы, посмотрел на полковника Павлова, начальника охраны, тот развел руками:

— Никто не знает. Его нашли утром в палатке. А убили его, по оценке врача, ночью, часа в три, когда все спали. Выстрела никто не слышал.

— Оружие не нашли?

Начальник полигона передернул плечами.

— Пистолетами «волк» вооружены только три человека на полигоне: я, мой зам и командир подразделения охраны. Мы проверили: ни один пистолет не пропал, ни из одного не стреляли.

Бекетов постоял немного у трупа и вышел.

— Поехали к «дыробою».

Бронетранспортер с «дыробоем» на броне все еще стоял на прежнем месте, в точке испытаний, несмотря на ухудшение погоды: пошел мелкий противный дождик. Возле установки возились двое хмурых мужчин: один в стандартном камуфляже, бородатый, второй в гражданской одежде. Бородач оказался помощником Злотниченко, знавшим Шелеста. Они поздоровались, Шелест представил Бекетова и Лазарева. Добавил:

— Контрразведка.

Бородач окинул прибывших безразличным взглядом, дернул Шелеста за рукав куртки, отводя в сторону.

Бекетов и Лазарев переглянулись.

— Ученые, мать их за ногу, — бледно улыбнулся капитан. — Мы для них не авторитеты.

Бекетов нахмурился.

— Здесь ЧП, какие могут быть тайны? Кто тут старший?

— Ну, я, — оглянулся бородач. — Подожди, мы поговорим.

Майор шагнул к нему, крепко взял за локоть, сказал медленно, чеканя слова:

— Давайте договоримся, любезнейший. Кому из нас подождать, буду определять я. Это первое. Если вы считаете себя круче местных сопков, то ошибаетесь. Через пять минут вас заменят. Это второе. Все понятно?

Бородач дернулся, пытаясь высвободиться, глянул на Шелеста, хотел возмутиться, но, встретив заледеневший взгляд Бекетова, вздрогнул.

— Я хотел...

— Я спрашиваю, вам все понятно?

— Понял, — буркнул бородач.

Бекетов отпустил его локоть.

— Вот и славно. Показывайте оборудование и докладывайте, что произошло.

Возникла небольшая суета, затем гостям показали дырку в каменном бугре на склоне сопки, уходящую в недра полуострова на неведомую глубину, и «пушку» на платформе БТР, оказавшуюся «дырбобом». С виду она была цела, но специалисты уже вскрыли панель управления, и взором гостей предстала сотовая начинка компьютера, управлявшего поляризатором вакуума. Она выгорела почти вся, и в воздухе отчетливо пахло сгоревшей изоляцией и пластиком.

— Коротнуло, — заметил один из спецов, с опаской поглядывая на Бекетова.

— Не похоже, — возразил второй, худой и небритый. — Это не КЗ в классическом варианте.

— А что? — поинтересовался Бекетов.

Спец помялся, бросая взгляды исподлобья на бородача, но тот демонстративно молчал.

— Такое впечатление, что кто-то дал команду, блокирующую систему контроля... и по цепи прошел запороговый сигнал. Сгорел блок управления, а также вся коммутация слаботочных систем.

— Кто мог подать команду?

— Никто, — бросил бородач, подумал и добавил с угрюмым удивлением: — Но выглядит это именно так.

— Я займусь этим, — сказал слегка оживившийся капитан Лазарев. — Компьютеры и электроника — моя епархия.

— Действуй, — согласился Бекетов. — А я пока допрошу свидетелей и побеседую с начальством.

До вечера он выяснял круг допущенных к испытаниям людей и уточнял детали происшествия.

Начальство в лице полковника Рутберга, командира полигона, и руководителя испытаний полковника Плацебо толком ничего сообщить не могло. Они знали одно — испытания закончились торжеством теории и практики, а что произошло после вечеринки в кругу военспецов, никто из них не знал. Оба проводили высокое московское начальство — министра обороны и Леонтьева, «приняли на грудь» изрядную дозу «успокоительно-горячительного» и убыли к семьям в офицерское общежитие полигона еще до отбоя.

Эксперты, обслуживающие аппаратуру полигона, также не добавили ясности в дело, лишь отметили, что Леонтьев и Злотниченко дольше всех возились с «дырбоем».

Не помогли следствию и охранники, они не заметили ничего подозрительного вокруг района испытаний — в частности, и на территории полигона вообще.

Зато неожиданно оказался полезным капитан Лазарев, отыскавший в недрах измерительного комплекса «дырбоя» параметры «выстрела» и запись испытаний, а также — что было вовсе уж экзотично и отдавало мистикой — запись с телекамеры, которая глядела на сопку Медвежьё с расстояния в полкилометра. В суете вокруг «дырбоя» об этой телекамере забыли, но дотошный Лазарев отыскал в компьютере полигона схемы наблюдения и обнаружил «забытое» устройство, установленное на одинокой скале на берегу озера.

Телекамеру проверили, запись прокрутили, и Бекетов увидел, как в два часа ночи — камера имела инфракрасную оптику — возле бронетранспортера ступил мрак, приобрел очертания человеческой фигуры. Ночной гость, неведомо как пробравшийся мимо охраны, влез на БТР, покопался в «дырбое» и растворился в ночи.

— Сможете определить, кто это был? — поинтересовался Бекетов.

— Попробую, — буркнул Лазарев, увлеченный работой. Судя по всему, он был специалистом очень высокого класса, и Старшинин не зря дал его в помощники своему подчиненному.

Берег Кроноцкого озера. 23 июля

Поздно вечером, когда уставший за день майор собирался ложиться спать в одном из домиков на берегу Кроноцкого озера, к нему зашел Шелест, одетый в старенький спортивный костюм. На лице военспеца лежала печать философской задумчивости.

— Слышали вечерние новости?

— Нет, не успел, — ответил Бекетов, натягивая футболку. — Что вас взволновало?

— В Аргентине, возле Буэнос-Айреса, взорвался нефтеперерабатывающий завод.

— Ну и что? — пожал плечами Бекетов. — Несоблюдение каких-либо правил эксплуатации либо террористы постарались.

— Еще был сбит американский азимутальный спутник, примерно в той же точке, над Аргентиной.

Бекетов хлебнул минералки из пластиковой бутылки, разглядывая лицо гостя.

— Что вы хотите сказать?

— Оба этих происшествия совпадают по времени и нанизываются на один вектор.

— Кажется, я догадываюсь...

Шелест поднял на майора светлые рассеянные глаза.

— Возможно, я был прав. Леонтьев и Злотниченко не до конца рассчитали параметры импульса. Затухания не получилось. «Дыробой» создал нечто вроде струны мгновенного распада материи, пробившей всю Землю навывлет и ушедшей в космос.

— Здорово!

— Да, неплохо, — кивнул ученый, — если не считать последствий.

— Я имел в виду, что мы получили сверхдальнобойное оружие.

Шелест направился к выходу, бросив:

— Спокойной ночи, Савва Андреевич.

— Это все, что вы хотели сказать? — вдогонку спросил Бекетов.

Военспец не ответил.

Майор походил по палатке из угла в угол: три шага туда, три обратно, — сел на раскладушку, и в это время зазвонил мобильный телефон. Бекетов поднес трубку к уху.

— Я кое-что получил, — заговорила трубка голосом Лазарева, оставшегося в центре управления полигоном.

— Узнал, кто был этот ночной лазутчик? — оживился Бекетов.

— Не поверишь...

— Сейчас подойду.

— Я сам приду, жди у озера.

— Что за секретность?

Лазарев понизил голос:

— Тут ушей много.

Бекетов помолчал.

— Хорошо, я буду у скалы, где стоит камера.

— Через полчаса.

— Договорились.

Гадая, почему капитану взбрело в голову встречаться в укромном ме-

сте, а также размышляя над словами Шелеста, Бекетов натянул свой «арктик» и без пяти двенадцать уже стоял у скалы, торчащей над лесом, в полусотне метров от обрывистого берега северной части Кроноцкого озера. В небе висела ущербная луна, и берег был неплохо освещен.

Лазарев еще не подошел.

Бекетов прогулился по кромке обрыва, любуясь лунной дорожкой на озере, зябко поежился: к ночи похолодало, температура едва ли превышала три-четыре градуса.

Что-то плеснуло под обрывом.

Бекетов насторожился.

Спину мазнул чей-то липкий взгляд. Пришло ощущение какой-то *неправильности* в окружающей природе. За ним наблюдали, цепко и зло. Бекетов пожалел, что согласился на дурацкое рандеву с капитаном. Тронул рукоять штатного «волка» в кобуре под мышкой. Поднял к глазам циферблат часов: Лазарев опаздывал уже на пятнадцать минут, а это было против правил. Что-то случилось.

Бекетов набрал номер Лазарева.

Где-то далеко, на грани прозвучал знакомый сигнал.

Бекетов напрягся, прислушиваясь, не понимая, грезится ему этот звук или нет.

Сигнал повторился и смолк. Но майор уже понял, откуда доносится тихий мяв — из-под обрыва (не может быть!). Он метнулся на берег озера.

Груды камней, валуны, скальные ребра, черное пятно наполовину в воде, наполовину на плите. Человек?!

Бекетов начал спускаться по крутому откосу вниз, цепляясь за выступы и ребра. Чуть не сорвался, но все же сумел удержаться, сполз до обреза воды, пригнулся, упираясь руками в валун и всматриваясь в пятно. Это-то его и спасло.

Над ухом вжикнуло.

Пуля?!

Он прыгнул в сторону, перекатился на бок.

Вторая пуля также пролетела мимо, с треском разнесла на куски один из камней.

Бекетов сделал еще один перекат, включаясь в боевой режим, выхватил пистолет.

В десяти шагах у воды шевельнулась тень.

Он выстрелил.

С тихим вскриком тень погрузилась в воду.

Еще одна тень выросла над обрывом. В камень у головы Бекетова шлепнулась пуля — стреляли из пистолета с глушителем.

Он выстрелил в ответ.

Тень исчезла.

Бекетов рывком достиг берега, тронул человека за ногу: это был капитан Лазарев, лежавший по плечи в воде. Он явно был мертв.

Скрипнув зубами, Бекетов метнулся к обрыву, взлетел на откос, как на крыльях, краем зрения уловил движение в кустах, за скалой, бросился в погоню.

Снова пришло ощущение *неправильности* происходящего. Будто он забыл что-то важное и никак не мог вспомнить. Разгадка пришла спустя мгновение, когда Бекетов обогнул колючий куст можжевельника и наткнулся на человека, пытавшегося взобраться на скалу: никто на выстрелы не отреагировал! Охрана тревогу не подняла!

Однако размышлять на эту тему было уже поздно.

Человек бросился на майора, как рысь, и тому пришлось приложить максимум изворотливости и сноровки, чтобы отразить нападение и перейти в атаку. Он выманил противника, одетого в камуфляжный комбез, на освещенное луной место, хлестко ударил его по лицу тыльной стороной ладони (прием «массаж», ослепляющий и отвлекающий), а затем нанес сильнейший удар кулаком в корпус, чуть пониже ребра, прессуя почку.

Человек со сдавленным криком отлетел на грудь камней, упал.

Бекетов шагнул было к нему, собираясь обыскать, но вовремя почувал холодок опасности и нырнул на землю, пропуская над собой пулю, выпущенную из пистолета — стреляли из-за стены кустарника в двадцати шагах.

Да сколько же вас!..

Он метнулся в сторону, припал за камень, пережидая еще один тихий выстрел, ответил дважды.

Вскрик, грохот раскатившихся камней.

Бекетов выскочил из-за укрытия, бросился на звук удалявшихся шагов; новый противник был ранен и не мог бежать бесшумно и быстро.

Он догнал его на берегу озера, где склон был не так крут и покрыт песком. Хромающий стрелок обернулся, выстрелил несколько раз (снова «волк», черт побери!), не попал, поднес к виску пистолет и нажал на спуск. Пуля разнесла череп! Безжизненное тело свалилось на песок.

— Мать твою! — выдохнул Бекетов, подбегая. Склонился над самоубийцей и не поверил глазам: это был... начальник полигона полковник Рутберг!

Однако ему не следовало расслабляться.

Кто-то вдруг подскочил сзади, ударил рукоятью пистолета по затылку. И хотя Бекетов смягчил удар наклоном, его сбили с ног и спустя минуту, после ожесточенной борьбы на песке, вывернули руки и стянули их ремнем. Он извернулся, ударил нападавших ногами, попал, но тут же в ответ заработал удар по голове и потерял сознание.

Выбор. 23 июня

Зеркало воды, мелкие оспинки волн, лунная дорожка...

Пейзаж неподвижен, но в теле — ощущение движения...

Яркие точки над головой мигают вразнобой, как звезды. В черноте проявляется чье-то бледное лицо, гаснет, роняя искры на воду...

Снова слышится звонок телефона... или это ему грезится?

Голоса, постукивание, скрипы...

— Где я? — вяло спросил Бекетов.

Из тьмы возникает другое лицо, губы роняют слова:

— Он очнулся...

— Где я? — повторил Бекетов.

Что-то кольнуло в плечо.

Мрак раздвинулся.

Бекетов понял, что лежит на палубе яхты, скользящей по глади озера. Впрочем, это был всего лишь небольшой катер.

Светила луна. Воздух был напоен ароматами луговых трав, дышалось легко, только слегка поташнивало от удара по затылку и болели мышцы ног, натруженные бегом.

Он сел, опираясь ладонями о холодную палубу, огляделся.

Вокруг стояли люди в камуфляже, равнодушно глядя на него. Это были охранники полигона. А напротив стоял полковник Павлов, командир подразделения охраны. Засунув руки в карманы комбинезона, он тоже смотрел на майора.

К командиру подошел пятнистый комбез, понизил голос:

— Второй пост запрашивает, что случилось, они слышали выстрелы.

— Скажи — поймали диверсанта, все под контролем.

— Старший наряда может послать группу.

— Сколько у нас времени?

— Минут семь.

Полковник присел на корточки перед Бекетовым.

— Что мне с тобой делать, майор?

— Кто... вы? — с трудом выговорил Бекетов.

— Не догадываешься?

— Вы... убили Лазарева... значит, работаете... на ЦРУ...

Павлов усмехнулся.

— С воображением у тебя туговато.

Силы возвращались, мышцы были готовы к действию, несмотря на тупую боль в затылке, но Бекетов ждал момента, понимая, что шансов остаться в живых у него почти нет. Эти люди шутить не любили и не жалели никого. Но если его не убили сразу, значит, он был нужен преступникам, неизвестно каким образом захватившим полигон.

— Если не на ЦРУ, то на кого вы работаете? На азиатов?

— У тебя только один путь, — сказал полковник, пропустив вопрос мимо ушей. — согласишься сотрудничать с нами — будешь жить, нет — пойдешь вслед за коллегой.

— Зачем вы его убили?

— Он нашел то, чего не должен был находить. Умный парень. Жаль, что так получилось.

— И что же он нашел?

— Сначала я хочу услышать ответ на вопрос.

— Не зная, кто вы и что вам надо, я не стану отвечать.

— Жаль, но у меня нет времени на беседы. — Полковник поманил кого-то пальцем: — Абрамыч, уберите его и чтобы ни одна собака... — начальник охраны не договорил.

Бекетов вошел в боевое состояние, выдернул у Павлова пистолет и выстрелил в подходившего к ним охранника. Откатился в сторону, выстрелил еще раз, целя в другого, схватившегося за автомат. Едва не свалился в воду: он и в самом деле лежал на палубе небольшого катера, стоявшего посреди озера.

Полковник оказался быстрым и понятливым, поэтому бросаться на Бекетова не стал, опрокинулся через борт и упал в воду вниз головой, спасаясь от выстрела.

Тотчас же на берегу озера вспыхнул прожектор, его луч нашупал катер, заставив Бекетова отвернуться. Заработали моторы еще двух катеров, рванувшихся с двух сторон к суденышку, на борту которого полужелал майор.

— Не двигайся! — проревел усиленный мегафоном голос. — Бросить оружие! Руки на затылок!

— Свои... — прохрипел Бекетов, опуская пистолет.

С катеров к нему на палубу прыгнули двое в камуфляже, с автоматами в руках.

— Майор Бекетов? Где полковник Павлов?

— Он... там, — кивнул на воду Бекетов, — нырнул...

Один из комбезов крикнул:

— Ныряльщикова в воду! Один прыгнул за борт! — Повернулся к майору: — Где ваш напарник?

— Убит, — выдохнул Бекетов, только теперь начиная чувствовать боль во всем теле. — На берегу.

Вскоре суeta на озере стихла. Спецвездеход увез трупы охранников — Павлова тоже нашли в озере, но уже мертвого — в медучреждение полигона. Бекетов, с замазанными йодом синяками и ссадинами, доложил Старшину по мобильному о случившемся, и тот велел ждать комиссию из Москвы. Бекетов попытался начать следствие по горячим следам, допросил всех свидетелей трагедии, охранников, персонал полигона, командиров подразделений, но особого успеха не достиг. Понять, что произошло, почему вдруг начальник полигона и командир охраны с тремя подчиненными решили убрать Лазарева, а потом Бекетова, от кого они получили приказ и на кого работали, с наскака было невозможно.

Лишь в шестом часу утра разбитый Бекетов добрался до своего домика и рухнул на раскладушку, не раздеваясь. Но отдохнуть ему не пришлось. В палатку заглянул Борис Константинович Шелест.

— Можно?

Бекетов выругался в душе, с трудом нашел в себе силы сесть, помял лицо.

— Заходите.

— Извините, Савва Андреевич, возникла срочная необходимость поговорить.

— Может, утром, часов в девять?

— Нет, я и так опоздал с этим разговором. Это моя вина, что погиб ваш коллега.

— О чем вы? — не понял Бекетов, наливая воды из фляги на ладонь и вытирая лицо.

— Они пытались вас вербовать?

— Кто? — Сон сняло как рукой. — О ком вы говорите?!

— О Павлове и Рутберге. Что они вам предложили?

— Откуда вы знаете?! И вообще... — Бекетов потянулся к пистолету.

— Не надо, — махнул рукой военспец. — Я сяду и все объясню.

Он примостился на краешек табурета возле крошечного стола, посмотрел на поднявшегося Бекетова снизу вверх.

— Да вы садитесь, Савва Андреевич, я не собираюсь сражаться с вами, как латеранты.

— Кто?

— Те парни во главе с Павловым. По сути — зомби, закодированные для определенной операции. К счастью, они торопились и зачистку провели небрежно.

— Ничего не понимаю! — Бекетов сел на раскладушку. — Какие латеранты? Какая зачистка?

— Сейчас все поймете. Помните, в самолете мы затронули тему оружия?

— Помню.

— Тогда мы пришли к выводу, что человек в первую очередь использует научные идеи для создания оружия. Так вот, эта деятельность и есть его главная задача. Человечество создано для разработки систем оружия для всей Галактики и успешно справляется со своим предназначением.

Бекетов с изумлением и недоверием посмотрел на собеседника.

— Вы... шутите?!

— Вы хотели спросить: не болен ли я? — Шелест усмехнулся. — Не болен. Просто я давно работаю по этой программе и получил задание найти помощника. По-моему, вы вполне подходите.

— Кто вы, черт возьми?! Тоже... из этих... из латерантов?

— Нет, я как раз из другого лагеря. Латеранты работают на галактическую безопасность, я же служу той стороне, которая нуждается в новом оружии. К сожалению, они вышли на нас в связи с созданием «глюка», и теперь нам придется заметить следы, делать зачистку, чтобы не произошла утечка информации.

— Подождите... ничего не понимаю... «глюк» — это...

— Новое поколение оружия, создатели назвали его «дыробоем». На самом деле при генерации импульса в вакууме появляется векторная «трещина» или «струна», в которой разрушаются даже кварки, глюоны и кванты пространства. Отсюда название оружия — «глюк».

— «Дыробой» не хуже...

— Это вопрос вкуса.

— Как же эти... латеранты вышли на вас?

— При испытании «струна» «глюка» не только пробила навывлет гору, но и всю Землю, ушла далеко в космос, задев американский спутник, и была запеленгована аж в центре Галактики. Вот по ней на Землю и был прислан волновой «пакет» латерантов, внедрившихся в тела людей для ликвидации опасного инцидента.

— Значит, они тоже прилетели для зачистки?

— Только с иной целью.

— Чем же вы отличаетесь от них?

— Ничем, — спокойно пожал плечами военспец. — Или почти ничем. Просто они контролируют весь процесс разработки оружия, а мы его продаем... э-э, заинтересованным структурам в частном порядке.

Бекетов покачал головой.

— Контрабанда...

— Именно, молодой человек. И сегодня вы нам здорово помогли. В связи с чем я уполномочен сделать вам деловое предложение: не хотите ли работать на нас? Эта работа очень неплохо оплачивается.

Бекетов снова качнул головой.

— Ну и влип! Выходит, сам того не зная, я угрожал галактических чекистов и помог контрабандистам?

— Выходит, что так, — флегматично кивнул Шелест.

— Черт бы вас подрал! А если я не соглашусь? Сообщу в органы...

— А кто вам поверит? Я же первый заявлю, что вы психически больной человек. После чего вас ликвидируют.

Бекетов встал, сделал два шага, сел.

— Вы считаете, у меня нет выбора?

— А вы как считаете?

Бекетов достал пистолет.

Шелест прищурился, ни капли не испугавшись, оставаясь сидеть в прежней позе.

— Убив меня, вы ничего не измените. Придут другие. Но я вас понимаю. Подумайте над моим предложением до утра. Это все, что я могу для вас сделать. Если согласитесь, выиграете очень многое.

Бекетов посмотрел на светлое окошко палатки.

— Уже утро...

— Часа через два я к вам зайду. — Шелест поднялся и вышел.

А Бекетов остался сидеть, абсолютно опустошенный. Он поверил Шелесту... и в то же время все еще надеялся, что с ним пошутили, сейчас в палатку вернется военспец, кашлянет, улыбнется и признается, что все это розыгрыш.

Но таяли секунды, складывались в минуты, часы, а военспец не возвращался. И тогда майор понял, что он действительно поставлен перед смертельным выбором.

Он глубоко вздохнул, расправил плечи, пробормотал вслух, вспомнив перестрелку с латерантами на озере:

— Простите, ребята, я не знал, что мы коллеги...

Еще раз вздохнул, засунул пистолет в кобуру, встал.

«Что ж, господин контрабандист, сейчас ты мне все расскажешь о своей системе, а уж потом я решу, на чьей стороне воевать...»

Он откинул полог палатки и шагнул в удивительно спокойное и свежее утро новой истории...

Г Р Е Г И Г А Н

СИНГЛЕТОН

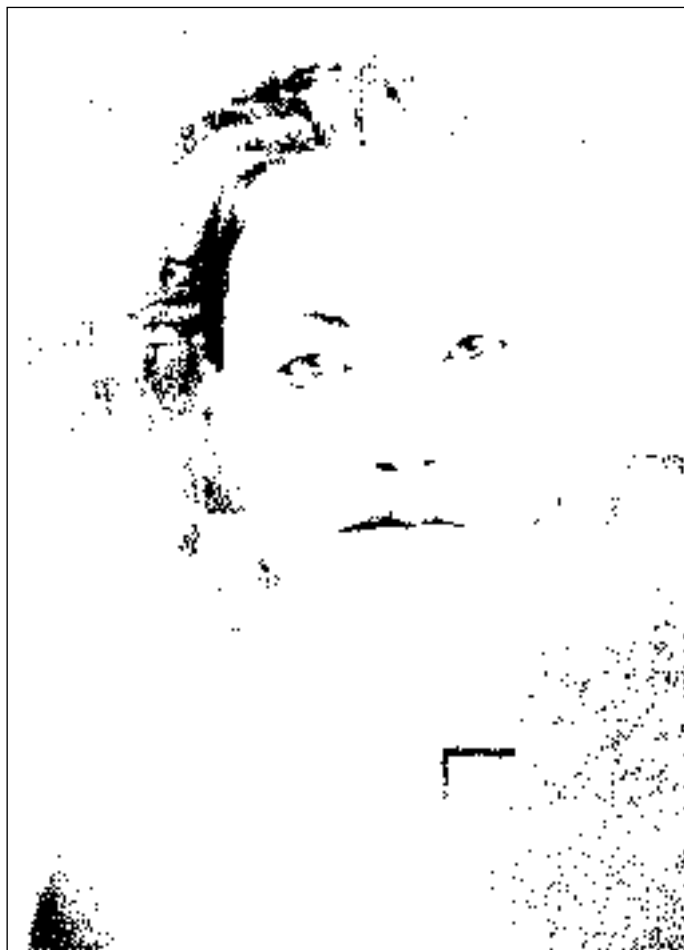

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

2003

Яшел на север по Джордж-стрит в сторону железнодорожной станции «Таун-холл», размышляя над способом решения хитроумной задачки из контрольной по линейной алгебре, когда путь мне преградила небольшая толпа. Я не стал особо задумываться над тем, почему она здесь образовалась — возле ресторанов часто собираются группы людей. Но когда я попытался обогнуть толпу, стало ясно: это не какие-нибудь служащие соседней конторы, собравшиеся проводить на пенсию коллегу. Потому что увидел объект их внимания.

В переулке, метрах в двадцати от них, лежал на спине мужчина, прикрывая лицо окровавленными руками, а над ним склонились двое парней, размеренно и безжалостно взмахивая какими-то тонкими палками. Сперва я подумал, что это бильярдные кии, но потом заметил на концах жердей металлические крючки. Такие палки мне доводилось видеть только в одном месте — в начальной школе. Дежурные по классу вооружались ими, чтобы открывать и закрывать старомодные форточки, расположенные под самым потолком.

— Кто-нибудь вызвал полицию? — бросил я вопрос в толпу. Одна из женщин кивнула, не глядя на меня:

— Да, кто-то позвонил по мобильному пару минут назад.

Поверженный был одет как подручный с ресторанной кухни. Он все еще шевелился, пытаясь защититься, однако кричать от боли уже не мог.

По моему телу пробежал холодок, отвратительное леденящее ощущение, которое на миг опередило сознательный вывод: *сейчас на моих глазах убит человека, а я ничего не сделаю, чтобы этому помешать*. Но здесь была не пьяная драка, когда несколько очевидцев могут вмешаться и разнять драчунов. Эти парни — явно серьезные преступники, а их жертва — не случайный прохожий. От таких типов лучше держаться подальше. Я пойду в суд, выступлю как свидетель, но никто не вправе ожидать от меня большего. Особенно когда еще человек тридцать ведут себя точно так же.

Я снял рюкзачок и положил его. Как ни абсурдно, это заставило меня ощутить себя более уязвимым — я всегда боялся потерять учебники. Подумай хорошенько. Ты сам не знаешь, что делаешь. Последний раз я всерьез дрался лет в тринадцать. Я обвел взглядом обывателей, гадая, откликнется ли кто-нибудь на мой призыв броситься на помощь вместе. Вряд ли! Я всего лишь худошавый, невзрачный семнадцатилетний парень в майке, распisanной уравнениями Мак-

светла. Ни мускулов, ни характера. Никто не полезет в драку вместе со мной.

А в одиночку я окажусь таким же беспомощным, как и тот бедолага. Эти мужики проломают мне череп в одну секунду. В толпе зевая я заметил нескольких крепких на вид служащих чуть старше двадцати; уж если даже эти парни, играющие по выходным в регби, не набрались духу вмешаться, то шансы же тогда мои шансы?

И я протянул руку к лежащему рюкзачку. Если не помогать, то вообще нет никакого смысла здесь торчать. А подробности я узнаю из вечерних новостей.

И я зашагал обратно. Меня тошнило от презрения к себе. Сейчас не «хрустальная ночь». И внуки не станут задавать мне прямых вопросов. Меня никто даже не упрекнет.

Словно это и есть мера вещей.

— Да пропади все пропадом!

Я швырнул рюкзачок на тротуар и бросился обратно в переулок.

На меня обратили внимание, лишь когда я приблизился настолько, что запах трех потных тел перебил вонь гниющего мусора. Ближайший из громил обернулся и взглянул на меня, едва ли не оскорбившись при виде такого противника, а потом и развеселился. Он даже не стал менять направление удара уже занесенной палки. Когда я обхватил его шею согнутой рукой, пытаюсь повалить на спину, он просто пихнул меня локтем в грудь. У меня перехватило дыхание, но я отчаянно вцепился в противника, пытаюсь удержать хватку. Он сделал движение, чтобы меня стряхнуть, но я сумел поставить ему подножку, и мы рухнули на асфальт, причем я оказался снизу.

Громила освободился и неуклюже поднялся. Пока я пытался встать, предчувствуя неминуемый удар палки, раздался свист. Подняв глаза, я увидел, как второй громила подает знак своему приятелю, и проследил за взмахом его руки. По переулку, быстро приближаясь, шли человек десять мужчин и женщин. Вид у них был не особо угрожающий — мне доводилось видеть и более разгневанные толпы, хотя на лицах у многих был нарисован символ мира, — однако уже самого численного превосходства казалось достаточно, чтобы гарантировать нападавшим неприятности. Первый из громил задержался лишь на пару секунд, чтобы пнуть меня в ребра, и они бросились наутек.

Я подтянул колени, приподнял голову и кое-как встал на четвереньки. Дышать было все еще трудно, но мне почему-то казалось делом чести подняться на ноги. Кто-то из служащих улыбнулся мне:

— Ну, ты и придурок. Тебя же могли убить.

Избитый мужчина содрогнулся и закашлял, брызгая кровавой слюной. Его глаз не было видно из-под набухших век, а клочки кожи на руках не могли скрыть обнажившихся суставов. Меня прошиб холодный пот: еще немного — и рядом с беднягой лежал бы я. Другая мысль, страшнее первой, пронзила меня с новой силой: я чуть было не сбежал, оставив на произвол судьбы беззащитную жертву.

Я встал. Люди толпились вокруг избитого, пытаюсь чем-то помочь. Я знал основы первой помощи — нам в старших классах читали курс, — но парню не требовалось искусственное дыхание, а ничего большего я предложить не мог. Тогда я протолкался сквозь толпу и вышел из переулка на улицу. Рюкзачок лежал там, где я его оставил — никто на мои учебники не позарился. Я услышал приближающиеся звуки сирен — сейчас здесь будут полиция и «скорая помощь».

Ребра у меня болели, но не слишком. Когда мне было двенадцать, я сломал ребро, упав с велосипеда, и теперь не сомневался: это просто ушиб. Некоторое время я шел чуть сгорбившись, но когда добрался до станции, смог разогнуться. Кожа на руках оказалась слегка ободрана, но я, очевидно, не выглядел как участник недавней драки, потому что никто в поезде не взглянул на меня дважды.

Вечером я посмотрел новости. Сообщалось, что состояние избитого парня стабильное. Я представил, как он выходит в переулок, чтобы вывалить в мусорный бак ведро с рыбьими головами, а там его уже поджидают двое. Наверное, я никогда не узнаю, почему на него напали, если дело не дойдет до суда. Пока полиция даже не назвала имен подозреваемых.

Репортер упомянул студента, «возглавившего группу разгневанных горожан», которые спасли жертву. Потом журналист заговорил со свидетелем, и тот описал молодого человека как «парня с астрологическими символами на майке». Я фыркнул и нервно оглянулся, опасаясь, как бы соседи не узнали в герое дня мою скромную персону, однако, к счастью, никого из них не оказалось поблизости.

Потом новости закончились.

На какой-то миг я ощутил разочарование, лишенный даже того ничтожного возбуждения, которое могли принести пятнадцать секунд славы — все равно как сунуть руку в коробку в надежде, что там завалялось последнее шоколадное печенье, и обнаружить, что коробка пуста. Задумался, не позвонить ли родителям в Оранж — просто чтобы поговорить с ними, пока не развеялось это странноватое состояние, но я условился звонить им по определенному расписанию, а сегодня

был не тот день. Если я им неожиданно позвоню, они решат, будто со мной что-то произошло.

Ну и ладно. Через неделю, когда синяк рассосется, я вспомню сегодняшний день и усомнюсь, произошел ли вообще этот инцидент.

И я пошел наверх заканчивать контрольную.

* * *

— Все это можно представить и более изящно, — сказала Франсина. — Если произвести замену переменных, от x и y до z и z -сопряженного, то уравнения Коши-Римана соответствуют условию, что частная производная функции относительно z -сопряженного равна нулю.

Мы сидели в кафетерии, обсуждая недавнюю лекцию по комплексному анализу. У нас, компании однокурсников, вошло в привычку встречаться каждую неделю в это время, но сегодня пришли только мы с Франсиной. Возможно, сегодня крутили кино или же в кампусе появился лектор, о котором я не услышал.

Я выполнил описанные ею преобразования.

— Ты права, это действительно элегантно!

Франсина слегка кивнула, сохраняя при этом характерное для нее выражение пресыщенности. Она отличалась нескрываемой страстью к математике, но на лекциях, вероятно, безумно скучала, дожидаясь, пока преподаватели подтянутся до ее уровня и сообщат ей нечто такое, чего она еще не знает.

Я до ее уровня и близко не дотягивал. Более того, я начал учебный год весьма слабо, отвлеченный новой для меня студенческой средой — и вовсе не столь блистательной причиной, как искушения ночной жизни, а всего лишь иными видами, звуками и масштабами этого места, равно как и бюрократическими требованиями всех организаций, которые ныне вторглись в мою жизнь. Впрочем, за последние две-три недели я наконец-то начал сокращать разрыв. Я нашел себе работу на неполный день в универмаге, где заполнял полки товарами со склада. Платили паршиво, но вполне достаточно, чтобы избавиться от тревоги за мое финансовое положение.

Я рассеянно рисовал гармоничные контуры на лежащем передо мной листке бумаги.

— А как ты вообще развлекаешься? — поинтересовался я. — Если не принимать во внимание комплексный анализ?

Франсина ответила не сразу. Мы уже не в первый раз оставались наедине, и я почти не надеялся отыскать правильные слова, чтобы

извлечь максимум из такой ситуации. Да и настанет ли идеальный момент и сорвутся ли с моих губ идеальные фразы: нечто интригующее, но в то же время тонкое и ненавязчивое. Поэтому теперь я проявил свой интерес открыто, без претензии на красноречие. Она и так сможет оценить меня, потому что знакома со мной три месяца, и если не выскажет желаний узнать меня лучше, то это меня не раздавит.

— Я пишу много скриптов на «перле»*, — ответила она. — Ничего сложного, просто всякую мелочевку, которой разрешаю пользоваться бесплатно. Это здорово расслабляет.

Я понимающе кивнул. Это не осознанный эпатаж — просто девушка ждет, что я поведу себя чуть более откровенно.

— Тебе нравится Дебора Конвей? — Сам я слышал лишь пару ее песен по радио, но несколько дней назад увидел в городе плакат с рекламой гастролей певицы.

— Да. Она классно поет.

Я стал водить карандашом по черточкам конъюгации над переменными, делая их толще.

— Она будет выступать в клубе, в Сюррей-Хиллз, — сказал я. — В пятницу. Хочешь пойти?

Франсина улыбнулась, теперь уже не пытаясь изобразить вселенскую скуку:

— Конечно. Это было бы здорово.

Я улыбнулся в ответ. У меня не закружилась голова, я не испытал безумной радости, но у меня возникло ощущение, что я стою на берегу океана, оценивая его ширину. Подобное чувство возникло у меня, когда я раскрыл в библиотеке сложную монографию, но смог лишь насладиться запахом типографской краски и четкой симметрией символов, понимая только малую часть того, что прочел. Зная, что впереди меня ждет большое открытие, но понимая также, сколь тернистым станет путь к его постижению.

— Тогда я куплю билеты по дороге домой.

* * *

Наконец мы сдали экзамены за год и устроили в общежитии вечеринку. Стояла душная ноябрьская ночь, но задний двор был лишь чуть просторнее самой большой комнаты в доме, поэтому мы распахнули все двери и окна и расставили столики с едой по первому этажу и дво-

* Perl — язык программирования. (Здесь и далее прим. перев.)

ру. Едва влажный ветерок с реки прокрался в глубину дома, количество москитов и духота во дворе и в доме сравнялись.

Около часа мы с Франсиной держались рядом, как и положено парочке, пока в один момент не поняли: ведь можно немного потусоваться и порознь — мы достаточно уверены друг в друге.

Через некоторое время я стоял в уголке переполненного двора и трепался с Уиллом — студентом-биохимиком, жившим здесь уже четыре года. На правах старожила он поначалу здорово задавался, и в первые месяцы меня это злило. Однако незаметно мы стали друзьями, и теперь я был рад возможности поговорить с ним до отъезда — он отбывал в Германию, где получил стипендию на дальнейшее обучение.

Уилл увлеченно делился со мной своими дальнейшими планами, когда я заметил Франсину. Мой приятель посмотрел в ту же сторону.

— Если честно, то я не сразу догадался, что излечило тебя от тоски по дому, — заметил он.

— А я никогда не тосковал по дому.

— Да, конечно. — Он глотнул из стакана. — И все же она тебя изменила. Уж это ты должен признать.

— И признаю. С радостью. Как только мы сошлись, все стало на свои места. — Считалось, что студенческие романы вредят учебе, но мои оценки неуклонно улучшались. Франсина не натаскивала меня — она лишь привела мой разум в состояние, когда все стало намного яснее.

— Но самое поразительное в том, что вы вообще сошлись. — Я нахмурился, и Уилл успокаивающе поднял руку: — Ну, ты был очень замкнут, когда поселился здесь. И недооценивал себя. Когда обсуждался вопрос насчет комнаты, то ты буквально умолял отдать ее тому, кто больше заслуживает.

— А теперь ты еще и издеваешься.

Он покачал головой:

— Да спроси кого угодно.

Я промолчал. Честно говоря, если бы я оглянулся назад и оценил ситуацию, то удивился бы не меньше Уилла. Еще в школе я понял: успех почти никак не связан с удачей. Некоторые попросту уже рождаются с богатством, талантом или харизмой. Они стартуют в жизни, имея фору, и дальнейшие преимущества для них нарастают снежным комом. Я всегда верил, что обладаю, в лучшем случае, достаточным умом и настойчивостью, чтобы оставаться на плаву в избранной для себя области. Во всех классах средней школы я был одним из лучших учеников, но в городке вроде Оранжа это не значило ничего, и я не строил иллюзий по поводу моей карьеры в Сиднее.

И я обязан Франсине тем, что мои представления о собственной заурядности не сбылись; общение с ней изменило всю мою жизнь. Но где я набрался храбрости вообразить, что могу предложить ей что-либо в ответ?

— Кое-что произошло, — признался я. — Еще до того, как я пригласил ее на первое свидание.

— Да?

Я едва не захлопнул створки раковины — я еще никому не рассказывал о событиях в том переулке, даже Франсине. Этот инцидент стал представляться мне слишком личным, словно само упоминание о нем обнажит мою совесть. Но Уилл будет в Мюнхене уже меньше чем через неделю, и вообще гораздо легче исповедоваться тому, кого вряд ли скоро встретишь.

Когда я смолк, Уилл удовлетворенно ухмылялся, словно я объяснил ему все.

— Чистая карма, — объявил он. — Мне бы следовало и самому догадаться.

— Ага, очень научное объяснение.

— Я серьезно. И забудь о мистической буддистской болтовне, потому что я говорю о реальных вещах. Если ты держишься за свои принципы, то и все прочее в жизни складывается лучшим для тебя образом — разумеется, при условии, что тебя не убьют. Это же элементарная психология. У людей сильно развито чувство обоюдности, правильности обращения, которое они получают друг от друга. И если все идет слишком хорошо, то они обязательно начинают себя спрашивать: «А что я сделал такого, чтобы это заслужить?». Если ты не найдешь на этот вопрос подходящего ответа, то навредишь самому себе. Не всегда, но достаточно часто. Поэтому если ты совершаешь поступок, который повышает твоё самоуважение...

— Самоуважение — это для слабаков, — съязвил я.

Уилл закатил глаза.

— Ты не согласен? Тогда зачем ты вообще об этом заговорил?

Я пожал плечами:

— Может, этот случай просто поколебал мой пессимизм. Ведь меня могли избить до полусмерти, но не избил же. По сравнению с такой перспективой идея пригласить кого-нибудь на концерт кажется менее опасной. — Меня уже начал угнетать этот навязчивый самоанализ, но мне нечего было противопоставить популярной психологии Уилла, кроме собственной и столь же доморощенной версий.

Уилл наверняка заметил мое смущение, поэтому не стал развивать эту тему. Однако я, наблюдая за оживленно болтающей Франсиной, не мог отделаться от неприятного ощущения хрупкости обстоятельств, которые нас свели. Ведь если бы тогда я сбежал с поля битвы, а израненный парень умер, то я еще очень долго считал бы себя последним дерьмом. И не верил бы в то, что заслуживаю хоть какого-то снисхождения судьбы.

Но я не сбежал. И пусть решение было принято в последний момент, я имею право гордиться своим выбором? Разве чувство Франсины — награда? Я не завоевывал признание дамы в средневековом турнире; мы выбрали друг друга и остались верны этому выбору по тысяче сложных причин.

Сейчас мы вместе, и только это имеет значение. И я не собираюсь задерживаться на пути, который привел меня к ней, лишь для того, чтобы ворошить былые сомнения, которые нас едва не развели.

2012

Когда мы ехали последний километр на юг от Ар-Рафидии, я видел впереди поблескивающую под утренним солнцем Пенную Стену. Почти нематериальную, как гора мыльных пузырей, но все еще целую даже через шесть недель.

— Не верится, что она продержалась так долго, — сказал я Садыку.

— Ты не доверяешь моделям?

— Нисколько не доверяю. И всю дорогу представлял, как мы перелезали через холм и я увижу лишь съезжившуюся паутину.

— Значит, ты не верил в мои расчеты? — улыбнулся Садык.

— Не принимай мои слова на свой счет. И ты, и я могли много раз ошибиться где угодно.

Садык свернул с дороги. Его студенты Гассан и Рашид выбрались из кузова грузовика и направились к Стене еще до того, как я успел надеть маску. Садык велел им вернуться и заставил надеть пластиковые сапоги и бумажные плащи поверх одежды, пока мы с ним делали то же самое. Обычно мы не обременяли себя такой защитой, но сегодня все было иначе.

Вблизи Стена почти исчезала — человек видел лишь изолированные отражения с радужными краями, неторопливо дрейфующие по невидимой пленке, когда в ней перераспределялась вода, следуя за волнами, возбуждаемыми в мембране колебаниями воздушного давления, градиентами температур и поверхностным натяжением. Эти изображения вполне могли быть отдельными объектами, обрывками про-

зрачного пластика, летающими над пустыней и удерживаемыми в воздухе настолько слабым ветерком, что у земли он не ощущался.

Однако чем дальше проникал взгляд, тем более сильными становились эти намеки на свет и менее правдоподобными — любые альтернативные гипотезы, отрицающие целостность Стены. Она протянулась на километр вдоль края пустыни, неровно возвышаясь метров на пятнадцать—двадцать. Но то была лишь первая и самая маленькая из Стен, и сейчас настало время погрузить ее в кузов грузовика и отвезти обратно в Басру.

Садык достал из кабины аэрозольный баллончик с реагентом и встряхнул его, направляясь к Стене. Я с замирающим сердцем последовал за ним. Стена не высохла, не порвалась, ее не унесло ветром, но для неудачи и сейчас оставалось множество причин.

Садык поднял баллончик и распылил реагент просто в воздух — как могло показаться с того места, где я стоял, — но я разглядел туманное облачко капелек, осевшее на мембране. Послышался легкий шелест, похожий на шипение пара в утюге, и на меня еле ощутимо дунул влажный ветерок. Показались первые шелковистые нити, пересекающие ту область, где полимер, из которого состояла Стена, начал менять молекулярную структуру. В одном из состояний этот полимер был растворимым, с торчащими из его молекул атомами гидрофильных групп, которые связывали воду в тончайшие листы легкого, как перышко, геля. Теперь же, под действием реагента и энергии солнечного света, он прятал эти группы в гидрофобные маслянистые клетки, одновременно извергая из геля молекулы воды и превращая его в обезвоженную паутину.

Мне оставалось лишь надеяться, что он не извергнет и ничего другого.

Когда кружевная сеть начала опадать складками к его ногам, Гасан сказал что-то по-арабски — с отвращением и одновременно весело. Язык я все еще знал очень плохо, и Садык перевел, пробубнив из-под маски:

— Он сказал, что, наверное, почти вся масса сети придется на дохлых насекомых.

Он велел парням отойти к грузовику и направился следом, потому что из-за ветра поблескивающая завеса нависла у нас над головами. Она опускалась слишком медленно, чтобы стать для нас ловушкой, но я все равно торопливо направился вверх по склону.

Стоя в кузове грузовика, мы видели: Стена опадает по мере того, как вдоль ее длины расходится волна дегидратации. Если вблизи гель

казался эфемерным, то с расстояния его остаток вообще был невидим. Вещества в нем было меньше, чем в очень длинных колготках — только колготки эти густо облепила дохлая мошкара.

Этот умный полимер изобрела норвежский химик Соня Хельвиг, а я приспособил ее разработку для такого применения. Садык и его студенты были инженерами-строителями, и перед ними стояла задача полевой проверки идеи до стадии, когда она сможет приносить практическую пользу. В этом смысле нынешний эксперимент был всего лишь скромным полевым испытанием.

Я повернулся к Садыку:

— Ты ведь когда-то занимался разминированием, верно?

— Да, много лет назад. — Прежде чем я продолжил, он понял, куда я клоню. — Ты думаешь, что это могло приносить больше удовлетворения? Бах, и дело сделано, а доказательство перед глазами?

— Правильно, миной меньше. Однако сколько бы тысяч мин ни ждало тебя в будущем, ты хотя бы мог назвать каждую уничтоженную несомненным достижением.

— Верно. Это было приятное ощущение. — Он пожал плечами. — А что нам делать дальше? Бросить эту затею, потому что она труднее?

Он съехал на грузовике по склону и стал руководить студентами, присоединявшими ленты полимера к специальной лебедке, которую они к тому времени успели смонтировать. Гассану и Рашиду было уже за двадцать, но они могли легко сойти за подростков. После войны диктатор и его бывшие западные союзники сочли взаимовыгодным, что следующее поколение иракских детей будет расти впроголодь и без медицинской помощи — если вообще вырастет. В результате санкций умерло более миллиона человек. Моя жалкая пародия на нацию послала часть своего флота обеспечивать блокаду, а флот, оставшийся дома, не пропускал корабли, набитые несчастными, спасавшимися от этих и других зверств. «Генерал Усы» уже давно мертв, но его кровавые соратники все еще находились на свободе: разъезжали с лекциями, руководили научными центрами и лоббировали получение Нобелевской премии мира.

По мере того, как нити полимера наматывались на сердечник внутри защитного кожуха лебедки, показания счетчика альфа-частиц неуклонно росли. То был хороший признак: мельчайшие пылинки оксида урана, уловленные Стеной, остались связанными внутри полимера после его обезвоживания. Радиация от нескольких собранных нами граммов урана-238 была слишком слабой, чтобы представлять само-

стоятельную опасность. Я надеялся, что полимер связал и другие целевые вещества — органические канцерогены, разнесшиеся по Кувейту и южному Ираку после апокалиптических пожаров на нефтяных скважинах. Но это выяснится только после полного химического анализа.

Возвращались мы в приподнятом настроении. То, что мы выловили из ветра за шесть недель, не спасло бы от лейкемии и одного человека, но теперь появилась надежда, что через годы, а то и десятилетия, эта технология приведет к реальному результату.

* * *

На прямой рейс из Сингапура в Сидней я опоздал, поэтому вынужден был лететь через Перт. В Перте пришлось ждать еще четыре часа, и я расхаживал по залу для транзитных пассажиров, снедаемый нетерпением. Я не видел Франсину с тех пор, как три месяца назад она улетела из Басры, а идею забивать слабенький канал связи с Ираком старомодным видео она не одобрила. Когда я позвонил ей из Сингапура, номер оказался занят, и теперь я не мог решить, стоит ли попробовать снова.

Я уже собрался было позвонить, когда на мой компьютер по электронной почте пришло письмо — Франсина получила мое сообщение и встретит меня в аэропорту.

В Сиднее я стоял возле багажной карусели, вглядываясь в толпу. Когда я наконец-то заметил Франсину, она смотрела прямо на меня и улыбалась. Я направился к ней, она остановилась и позволила мне сделать несколько последних шагов, глядя мне в глаза. Ее взгляд был озорным, словно она задумала какую-то шалость, но я никак не мог догадаться какую.

И тут, когда нас разделял всего шаг-другой, она немного повернулась и развела руки:

— Оп-па!

Я замер, утратив дар речи. Почему она мне ничего не сказала?

Сделав последний шаг, я обнял ее, но она успела прочесть выражение моего лица.

— Не сердись, Бен. Я боялась, что ты вернешься раньше, если узнаешь.

— Ты права, я бы так и сделал. — Мои мысли громоздились одна на другую — за пятнадцать секунд я пережил все реакции, которые должен был пережить за три месяца. Мы это не планировали. Мы не можем этого позволить. Я к такому не готов.

Неожиданно для себя я заплакал, слишком потрясенный, чтобы испытывать неловкость даже на людях. Тугой узел паники и смятения внутри меня исчез. Я прижал любимую крепче и ощутил бедром новую выпуклость на ее теле.

— Ты счастлив?

Я рассмеялся и кивнул, пробормотав:

— Замечательная новость!

И я не притворялся. Мне все еще было страшновато, но я знал: это всего лишь фантом. Перед нами открылся другой океан. Но мы найдем в нем нужный курс. И переплывем его вместе.

* * *

Мне понадобилось несколько дней, чтобы спуститься с небес на землю. До самых выходных у нас не оказалось реальной возможности поговорить — Франсина преподавала в университете Нового Южного Уэльса, и хотя она могла отложить на пару дней собственные исследования, экзаменационная сессия никого ждать не станет. Мне же предстояло спланировать тысячу дел: шестимесячная стипендия от ЮНЕСКО, оплатившей мое участие в проекте в Басре, закончилась, и пора было задуматься о заработках.

В понедельник, оставшись в квартире наедине со своими мыслями, я начал просматривать все журналы, которыми последнее время пренебрегал. В Ираке я служил одной идее, поручив своей поисковой программе информировать о работах, имеющих отношение к Стене, а все остальное игнорировать.

Просматривая сводку за последние шесть месяцев, я зацепился взглядом за статью из журнала «Наука»: «Экспериментальная модель декогерентности в космологии многих миров». Группа голландских ученых из Дельфтского университета добилась того, что простой квантовый компьютер* выполнил последовательность арифметических операций в регистре, подготовленном для хранения одинаковой суперпозиции бинарных репрезентаций двух различных чисел. В самом этом факте не было ничего нового — ныне суперпозициями, представляющими до 128 чисел, манипулировали ежедневно, хотя и только в лабораторных условиях и при температурах, близких к абсолютному нулю.

Необычным, однако, было то, что на каждой стадии расчетов ку-

* Здесь читателю рекомендуется прочесть прилагаемые к повести комментарии о принципах устройства квантового компьютера. (Прим. ред.)

биты — квантовые биты, — содержащие те самые числа, были специально связаны с другими, дополнительными, кубитами в компьютере. В результате секция, производящая вычисления, перестала находиться в чистом квантовом состоянии: она вела себя не так, как если бы содержала два числа одновременно, а как если бы существовала лишь равная вероятность содержания любого из них. А это подрывало уже и квантовую природу вычисления — столь же уверенно, как если бы весь компьютер был недостаточно экранирован и связан с объектами в окружающей его среде.

Однако имелась и одна критическая разница: в данном случае экспериментаторы все еще имели доступ к дополнительным кубитам, из-за которых расчет приходилось делать классическим образом. Когда они произвели соответствующее измерение состояния компьютера как целого, было показано, что все это время он оставался в суперпозиции. Одно измерение не могло этого доказать, но эксперимент был повторен тысячи раз, и в пределах погрешности их предсказание было подтверждено: хотя суперпозиция стала недетектируемой, когда они игнорировали дополнительные кубиты, в действительности она никуда не исчезала. Оба классических расчета всегда происходили одновременно, несмотря на то, что они утратили способность к квантово-механическому взаимодействию.

Я сидел за столом, обдумывая этот результат. На одном уровне тут было лишь масштабирование проведенных в 90-х годах экспериментов по «квантовому стиранию», но образ крошечной компьютерной программы, выполняющей операцию за операцией и кажущейся «себе» уникальной и единственной, тогда как в действительности все это время рядом работает ее вторая версия, «не подозревающая» о первой, мог вызвать гораздо больший резонанс, чем эксперимент по интерференции фотонов. Я уже успел свыкнуться с идеей о квантовых компьютерах, производящих несколько вычислений одновременно, но этот магический трюк всегда казался чем-то абстрактным и эфемерным, и как раз из-за того, что составные части компьютера до самого конца продолжали вести себя как сложное целое. Но что поразило меня здесь, так это яркая демонстрация способа, из-за которого каждая калькуляция может казаться четкой классической историей, столь же рутинной, как перебрасывание костяшек на счетах.

Вернувшись домой, Франсина застала меня за приготовлением обеда, но я тут же схватил свой компьютер и показал ей статью.

— Да, я ее видела, — сказала она.

— И что ты думаешь?

Она подняла руки и с притворным страхом отпрянула.

— Я серьезно.

— А что ты хочешь от меня услышать? Доказывает ли это ИММ — «интерпретацию многих миров»? Нет. Становится ли ее легче понять с помощью такой игрушечной модели? Да.

— Но неужели она не склонила тебя в пользу этой интерпретации? — не унимался я. — И веришь ли ты, что результат окажется таким же, если его можно будет масштабировать до бесконечности? — От игрушечной вселенной — горстки кубитов — до реальной.

Она пожала плечами:

— Вообще-то, меня ни к чему не надо склонять. Я и так всегда считала ИММ наиболее правдоподобной интерпретацией.

Я оставил эту тему и вернулся на кухню, а она достала для проверки стопку контрольных работ.

Но той ночью, когда мы лежали в постели, я не смог выбросить из головы дельфтский эксперимент.

— Веришь ли ты, что существуют другие версии нас с тобой? — спросил я Франсину.

— Полагаю, они должны быть. — Она произнесла это так, словно речь шла о чем-то абстрактном и метафизическом. Те, кто декларирует веру в ИММ, похоже, никогда не желают воспринимать ее серьезно, и уж тем более лично.

— И это тебя не волнует?

— Нет, — небрежно ответила она. — Поскольку изменить ситуацию я не в силах, то какой смысл из-за нее волноваться.

— Весьма прагматично. — Франсина вытянула руку и стукнула меня по плечу. — Это был комплимент! — запротестовал я. — Я тебе завидую из-за того, что ты смогла так легко с этим примириться.

— На самом-то деле я не примирилась, — призналась она. — Я просто запретила себе развивать эту мысль, а это уже совсем другое дело.

Я повернул голову, чтобы взглянуть ей в лицо, хотя мы едва видели друг друга в темноте.

— А что в жизни приносит тебе наибольшее удовлетворение? — спросил я.

— Полагаю, ты сейчас не в том настроении, чтобы поверить слащавому романтическому ответу? — Она вздохнула. — Не знаю. Решение проблем. Приведение всего в порядок.

— А что если на каждую решенную тобой проблему есть кто-то

такой же, как и ты, но только он или она, наоборот, терпит поражение?

— Я свои поражения преодолеваю сама. Пусть и они поступают так же.

— Ты ведь знаешь, что это неудачный ответ. Некоторые из них попросту не справляются. Если у тебя находятся силы изменить ситуацию, то всегда сыщется тот, кто их не найдет.

Франсина не ответила.

— Недели две назад я спросил Садыка о временах, когда он занимался разминированием. И он ответил: это занятие приносило ему больше удовлетворения, чем очистка пустыни от обедненного урана. Один направленный взрыв — и сразу видишь, что сделал нечто стоящее. У всех нас в жизни бывают подобные моменты, наполненные чистым и однозначным ощущением успеха: сколько бы мы в своей судьбе ни напортачили, всегда найдется хотя бы одна вещь, которую мы сделали правильно. — Я нервно рассмеялся. — И представь, эта вера меня согревает.

— Однако ничто из сделанного тобой никогда не исчезнет. И никто не придет и не отнимет этого у тебя.

— Знаю. — По коже пробежали мурашки, когда я представил, как моя менее удачливая версия возникает на пороге, требуя свою долю. — Однако это выглядит до отвращения эгоистичным. Не хочу, чтобы все, что делает меня счастливым, оплачивалось кем-то другим. И не хочу, чтобы каждый выбор становился наподобие... драки с другими моими версиями за приз в игре с нулевой суммой.

— Нет. — Франсина помолчала несколько секунд. — Но если реальность такова, что ты можешь с ней поделаться?

Ее слова зависли в темноте. Что я могу с ней поделаться? Ничего. Но действительно ли я хочу на этом остановиться, подмывая фундамент собственного счастья, когда нет абсолютно ничего, что можно обрести — ни для кого?

— Ты права. Это какой-то бред. — Я поцеловал ее. — Спи, больше не буду лезть к тебе со своей болтовней.

— Это не бред, — отозвалась она. — Но у меня пока нет ответов на эти вопросы.

* * *

На следующее утро, когда Франсина ушла на работу, я взял свой компьютер и увидел, что она переслала мне электронную книгу — вышедшую в 90-х годах антологию убогих рассказов на тему «альтерна-

тивной истории» под названием «Боже, она полна царей!»* — «Что если бы Ганди был безжалостным солдатом удачи? Что если бы Теодору Рузвельту пришлось отражать нашествие марсиан? Что если бы нацисты убили хореографа Джанет Джексон?».

Я пробежал глазами предисловие, то усмехаясь, то издавая стон, потом закрыл файл книги и сел за работу. Мне предстояло закончить с десяток мелких административных дел для ЮНЕСКО, прежде чем я смогу всерьез заняться поиском новой работы.

Часам к трем дня я почти закончил, но нарастающее чувство радости, которое я ощутил, избавляясь по очереди от этих скучных обязательств, принесло с собой и последствия: некто, отличающийся от меня лишь чем-то ничтожно малым — тот, кто делил со мной одну и ту же историю жизни вплоть до сегодняшнего утра, — отложил эту работу на потом. Тривиальность этого наблюдения лишь делала его более раздражающим; дельфтский эксперимент прокрался в мою повседневную жизнь на бытовом уровне.

Я снова открыл присланную Франсиной книгу и попытался одолеть несколько рассказов, но вульгарный взгляд авторов на исходные предпосылки раздражал невероятно. Мне было глубоко безразлично, какой поднялся бы скандал, если бы Мэрилин Монро завела альковные шашни с Ричардом Фейнманом и Ричардом Никсоном. Мне хотелось лишь избавиться от удушающей убежденности: все, что у меня было, стало миражом; вся моя жизнь была лишь ограниченным видом на нечто вроде камеры пыток, где каждая отпразднованная мной радостная отсрочка приговора была на самом деле непреднамеренным предательством.

Если вымысел не смог принести мне утешения, то как насчет фактов? Даже если космология Многих Миров верна, то никто не может знать наверняка, каково ее следствие. И будет заблуждением считать, что все физически возможное обязано произойти — большинство космологов, чьи работы я читал, полагали, что Вселенная как целое обладает единственным, определенным квантовым состоянием, и хотя это состояние изнутри кажется множеством четких классических историй, нет причины считать, что эти истории в сумме составляют нечто вроде исчерпывающего каталога. Тот же вывод справедлив и при меньших масштабах: всякий раз, когда двое садятся играть в шахматы, нет причин полагать, что они сыграют все теоретически возможные партии.

* *«My God, It's Full of Tsars!»* — название намекает на знаменитую фразу героя фильма *«Космическая одиссея 2001 года»*, воскликнувшего при виде открывшейся его взору Вселенной: *«My God, it's full of stars!»* (Боже, она полна звезд!).

А если бы девять лет назад я стоял в том переулке, борясь со своей совестью? Мое субъективное чувство нерешительности ничего не доказывает, но даже если бы я не испытывал никаких колебаний, то обнаружить человеческое существо в квантовом состоянии чистой и непоколебимой решительности было бы в лучшем случае чертовски маловероятно, а в реальности, скорее всего, и физически невозможно.

— Да пошло оно все!..

Я не знал, как давно настроил себя на этот приступ паранойи, но не собирался затягивать его даже на секунду. Поэтому я пару раз крепко приложился лбом к столу, а потом взял компьютер и направился напрямиком на сайт с предложениями о работе.

От навязчивых мыслей я так до конца и не избавился — это слишком смахивало на попытки не думать о розовом слоне. Впрочем, я обнаружил, что всякий раз, когда они возвращались, мне удавалось спугнуть их угрозой отправиться к психиатру. Перспективы объяснять врачу суть настолько эксцентричной ментальной проблемы оказалось вполне достаточно, чтобы обнаружить в себе прежде неиспользованные запасы самодисциплины.

К тому времени когда я начал готовить обед, я уже чувствовал себя всего лишь глупо. Если Франсина снова заведет разговор на эту тему, то я превращу все в шутку. Мне не нужен психиатр. Да, я немного сомневаюсь в своей удаче и до сих пор слегка ошеломлен новостью о будущем отцовстве, но для умственного здоровья вряд ли будет полезно воспринимать все события жизни как должное.

Компьютер звякнул, подавая сигнал. Франсина снова заблокировала видео, словно пропускная способность канала связи даже здесь столь же драгоценна, как вода.

— Алло?

— Бен? У меня кровотечение. Я в такси. Сможешь встретить меня в госпитале святого Винсента?

Голос у нее был ровный, но у меня мгновенно пересохло во рту.

— Конечно. Буду через пятнадцать минут.

Я не мог добавить ничего. «Я люблю тебя. Все будет хорошо, держись». Ей эти слова не были нужны, они бы лишь навлекли несчастье.

Полчаса спустя я все еще торчал в пробке, до боли стискивая кулаки от ярости и беспомощности. Я смотрел на приборную панель, где на карте в реальном времени были показаны все остальные застрявшие машины, и наконец перестал обманывать себя мыслью о том, что смогу в любой момент свернуть в боковую улицу, волшебным образом

оказавшуюся свободной, и всего за несколько минут промчусь через весь город.

В палате, укрывшись за шторами вокруг кровати, лежала сжавшаяся в комочек и оцепеневшая Франсина — повернувшись ко мне спиной и отказываясь взглянуть на меня. Я мог лишь стоять рядом. Гинекологу еще предстояло объяснить все подробно, но я уже знал, что выкидыш сопровождался осложнениями, и пришлось сделать операцию.

Еще до того, как я подал заявку на стипендию ЮНЕСКО, мы обсуждали возможный риск. Для двух благоразумных, хорошо информированных и прибывших в пустыню на короткий срок исследователей он казался микроскопическим. Франсина ни разу не ездила в пустыню вместе со мной, и даже среди жителей Басры частота выкидышей и появления на свет детей с врожденными дефектами уже давно пошла на убыль. И она, и я принимали противозачаточные средства, а использование презервативов выглядело как перестраховка. Неужели это я привез ей что-то из пустыни? Крупинку пыли, застрявшую под крайней плотью? Неужели я отравил ее, когда мы занимались любовью?

Франсина повернулась ко мне. Кожа вокруг ее глаз была серой и набухшей, и я видел, с каким трудом она смотрит мне в глаза. Она медленно высвободила руки из-под одеяла и протянула их ко мне. Они оказались ледяными.

Вскоре она зарыдала, не выпуская моих рук. И я смог лишь погладить ее большие пальцы своими — осторожно и нежно.

2020

— Как ты себя чувствуешь сейчас?

Спрашивая, Оливия Мэслин не встретилась со мной взглядом — все ее внимание поглощала спроецированная на сетчатку информация о моей мозговой активности.

— Хорошо. Точно так же, как и до того, как ты начала вливание.

Я полулежал на конструкции, напоминающей кресло дантиста, на голове у меня плотно сидела шапочка, напичканная магнитными датчиками и индукторами. Легкий холодок жидкости, втекающей в вену руки, игнорировать было невозможно, но это ощущение не отличалось от того, которое я испытал в прошлый раз, две недели назад.

— Сосчитай до десяти, пожалуйста.

Я повиновался.

— Теперь закрой глаза и представь то же знакомое лицо, что и в прошлый раз.

Она сказала, что я могу выбрать кого угодно. Я выбрал Франсину.

К этому времени я уже заново воспроизвел прежнюю цепочку действий: прочел тот же рассказ («Два ветерана» Скотта Фицджеральда), прослушал тот же музыкальный отрывок («Сорока-воровка» Россини), вспомнил тот же эпизод из детства (мой первый школьный день). В определенном моменте я избавился от всякой тревоги по поводу того, что не смогу с достаточной точностью воспроизвести прежнее ментальное состояние — в конце концов, цель эксперимента как раз и заключалась в выявлении неизбежных отличий между двумя сессиями. А я был всего лишь одним из десятков добровольцев, и половине из нас во время обеих сессий кололи в вену обычный физиологический раствор. Насколько мне было известно, я как раз и был одним из таких — контрольным участником, нужным лишь для проведения базовой линии, относительно которой будет измеряться любой реальный эффект.

Впрочем, если мне и вводили искажители когерентности, то, насколько я мог судить, препараты не оказывали на меня никакого действия. Моя внутренняя жизнь не испарялась, едва эти молекулы связывались с микроканалами в моих нейронах, гарантируя, что любой вид квантовой когерентности, который нейронные структуры могли в ином случае сохранять, будут рассеяны в окружающей среде за долю пикосекунды.

Лично я никогда не соглашался с теорией Пенроуза о том, что квантовые эффекты могут играть роль в сознании; расчеты двадцатилетней давности, приведенные еще в семинарской статье Макса Тегмарка, уже сделали устойчивую когерентность в любой нейронной структуре чрезвычайно маловероятной. Тем не менее от Оливии и ее команды потребовалась немалая изобретательность, чтобы похоронить эту идею окончательно и бесповоротно в серии экспериментов, последовательно отсекающих все аргументы в поддержку данной теории. Вот уже два года как они изгоняли этого призрака из различных структур, которые разные группы учеников Пенроуза объявляли важнейшими квантовыми компонентами мозга. Самое раннее их предложение — микроканалы, они же гигантские полимерные молекулы, образующие нечто вроде скелета внутри каждой клетки — оказалось и самым крепким орешком. Но вполне возможно, что сейчас цитоскелеты каждого из моих нейронов усеяны молекулами, прочно связывающими их с микроволновым полем, в котором мой череп буквально купается. А в этом случае у моих микроканалов столько же шансов

воспользоваться квантовыми эффектами, как и у меня сыграть в сквош со своим двойником из параллельного мира.

Когда эксперимент закончился, Оливия поблагодарила меня, но стала еще более отстраненной, занявшись анализом результатов. Радж, один из ее аспирантов, вынул из моей вены иглу, залепил крошечную ранку пластырем и помог мне снять шапочку.

— Конечно, тебе пока неизвестно, был я в контрольной группе или нет, — сказал я ему, — но замечал ли ты у кого-нибудь значительную разницу?

Я был одним из последних испытуемых в экспериментах с микроканалами, и если какие-либо эффекты имелись, то сейчас бы их уже выявили. Оливия загадочно улыбнулась:

— Дождись публикации, и все узнаешь.

Радж наклонился ближе и прошептал:

— Нет, никогда.

Я встал с кресла.

— Зомби идет! — провозгласил Радж. Я сделал вид, будто желаю полакомиться его мозгом, и Радж, смеясь, попятился. Оливия наблюдала за нами с выражением терпеливой снисходительности. Самые упорные приверженцы Пенроуза утверждали, что эксперименты Оливии не доказывают ничего, потому что даже если люди ведут себя одинаково, когда все квантовые эффекты исключены, они могут проделывать это как простые автоматы, полностью лишённые сознания. Когда же Оливия предложила своему главному оппоненту попробовать на себе блокировку когерентности, тот ответил, что это не прибавит ее доводам убедительности: ведь воспоминания, заложенные в состоянии, когда человек является зомби, будут неотличимы от обычных воспоминаний, и поэтому, вызывая в памяти пережитое, вы не заметите ничего необычного.

Подобная аргументация могла кого угодно привести в отчаяние — с тем же успехом можно было предположить, что все в мире, кроме тебя самого, являются зомби, и ты сам становишься им каждый второй вторник. По мере того, как эксперименты повторялись другими группами по всему миру, сторонники теории Пенроуза как научной гипотезы, а не как подобия мистической догмы, постепенно соглашались с тем, что ее следует отвергнуть.

* * *

Я вышел из здания неврологической лаборатории и зашагал через кампус, возвращаясь в свой кабинет на факультете физики. Было мяг-

кое и ясное весеннее утро, студенты лежали на траве и дремали, прикрыв лица раскрытыми книгами. Все-таки у чтения со старомодных листков бумаги еще остались кое-какие преимущества. Я вставил себе в глаза чипы всего год назад, и хотя адаптировался к этой технологии достаточно легко, меня до сих пор раздражало, что просыпаясь воскресным утром, я видел, как Франсина, не вставая с постели, читает «Геральд» с закрытыми глазами.

Полученные Оливией результаты меня не удивили, но я испытывал удовлетворение от того, что проблема решена раз и навсегда: сознание оказалось чисто классическим, а не квантовым феноменом. Кроме всего прочего, это означало: нет причин полагать, что программа, работающая в классическом компьютере, не может обладать сознанием. Разумеется, всё во Вселенной на каком-то уровне подчиняется квантовой механике, но Поль Беньоф, один из пионеров квантовых вычислений, еще в 80-е годы показал, что можно построить классическую машину Тьюринга из квантово-механических частей, а последние несколько лет я в свободное время изучал раздел теории квантовых вычислений, ставящий перед собой цель — избегать квантовых эффектов.

Вернувшись в кабинет, я вызвал на внутриглазной экран схему устройства, которое назвал «Квасп» — квантовый синглетонный процессор*. Квасп будет использовать все технологии, разработанные для экранирования последнего поколения квантовых компьютеров от «сцепления»** с окружающей средой, но для совершенно иной цели. Квантовый компьютер экранируют, чтобы он мог выполнять большое число параллельных вычислений и чтобы каждое из них при этом не порождало собственную независимую историю, в которой доступен лишь один ответ. Квасп же станет выполнять в каждом такте лишь одно вычисление, но на пути к уникальному результату он окажется способен безопасно проходить сквозь суперпозиции, включающие любое количество альтернатив, не превращая эти альтернативы в реальность. Отрезанный от внешнего мира на протяжении каждого такта вычислений, он будет сохранять свою временную квантовую амбивалентность такой же частной и не относящейся к делу, как мечта или сновидение, и никогда не будет вынужден про-

* *Singleton (англ.) — переводится как «одиночка», но также означает и «множество, состоящее из одного элемента».*

** *В оригинале этот термин квантовой физики звучит как «entanglement» и переводится как «спутанность, переплетение». Физический смысл термина поясняется в сопроводительной статье.*

игрывать каждую вероятность, которую он осмелится принять во внимание.

Квасп все еще будет нуждаться во взаимодействии со своим окружением всякий раз, когда он примется собирать информацию о мире, и это взаимодействие будет неизбежно расщеплять его на различные версии. Если вы снабдите Квасп камерой и направите ее на обычный предмет — камень, растение, птицу, — то вряд ли стоит ожидать, что такой объект будет обладать единственной классической историей, поэтому ее не будет и у комбинированной системы «Квасп плюс камень», «Квасп плюс растение» и «Квасп плюс птица».

Однако Квасп сам по себе никогда не станет инициировать расщепление. В пределах данного набора обстоятельств он всегда будет давать лишь один ответ. Работающий на базе Кваспа искусственный интеллект сможет принимать решения столь прихотливо или с той веской рассудительностью, с какой только пожелает, но для каждого конкретного сценария, с которым он столкнется, он в конце концов сделает только один выбор, станет следовать лишь одному образу действия.

Я закрыл файл, и выведенное на сетчатку изображение исчезло. Несмотря на весь труд, вложенный в разработку устройства, я не делал никаких попыток его построить. Я пользовался им как чем-то вроде талисмана: всякий раз, когда я ловил себя на том, что представляю собственную жизнь в образе безмятежного жилища, построенного над бойней, я воскрешал в памяти Квасп как символ надежды. Он был доказательством вероятности, а ничего, кроме вероятностей, ему и не требовалось. Ничто в законах физики не могло помешать малой части потомков человечества избежать беспутства и расточительности своих предков.

И все же я уклонялся от любых попыток увидеть это обещание выполненным. Отчасти из-за того, что боялся погрузиться в работу слишком глубоко и обнаружить просчет в конструкции Кваспа, лишив себя же единственного костыля, помогавшего выстоять, когда меня захлестывал ужас. А также из чувства вины: мне столько раз довелось испытать счастье, что теперь казалось бессовестным домогаться этого состояния снова. Я выбил с ринга так много своих неудачливых кузенов, что настало время проиграть бой и позволить, чтобы приз достался противнику.

Этот последний довод был попросту идиотским. Чем сильнее станет мое стремление создать Квасп, тем больше возникнет развилки вероятностей, в которых он окажется реальностью. Ослабление же моей

решимости вовсе не было актом благотворительности, уступкой преимуществ кому-либо другому — это всего лишь ухудшало любую будущую версию меня и каждого, кого они коснутся.

Имелось у меня и третье оправдание. Настало время разобраться с ним.

Я связался с Франсиной.

— Сможешь освободиться на время обеда? — спросил я. Она помедлила с ответом, у нее всегда была срочная работа. — Чтобы обсудить уравнения Коши-Римана... — намекнул я.

Она улынулась. Это был наш тайный код, обозначающий, что просьба особенная.

— Хорошо. Тогда в час?

Я кивнул:

— До встречи.

Франсина опоздала на двадцать минут, но я привык ждать ее и дольше. Полтора года назад ее назначили заместителем декана факультета математики, а у Франсины кроме новой административной работы остались и кое-какие преподавательские обязанности. Я же за последние восемь лет заключил несколько краткосрочных контрактов с различными нанимателями — государственными учреждениями, корпорациями, неправительственными организациями, — но кончилось тем, что я занял одну из младших должностей на физическом факультете нашей альма-матер. Конечно, я завидовал престижу и гарантированности работы Франсины, но был вполне удовлетворен своей деятельностью, далекой, впрочем, от того, что принято считать традиционной карьерой.

Я взял Франсине большую тарелку бутербродов с сыром и салатом. Она с аппетитом принялась за еду.

— У меня от силы минут десять, правильно? — уточнил я.

— Разговор мог бы подождать и до вечера, — пробубнила она, прикрыв рот ладонью.

— Иногда я не могу откладывать решения на потом. И должен действовать, пока не лишился храбрости.

После такой многозначительной прелюдии она стала жевать медленнее.

— Сегодня утром ты прошел второй этап эксперимента Оливии?

— Да. — Я обсудил с Франсиной всю процедуру еще до того, как вызвался добровольцем.

— Как я поняла, ты не потерял сознание, когда твои нейроны стали еще более классическими, чем обычно? — Она глотнула через соломинку шоколадное молоко.

— Нет. Очевидно, никто и ничего не терял. Официальных результатов пока нет, но...

Франсина кивнула, ничуть не удивившись. Наше мнение насчет теории Пенроуза совпадало, и сейчас не было нужды обсуждать ее снова.

— Я хочу знать, собираешься ли ты делать операцию? — спросил я.

Она еще несколько секунд потягивала молоко, потом выпустила соломинку и вытерла пальцем верхнюю губу, хотя в этом не было необходимости.

— Ты хочешь, чтобы я приняла решение? Здесь и сейчас?

— Нет. — Повреждение матки, которое она получила в результате выкидыша, могло быть исправлено хирургическим путем, и мы возвращались к этой теме в течение вот уже пяти лет. И я, и она прошли полную хелатотерапию* для удаления из организма любых следов урана-238. Мы могли завести ребенка обычным путем, и почти не рискуя — если бы она этого захотела. — Но если уже приняла решение, то я хочу, чтобы ты сообщила о нем сейчас.

— Так нечестно, — обиделась Франсина.

— Что именно? Намек на то, что ты могла и не поделиться со мной своим мнением?

— Нет. Намек на то, что ты свалил всю ответственность на меня.

— Я вовсе не собираюсь умыть руки и уклоняться от решения. Ты ведь прекрасно знаешь о моих чувствах. Но знаешь также, что я поддерживаю тебя полностью, если ты скажешь, что хочешь выносить ребенка. — Я верил в это. Возможно, то была некая форма двоемыслия, но я не мог рассматривать рождение еще одного обычного ребенка как некую жестокость и отказываться принимать в этом участие.

— Прекрасно. Но что ты станешь делать, если я не захочу? — Она невозмутимо разглядывала мое лицо. Думаю, она уже знала ответ, но хотела, чтобы я его озвучил.

— Мы всегда можем усыновить ребенка, — нарочито ровным тоном проговорил я.

— Да, можем. — Франсина слегка улыбнулась. Она знала, что лишила меня возможности блефовать, и даже быстрее, чем когда смущала меня взглядом.

Я перестал разыгрывать загадочность — Франсина с самого начала видела меня насквозь.

* Хелаты — сложные органические молекулы, имеющие или принимающие форму клешней, благодаря чему они способны образовывать прочные комплексные соединения с атомами металлов.

— Я просто не хочу на тебя давить, склонять к поступкам, о которых ты пожалеешь.

— На этот счет не волнуйся, — заверила она. — Мы и в этом случае все равно сможем завести ребенка.

— Но не столь легко. — Дело было не только в родителях-трудоголиках или обычном брате или сестре, тоже претендующем на внимание мамы и папы.

— Ты решишься на этот шаг только в том случае, если я смогу пообещать, что это будет наш единственный ребенок? — Франсина покачала головой. — Я не собираюсь давать такого обещания. Я также не намерена делать операцию в ближайшее время, однако не стану клясться, что не передумаю. И еще я не стану клясться в том, что если мы это сделаем, то это никак не повлияет на ход дальнейших событий. Еще как повлияет. Но этого будет недостаточно, чтобы принимать любые решения «за» или «против».

Я посмотрел в сторону, поверх столов — на студентов, погруженных в свои заботы. Она была права — я повел себя безрассудно. Мне хотелось, чтобы это стало выбором без возможных побочных последствий, но гарантировать этого не мог никто. Как и все прочее в жизни, это будет ставкой в игре.

Я вновь посмотрел на Франсину.

— Хорошо, я больше не стану пытаться поймать тебя на слове. И сейчас мне хочется начать... и построить Квасп. А когда он будет завершен... и если у нас не останется никаких сомнений... я хочу, чтобы мы с его помощью вырастили ребенка. Я хочу, чтобы мы вырастили искусственный интеллект.

2029

Я встретил Франсину в аэропорту, и мы поехали через Сан-Паулу сквозь завесу дождя. Меня изумило, что ее самолет не направили на посадку в другой аэропорт — на побережье, как раз посередине между нами и Рио, обрушился тропический шторм.

— Вот тебе и экскурсия по городу, — посетовал я. Улицы по ту сторону ветрового стекла стали почти невидимыми, а то, что мы все же могли узреть, нечто светлое и сюрреалистически раскрашенное, делало езду похожей на разглядывание трехмерной карты изнутри работающей автомойки.

Франсина была то ли задумчивой, то ли усталой после перелета. Я же с трудом воспринимал Сан-Франциско в качестве далекого города, поскольку разница во времени была небольшой, и даже когда

я летал на север навещать ее, этот перелет казался пустяком по сравнению с трансокеанскими марафонами, которые я прежде выдерживал.

В тот вечер мы рано легли спать. Наутро мы с Франсиной отправились в мою тесную рабочую комнатку в подвале инженерного факультета университета Сан-Паулу. Я гонялся за грантами и искал помощников по всему миру, медленно и по кусочкам собирая устройство, которое вызывало скептическую улыбку многих моих коллег. Сама по себе теория квантовых вычислений в последние годы стала вязнуть, потому что на ее пути встали нехватка практических алгоритмов и предел сложности суперпозиций, которые оказалось возможным поддерживать. Квасп же подталкивал технологическую границу в нескольких многообещающих направлениях, не выставляя при этом чрезмерных требований — состояния, которыми он жонглировал, были относительно простыми, и им лишь требовалось оставаться изолированными на несколько миллисекунд.

Я познакомил Франсину с Карлосом, Марией и Джун, но они ретировались, когда я стал показывать ей лабораторию. На рабочем столе все еще стояла установка для демонстрации принципа «сбалансированной развязки», собранная на прошлой неделе перед визитом одного из наших корпоративных спонсоров. Что заставляло неидеально экранированный квантовый компьютер декогерировать, так это факт, что каждое из возможных состояний устройства воздействовало на окружающую среду несколько иначе. Само экранирование могло быть усовершенствовано, но группа Карлоса отработала способ добиться чуть большей защиты за счет чистой изобретательности. В демонстрационной установке поток энергии, проходящий через устройство, оставался абсолютно постоянным, потому что любое снижение энергопотребления в главном наборе квантовых ворот компенсировалось его увеличением в наборе уравнивающих ворот, и наоборот. Это лишало окружающую среду еще одного намека на угадывание внутренних различий в процессоре и не позволяло разорвать любую суперпозицию на отдельные и несвязанные ветви.

Франсина знала всю теоретическую основу, но никогда не видела эту установку в действии. Когда я указал ей на ручки управления, она повела себя, словно ребенок перед игровой приставкой.

— Тебе действительно следовало бы присоединиться к команде, — заметил я.

— А может, я это уже сделала, — возразила она. — В другой реальности.

Франсина перевелась из университета Нового Южного Уэльса в Беркли два года назад, вскоре после того, как я переехал из Дельфта в Сан-Паулу — географически это была ближайшая подходящая должность, какую она смогла отыскать. Первое время я сожалел о том, что Франсина отказалась пойти на компромисс и поселиться со мной — при всего лишь пятичасовой разнице во времени было вполне возможно преподавать в Беркли, живя в Сан-Паулу. Однако позднее я принял тот факт, что она хочет и далее испытывать меня. Точнее, нас обоих. Если у нас не хватит сил остаться вместе после проверки длительной разлукой — или если у меня не хватит преданности проекту, чтобы смириться с жертвами, которых тот от меня потребует, — то и она не захочет, чтобы мы перешли к следующей стадии.

Я подвел ее к столу, на котором стоял невзрачный серый ящик длиной около полуметра. Потом сделал жест в направлении ящика, и его изображение на наших сетчатках изменилось, «открыв» лабиринт с прозрачной крышкой, встроенный в верхнюю часть устройства. В одной из ячеек лабиринта неподвижно сидела слегка мульташная на вид мышь — не мертвая, но и не спящая.

— Это и есть знаменитая Зелда? — спросила Франсина.

— Да.

Зелда представляла собой нейронную сеть, освобожденный от всего лишнего и стилизованный мышинный мозг. Имелись и более новые и хитроумные версии, сильнее приближенные к оригиналу, но для наших целей вполне годилась и десятилетней давности Зелда, к тому же доставшаяся бесплатно.

В трех ячейках лежали кусочки сыра.

— Сейчас она ничего не знает о лабиринте, — пояснил я. — Давай включим ее и понаблюдаем, как она станет его исследовать. — Я снова сделал жест, и Зелда засуетилась в лабиринте, проверяя его коридорчики и проворно возвращаясь после каждого попадания в тупик. — Ее мозгом управляет Квасп, но сам лабиринт находится в памяти обычного классического компьютера, поэтому, с точки зрения когерентности, он не отличается от лабиринта физического.

— И это означает, что всякий раз, когда Зелда получает информацию, она связывается с внешним миром, — предположила Франсина.

— Совершенно верно. Но перед этим всегда происходит пауза, пока Квасп не завершит текущий вычислительный шаг, а каждый кубит не будет содержать или четкий ноль, или четкую единицу. У нее ни за что не наступает раздвоение сознания в тот момент, когда она выпуска-

ет в него внешний мир, поэтому процесс квантового сцепления не расщепляет ее на отдельные вероятностные ветви.

Франсина продолжала молча наблюдать. Наконец Зелда отыскала одну из ячеек с наградой. Когда мышь съела сыр, ее подняла виртуальная рука и вернула на исходную позицию, а затем положила в ту же ячейку новый кусочек сыра.

— Вот результаты десяти тысяч предыдущих опытов, в наложении. — Я воспроизвел данные. Все выглядело так, как если бы по лабиринту бегала одна-единственная мышь, перемещаясь именно так, как мы видели в последнем эксперименте. Возвращаемая каждый раз в совершенно одинаковые исходные условия и встречая каждый раз совершенно одинаковую окружающую среду, Зелда — подобно любой компьютерной программе, работающей без влияния истинно случайных факторов — попросту делала одно и то же. Все десять тысяч опытов дали одинаковый результат.

Для случайного наблюдателя, не знающего о контексте, результат стал бы совершенно заурядным. Попадая в одну и ту же ситуацию, виртуальная мышь Зелда вела себя абсолютно одинаково. Ну и что? Если бы имелась возможность с такой же степенью точности «отмотать обратно» память живой мыши, то разве она не повторила бы свои действия?

— А ты можешь отключить экранирование? — спросила Франсина. — И балансировку?

— Да. — Я сделал, что она просила, и запустил новый опыт.

Теперь Зелда выбрала другой коридор и принялась исследовать лабиринт по другому маршруту. Хотя исходное состояние нейронной сети было идентичным, происходящие в Кваспе процессы переключения были теперь постоянно открыты для окружающей среды, и суперпозиции (наложения) нескольких различных собственных состояний — то есть состояний, в которых кубиты Кваспа обладали четкими бинарными значениями, которые, в свою очередь, побуждали Зелду делать конкретный выбор — оказывались «сцепленными» с внешним миром. В соответствии с копенгагенской интерпретацией квантовой механики, это взаимодействие случайным образом «схлопывало» суперпозиции в единственное собственное состояние; Зелда и сейчас продолжала совершать лишь по одному поступку на каждом шаге вычислений, но ее поведение перестало быть детерминистическим. В соответствии же с ИММ взаимодействие трансформировало окружающую среду — включая меня и Франсину — в суперпозицию с компонентами, которые были соединены с каждым собственным состоянием; Зелда дейст-

вительно пробегала лабиринт многими различными маршрутами одновременно, и другие наши версии наблюдали за тем, как она избирает все эти маршруты.

Так какой же из сценариев правильный?

— Сейчас я изменю конфигурацию, чтобы поместить всю установку в дельфтскую клетку, — сказал я. Так мы на своем жаргоне называли ситуацию, о которой я впервые прочитал семнадцать лет назад: вместо того, чтобы открывать Квасп окружающей среде, я подключу его ко второму квантовому компьютеру и позволю ему играть роль внешнего мира.

Мы уже не сможем наблюдать за перемещениями Зелды в реальном времени, но когда испытание будет завершено, станет возможно подвергнуть комбинированную систему из двух компьютеров проверке на соответствие гипотезе о том, что она пребывала в чистом квантовом состоянии, в котором Зелда пробежала лабиринт сотнями различных путей, причем одновременно. Я вывел на дисплей репрезентацию гипотетического состояния, построенную наложением всех путей, которые виртуальная мышь прошла во время десяти тысяч опытов без экранирования.

Результат высветился одним словом: **СОВМЕСТИМЫ**.

— Одно измерение ничего не доказывает, — заметила Франсина.

— Конечно.

Я повторил опыт. И вновь гипотеза не была опровергнута. Если Зелда действительно пробежала лабиринт всего лишь одним путем, то вероятность, что система компьютеров пройдет этот несовершенный тест, составляла около одного процента. Но вероятность прохождения его дважды снижалась уже до одной десятитысячной.

Я повторил опыт в третий раз, потом в четвертый.

— Достаточно, — сказала Франсина. Вид у нее был такой, словной ее подташнивало. Изображение сотен смазанных мышинных маршрутов на дисплее не было буквальной фотографией чего-либо, но если старого дельфтского эксперимента оказалось достаточно, чтобы наградить меня интуитивным ощущением реальности мультивселенной, то эта демонстрация, возможно, сделала то же самое для нее.

— Можно показать тебе еще кое-что? — спросил я.

— Оставить дельфтскую клетку, но возобновить экранирование Кваспа?

— Правильно.

Я так и сделал. Теперь Квасп снова был полностью защищен, но

зато сейчас он периодически экспонировался уже не внешнему миру, а второму квантовому компьютеру. Если Зелда снова расщепится на множество ответвлений, то прихватит с собой только ложную окружающую среду, а все доказательства и теперь останутся у нас в руках.

И после проверки гипотезы о том, что расщепления не произошло, мы увидели вердикт: **СОВМЕСТИМЫ. СОВМЕСТИМЫ. СОВМЕСТИМЫ.**

* * *

Мы отправились обедать со всей командой, но Франсина пожаловалась на головную боль и рано ушла. Она настояла, чтобы я остался, и я не стал спорить.

Когда Франсина покинула нас, Мария спросила:

— Так вы в самом деле собираетесь завести ребенка Франкенштейна?

Она поддразнивала меня с тех пор, как мы познакомились, но, очевидно, у нее не хватило смелости заговорить на эту тему при Франсине.

— Нам предстоит все хорошенько обсудить. — Сейчас мне самому было неловко, потому что я согласился говорить об этом, едва за Франсиной закрылась дверь.

— Почему бы и нет? — небрежно спросил Карлос. — Ведь ребятишек создано уже немало. Софи. Линус. Тео. Возможно, еще сотня, о которых мы даже не знаем. Похоже, ребенку Бена будет с кем поиграть.

Последние четыре года «арии» — автономно развивающиеся искусственные интеллекты — появлялись на свет каждые несколько месяцев, озаренные сполохами яростных дебатов. Швейцарская исследовательница Изабелла Шиб взяла старые модели морфогенеза, которые привели к созданию компьютерных программ наподобие Зелды, усовершенствовала технологию на несколько порядков и применила ее к генетическим данным человека. Совмещенные со сложными телами-протезами, создания Изабеллы обитали в физическом мире и обучались на собственном опыте, совсем как обычные дети.

Джун неодобрительно покачал головой:

— Я не стал бы растить ребенка, не имеющего юридических прав. Что с ним будет после моей смерти? А вдруг он в конце концов станет чьей-то собственностью?

Это мы с Франсиной уже обсуждали.

— Не могу поверить, что лет через двадцать в какой-нибудь стране таким детям не дадут гражданства.

— Двадцать лет! — фыркнул Джун. — Сколько времени понадобится Соединенным Штатам, чтобы покончить с рабством?

— Да кто станет создавать ария только для того, чтобы сделать из него раба? — вмешался в наш спор Карлос. — Если кому-то нужна покорность, то проще написать обычную компьютерную программу. А если нужно сознание, то люди дешевле.

— Вопрос сведется не к экономике, — заметила Мария. — То, как с ними станут обращаться, будет определяться природой вещей.

— По-твоему, они столкнутся с ксенофобией? — предположил я. Мария пожала плечами:

— В твоих устах это прозвучало как «расизм», но мы говорим не о человеческих существах. Как только ты получишь программу с собственной волей, свободную делать все, что ей захочется, то чем это завершится? Первое поколение сделает следующее лучше, быстрее, умнее. Второе двинется еще дальше. Мы и ахнуть не успеем, как окажемся муравьями по сравнению с ними.

— Господи, опять это бородатое заблуждение! — простонал Карлос. — Если ты действительно веришь, что аналогия «муравьи относятся к людям так, как люди относятся к иксу» есть доказательство того, что ее можно решить относительно икса, тогда я назначаю тебе встречу там, где южный полюс подобен экватору.

— Квасп работает не быстрее, чем органический мозг, — сказал я. — Нам необходимо следить за тем, чтобы скорость переключений не форсировалась, потому что это снижает требования к экранированию. Возможно, со временем эти параметры удастся изменить, но пока я не вижу ни одной причины, в результате которой арии окажутся более способными мыслителями, чем я или вы. А насчет того, станет ли умнее их следующее поколение... даже если группа Шиб добьется полного успеха, то они всего лишь перенесут развитие человеческой нейронной структуры с одного субстрата на другой. И этот процесс они никак не «усовершенствовали» — что бы вы под этим термином ни подразумевали. Поэтому если арии и имеют над нами какое-то преимущество, то оно не превышает того, которым обладают все дети из плоти и крови: передачи культурного опыта, накопленного еще одним поколением.

Мария нахмурилась, но не нашла аргументов.

— Плюс бессмертие, — сухо напомнил Джун.

— Что ж, да... и это тоже, — признал я.

* * *

Когда я приехал домой, Франсина не спала.

— У тебя все еще болит голова? — прошептал я.

— Нет.

Я разделся и забрался к ней под одеяло.

— Знаешь, чего мне больше всего не хватает? — спросила она. —

Ну, когда мы общаемся по чертовой сети?

— Надеюсь, чего-то не очень сложного. А то я давно не практиковался.

— Поцелуев.

Я поцеловал ее, медленно и нежно, и она растаяла в моих объятиях.

— Еще три месяца, — пообещал я, — и я переберусь в Беркли.

— Чтобы сидеть у меня на шее.

— Я предпочитаю выражение «не получающий зарплаты, но высоко ценимый опекун». — Франсина напряглась. — Но об этом мы сможем поговорить потом. — Я начал целовать ее снова, но Франсина отвернулась.

— Я боюсь, — призналась она.

— И я тоже. Это хороший знак. Все, что стоит сделать, обычно пугает.

— Но не все, что пугает — хорошее.

Я перевернулся на спину и вытянулся рядом с ней.

— На одном уровне размышлений это легко, — заговорила она. — Можно ли подарить дочери нечто большее, чем власть принимать реальные решения? И можно ли избавить ее от судьбы худшей, чем необходимость действовать против своего же здравого смысла — снова и снова. Если вопрос поставить именно так, то ответ прост.

Но каждая клеточка моего тела все равно бунтует против него. Как она станет воспринимать себя, зная, кто она такая? Как станет заводить друзей? Как найдет родственную душу? Сможет ли не презирать нас за то, что мы сделали из нее уroda? А что если мы лишим ее чего-то ценного для нее: возможности прожить миллион жизней, но без вынужденной необходимости выбирать между ними? А вдруг она решит, что наш дар ее чего-то лишил?

— Она в любой момент сможет убрать экранирование Кваспа, — ответил я. — И как только разберется, что и как работает, то сможет выбрать сама.

— Верно. — Судя по голосу, Франсина ничуть не смягчилась. Наверное, я озвучил ее давние мысли. Все обычные человеческие ин-

стинкты вопили нам о том, что мы ввязываемся в нечто опасное, неестественное, амбициозное — но эти инстинкты в большей степени оберегали нашу репутацию, нежели защищали нашего будущего ребенка. Ни один родитель, за исключением самых нерадивых, не будет пригвожден к позорному столбу, если их ребенок из плоти и крови окажется неблагодарным. Если бы я стал бранить своих родителей за то, что они не обеспечили мне в детстве должных условий, то нетрудно догадаться, на чьей стороне оказались бы симпатии общества. Однако все неудачи и промахи с нашим ребенком — сколько бы любви и душевного тепла мы в него ни вложили — станут поводом для линчевания: мы, видите ли, не захотели довольствоваться той судьбой, которую любой другой с радостью пожелал ребенку собственному.

— Сегодня ты видела Зелду, размазанную по вероятностным ветвям, — сказал я. — И теперь в глубине души знаешь, что то же самое происходит и со всеми нами.

— Да. — Когда Франсина выдала это признание, внутри меня что-то оборвалось. На самом деле мне никогда не хотелось, чтобы и она это ощутила. Так, как это ощущал я.

— И ты сознательно приговоришь к такому собственному ребенку? — не унимался я. — И своих внуков? И правнуков?

— Нет. — Теперь она меня отчасти ненавидела — я слышал это в ее голосе. То было мое проклятие, моя навязчивая идея; до встречи со мной она ухитрялась верить и не верить, не придавая собственному восприятию мультиселенной серьезного значения.

— Я не могу сделать этого без тебя.

— Прекрасно сможешь. Намного легче, чем любую из альтернатив. Тебе даже не понадобится анонимный донор яйцеклетки.

— Я не смогу этого сделать, если ты не поддержишь меня. Скажи только слово, и я остановлюсь на том, что уже есть. Мы построили Квасп. Доказали, что он способен работать. Даже если мы не сделаем этого последнего шага сами, то его сделает кто-то другой, лет через десять или двадцать.

— Если мы этого не сделаем, — язвительно заметила Франсина, — то мы же просто сделаем это в другой реальности.

— Верно, но думать так бесполезно. В конце концов, я не могу действовать, если только не притворяюсь, что передо мной стоят реальные варианты выбора. Сомневаюсь, что кто-либо способен на иное.

Франсина надолго замолчала. Я уставился в темноту, упорно ста-

раясь не думать о том, что ее решение почти наверняка окажется двояким.

Наконец она заговорила:

— Тогда давай сделаем ребенка, которому не нужно будет притворяться.

2031

Изабелла Шиб пригласила нас в свой кабинет. В реале она оказалась чуть менее пугающей, чем в онлайн; причина крылась не в ее внешности или поведении, а всего лишь в обыденности обстановки. Мне представлялось, что она обитает в каком-нибудь огромном, похожем на храм и высокотехнологичном здании, а не в обшарпанных комнатухах на скромной улочке в Базеле.

Когда с любезностями было покончено, Изабелла перешла к делу:

— Вы приняты, — объявила она. — Контракт я вышлю сегодня в конце дня.

Дыхание перехватило — мне полагалось испытывать воодушевление, но я оторопел от такого натиска. Группа Изабеллы получила лицензию на три новых ария в год. Список кандидатов сейчас насчитывал около сотни супружеских пар, а заявки исчислялись десятками тысяч. Мы приехали в Швейцарию для процедуры решающего отбора, проводимого агентством по усыновлению. Во время всех этих интервью, анкетирований и тестов я почти убедил себя в том, что наша решимость в конечном итоге себя окупит, но в реальности эта убежденность оказалась лишь химерой.

— Спасибо, — невозмутимо отозвалась Франсина.

Я кашлянул:

— И вас устраивают все наши предложения? — Если согласие Изабеллы подразумевает и некие дополнительные условия, способные обесценить это чудо, то лучше услышать их сейчас, пока шок еще не прошел и я не начал воспринимать все как должное.

Изабелла кивнула:

— Я не претендую на звание эксперта в соответствующих областях, но попросила нескольких коллег оценить устройство Кваспа и не вижу причин, препятствующих его внедрению. Я полный скептик относительно ИММ, поэтому не разделяю вашего мнения о том, что Квасп здесь необходим, но если вас тревожило то, что я могла вычеркнуть вас, решив, будто вы сумасшедшие, — тут она слегка улыбнулась, — то вам следовало бы пообщаться с некоторыми другими претендентами.

Полагаю, что главное для вас — благополучие ария, и вы не страдаете ни одним из предрассудков — технофобией или технофилией, — которые испортят наши отношения. И еще, как вы обязаны помнить, за мной сохраняется право на посещения и инспекцию в течение всего периода вашего опекунства. Если будет обнаружено, что вы нарушаете хотя бы одно из условий контракта, то ваша лицензия будет отозвана, и заботу об арии я возьму на себя.

— А каковы, по вашему мнению, перспективы более счастливого завершения нашего опекунства? — спросила Франсина.

— Я постоянно лоббирую Европейский парламент, — ответила Изабелла. — Разумеется, через пару лет несколько ариев достигнут такого уровня развития, когда их личные показания будут учитываться как аргументы в дебатах, но не стоит сидеть сложа руки в ожидании, когда это произойдет. Фундамент нужно готовить заранее.

Мы проговорили почти час. Изабелла накопила немалый опыт в борьбе с чрезмерным вниманием средств массовой информации и пообещала выслать нам вместе с контрактом целый справочник по этой хитрой науке.

— Хотите познакомиться с Софи? — спросила она, словно только что вспомнив об этом.

— Это было бы замечательно, — ответила Франсина. Мы видели Софи на видео, когда ей исполнилось четыре года, но нам никогда не подворачивалась возможность поговорить с ней и уж тем более встретиться лицом к лицу.

Мы вышли из кабинета втроем, и Изабелла повезла нас к своему дому на окраине города.

Уже в машине я начал заново возвращаться к реальности. Я ощущал ту же смесь возбуждения и клаустрофобии, что и двадцать один год назад, когда Франсина встретила меня в аэропорту новостью о своей беременности. Компьютерное зачатие еще не практиковалось, но если бы секс оказался хотя бы наполовину отягощен таким риском и ответственностью, то я остался бы девственником на всю жизнь.

— Не приставать и не допрашивать, — предупредила нас Изабелла, сворачивая на дорожку перед домом.

— Разумеется, — отозвался я.

— Марко! Софи! — окликнула Изабелла, когда мы вошли в дом следом за ней. В дальнем конце прихожей я услышал детское хихиканье и голос взрослого мужчины, что-то шепчущего по-французски. Затем из-за угла вышел муж Изабеллы — улыбающийся молодой брюнет, на плечах которого восседала Софи. Сперва я не решался взгля-

нуть на нее и лишь вежливо улыбнулся Марко, угрюмо отметив, что он как минимум на пятнадцать лет моложе меня. И как мне вообще могло прийти в голову решиться на такое в свои сорок шесть? Потом посмотрел выше и поймал взгляд Софи. Секунду-другую она невозмутимо смотрела мне в глаза, но потом ее охватила застенчивость, и она зарылась лицом в волосы Марко.

Изабелла представила нас на английском; Софи учили говорить на четырех языках, хотя в Швейцарии этим вряд ли кого удивишь.

— Привет, — сказала Софи, но глаз так и не подняла.

— Пройдемте в гостиную, — предложила Изабелла. — Хотите чего-нибудь выпить?

Потом мы впятером потягивали лимонад, и взрослые вели вежливый разговор о всяких пустяках. Софи сидела на коленях Марко, неутомимо ерзая и украдкой поглядывая на нас. Она выглядела в точности как обычная, слегка застенчивая шестилетняя девочка. У нее были соломенные волосы Изабеллы и карие глаза Марко; благодаря воле ее создателей или жесткой генетической симуляции она могла бы сойти за их биологическую дочь. Я читал технические спецификации, описывающие ее тело, и видел на записях его более ранние действующие версии, но тот факт, что оно выглядело столь правдоподобно, было не самым большим из достижений его разработчиков. Наблюдая за тем, как она пьет, вертится и ерзает, я не сомневался: она ощущает себя обитателем своей телесной оболочки в той же мере, что и я — своей. Она отнюдь не была кукловодом, избирающим девочку, дергая за электронные веревочки из укромной пещерки в ее черепе.

— Тебе нравится лимонад? — спросил я ее.

Она разглядывала меня секунду-другую, словно размышляя, не следует ли ей обидеться на бесцеремонность вопроса, потом ответила:

— Он щекотный.

В такси, по дороге в отель, Франсина сжала мою руку.

— У тебя все хорошо? — спросил я.

— Да, конечно.

В лифте она заплакала. Я обнял ее.

— В этом году ей бы исполнилось уже двадцать.

— Знаю.

— Как думаешь, она жива... где-то в другом месте?

— Не знаю. И не уверен, хорошо ли думать об этом так.

Франсина вытерла глаза.

— Нет. Это будет она. Нам нужно видеть все именно так. Это будет моя девочка. Только на несколько лет позднее.

Перед отлетом домой мы заехали в небольшую лабораторию и оставили там образцы крови для проверки на патологию.

* * *

Первые пять тел нашей дочери доставили за месяц до ее рождения. Я распаковал все пять и выложил их в ряд на полу гостиной. С обмякшими мускулами и закатывшимися глазами, они больше походили на трагические мумии, чем на спящих младенцев. Я отбросил этот мрачный образ; лучше думать о них, как о наборах одежды. Единственная разница лишь в том, что мы не купили пижамки заранее.

Этот набор, от сморщенного и розового тельца новорожденной до пухленькой полуторагодовалой девочки, смотрелся довольно зловеще — хотя развитие органического ребенка, исключая серьезную болезнь или недоедание, едва ли менее предсказуемо. Недели две назад коллега Франсины прочел мне целую нотацию об ужасном «механическом детерминизме», на который мы обрекаем нашего ребенка, и хотя его аргументы были наивны с философской точки зрения, от этой последовательной серии объемных фотографий из будущего у меня по коже пробежали мурашки.

Однако истина состоит в том, что реальность в целом детерминистична независимо от того, что у тебя в голове — мозг или Квасп, потому что квантовое состояние мультивселенной в любой момент определяет все ее будущее. Личный опыт — ограниченный одной прожитой ветвью за раз — несомненно, *кажется* вероятностным, потому что нет способа предсказать, какое локальное будущее вас ждет, когда ветвь снова раздвоится, но причина, по которой невозможно узнать это заранее, заключается в том, что истинный ответ — это «все будущие сразу».

Для синглетона единственное отличие заключается в том, что ветви никогда не расщепляются на основе личных решений. Мир в целом будет и далее выглядеть вероятностным, но каждый сделанный выбор будет полностью определен тем, *кем вы были* и с *какой ситуацией имели дело*.

На что еще может надеяться кто-либо? Суть ведь не в том, что «кем вы были» может быть сведено к какому-нибудь грубому генетическому или социологическому профилю; каждая тень, которую вы видите ночью на потолке, каждое проплывающее в небе облачко, которым вы любуетесь, оставит некий маленький отпечаток в структуре вашего разума. Эти события тоже были полностью детерминированы, если их рассматривать относительно мультивселенной — при этом различные

версии вашего «я» становились свидетелями любой из возможных вероятностей, — но в практическом смысле все сводится к тому, что никакой исследователь, вооруженный вашим геномом и законсервированной биографией, не сможет заранее составить схему всех ваших действий.

Варианты выбора, имеющиеся у нашей дочери — как и всё прочее, — были высечены на камне еще в момент рождения Вселенной, но эта информация может быть расшифрована лишь в процессе ее становления на жизненном пути. Ее поступки будут определяться темпераментом, принципами, желаниями, и тот факт, что все эти качества будут сами по себе иметь исходные основания, никак не может уменьшить их значимость. «Свобода воли» — понятие скользкое, но для меня оно попросту означает, что результаты личного выбора более или менее согласуются с вашей природой, которая, в свою очередь, есть условный, постоянно развивающийся консенсус между тысячами различных воздействий. Наша дочь не будет лишена шанса уступать капризам или даже поступать наперекор всяческим нормам, но, по крайней мере, она не потеряет возможности действовать в полном соответствии со своими идеалами.

До возвращения Франсины я снова упаковал тела. Возможно, подобное зрелище и не станет для нее потрясением, но я не хотел, чтобы она принялась их измерять, прикидывая, какого размера одежда им понадобится.

* * *

Роды начались рано утром в воскресенье, 14 декабря. Ожидалось, что они продлятся часа четыре, в зависимости от пропускной способности канала связи. Я сидел в детской, а Франсина расхаживала рядом в коридоре. Мы отслеживали данные, поступающие по оптическому кабелю из Базеля.

Изабелла использовала нашу генетическую информацию в качестве стартовой точки для симуляции внутриматочного развития полноценного эмбриона, применив модель «адаптивной иерархии» с наивысшим разрешением, зарезервированным для центральной нервной системы. Далее Квасп возьмет эту задачу на себя, и не только в отношении мозга новорожденного ребенка, но и тысяч биохимических процессов, происходящих за пределами черепа. Кроме изошренных сенсорных и моторных функций эти тела способны принимать пищу и выделять отходы жизнедеятельности — по психологическим и социальным причинам и ради химической энергии, которую обеспечивает

пища, — а также дышать, чтобы получать кислород для окисления «топлива» и воздух для вокализации. Однако у них не было ни крови, ни эндокринной системы, ни иммунных реакций.

Квасп, который я построил в Беркли, был меньше версии из Сан-Паулу, но и он в шесть раз превосходил в ширину череп младенца. Пока не удастся уменьшить его еще больше, разум нашей дочери будет находиться в ящике, стоящем в углу детской, связанный с ее телом беспроводной линией связи. Ширина полосы пропускания и задержка сигнала не являлись проблемой в городе и окрестностях, а если потребуется отвезти малышку дальше, то Квасп не слишком велик или уязвим для перемещения.

Когда индикатор загрузки, который я вывел на боковую панель Кваспа, уже показывал 98 процентов, в детскую вошла Франсина. Вид у нее был возбужденный:

— Мы должны все отложить, Бен. Всего на день. Мне нужно больше времени, чтобы подготовиться.

Я покачал головой:

— Ты заставила меня пообещать, что я откажусь, если ты меня об этом попросишь. — Она даже запретила мне рассказывать, как можно остановить Квасп.

— Всего на несколько часов, — взмолилась она.

Страдания Франсины выглядели искренне, но я решил не отступать, сказав себе, что она играет роль, испытывая меня и проверяя, держу ли я слово.

— Нет. Ни замедления, ни ускорения, ни пауз, вообще никакого вмешательства. Этот ребенок должен врезаться в нас, как грузовой поезд — как всякий новорожденный обрушивается на родителей.

— Ты хочешь, чтобы теперь я стала рожать сама? — ехидно спросила она. Когда-то я полушутливо заговорил о такой возможности — ввести ей гормоны, действие которых имитирует некоторые эффекты беременности, чтобы облегчить ей психологическое связывание с ребенком — а также, косвенно, и мне, — но Франсина едва не оторвала мне голову. Я не предлагал такое всерьез, зная, что в этом нет необходимости. Приемные дети — наилучшее тому доказательство, а то, что проделывали мы, наиболее соответствовало рождению ребенка с помощью суррогатной матери.

— Нет. Просто возьми ее на руки.

Франсина устала на неподвижное тельце в кровати.

— Не могу! — простонала она. — Когда я держу ребенка, он должен казаться мне самым драгоценным созданием на свете. А как я

смогу поверить, что она именно такая, если знаю, что могу шархануть ею о стенку и ничего с ней не случится?

Оставалось еще две минуты. Я ощутил, как мое дыхание становится неровным. Да, я мог послать Кваспу код остановки, но вдруг это создаст прецедент, который войдет в привычку? Если один из нас не выспится, если Франсина будет опаздывать на работу, если мы заставим себя поверить, что наш особый ребенок настолько уникален и мы заслуживаем короткий отдых от него, тогда что помешает нам проделать такое снова?

Я уже собрался было пригрозить Франсине: или ты ее берешь, или это сделаю я. Но вовремя остановился и сказал:

— Ты ведь знаешь, какую психологическую травму ты ей нанесешь, если бросишь. Ты ведь любишь ее. Она это почувствует.

Франсина взглянула на меня с сомнением.

— Она знает, — подтвердил я. — Я в этом уверен.

Франсина подошла к кровати и взяла безжизненное тельце. Я ощутил, как внутри меня что-то тревожно сжалось — я не испытывал ничего подобного, когда раскладывал для осмотра пять пластиковых оболочек.

Я выключил индикатор загрузки и позволил себе пролететь последние секунды в свободном падении — глядя на дочь и страстно желая, чтобы она шевельнулась.

Дернулся большой палец, потом ее ноги слегка поджались. Я не мог видеть лица малышки, поэтому наблюдал за лицом Франсины. На мгновение мне показалось, что губы ее искривились от ужаса. Но тут малышка стала хныкать и дрыгать ножками, и Франсина всхлипнула, не скрывая радости.

Когда она поднесла ребенка к лицу и поцеловала в сморщенный лобик, я пережил собственный момент смятения. Как легко оказалось породить этот нежный отклик, хотя тельце с тем же успехом могли оживить и программы, предназначенные для управления персонажами игр и фильмов.

Однако в нашем случае этого не было. Как не было ничего фальшивого или легкого в пути, который привел нас к этому моменту — не говоря уже о пути, который проделала Изабелла, — и мы даже не пытались создать жизнь из глины, из ничего. Мы всего-навсего отвели в сторону тоненький ручеек из реки, текущей уже четыре миллиарда лет.

Франсина уложила нашу дочку на согнутую руку и стала ее покачивать.

— Ты приготовил бутылочку, Бен?

Все еще ошеломленный, я побрел на кухню. Микроволновка предвидела счастливое событие, и бутылочка молочной смеси была уже подогрета.

Я вернулся в детскую и протянул бутылочку Франсине.

— Можно подержать девочку, пока ты не начала кормить?

— Конечно.

Она подалась вперед, чтобы поцеловать меня, потом протянула малышку, и я взял ее так, как научился брать детей родственников и друзей, придерживая ладонью затылок. Распределение веса, тяжелая головка и слабая шейка ощущались в точности, как и у любого младенца. Глаза у нее все еще оставались зажмуренными, потому что она вопила и дергала ручками.

— Как тебя зовут, моя прелестная дочурка? — Мы сократили список возможных имен примерно до десятка, но Франсина отказалась делать окончательный выбор до момента, пока не увидит, как ее дочка делает первый вдох. — Ты уже решила?

— Я хочу назвать ее Элен.

Глядя на малышку, я решил, что имя звучит для нее слишком старомодно. Прабабушкина сестра Элен. Элен Бонэм-Картер. Я глуповато рассмеялся, и малышка открыла глаза.

На моих руках поднялись волоски. Эти темные глаза еще не могли пройти взглядом по моему лицу, но они уже сознавали мое существование. По моим жилам заструились любовь и страх. И я надеялся дать малышке то, что ей нужно? Даже если мое решение и оказалось безупречным, моя способность действовать, выполняя его, была неизмеримо более грубой.

Однако, кроме нас, у нее никого нет. Мы будем совершать ошибки, будем сбиваться с пути, но я обязан верить: хотя бы что-то останется неизменным. И часть той ошеломляющей любви и решимости, которую я сейчас испытываю, должна будет остаться с каждой версией меня, способного проследить свою родословную до нынешнего момента.

— Нарекаю тебя Элен, — сказал я.

2041

— Софи! Софи!

Опередив нас, Элен помчалась к выходу для прилетевших пассажиров, где показались Изабелла и Софи. Софи, которой скоро исполнится шестнадцать, не стала выражать свои чувства столь демонстративно, но улыбнулась и помахала рукой.

— Никогда не думал о переезде? — спросила Франсина.

— Возможно, но только если в Европе изменятся законы, — ответил я.

— Я отыскала в Цюрихе работу, на которую могу претендовать.

— А по-моему, нам не следует усложнять себе жизнь, лишь бы они были вместе. Возможно, им лучше иногда встречаться и общаться по сети. У каждой ведь есть и другие друзья.

Изабелла подошла к нам и поприветствовала, поцеловав в щеку. Первые несколько ее визитов нагоняли на меня ужас, но теперь она уже казалась мне кем-то вроде чрезмерно заботливой кузины, а не чиновником по защите прав детей, чье присутствие уже само по себе подразумевает некое злодеяние.

К нам подбежали Софи и Элен. Наша дочка дернула Франсину за рукав:

— Софи завела себе дружка! Даниэля! Она показала мне его фото.

— И притворно упала в обморок, шлепнув себя ладонью по лбу.

Я взглянул на Изабеллу, и та пояснила:

— Он ходит в ее школу. И он действительно очень милый.

Софи смутилась:

— Даниэль очаровательный, утонченный и очень взрослый.

Мне показалось, будто мне на грудь уронили наковальню. Когда мы шли через стоянку, Франсина прошептала:

— Если собрался устроить себе сердечный приступ, то погоди. Сперва постарайся свыкнуться с идеей.

Воды залива искрились в солнечных лучах, когда мы ехали через мост, направляясь в Окленд. Изабелла рассказывала о последнем заседании комитета Европарламента по правам ариев. Проект закона, предоставляющего права личности любой системе, включающей значительное количество информационного содержимого человеческой ДНК и действующей на этой основе, постепенно набирал поддержку. Подобной концепции очень трудно дать скрупулезно точное определение, но все же возражения в большинстве своем были скорее риторическими, чем практическими. «Является ли личностью база данных ДНК человека? Является ли личностью Гарвардская справочная физиологическая симуляция?» ГСФС моделировала сознание исключительно на уровне того, что мозг выделял в кровеносную систему или удалял из нее; внутри этой симуляции не было никого, тихо сходящего с ума.

Поздно вечером, когда девочки остались в своих комнатах наверху, Изабелла начала мягкий допрос. Я старался поменьше скрипеть зубами.

ми. Разумеется, я не винил ее в том, что она относится к своим обязанностям всерьез — ведь если, несмотря на предварительный отбор, мы окажемся монстрами, уголовный кодекс будет бессилен. И единственная для Элен гарантия гуманного с ней обращения — наши обязательства по лицензионному контракту.

— В этом году у нее хорошие оценки, — отметила Изабелла. — Наверное, она уже привыкла к школе.

— Привыкла, — подтвердила Франсина. Элен не имела права на финансируемое государством образование, а почти все частные школы или проявили откровенную враждебность, или обосновали отказ требованием предоставить страховой полис, классифицирующий Элен как опасное устройство. (С авиакомпаниями Изабелле удалось достичь компромисса: во время полета она отключала Софи, чтобы девочка выглядела спящей, а в обмен ее не требовали заковывать в наручники или держать в багажном отсеке.) В первой общинной школе, куда мы обратились, нам не удалось договориться, но в конце концов мы отыскали школу неподалеку от кампуса университета Беркли, где всех без исключения родителей устраивала идея пребывания Элен среди их отпрысков. Это избавило ее от перспективы поступления в сетевую виртуальную школу — они не так уж и плохи, но предназначены для детей, изолированных или географически, или по причине болезни.

Изабелла пожелала нам спокойной ночи, не высказав никаких претензий или советов. Мы с Франсиной посидели еще немного возле камина, просто улыбаясь друг другу. Как здорово, что хотя бы раз отчет о посещении окажется безупречным.

На следующее утро мой будильник сработал на час раньше обычного. Я некоторое время полежал, дожидаясь, пока в голове немного прояснится, и лишь потом спросил своего инфоагента, почему тот меня разбудил.

Похоже, приезд Изабеллы стал крупным событием для некоторых новостных бюллетеней восточного побережья. Несколько конгрессменов следили за дебатами в Европе, и направление этих дебатов им не понравилось. А Изабелла, как они заявили, прокралась в страну с целью агитации. Фактически, она была готова выступить в Конгрессе в любое время, когда им захочется услышать о ее работе, но они никогда не примут ее вызов.

Непонятно, кто раздобыл расписание ее поездок и покопался в ее деятельности — репортеры или антиарийские деятели, — но теперь эти подробности стали известны всей стране, а возле школы Элен уже

начали собираться протестующие. Нам и прежде доводилось сталкиваться с предвзятыми журналистами, психами и активистами, но показанная инфагентом картинка оказалась очень тревожной — толпа окружила школу уже в пять утра. Мне вспомнились кадры новостей, увиденных еще подростком: девочки-школьницы из Северной Ирландии бегут по проходу между двух стен политических противников; сейчас я уже не мог вспомнить, кто из них был католиком, а кто протестантом.

Я разбудил Франсину и объяснил ситуацию.

— Мы можем просто оставить ее дома, — предложил я.

Франсина помрачнела, но в конце концов согласилась:

— Наверное, все утихнет, когда Изабелла в воскресенье улетит обратно. А пропустить день занятий — это еще не капитуляция перед толпой.

Во время завтрака я сообщил новости Элен.

— Я не останусь дома, — сказала она.

— Почему? Разве ты не хочешь потусоваться с Софи?

— Потусоваться? — усмехнулась Элен. — Так хиппи говорили? —

В ее личной хронологии Сан-Франциско все, что происходило до ее рождения, относилось к миру из музеев для туристов на Хэйт-Эш-бери.

— Ну, поболтать. Послушать музыку. Пообщаться любым приемлемым для тебя способом.

Она задумалась над последним определением, предоставляющим варианты на выбор.

— Пройтись по магазинами?

— Почему бы и нет? — Возле дома толпы не было, и хотя за нами, вероятно, наблюдали, протестующих оказалось слишком много, чтобы перемещаться компактной группой.

— Нет, — передумала Элен. — Мы уже ходили по магазинам в субботу. Я хочу в школу.

Я взглянул на Франсину.

— И никакого вреда они мне причинить не смогут, — добавила Элен. — У меня же есть резервная копия.

— Нет ничего приятного в том, что на тебя кричат, — возразила Франсина. — Оскорбляют. Толкают.

— Я и не думаю, что это будет приятно, — твердо сказала Элен. — Но я не позволю им указывать, что мне делать.

До сих пор лишь горстке незнакомцев удавалось подобраться к ней настолько близко, чтобы оскорбить, а некоторые из детей в ее первой

школе оказались агрессивны в той мере, на какую способны обычные (не употребляющие наркотиков и без психических отклонений) девятилетние задиры, однако с подобной ситуацией она сталкивалась впервые. Я показал ей выпуск новостей в прямом эфире. Это ее не поколебало. Тогда мы с Франсиной вышли в другую комнату посоветоваться.

— Мне не нравится эта идея, — сразу заявил я. Кроме всего прочего, у меня возник параноидный страх, что Изабелла во всем обвинит нас. Или, что еще проще, она с легкостью осудит наше решение оставить Элен наедине с протестующими. И пусть нас не лишат лицензии в тот же день, рано или поздно до нас доберутся.

Франсина ненадолго задумалась.

— Давай поедем с ней вместе. Если они нас хоть пальцем тронут, то это будет расценено как проявление агрессии. Если попытаются отнять — то это уже похищение.

— Верно, но как бы они ни поступили, ей предстоит услышать всю адресованную нам брань.

— Она смотрит новости, Бен. И все это она уже слышала.

— Черт побери... — Изабелла и Софи спустились к завтраку, и я услышал, как Элен спокойно информирует их о своих планах.

— Да забудь ты про Изабеллу, — посоветовала Франсина. — Если Элен хочет поехать в школу, зная, чем это ей грозит, а мы можем обеспечить ей безопасность, то мы должны согласиться с ее решением.

Невысказанный намек в ее словах кольнул меня. Все эти годы мы старались наделить ее способностью делать осознанный выбор. Теперь, препятствуя ей, мы окажемся лицемерами. Зная, чем это ей грозит? Да ей же всего девять с половиной лет!

Однако я восхитился мужеством девочки и верил, что мы сможем ее защитить.

— Хорошо, — решил я. — Позвони остальным родителям. А я сообщу в полицию.

* * *

Нас заметили, едва мы вышли из машины. Послышались крики, к нам хлынула волна разгневанных людей.

Я взглянул на Элен и крепче сжал ее руку:

— Держи нас за руки, не отпускай.

Она снисходительно улыбнулась в ответ, словно я предупредил ее о каком-то пустяке вроде кусочка битого стекла на пляже.

— За меня не волнуйся, папа.

Она брезгливо передернулась, когда толпа приблизилась, и вскоре нас окружила стена из тел. Нам что-то кричали в лицо, брызгая слюной. Мы с Франсиной повернулись лицом друг к другу, создав нечто вроде защитной клетки, и стали протискиваться сквозь толпу. Меня радовало, что лицо Элен находится ниже уровня глаз этих людей.

— Ею движет сатана! Внутри нее сатана! Изydi, дух Иезавель*! — Молодая женщина в лиловом платье с высоким воротничком прижалась ко мне и стала громко молиться.

— Теорема Гёделя доказывает, что невычисляемый и нелинейный мир за пределами квантового коллапса есть очевидное выражение природы Будды, — нараспев произнес аккуратно одетый юноша, доказав с восхитительной экономией, что он и понятия не имеет о значении этих терминов. — Следовательно, у машины не может быть души.

— Кибер нано квантум. Кибер нано квантум. Кибер нано квантум. — Эти слова пропел один из наших будущих «сторонников», мужчина средних лет в обтягивающих велосипедных шортах, стремящийся протиснуться между нами и положить руку на голову Элен, чтобы оставить на ней несколько отшелушившихся кожных чешуек — в соответствии с доктриной его культа, это позволит ей воскресить его, когда она начнет создавать Точку Конца. Я преградил ему путь, стараясь не перейти границу физической грубости, и он взвыл как паломник, не допущенный к святыне.

— Думаешь, что будешь жить вечно, жестянка? — Старик со злобой во взгляде и всклокоченной бородой высунулся прямо перед нами и плюнул Элен в лицо.

— Сволочь! — вспыхнула Франсина. Она вытащила платок и принялась стирать слюну. Я присел и вытянул свободную руку, защищая их. Пока Франсина работала, Элен морщилась от отвращения, но не плакала.

— Хочешь вернуться в машину? — спросил я.

— Нет!

— Ты уверена?

Элен раздраженно скривилась:

— Ну почему вы меня вечно об этом спрашиваете? Уверена ли я? Уверена ли я? Сами похожи на компьютер.

* *Иезавель — имя распутной жены Ахава, царя Израиля, синоним распутницы.*

— Извини. — Я сжал ее руку.

Мы двинулись дальше сквозь толпу. Основная масса протестующих оказалась более здравомыслящей и цивилизованной по сравнению с психами, добравшимися до нас первыми, и когда мы приблизились к воротам школы, пикетчики даже стали освобождать для нас проход, одновременно выкрикивая лозунги для телекамер. «Здравоохранение для всех, а не только для богатых!» С этим утверждением я не стал бы спорить, хотя для богатых арии — лишь один из тысячи способов избавить своих детей от болезней, к тому же фактически один из самых дешевых: общая стоимость набора искусственных тел с размерами от младенческого до взрослого сейчас в Штатах составляет чуть меньше средних расходов на охрану здоровья в течение жизни. Запрещение ариев не покончит с неравенством между богатыми и бедными, но я мог понять, почему некоторые считали создание ребенка, который станет жить вечно, актом абсолютного эгоизма. Вероятно, они никогда не задумывались о нынешнем проценте бесплодных пар и том количестве природных ресурсов, которое понадобится их собственным потомкам в ближайшие две тысячи лет.

Мы прошли через ворота в мир простора и тишины — любой, кто проникнет сюда без разрешения, будет арестован немедленно, и никто из протестующих, очевидно, не был настолько привержен идеям Ганди, чтобы согласиться на такое.

Когда мы оказались в вестибюле, я присел и обнял Элен:

— У тебя все в порядке?

— Да.

— Я действительно тобой горжусь.

— Ты весь дрожишь.

Она была права — все мое тело сотрясала мелкая дрожь. Причина тому была более серьезная, чем возбуждение человека, прошедшего сквозь строй разъяренных сограждан и оставшегося невредимым. С потрясающей ясностью перед моим мысленным взором возникали картины иного исхода этого столкновения, иной вероятности.

К нам подошла одна из учительниц, Кармела Пенья. Она была полна решимости. Когда школа согласилась принять Элен, весь персонал и другие родители знали, что подобный день настанет.

— Теперь у меня все будет в порядке, — сказала Элен. Она поцеловала в щеку сперва меня, потом Франсину. — У меня все хорошо, — повторила она. — Можете отправляться домой.

— Сегодня в школу приехало шестьдесят процентов детей, — сообщила Кармела. — Неплохо, учитывая обстоятельства.

Элен пошла по коридору и лишь раз обернулась, чтобы нетерпеливо помахать нам рукой.

— Да, неплохо, — согласился я.

* * *

Когда на следующий день мы вместе с девочками отправились по магазинам, нас перехватила группа журналистов. Однако теперь СМИ опасаются судебных процессов, и когда Изабелла напомнила им, что в данный момент она наслаждается «обычными свободами любого частного лица», процитировав недавнее судебное решение по иску против журнала «Охотник на знаменитостей» (с восьмизначной суммой компенсации), нас оставили в покое.

Вечером, когда Изабелла и Софи уже покинули нас, я зашел в комнату Элен поцеловать ее перед сном. Когда я собрался уходить, она спросила:

— Что такое Квасп?

— Разновидность компьютера. А где ты о нем узнала?

— В Сети. Там сказано, что у меня есть Квасп, а у Софи — нет.

Мы с Франсиной так и не приняли твердого решения о том, что можно рассказать девочке и когда именно.

— Правильно, но тебе не о чем беспокоиться. Это всего лишь означает, что ты от нее немного отличаешься.

Элен нахмурилась:

— Я не хочу отличаться от Софи.

— Все чем-то отличаются друг от друга, — быстро сказал я. — Иметь Квасп это все равно что... ехать в машине с другим двигателем. Но с любым двигателем машина приедет в любое место. — Только не все они приедут одновременно. — И ты, и она можете делать все, что вам нравится. А ты можешь походить на Софи настолько, насколько хочешь. — Тут я не очень согрешил против истины; критическую разницу всегда можно стереть, просто отключив экранирование Кваспа.

— А я хочу быть такой же, — не унималась Элен. — Когда я вырасту в следующий раз... Почему вы не можете дать мне то, что есть у Софи, взамен того, что есть у меня?

— То, что у тебя — более новое. И лучше.

— Но ни у кого такого нет. И не только у Софи, но и у остальных. — Элен знала, что поймала меня на слове — если это новее и лучше, то почему у тех ариев, кто моложе нее, этого нет?

— Это сложно и долго объяснять. Ложись-ка спать, а об этом мы

поговорим потом. — Я стал поправлять ей одеяло, и она взглянула на меня с упреком.

Спустившись, я пересказал разговор Франсине.

— Что ты думаешь? — спросил я. — Время настало?

— Наверное.

— Я хотел подождать, пока она не повзрослеет настолько, чтобы понять идею ИММ.

Франсина поразмыслила над сказанным.

— Но насколько хорошо понять? Вряд ли она в ближайшее время сумеет жонглировать матрицами плотности. А если мы превратим объяснение в большой секрет, то она попросту накопает полусырые версии из других источников.

Я тяжело опустился на кушетку.

— Это будет нелегко. — Мысленно я проигрывал эту ситуацию тысячи раз, но в моем воображении Элен всегда оказывалась старше и у тысяч других ариев тоже имелся Квасп. В реальности же никто не последовал по нашему пути. Доказательства в пользу ИММ становились все более вескими, но большинство людей им все еще не доверяло. Даже усложненные версии лабиринтов, по которым бегали крысы, казались лишь усовершенствованными компьютерными играми. Человек не может сам перемещаться из одной версии реальности в другую, не может наблюдать за своими параллельными альтер эго, и такое вряд ли когда станет возможным. — Как ты скажешь девятилетней девочке, что она единственное разумное существо на планете, способное принимать решения и выполнять их?

— Для начала, я скажу это другими словами, — улыбнулась Франсина.

— Конечно. — Я обнял ее. Нам предстояло шагнуть на минное поле — и мы не могли не разойтись, ступив на опасный участок, — зато каждый из нас обладал как минимум рассудительностью, способной удержать нас вместе.

— Мы все продумаем, — сказал я. — И отыщем правильный путь.

2050

Около четырех утра я не выдержал и закурил первую за месяц сигарету.

Когда я втянул в легкие теплый дым, у меня застучали зубы, словно контраст вынудил меня заметить, насколько остыло мое тело. Тлеющий красным кончик сигареты — самый яркий сейчас предмет в округе, но если на меня и нацелена камера, то инфракрасная, поэтому я

в любом случае виден не хуже костра. Выдыхая дым, я поперхнулся вроде кота, подавившегося комочком шерсти — с первой сигаретой всегда так. Я приобрел эту привычку, когда мне стукнуло аж шестьдесят, и даже через пять лет, на протяжении которых я то курил, то бросал, мои дыхательные пути все еще никак не могли смириться со своим невезением.

Вот уже пять часов я лежал в грязи на берегу озера Потнчартрейн, в нескольких километрах западнее болотистых развалин Нью-Орлеана. Наблюдая за баржей и дожидаясь, пока кто-нибудь на нее вернется. У меня возникло искушение добраться до судна вплавь и все там осмотреть, но мой электронный помощник изобразил на воде ярко-красный круг зоны действия охранного радара и не дал гарантии, что я останусь незамеченным, даже если стану держаться за границу периметра.

Накануне вечером я связался с Франсиной. Разговор оказался коротким и напряженным.

— Я в Луизиане. Кажется, отыскалась зацепка.

— Да?

— Я сообщу, чем все кончится.

— Хорошо.

Я не видел ее во плоти уже почти два года. Множество раз оказываясь вместе в тупике, мы решили разделиться, чтобы расширить поиски: Франсина искала от Нью-Йорка до Сиэтла, а я взял на себя юг. По мере того, как месяц за месяцем уплывал в прошлое, ее твердое решение позабыть обо всех эмоциях ради стоящей перед нами задачи постепенно слабело. Я не сомневался, что в один из вечеров ее, одинокую в унылом номере какого-нибудь мотеля, захлестнуло горе — и не имело значения, что такое же случилось и со мной, месяцем позже или неделей раньше. Потому что мы не пережили этого вместе, не разделили эту боль, не сделали ношу легче. После сорока семи прожитых вместе лет мы начали дрейфовать в разные стороны, хотя у нас и была сейчас единая цель, какой никогда не имелось раньше.

О Джейке Холдере я узнал в Батон-Руже, профильтровав все слухи. Парень напропалую похвалялся в барах. Его приятели, раскрыв рот, узнавали, что он владеет высокотехнологичным эквивалентом надувной куклы и что в голове у этой куклы кое-что (и кое-кто) есть. Очевидно, многим мужчинам импонировал такой шанс.

Холдер производил отвратительное впечатление. Я раздобыл список покупок, сделанных им в течение жизни, и обнаружил в них все

нарастающий поток киберфетишистского порно, купленного за последние два десятилетия. Жесткого и с претензиями — половина названий включала слово «манифест». Но примерно три месяца назад поток оборвался. По слухам, он отыскал нечто получше.

Я докурил и энергично пошевелил руками, разгоняя кровь в жилах. Ее не будет на барже. Насколько мне удалось узнать, она услышала новости из Брюсселя и была уже на полпути в Европу. Путешествие станет трудным, если совершать его самостоятельно, но у меня не имелось причин сомневаться, что у нее нет верных и надежных друзей, которые ей помогут. Слишком уж много устаревших воспоминаний отпечатались у меня в голове: все эти яростные и бессмысленные ссоры, мелкие проступки, самоувечья. Что бы с ней ни случилось, что бы ни довелось ей испытать, она теперь уже не та сердитая пятнадцатилетняя девчонка, которая отправилась как-то в пятницу в школу, но так и не вернулась.

К тому времени, когда ей исполнилось тринадцать, мы спорили буквально из-за всего. Ее тело не нуждалось в гормональном потоке пубертатного периода, но программы работали неумолимо, имитируя все нейроэндокринные эффекты. Иногда мне казалось, что подвергать ее такому — попытка, и почему бы не отыскать некий волшебный переход сразу к зрелости? — но основным правилом было никогда не регулировать, никогда не вмешиваться, а лишь стремиться к наиболее точной (из всех возможных) симуляции обычного человеческого развития.

О чем бы мы ни спорили, она всегда знала, как заткнуть мне рот. «Я для тебя всего лишь предмет! Инструмент! Папочкин счастливый талисман!» Мол, мне наплевать, кто она или чего хочет, и я создал ее исключительно для того, чтобы избавиться от собственных страхов. (Потом я лежал, не в силах заснуть, и мысленно репетировал неуклюжие контраргументы. Других детей заводили по гораздо более приземленным мотивам: работать в поле, заседать в совете директоров, разогнать скуку, спасти распадающийся брак.) В ее глазах Квасп сам по себе не был ни плохим, ни хорошим — и она отклонила все мои предложения отключить экранирование, потому что в этом случае я слишком легко слез бы с ее крючка. Но я сделал ее уродом по личным и эгоистичным причинам, отделил даже от других ариев — исключительно для того, чтобы подарить себе определенный комфорт. «Ты хотел родить одиночку, синглтона? Почему бы тебе не пускать пулю в голову всякий раз, когда ты принимаешь неверное решение?»

Когда она пропала, мы боялись, что ее похитили на улице. Но потом нашли в ее комнате конверт с локаторным маячком, который она извлекла из тела, и запиской: «Не ищите меня. Я никогда не вернусь».

Я услышал шорох шин тяжелой машины, давящих грязь на раскисшей грунтовой дороге слева, и сжался, прячась в кустах. Когда грузовик остановился, негромко лязгнув металлом, от баржи отделилась дистанционно управляемая моторная лодка. Мой виртуальный помощник перехватил обмен данными — пароль и отклик, — но они не позволили бы решить главную задачу: выдать себя за владельца баржи.

Из кабины грузовика выбрались двое. Одним был Джейк Холдер; я не мог разглядеть его лица при свете звезд, но я сидел в нескольких метрах от него в забегаловках и барах Батон-Ружа, и мой помощник знал его соматическую подпись: электромагнитное излучение нервной системы и имплантантов, отклики емкости и индуктивности его тела на небольшие изменения в окружающих полях, слабый гамма-спектр радиоизотопов — как естественных, так и попавших в тело в течение жизни.

Его спутника я не знал, но общее представление вскоре получил.

— Тысяча сейчас, — сказал Холдер. — И еще тысяча, когда вернешься. — Он указал на лодку.

Второй выказал подозрительность:

— Откуда мне знать, что оно будет таким, как ты сказал?

— Не называй ее «оно», — предупредил Холдер. — Она не предмет. Она моя Лилит, моя Ло-ли-та, мой соблазнительный заводной суккуб. — Меня на несколько секунд охватила надежда: я представил, как клиент усмехнется, услышав этот рекламный тон, и опомнится — бордели в Батон-Руже открыто рекламировали секс с машинами, которыми управляли опытные «кукловоды», причем за малую толику названной цены. Как бы он ни воображал секс с настоящим арием, он не мог знать наверняка, что Холдер не управляет телом на барже, и тем же способом. И он вполне может выложить две тысячи за работу Холдера-кукловода.

— Ладно. Но если она не настоящая...

Мой помощник уловил, что деньги перешли из рук в руки, и смоделировал ситуацию достаточно хорошо, чтобы знать, как я на нее отреагирую. «Теперь действуй», — прошептал он мне в ухо. Я подчинился, не размышляя — полтора года назад я выдрессировал себя на мгновенное подчинение его командам, вытерпев всю боль и тошноту, вызванную современной химией. Помощник не мог управлять моими

конечностями — такая сложная хирургия оказалась мне не по карману, — однако он накладывал подсказки движений на поле моего зрения, эту систему я разработал, переделав старую программу для обучения хореографии. Я вышел из кустов прямо к лодке.

— Кто это? — спросил взбешенный клиент.

— Не хочешь трахнуть сперва его, Джейк? — обратился я к Холдеру. — Я его подержу. — Есть вещи, которыми я не доверяю управлять помощнику; он задает границы, но лучше позволить мне немного импровизировать, а потом обрабатывать мои действия как еще один компонент окружающей среды.

— Я этого козла никогда в жизни не видел, — ледяным тоном процедил Холдер после секунды ошеломленного молчания. Однако пауза чуть затянулась, что вызвало у клиента подозрение, и когда Холдер потянулся к оружию, клиент попятился, а потом развернулся и побегал.

Холдер медленно направился ко мне, держа в вытянутой руке оружие.

— Ты что задумал? Ты ищешь ее? Угадал? — Его имплантанты составляли карту моего тела — в активном режиме, поскольку не было нужды делать это тайно, — но я часами сидел у него на хвосте в Батон-Руже, и мой помощник знал его тело не хуже архитектурного плана. Теперь, на фоне тускло освещенного звездами силуэта Холдера, он наложил полную схему, обнажив его до мозга, нервов и имплантантов. В моторной зоне коры замерцал рой голубых светлячков, предвещающая странное пожатие плечами без очевидной связи с лежащим на спусковом крючке пальцем; прежде чем они достигли интенсивности, которая подаст имплантанту сигнал на выстрел, помощник скомандовал: «Пригнись».

Выстрел оказался бесшумным, но, выпрямившись, я ощутил запах пороховых газов. Я перестал думать и начал двигаться. Когда Холдер бросился вперед, направляя на меня оружие, я скользнул в сторону, схватил его правую руку и нанес несколько резких ударов по имплантанту на шее. Он был фетишистом, поэтому выбрал объемную модель, намеренно видимую сквозь кожу. Такие имплантанты не имеют жестких краев и довольно гибкие — пусть он и мазохист, но не до такой же степени, — однако если достаточно сильно сдавить даже самую мягкую биосовместимую пену, она станет напоминать кусочек древесины. Вколочивая эту древесину в мышцы его шеи, я вывернул ему вверх предплечье. Он выронил оружие, я нашарил ствол ногой и пинком отправил в кусты.

На ультразвуковой картинке я видел, как вокруг его имплантанта собирается кровь. Я немного подождал, пока ее давление не повысилось, потом ударил снова, и набухшая шишка лопнула, как огромный нарыв. Холдер рухнул на колени, вопя от боли. Я вытащил из заднего кармана нож и приставил к его горлу.

Потом я заставил Холдера снять ремень и связал ему руки за спиной. Подвел его к лодке и, когда мы в нее уселись, предложил дать суденышку все необходимые инструкции. Он угрюмо повиновался. Я же не испытывал никаких эмоций; часть моего сознания все еще настаивала на том, что финансовая операция, на которой я его подловил, была мистификацией и на барже нет ничего такого, чего нельзя найти в Батон-Руже.

Баржа оказалась старой, деревянной, пропахшей консервантом для древесины и неистребимой плесенью. В окна кабины были вставлены листы пластика, но сквозь них я ничего не разглядел. Пока мы пересекали палубу, я интимно прижимал к себе Холдера, надеясь, что если тут имеется система охраны, то она не рискнет пропустить пулей нас обоих.

Возле двери кабины он пробормотал:

— Не обращайтесь с ней грубо.

У меня похолодела кровь, и я прижал руку ко рту, подавляя непроизвольное всхлипывание.

Я пинком распахнул дверь, но ничего не разглядел в темноте.

— Свет! — крикнул я.

Вспыхнули две лампочки — на потолке и возле кровати. Элен лежала обнаженная, прикованная цепями у запястий и лодыжек. Она подняла взгляд, увидела меня и тоненько, жутко завывала.

Я прижал нож к горлу Холдера:

— Сними эти штуковины!

— Кандалы?

— Да!

— Не могу. Они без замка. Заварены.

— Где у тебя инструменты?

— Несколько гаечных ключей в грузовике, — ответил он, помедлив. — Все остальное в городе.

Я обвел взглядом кабину, подтолкнул его в угол и велел стоять лицом к стене. Потом опустился на колени возле кровати.

— Ш-ш-ш... Мы вытащим тебя отсюда. — Элен молчала. Я коснулся ее щеки ладонью, она не вздрогнула, но с изумлением уставилась на меня. — Мы тебя вытащим. — Деревянные столбики кровати ока-

зались толще моей руки, а звенья цепи — с мой большой палец. Голыми руками здесь ничего не сделать.

Выражение лица Элен изменилось: я был настоящим, не галлюцинацией.

— Я думала, вы уже перестали верить в меня, — глухо проговорила она. — Разбудили одну из резервных копий. Начали все сначала.

— Я никогда не перестану верить в тебя.

— Ты уверен? — Она всмотрелась в мое лицо. — Думаешь, это грань возможного? И что хуже быть не может?

У меня не нашлось ответа на эти вопросы.

— Ты еще помнишь, как надо отключаться перед сменой тела?

Она слабо, но торжествующе улыбнулась: «Конечно». Ей пришлось вынести заключение и унижения, но в ее власти всегда оставалась возможность отрешиться от телесных ощущений.

— Не хочешь сделать это сейчас? И оставить все это позади?

— Хочу.

— Скоро ты будешь в безопасности. Обещаю.

— Я тебе верю.

Ее глаза закатились. Я вскрыл ей грудь ножом и извлек Квасп.

* * *

И я, и Франсина возили в багажниках запасные тела и одежду. Ариям было запрещено перемещаться авиатранспортом внутри страны, поэтому мы с Элен ехали по шоссе, направляясь в Вашингтон, где нас встретит Франсина. Мы можем попросить убежища в швейцарском посольстве — Изабелла уже запустила официальную процедуру.

Поначалу Элен молчала, почти робея, словно я был незнакомцем, но на второй день, когда мы пересекли границу Алабамы и Джорджии, постепенно начала раскрываться. Она немного рассказала о том, как перебиралась автостопом из штата в штат, находя случайную работу, за которую платили электронными деньгами, не требуя номера социального страхования и уж тем более биометрического удостоверения личности. «Лучшей работой был сбор фруктов».

Постепенно она завела себе друзей и раскрыла свою суть тем, кому, как она полагала, могла доверять. Она и сейчас не знала точно, предали ее или нет. Холдер отыскал ее во временном лагере под мостом, и кто-то, наверное, дал ему ее точное описание, но не исключено, что Элен опознал случайный знакомый, видевший ее лицо в но-

востях несколько лет назад. Мы с Франсиной никогда публично не заявляли о ее исчезновении, не расклеивали листовки и не выкладывали информацию на веб-страницах, полагая, что это лишь усилит опасность.

На третий день, когда пересекали обе Каролины, мы снова ехали почти молча. Вид за окнами был ошеломляюще красивым, все поля усеяны цветами, и Элен выглядела спокойной. Наверное, именно это ей больше всего не хватало — просто безопасности и покоя.

Однако с приближением сумерек я ощутил необходимость высказаться.

— Есть нечто такое, о чем я тебе никогда не рассказывал. Когда я был молод, со мной кое-что произошло.

Элен улыбнулась:

— Только не говори, что ты сбежал с фермы. Надоело доить коров и ты смылся с бродячим цирком?

Я покачал головой:

— Меня никогда не тянуло на приключения. Это было лишь небольшое происшествие. — И я рассказал ей о парне в переулке.

Некоторое время она молчала, размышляя.

— И поэтому ты создал Квасп? Поэтому сделал меня? То есть причиной всему стал тот человек в переулке? — Ее слова прозвучали скорее изумленно, чем сердито.

Я склонил голову.

— Извини.

— За что? — спросила она. — Ты извиняешься за то, что я вообще появилась на свет?

— Нет, но...

— Не ты спрятал меня на той барже. Это сделал Холдер.

— Я привел тебя в мир, где есть такие, как он. И то, что я тебя сделал, превратило тебя в мишень.

— А если бы я была из плоти и крови? Думаешь, нет таких же, как он, только алчных до плоти и крови? Или ты искренне веришь, что если бы у тебя был обычный ребенок, то не было бы *ни единого шанса*, что он сбежит из дома?

Я не сдержался и заплакал.

— Не знаю. Я просто очень сожалею, что сделал тебе больно.

— А я не виню тебя за то, что ты сделал. И теперь стала лучше все понимать. Ты увидел в себе искру добра и захотел укрыть ее в ладонях, защитить, дать ей разгореться. Я это понимаю. Я не та искра, но это неважно. Я знаю, кто я, и знаю, какие у меня есть возможности

выбора, и я рада этому. И еще я рада, что ты дал мне это. — Она приблизилась и сжала мою руку. — Думаешь, мне станет *лучше* здесь и сейчас только потому, что некая другая версия меня найдет более удачный выход из той же ситуации?

Постепенно я взял себя в руки. Машина подавала сигнал, напоминающая, что я забронировал номер в мотеле, до которого осталось несколько километров.

— У меня было время о многом подумать, — продолжила Элен. — Что бы ни говорил закон или ортодоксы, все арии есть часть человечества. И у меня есть то, чем обладал почти каждый из когда-либо живших. Человеческая психология, человеческая культура, человеческая мораль — и все они развивались с иллюзией, что мы живем в рамках единой истории. Но это не так, поэтому в далекой перспективе чем-то придется пожертвовать. Можешь назвать меня старомодной, но я скорее соглашусь на эксперименты с нашей физической природой, чем откажусь от всей нашей идентичности.

— И какие у тебя сейчас планы? — спросил я, помолчав.

— Мне нужно образование.

— Что ты хочешь изучать?

— Пока еще не выбрала. Есть столько всего разного. Зато я знаю, чем буду заниматься потом.

— Да? — Машина свернула с шоссе, направляясь к мотелю.

— Ты дал начальный толчок, но этого недостаточно. Есть люди в миллиардах других вероятных миров, где Квасп еще не изобретен — а природа устроена так, что всегда будут миры без него. Какой нам смысл обладать им, если мы не делимся с другими? Все эти люди заслуживают возможности делать собственный выбор.

— Путешествия между мирами — непростая проблема, — мягко пояснил я. — И сложностей тут на несколько порядков больше, чем при создании Кваспа.

Элен улыбнулась, признавая это, но уголки ее губ сложились, образуя такой знакомый упрямый рисунок.

— Дай мне время, папа, — сказала она. — Дай мне только время.

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА

В каком же мире мы живем? Теоретики разработали несколько ответов на этот вопрос — так называемых интерпретаций. В настоящее время большинство физиков склоняется к «интерпретации многих миров» (ИММ), которую мы и рассмотрим более подробно.

Что такое ИММ? Эта интерпретация, связанная с квантовой теорией, известна под многими названиями: «интерпретация Эверетта», «относительного состояния», «мультиисторическая» или «мультивселенная». Автор ее, физик Хью Эверетт-третий, дал свои наименования: «метатеория относительного состояния» или «теория универсальной волновой функции», но после работ ДеВитта ее чаще всего называют ИММ.

ИММ включает два предположения и несколько следствий.

Метафизическое предположение: волновая функция не просто кодирует всю информацию об объекте, но существует независимо от наблюдателя и реально *является* объектом.

Физическое предположение: наблюдатель не играет особой роли, и следовательно, коллапс волновой функции не происходит. Для нерелятивистских систем хорошим приближением к реальности является волновое уравнение Шрёдингера.

Главное следствие (остальные для краткости опустим) состоит в

том, что каждое измерение вызывает разложение, или декогерентность, универсальной волновой функции на невзаимодействующие и по большей части не перекрывающиеся ветви, истории или миры. Эти «истории» образуют ветвящееся дерево, которое объединяет все возможные исходы каждого взаимодействия. Каждое историческое «что если», совместимое с начальными условиями и физическими законами, реализуется.

ИММ есть реформулирование опубликованной Эвереттом в 1957 году теории, рассматривающей процесс наблюдения или измерения целиком в рамках волновой механики квантовой теории, без привлечения дополнительных предположений, как в «копенгагенской интерпретации» (см. ниже). ИММ — это возврат к классическому, доквантовому взгляду на Вселенную, в котором все математические сущности физической теории реальны. Например, в классической физике электромагнитные поля Максвелла или атомы Дальтона считаются реальными объектами. Эверетт обращается с

волновой функцией сходным образом. Он также предполагает, что волновая функция во время наблюдения или измерения подчиняется тому же волновому уравнению, что и в остальное время. Это и есть главное предположение ИММ: волновое уравнение соблюдается универсально и всегда.

Эверетт обнаружил, что новая, более простая теория «относительного состояния» предсказывает: взаимодействие между двумя (или более) макросистемами расщепляет объединенную систему на суперпозицию (то есть наложение) продуктов относительных состояний. Любой элемент суперпозиции — а каждый из них есть продукт состояний подсистемы — развивается независимо от других ее элементов. Состояние макросистем, ставших взаимно «сцепленными», становится невозможно понять в изоляции друг от друга, поэтому они должны рассматриваться как одна композитная система. Уже нельзя говорить о состоянии одной (суб)системы в изоляции от другой (суб)системы. Вместо этого мы вынуждены иметь дело с состояниями подсистем *относительно* друг друга.

Если одной из систем является наблюдатель, а взаимодействием — наблюдение, тогда эффектом наблюдения станет расщепление наблюдателя на несколько копий. Отдельно взятая копия будет наблюдать лишь один из возможных

результатов измерения и не подозревать о других результатах и существовании других наблюдателей-копий. Взаимодействие между системами и окружающей средой каждой из них, включая общение между различными наблюдателями в одном и том же мире, вызывает локальное расщепление (или декогерентность) на невзаимодействующие ветви универсальной волновой функции. Таким образом, весь мир весьма быстро расщепляется на взаимно ненаблюдаемые, но одинаково реальные миры.

В соответствии с ИММ все возможные исходы квантового взаимодействия реализуются. Волновая функция, вместо того чтобы коллапсировать в момент наблюдения, продолжает эволюционировать детерминистским образом, охватывая все заключенные внутри нее вероятности. Все исходы существуют одновременно, но более не взаимодействуют друг с другом, а каждый мир-предшественник расщепляется на взаимно ненаблюдаемые, но одинаково реальные миры.

Возникает логичный вопрос: а есть ли другие теории, кроме ИММ? Да сколько угодно. Впрочем, как пишет Прайс, кроме ИММ, ему «неизвестны другие квантовые теории, являющиеся научными в смысле описания модели реальности и свободные от внутренних противоречий».

Возьмем для примера «копенгагенскую интерпретацию». Она постулирует, что наблюдатель подчиняется другим физическим законам, чем не-наблюдатель, а это уже возврат к витализму. Статус волновой функции здесь также допускает двоякое толкование. Если волновая функция реальна, то теория не является локальной (это не смертельно, но неприятно). Если же волновая функция не реальна, то теория не предлагает модели реальности.

Для очистки совести просто перечислю названия других теорий: «скрытых переменных», «квантовой логики», «растянутой вероятности», «многих разумов» и так далее. Желаящие могут попытаться разобраться в них самостоятельно.

Ладно, будет и примерчик. Возьмем многострадальную (во всех отношениях) кошку Шрёдингера: многие о ней хотя бы слышали. Садист-физик* сажает бедное животное в ящик, снабженный неким устройством, которое выбрасывает смертельную дозу цианида в случае, если происходит некое случайное событие, например, счетчик Гейгера регистрирует распад атома радиоактивного элемента (да-а, их бы фантазию да в мирных целях...). Для простоты вообразим, что закрытый ящик полностью изолирует кошку от окру-

жающей среды. Через некоторое время физик открывает ящик и проверяет, жива кошка или мертва.

В соответствии с «копенгагенской интерпретацией», кошка не является ни живой, ни мертвой до момента, когда ящик будет открыт, вследствие чего волновая функция кошки (а как звучит!) коллапсирует в одну из двух альтернатив: кошка живая или кошка мертвая. По Шрёдингеру, парадокс заключается в том, что кошка, предположительно, знала, жива ли она, еще *до того*, как ящик был открыт. По теории ИММ, устройство расщепляется на два состояния (цианид выпущен или не выпущен) в момент радиоактивного распада, который является термодинамически необратимым процессом. Когда «цианид-да»/«цианид-нет» взаимодействует с кошкой, та расщепляется на два состояния — живая или мертвая. С точки зрения выжившей кошки, она обитает в другом мире относительно своей покойной копии. Наблюдатель расщепляется на две копии, только когда ящик открывается, и эти копии различаются состоянием кошки.

Кошка расщепляется, когда устройство срабатывает, причем необратимо. Наблюдатель расщепляется, когда *они* открывают ящик. Живая кошка понятия не

* Садист — это тот, кто сажает, правильно? (Прим. авт.)

имеет о том, что наблюдатель расщепился, равно как не сознает, что в соседнем, «отщепившемся» мире находится мертвая кошка. Наблюдатель же может прийти к выводу (уже после события, осмотрев механизм выброса цианида или заглянув в память кошки), что кошка расщепилась *до того*, как ящик был открыт.

Покончив с объяснением одной из заложенных в повесть идей, рассмотрим суть второй идеи — квантовый компьютер и принципы его работы.

Квантовый компьютер — это (пока) гипотетическая машина, производящая вычисления, основанные на поведении частиц на субатомном уровне. Такой компьютер теоретически будет в миллионы раз мощнее любых современных. Это станет возможно благодаря тому, что единицы данных в нем могут существовать более чем в одном состоянии одновременно. В каком-то смысле машина будет «обдумывать» несколько идей одновременно, и каждая такая «мысль» будет независима от остальных, хотя все они и произошли от одного и того же набора частиц. Базовой единицей данных в КК является кубит.

Наибольшая трудность в создании КК связана с тем, что заставить частицы вести себя должным образом в течение значительного отрезка времени чрезвычайно сложно. А из-за малейшего внеш-

него воздействия машина перестает вести себя «по-квантовому» и переходит в режим «одной мысли», как у обычного компьютера. Такой помехой могут стать электромагнитные поля, физическое перемещение или даже очень слабый электрический разряд.

Кубит (кьюбит) — это квантовый бит, аналог двоичного числа, бита, из классического компьютера. Подобно тому как бит является базовой единицей информации в классическом компьютере, так и кубит есть базовая единица информации в квантовом компьютере (КК).

Такой компьютер может использовать элементарные частицы (например, электроны или фотоны), у которых заряд или поляризация служат репрезентацией 0 и/или 1. Каждая из таких частиц называется кубит, а их природа и поведение являются основой квантовых вычислений. Два наиболее важных аспекта квантовой физики — это принципы суперпозиции и сцепления.

Представим кубит как электрон в магнитном поле. Его спин (вращение) может быть направлен или вдоль поля (состояние «спин-вверх»), или навстречу полю (состояние «спин-вниз»). Изменить состояние спина можно с помощью импульса энергии, например, лазера. Допустим, на это мы потратим 1 единицу энергии лазера. Но что если мы используем лишь 0,5 еди-

ницы энергии лазера и при этом полностью изолируем частицу от всех внешних влияний? Тогда по законам квантовой физики частица войдет в суперпозицию (наложение) состояний, в которой она ведет себя так, словно находится в обоих состояниях одновременно. Каждый из наших кубитов может находиться в суперпозиции как 0, так и 1. Отсюда число вычислений, которые может произвести КК, есть 2^n , где n — количество использованных кубитов. КК из 500 кубитов будет иметь потенциал до 2^{500} параллельных вычислений за каждый шаг — это число неизмеримо больше числа атомов в известной Вселенной! Причем это будут истинно параллельные вычисления, а не много процессоров, работающих одновременно в современных компьютерах.

Но как эти частицы будут взаимодействовать? Через так называемое квантовое сцепление.

Частицы, которые в какой-то момент взаимодействовали, сохраняют определенную связь и могут быть сцеплены в пары в ходе процесса, называемого *корреляцией*. Знание состояния спина одной из сцепленных частиц (вверх или вниз) позволяет понять, что у второй частицы он противоположный. Но еще поразительнее то, что из-за феномена суперпозиции измеряемая частица до момента измерения не имеет четкого направления спина, а находится одно-

временно в состояниях «спин-вверх» и «спин-вниз». Состояние спина измеряемой частицы определяется в момент измерения и передается сцепленной частице, которая одновременно приобретает противоположное направление спина. Это реальный феномен (Эйнштейн назвал его «призрачное воздействие на расстоянии»), механизм которого пока не может объяснить ни одна теория — его просто следует принимать как факт. Квантовое сцепление позволяет кубитам, даже разведенным на огромное расстояние, мгновенно взаимодействовать, причем скорость процесса не лимитируется даже скоростью света. Независимо от расстояния, коррелированные частицы остаются сцепленными до тех пор, пока они изолированы.

Взятые вместе квантовая суперпозиция и сцепление порождают огромную вычислительную мощь. 2-битовый регистр обычного компьютера может хранить в конкретный момент лишь одну из четырех бинарных конфигураций (00, 01, 10 или 11). А 2-кубитовый регистр КК может хранить все четыре числа одновременно, потому что каждый кубит представляет два значения. При добавлении новых кубитов вычислительная мощность возрастает экспоненциально.

Андрей НОВИКОВ

Digital Camera

photo
&
video

О цифровой фотографии
доступно и легко!

В каждом номере:

- обзоры последних новинок фототехники
- профессиональные советы по съемке в разных жанрах
- уроки по редактированию фотографий
- портфолио: известные мастера и новые имена
- гид покупателя: камеры, видеокамеры, камерофоны, принтеры, периферия, фотолаборатории, кофры
- ежемесячные фотоконкурсы с призами

Подписка на журнал

По Объединенному каталогу
«Пресса России» — 44175.

По каталогу ООО
«Межрегиональное Агентство
подписки» (кроме Москвы) —
99437.

Самая популярная рассылка
о цифровой фотографии
в Рунете www.digicam.ru

Ю Д Ж И Н М И Р А Б Е Л Л И

ЖЕНЩИНА В ВОЛНОВЫХ

Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

УРАВНЕНИЯ ШРЁДИНГЕРА

1.

Книга под названием «ШРЁДИНГЕР: ЖИЗНЬ И МЫСЛИ» написана Уолтером Муром и опубликована издательством Cambridge University Press в 1989 году. Это превосходный образец своего специфического жанра, предлагающий заинтересованному читателю весьма подробное беллетризованное описание жизни знаменитого физика, включающее в себя безупречно четкое разъяснение его оригинальных интуитивных идей, притом не только в ограниченной области квантовых взаимодействий, но и в широкой сфере чисто спекулятивной философии. Автор выразительными штрихами рисует мир, в котором жил и работал Эрвин Шрёдингер: его домашний очаг и учебные заведения, где он занимался преподавательской деятельностью, его привычную своеобразную интеллектуальную среду, его друзей, соратников, антагонистов и просто знакомых, ну и конечно, само собой разумеется, его женщин. Очень разных женщин, которых Шрёдингер пылко любил.

Именно эту книгу с увлечением поглощала Эми Беллаква. Ей было двадцать восемь лет, и она работала официанткой в тихом ресторанчике «Капри», расположенном на Санта-Круз авеню в Менло-парке. Эми никогда особенно не интересовалась физикой, однако, как сама говорила, не имела ничего против этой фундаментальной науки. Кроме того, она вообще любила читать биографии замечательных людей, а эта была написана на самом деле замечательно. По крайней мере, по большей своей части, где не попадаются на глаза уравнивания чудаковатого вида, хотя, если уж совсем откровенно, они почти не мешают любопытному читателю следить за драматическим развитием исторических событий в науке.

Ладно, давайте скажем прямо и честно: Эми Беллаква с увлечением читала биографию Шрёдингера по той причине, что молодой человек, который недавно поселился прямо над ней, должен был вот-вот защитить свою докторскую по физике. И ей ужасно хотелось заранее основательно подготовиться, чтобы непринужденно завести интересную и приятную для физика беседу, когда они случайно опять столкнутся где-нибудь. В крошечной прачечной в подвале их дома, к примеру, или на той же тесной парковке на его заднем дворе. Дом был совсем небольшой и давно уже не новый, простая кирпичная коробка, отделанная желтоватой штукатуркой. Эми арендовала квартирку на первом этаже, а Джон Артопулос — точно такую же на втором.

Джону было двадцать восемь лет, и он мучался, дописывая диссертацию по теоретической физике, которую ему предстояло защищать в

Стэнфордском университете. В средней школе Джон пользовался репутацией чародея в области точных наук, а когда поступил в колледж, ему очень скоро, хотя и довольно случайно, попала на глаза одна замечательная вещь. Это была вдрызг затрепанная книжица в мягкой обложке под названием «Тридцать лет, которые потрясли физику», написанная человеком по имени Георгий Гамов. Автор оказался весьма известным ученым, и благодаря его популярной книге Джон заболел неизлечимой страстью к физике в ее головоломном теоретическом аспекте. Ему безумно понравился неформальный стиль и восхитили авторские рисунки, но самое потрясающее впечатление осталось от документальных фотографий, иллюстрирующих текст.

В основном это моментальные снимки, сделанные Гамовым в разнообразных обстоятельствах. Любознательный читатель может посмотреть на Нильса Бора, несущегося верхом на допотопном мотоцикле с супругой на заднем сиденье, и на упорного Вернера Гейзенберга, совершающего заплыв, и на полуголого Энрико Ферми с невероятно волосатой грудью и в жутких старомодных трусах, отбивающего мощным взмахом ракетки теннисный мячик. И конечно, на самого Георгия Гамова собственной персоной, за компанию с Вольфгангом Паули блаженствующего на палубе прогулочного пароходика, который неспешно бороздит швейцарскую озерную гладь...

Все эти люди очень близко знали друг друга, вместе пили и горлачили песни, и всем скопом эта теплая дружеская компашка породила и блестяще разработала квантовую механику. И как же ему тогда захотелось присоединиться к этим могучим умам! Добавить к их изысканным интеллектуальным конструктам собственные блестящие идеи и мысли!..

Но теперь Джон Артопулос почти безнадежно завяз в своей диссертации, ощущая себя бесплодным и опустошенным. И это его состояние только лишь усугублялось. Возможно, Джон попросту переутомился, однако все чаще и назойливей его посещала одна ужасающая мысль. Что в действительности чувство радостного вдохновения вкупе с теплой дружеской поддержкой и счастьем совместной интеллектуальной игры безвозвратно улетучились из теоретической физики.

Теперь Джон проводил свое время по большей части в одиночестве в тесной рабочей кабинке Стэнфордского линейного ускорителя, именуемого SLAC, а по меньшей — в одиночестве своей тесной уютной квартирке. Но по выходным он непременно навещал Хайди Эгрет, которая уютно обосновалась в просторной артистической студии, расположенной в северной части Беркли.

Хайди было двадцать восемь лет, и в последнее время она профессионально занималась живописью. Конечно, Хайди была еще чересчур молода, чтобы стать знаменитостью, но ее репутация неуклонно росла, и недавно один влиятельный критик из «Калифорнийского спектра» зачислил Хайди Эгрет в десятку молодых живописцев, на которых стоило бы на всякий случай положить глаз. Ее искусство быстро эволюционировало, чутко реагируя на прихоти арт-рынка, и хотя она не всегда попадала точно в яблочко, но куда-нибудь поблизости почти наверняка. Наибольшую популярность из всех ее живописных опусов завоевали абстрактные картины, выполненные в технике пуантилизма, каковую сама Хайди Эгрет предпочитала именовать «пиксельной трансформацией».

Знаток расходились во мнениях по поводу ее работ. Одни вступали в оживленные дебаты касательно того, является ли ее пикселизм кардинально усовершенствованным или все-таки лишь слегка современным вариантом теоретических измышлений художника-пуантилиста Сёра вековой давности. Другие спорили с пеной у рта, можно ли оценить ее творческие находки как почти гениальные или же они вообще никуда не годятся.

Но все соглашались с тем, что Хайди Эгрет, которая до живописи несколько лет с большим энтузиазмом занималась серфингом, сногшибательна в самом буквальном смысле этого слова. Джон впервые встретился с Хайди в одну прекрасную и очень жаркую субботу на шумном пляжном междусобойчике — и был сражен наповал.

2.

Это была та самая суббота, когда Эми Беллаква в первый раз столкнулась с Джоном Артопулосом. Их знакомство произошло на парковочном пятачке, расположенном на задах желтоватого оштукатуренного дома, и Эми была чрезвычайно занята тем, что изо всех сил пыталась втиснуть в свою компактную малолитражку пару немаленьких журнальных столиков. Круглый ей сравнительно легко удалось закатить в машину и надежно пристроить на боку, оперев на заднее сиденье ножками, но справиться с овальным, который был крупнее и тяжелее, оказалось труднее. Чем больше Эми старалась, тем сильнее она обливалась потом. И в конце концов, опустив край столешницы на сиденье малолитражки, она непринужденно задрала свободной рукой подол своего трикотажного сарафанчика и вытерла мокрое, разгоряченное лицо.

Именно в данный момент и объявился из-за угла их общего дома новый квартирант со второго этажа. В пляжных шортах, черных сол-

нечных очках и с полотняной сумкой. Сперва этот парень небрежно забросил сумку в окошко престарелого драндулета, а после повернулся к Эми и, снимая очки, вежливо спросил:

— Я могу чем-то помочь?

— Надеюсь! — выпалила она раздраженно.

Эта возня заняла какое-то время, но совместными усилиями они успешно справились с задачей.

— Большое спасибо, — сказала Эми, воспользовавшись шансом прямо взглянуть незнакомцу в глаза, раз уж они не сражаются больше со столиками. — Они такие тяжелые из-за керамических плиток, — добавила она извиняющимся тоном и тут же пожалела. Только полная дуреха станет объяснять неглупому человеку очевидное.

— Но эти плитки отлично смотрятся, — заметил он. — Очень живописные столики.

— О!.. Спасибо. — Эми внезапно смутилась, осознав, что пропетевавший тонкий трикотаж бессовестно облепил ее грудь. — Вообще-то я собираюсь продать их на блошином рынке, — поспешно сказала она и вежливо улыбнулась, ожидая, когда этот парень вернется к своему автомобилю. Тогда она сможет уехать с чистой совестью, не показавшись невоспитанной и неблагодарной.

Но вместо этого новый жилец сказал: «Я Джон Артопулос» и протянул ей руку, а она пожала ее и сказала в ответ: «Эми Беллаква», и тогда Джон спросил у нее, кем она работает на блошином рынке, а Эми расхохоталась и покачала головой.

— Нет-нет, я просто иногда бываю там! Если у меня вдруг появляются вещи на продажу. А вообще-то я работаю официанткой... то есть большую часть времени. Ну а ты?

— Работаю над диссертацией по теоретической физике, — со вздохом признался Джон.

— Как интересно!

— В самом деле?.. — Он явно был изумлен.

— Конечно, — убежденно кивнула Эми. — Или ты не любишь свою теоретическую физику?

— Я-то как раз люблю. — Он усмехнулся. — Но другим она почему-то не кажется интересной... Считай, что ты первая!

Они еще немного поболтали о том и о сем, распрошались и разъехались каждый своей дорогой. Джон Артопулос отправился на пляжный междусобойчик, а Эми Беллаква поехала со столиками на блошиный рынок. И там она случайно заметила книжку в потрепанном переплете, на котором значилось: ШРЕДИНГЕР: ЖИЗНЬ И МЫСЛИ. Эми пролистала с десяток страниц и решительно купила ее.

3.

Хайди Эгрет продемонстрировала свои картины Джону Артопулосу во время их второго свидания.

— Мне очень нравится колорит вот этой, — заметил Джон, указывая на одну из абстрактных работ, выполненную в технике пиксельной трансформации. — О чем она? Я имею в виду, что ты хотела сказать этой картиной?

Хайди не ответила, поэтому он обернулся и взглянул на нее. Она сидела, непринужденно скрестив ноги, на ослепительно розовом тренировочном мате и методично расчесывала роскошную бледно-пепельную гриву волос, спутанную и взлохмаченную после его неистовых объятий.

— Я ведь не прошу тебя объяснить мне теорию космических суперструн, — сказала она непререкаемым голосом. — Разве не так?

— Так, — согласился Джон.

— И ты не должен просить, чтобы я разъяснила тебе мою живопись. Это просто idiotские разговоры! И они всегда действуют мне на нервы... понятно? Ну и ладно, — лучезарно улыбнулась она. — Чем же мы теперь займемся? Хочешь выкурить сигаретку или, может, выпьем чего-нибудь?

С того момента, как он углядел Хайди на шумном пляжном междусобойчике, Джон всегда думал о ней как о квинтэссенции архетипичной калифорнийской девушки. На правой лопатке Хайди был вытатуирован небольшой значок. И все остальные могли сколько угодно трактовать его как дьявольские вилы, но он-то знал лучше, что это древний трезубец. Символ бога морей Посейдона.

Джон вырос в Массачусетсе и никогда не встречал в родных краях ни одной девушки, которая хотя бы чуть-чуть походила на Хайди. И дело было не только в телесной красоте. Джон никогда еще не общался с личностью настолько открытой, непринужденной, естественной и одновременно непоколебимой, словно скала. Он ласково именвал ее «моя Калифорния», шептал ей на ушко «моя прекрасная калифорнийка», но Хайди эти его любовные нежности только раздражали. И не потому, что она выросла в Орегоне, а потому, что она была вовсе не ЕГО. Хайди не преминула сообщить об этом Джону при третьем их свидании: «Я вольная душа, — твердо сказала она, — и не принадлежу никому, ни тебе, ни любому другому мужчине».

— Ты сердисься на меня? — пролепетал он упавшим голосом. Джон только что прикатил на своем драндулете из Менло-парка и едва успел перешагнуть порог студии. Полотняная сумка выскользнула из его пальцев и распласталась на полу в разочаровании.

— Сержусь? Ничего подобного. Но мы можем пойти в спальню и от всей души помириться, если ты хочешь, — предложила она, оживляясь. — Это гораздо лучше, чем болтать ерунду!

Вот так обстояли дела у Джона и Хайди.

Единственное препятствие не позволяло ему все свободное время проводить с ней. Дело в том, что Джон принимал участие в коллективных исследованиях на ускорителе SLAC (поблизости от своего жилья в Менло-парке), а Хайди преподавала в колледже Современных искусств (по соседству с ее студией в Беркли), но между Беркли и Менло-парком, к огромному сожалению, очень даже немалый конец.

Просторная студия с прозрачной наклонной крышей была не в пример милее, чем его холостяцкая конура, поэтому Хайди и Джон всегда встречались здесь. Эти сладостные уик-энды безжалостно отбирали время у его диссертации, которая уже давненько застопорилась. Но Джон надеялся, что после знакомства с Хайди его дела должны пойти на поправку, ведь не зря же он встретил и полюбил эту девушку.

4.

Хайди вдруг собралась на выходные в Орегон повидать своего отчима. «В конце концов, это он оплачивает аренду студии, — сказала она Джону. — А я навешаю его время от времени, в качестве ответной любезности». Именно в тот уик-энд, когда Хайди Эгрет гостила в Орегоне, Эми Беллаква огорошила Джона Артопулоса крайне оригинальным вопросом. Он пришел ей в голову, когда Эми дотошно обдумывала кое-что, вычитанное в увлекательной книжке про Шрёдингера.

Она читала ее, сидя на ступеньках заднего крыльца, когда Джон появился из-за угла с большим ведром из красного пластика и направился к своему автомобилю. Эми понаблюдала за тем, как он поднимает стекла и поплотнее захлопывает дверцы, а потом отложила книгу и сказала: «Привет!».

Джон оглянулся и, увидев Эми, помахал рукой.

— А я вот тут собрался помыть тачку! По-моему, я уже забыл, какого она цвета, представляешь?

Он подошел к крыльцу и подставил ведро под садовый шланг. Бурно хлынула вода, и Джон поспешно повернул кран, превратив поток в слабенькую струйку. Он размышлял, что бы еще этакое сказать, дабы завязать беседу.

— А по-моему, моя еще грязнее, — рассудила Эми, бросив взгляд на свою малолитражку, а потом сверху вниз посмотрела на Джона,

который присел на корточках рядом с красным ведром. Его рубашка была на три пуговицы расстегнута, и Эми неожиданно для себя обнаружила, что грудь у Джона Артопулоса точь-в-точь такая же волосатая, как на том фотоснимке у Энрико Ферми.

— Знаешь, я прихватил с собой две губки, и одну могу одолжить, — предложил он, внезапно оживляясь. — И ты можешь взять мой шампунь. Ну как, идет?..

Он взглянул на Эми снизу вверх, захватив ее врасплох, поскольку она продолжала задумчиво созерцать его изумительную растительность.

— Что?.. Ах, да. Конечно. Замечательно! Ты пока начинай, — заторопилась она в смущении, — а я пойду переоденусь.

Подхватив книжку, Эми нырнула в заднюю дверь и пулей влетела в свою спальню, где вмиг избавилась от джинсов и блузки, напялив взамен криво обчекрыженные шорты и дырявую черную футболку с портретами «Благодарных мертвецов». Но она никогда особо не увлекалась политическим роком, а вдруг Джон вообразит себе, что она без ума от «Благодарных мертвецов»? Эми содрала черную футболку и натянула желтую, но на той обнаружился феминистский слоган: ВСЕ МУЖЧИНЫ — ОБМАНЩИКИ. Она швырнула ее на пол, и еще одну с грозным предупреждением: ИИСУС ВОЗВРАЩАЕТСЯ! НЕ ГРЕШИ, и в конце концов надела белую с невинной рекламной надписью: СВЕЖИЙ ПОМОЛ, ОЛБАНИ, НЬЮ-ЙОРК, проиллюстрированной большой кофейной кружкой, испускающей заманчивые пары. И рысцой помчалась на задний двор, где Джон Артопулос уже старательно намазывал драндулет.

Они усердно драили свои машины, беспрерывно болтая о чем благородно рассудится. О людях, которых вы можете повстречать на блошиных рынках и/или на Стэнфордском линейном ускорителе, и какие типы наиболее характерны для ареалов БР и отдельно для ареала SLAC. И о кинофильмах, которые нравятся ему или ей, и о тех, которые понравились им обоим, и про очень старые картины, которые все равно хочется смотреть много раз. А еще о городе Сан-Франциско, и захотелось бы ему или ей жить в этом городе, если бы они могли себе такое позволить, и далее приблизительно в том же духе... но любой работе рано или поздно приходит конец.

Джон отмыл свою машину первым, а когда обильно окатил ее из шланга, то любезно сделал то же самое для малолитражки Эми. Засим он сложил бутылку с шампунем и губки в свое красное ведро, а она свернула садовый шланг в аккуратную бухточку.

Вот и все, на этом с мытьем было покончено.

Эми вернулась к себе со смешанными чувствами. Она была в восторге и разочаровании одновременно, и это крайне смущало. Принимая душ, она пришла к выводу, что заводить интрижку с парнем из соседней квартиры по меньшей мере неблагодарно. Когда она оделась, то уже взяла себя в руки, но тут в ее дверь кто-то постучал. Это оказался Джон, который поинтересовался, не желает ли она где-нибудь перекусить, и Эми сразу ответила: «Конечно!».

Они поехали на свежечемытом драндулете, теперь гордо демонстрирующем свою ржавчину, и перекусили в кафетерии при магазинчике деликатесов. Джон спросил, где она работает, и Эми поведала ему о ресторанчике «Капри» на Санта-Круз, который, как она сказала, ничего особенного собой не представляет, но ей там нравится работать. Выяснилось, что Джон тоже недурно разбирается в этом деле.

— У моих родителей греческий ресторан, — объяснил он. — В Бостоне, я там и родился. А ты, стало быть, из Олбани, штат Нью-Йорк.

— Кто, я?.. Нет-нет! — Эми звонко расхохоталась. — Та старая футболка действительно из Олбани, — сказала она, — но я выросла в пригороде Сакраменто. Мой отец преподает физику и математику в одной из городских средних школ, а мама водит по городу туристические экскурсии. Так что я всего лишь урожденная калифорнийка, и не более. А как ты жил в своем Массачусетсе?

Оказалось, что в годы учебы в колледже Джон Артопулос летом нанимался на рыбацкие суда для ловли лобстеров, а Эми Беллаква в те же самые годы подрабатывала в спасательной команде на пляже. Они всё говорили, говорили, говорили и могли бы и дальше продолжать в том же духе, если бы Джон внезапно не хлопнул себя кулаком по лбу.

— Черт возьми! Чуть не забыл!

Ему следовало явиться в рабочую кабинку при ускорителе ни минутой позднее пяти часов. Так что они сразу поехали назад, к своему дому с оштукатуренными стенами, причем Джон чувствовал себя довольно странно. У него было такое ощущение, будто он до недавнего момента жадно поглощал кубками изысканное искрящееся вино, а все не беседовал за чашкой кофе с Эми в обычном кафетерии.

— Я хочу кое-что у тебя спросить, — сказала она, когда они повернули на свою улицу. — Я сейчас читаю биографию Шрёдингера...

— Правда? — поразился он.

— Да, я нашла эту книжку на блошином рынке. И я как раз дочитала до того места, где Эрвин разрабатывает эти волновые уравнения. И тогда мне вдруг пришло в голову... — тут она запнулась. — Просто мне стало очень интересно...

— Что именно? — подождав, спросил Джон.

— Шрёдингер был женат, ты знаешь, но это ему не мешало, — сказала Эми. — И вот однажды, во время рождественских каникул, он отправился на швейцарский горный курорт. А там случайно познакомился и сошелся с той женщиной, и вот тогда он сотворил все это.

— Что сотворил?

— Да все! Две недели Шрёдингер только тем и занимался, что любил эту женщину и писал волновые уравнения.

— В самом деле? Так оно и было?.. Ты уверена?

Джон никогда ничего подобного не слышал и не знал, верить ей или нет.

— Так написано в книге, — сказала Эми. — Но никто до сих пор не ведаёт, как звали эту женщину. Никому не известно, кто же она такая.

— Я ничего этого не знал, — пробормотал удивленный Джон.

— И вот на что мне хотелось бы получить ответ... Скажи, ты можешь вычислить эту женщину Шрёдингера по виду и смыслу его волновых уравнений?

Пораженный, он бросил на Эми косой взгляд, дабы убедиться, что она вовсе не шутит. А затем коротко отрезал:

— Нет.

— Да, — возразила она спокойным непререкаемым голосом. — Но я так и думала, что ты это скажешь.

Они подкатили к своему дому, и Джон затормозил перед его парадным входом. Потом он энергично покачал головой — Нет! — и повернулся к Эми с таким видом, словно собирался произнести нечто нравоучительное. Джон даже приоткрыл рот, но, помешкав, закрыл. Слова никак не шли с его языка.

— Да, — сказала ему Эми твердо. — Я думаю, что она должна быть там, где-нибудь в его уравнениях.

Ловко выпрыгнув из машины, Эми грациозно повернулась к Джону и одарила его широкой лучезарной улыбкой. Затем они сообщили друг другу, какая это была замечательная мойка машин и какой замечательный перекусончик, помахали на прощание ручкой, и Джон Артопулос уехал, мысленно поучая себя: «Никогда, никогда не связывайся с сумасшедшей, друг мой, даже если она выглядит милой и очаровательной».

5.

Хайди Эгрет на полставки преподавала живопись в колледже Современных искусств, что на севере Беркли, и однажды Хайди призна-

лась Джону, как обрыдла ей такая работа. «Это всего лишь второсортная художественная школа с третьесортными учениками», — сказала она. Голос Хайди звучал немного невнятно, потому что она в это время лежала на животе, уткнувшись носом в розовый физкультурный мат.

— Они все такие ужасные материалисты, — пожаловалась ему Хайди. — Ну, то есть, я хочу сказать, *абсолютно*. Чистая идея искусства ради искусства недоступна их пониманию, им нужны только деньги, вот и все! Многие из моих студентов устроились на ночную работу, а теперь нахально храпят прямо в классе, нет, ты представляешь? Честное слово, я не шучу. Все они заявляют, что желают стать настоящими живописцами, и тут же спрашивают, как бы поскорей заработать на этом. Словно я о таком вообще когда-нибудь размышляла!.. Здесь уже хватит, достаточно, а теперь плечи, — деловито распорядилась она, имея в виду Джона Артопулоса, усердно делающего массаж спины.

Это была великолепная спина с равномерно распределенным загаром золотисто-персикового оттенка, свойственного лишь самым натуральным из блондинок. С точки зрения математики, она представляла собой сложную поверхность, построенную с такой топологической элегантностью, какая старику Евклиду даже не снилась. Особую пикантность этой спине придавал маленький татуированный трезубец Посейдона.

— Почему бы тебе не бросить этот дурацкий колледж? Ты могла бы тогда переехать ко мне, — высказался Джон, умащая свои трудовые ладони еще чуточкой массажного масла.

— Потому что на твои гроши мы будем голодать, — вздохнула Хайди. — И умрем с голоду.

— Ну тогда давай обедать по очереди, в целях экономии, — предложил он легкомысленно, возвращаясь к исполнению своего массажного долга. — Чур я по понедельникам, средам и пятницам! А ты по вторникам, четвергам и субботам. Но в воскресенье у нас будет совместный праздничный обед, идет?

— Эй! Не хочешь ли ты сказать, что я толстая? — встрепенулась Хайди, поднимая голову с мата. — Это намек, я тебя правильно поняла? — И она подозрительно уставилась на Джона.

— Нет-нет, что ты! Я совсем не то имел в виду.

Хайди расслабилась и вернулась в прежнее положение.

— Мы можем подождать, — невнятно произнесла она. — Через год после защиты у тебя будет, полагаю, уже достаточно приличный заработок.

— После защиты у меня будет постдокторат, — со вздохом возразил ей Джон. — А постдоки те же рабы, нисколько не лучше.

Позже он повел Хайди в ее любимый ресторан. Очень модное местечко с таинственным полумраком и тихой закадровой музыкой. В центре их столика поставили широкую приплюснутую вазу с водой, в которой плавали пять горящих свечей, коротких, но очень толстых. Когда они добрались до лимонного шербета, Хайди Эгрет задала Джону Артопулосу вопрос:

— Что такое постдокторат?

— Мой докторат закончится после защиты диссертации, — со вздохом объяснил ей Джон. — И тогда начнется постдокторат, ну а я стану постдоком. Как постдоку мне дадут исследовательскую работу в каком-нибудь месте, где я должен на практике доказать свою квалификацию. Это может продлиться два или три года, а бывает, и больше. Все постдоки тянут свою лямку как полноценные ученые, но платят им как студентам-выпускникам на учебной практике. Свое первое самостоятельное исследование я просто обязан провести в качестве постдока, а иначе... Тогда мне никогда не удастся завоевать действительно перспективное положение в науке. Собственно, это все.

— О! — произнесла Хайди наконец, глядя на Джона с мягкой симпатией. Потом она порывисто потянулась к нему через стол и нежно переплела со своими его нервные пальцы. — Мне правда очень жаль, — сказала она.

6.

В пятницу Хайди Эгрет позвонила Джону на мобильник. Звонок застиг его в пути, когда он гнал свой ржавый драндулет из Менлопарка к ее студии в Беркли. «Не приезжай, — сказала она ему озабоченно. — Вышло так, что я вынуждена шляться по всяким выставкам и галереям целый уик-энд, представляешь?»

Так что Джон развернулся и печально поехал домой, к своей диссертации. Если честно, он совсем не рвался вступить с ней в схватку лицом к лицу. Поэтому решил, что лучше постучаться к Эми и одолжить у нее книжку про Шрёдингера, однако когда он завернул на парковочный пятачок, то узрел рядом с ее скромной малолитражкой на законном месте его собственной машины роскошный, вызывающе красный спортивный автомобиль.

Так что Джон Артопулос уныло припарковался на краю чахлой лужайки, заглянул в беззаботно открытый всем ветрам салон «альфа-ромео» с его натуральной кожей и полированным красным деревом, прислушался к шумной рок-музыке из окон Эми Беллаквы и поплел-

ся к себе на второй этаж. Единственное, о чем Джон мечтал в данный момент, так это о симпатичной грозовой тучке, которая прилетит и прольется бурным дождем непосредственно над самодовольным «альфа-ромео».

Около полуночи он разогрел в микроволновке три куса замороженной пищи и жадно съел. Это был его обед, после чего Джон вернулся к рабочему столу и еще через пару часов бесславно заснул над своими уравнениями. Утром в субботу он убедился, что проклятый «альфа-ромео» все еще на месте. К счастью, тот уже улетучился, когда Джон вышел из дома, чтобы отправиться на SLAC, и на душе у него слегка полегчало. Он сел за руль, доехал до своей одноместной кабинки и проработал там пятнадцать часов кряду.

Воскресным утром он изрядно проторчал под горячим душем. Затем немного понаблюдал из кухонного окна, как две машины, его и малолитражка Эми, мирно стоят на парковке рядышком, бок о бок. Потом вышел из дома, уселся в свой драндулет и доехал до торгового центра, где купил себе толстую воскресную газету. Потом он еще вяло поездил туда-сюда, вдруг без всякой причины заторопился домой, и в итоге все закончилось тем, что Джон Артопулос постучался в дверь Эми Беллаквы и спросил, не против ли она, чтобы где-нибудь вместе позавтракать или пополдничают.

Ее лицо сразу просветлело.

— Заходи, я что-нибудь для нас приготовлю, — сказала она. — Вообще-то я надеялась, что ты заглянешь.

Жилище Эми буквально ошеломило Джона. Более всего ее квартира напоминала не его собственную, а зеленый садовый лабиринт или даже джунгли весной. Ящики, горшки и горшочки с разнообразными диковинными цветами в изобилии загромождали все подоконники, другие пышно цветущие растения разрослись в разнокалиберных корзинах, подвешенных к потолку, на полу расположились низкие вазоны с яркой сочной зеленью и лотки с бледно-зелеными побегами, а посреди всего этого радостного и неукротимого растительного буйства таинственно поблескивали и мерцали великолепные мозаичные поверхности низких журнальных столиков, расставленных тут и там.

В ошеломлении Джон не сразу заметил мозаичные фигурки, благосклонно вззирающие на него со стен, и заслуженный рабочий верстак с миниатюрными пилками, пинцетами, тисочками, надфилями, шлифовальными камнями и прочим, а еще на этом верстаке стояли маленькие подносики с кучками крошечных прозрачных цветных кубиков, сверкающих как драгоценные камни, каждая кучка своего особого оттенка.

— Боже мой, какая красота... — пролепетал он, объединяя неопределенным мановением руки все цветущие растения, травы и мозаики в одно целое. — Это изумительно! Потрясающе! Чудесно! Никогда ничего подобного не видел...

— Спасибо, — скромно сказала Эми. — Ты любишь горячие вафли? Или, может быть, блинчики? Или омлет с гренками? Или что?

— Те столики, — наконец промолвил он, — ты тогда еще отвезла их на рынок...

— А, это любительская работа! Я сделала их давно, когда еще училась в Современных искусствах... Ты наверняка даже не слышал про эту школу, — усмехнулась она. — В общем, я хранила их по сентиментальным соображениям, но теперь у меня туговато со свободным местом.

— Я бы с удовольствием поел блинов, — сказал Джон.

Они пополдничали на кухне. Джон накрыл стол, аккуратно нарезал дольками канталупу и читал ей вслух новости из толстой газеты, пока Эми разводила муку и выпекала жидкое тесто на сковородке. Когда они съели по парочке блинов, Джон спросил у Эми, отчего она не сказала ему, что серьезно занимается искусством.

— Потому что я работаю в ресторане официанткой полную неделю. Иногда сверхурочно, — объяснила она. — А поделками занимаюсь, лишь когда находится свободное время. Правда, мои работы несколько раз выставляли в неплохих галереях, из тех, что поблизости. Я люблю красивые вещи, мне очень нравится их делать, вот и все... Но хотелось бы, конечно, заниматься этим делом не урывками...

Они говорили и говорили, пока блинчики не закончились, и продолжали говорить, когда Эми мыла посуду, а Джон ее вытирал, и они еще долго говорили и говорили на кухне, пока их внезапно не осенила мысль поехать за город на малолитражке Эми, просто так, покататься где-нибудь. Они поехали, и Джон рассказал ей про свою диссертацию и об уравнениях, не вполне еще понятных, которые ему как-то удалось сострять, когда он поставил свой *gedanken Experiment*.

— Что такое *gedanken*? — спросила Эми у Джона.

— Мысленный, а иначе говоря, нереальный, — объяснил ей Джон. — Это когда ты придумываешь какой-нибудь эксперимент, но в действительности ничего такого вовсе не делаешь. Ты просто представляешь весь ход эксперимента, вычисляешь в уме все его возможные результаты, и тогда дело закончено. Но... вот какая штука, — добавил он, слегка помедлив. — Знаешь, мне все больше и больше начинает казаться, что мои новые уравнения не имеют отношения к

физической реальности... К *настоящей* физической реальности, я имею в виду.

Потом они остановились у роши и пошли прогуляться в тени деревьев, и тогда Эми задумчиво сказала Джону:

— Знаешь, а ведь я начинала с живописи. И по-прежнему люблю живопись, то есть хорошие картины других художников, но что до меня лично... Ты можешь думать, что я сумасшедшая, но краски для меня слишком мягкая и неопределенная субстанция, наподобие мармелада. И живопись чересчур абстрактна... на мой вкус. А вот мозаика — совсем другое, это маленькие телесные кусочки, стекло, керамика или обыкновенная галька, совершенно неважно. И когда я беру такой кусочек в руку... то держу в своей руке ЦВЕТ! Кусочек цвета, у него есть вес, размер и форма, я ощущаю цвет, и это мне нравится. Мне невероятно нравится концепция ТВЕРДОГО ЦВЕТА... Я знаю, все это звучит безумно, но так оно и есть для меня.

— Ты совсем не кажешься мне безумной, — искренне сказал Джон. Но чуть позже он сильно в том усомнился.

Время уже шло к вечеру, Эми заторопилась в свой ресторан, Джону пора было вернуться к диссертации, и они поехали назад, благополучно добрались до дома и остановились.

— Ты помнишь, кстати, как мы в прошлый раз обсуждали эти волновые уравнения Шрёдингера? — вдруг спросила Эми у Джона. — Помнишь, мы тогда пришли к выводу, что, в принципе, ты смог бы выяснить...

— Только не я! — поспешно открестился он. — Я никогда такого не говорил... нет, нет и нет! Я не способен установить личность этой женщины Шрёдингера по его волновым уравнениям.

— Она родила через девять месяцев, — невозмутимо сказала Эми. — И отцом ее ребенка был Эрвин Шрёдингер.

— Неужели так написано в книге? — Джон был поражен. — В его биографии?!

— Нет, но я так думаю. Я практически уверена.

Черт возьми, это было уже слишком.

— Понятно, — произнес он неторопливо и, как очень сильно надеялся, задумчиво. Потом Джон поблагодарил Эми за отличный полдник и сказал, что они прекрасно провели время вдвоем, просто замечательно, и Эми сказала Джону то же самое, все было очень здорово.

— Кстати, — внезапно добавил он. — Кажется, ты упомянула, что надеялась увидеться со мной? У тебя была какая-то особая причина?

— Нет-нет, ничего особенного. Я просто надеялась, что ты заглянешь на огонек, только и всего.

И Эми Беллаква отправилась обслуживать клиентов «Капри», а Джон Артопулос пошел домой, корпеть над своими уравнениями.

7.

С каждым днем Джон все дольше и дольше засиживался над этими странными уравнениями, реальный физический смысл которых по-прежнему ускользал от него, и все меньше внимания уделял всему остальному. Иногда он даже забывал, что надо поесть, раньше с ним никогда такого не случалось.

В пятницу Джон начисто позабыл о поездке к Хайди Эгрет и вспомнил о традиционном свидании лишь в тот момент, когда должен был уже перешагнуть порог ее студии. Джон тут же позвонил, превосходно зная по опыту, как раздражает Хайди любая необязательность, и пока в его трубке гудели, гудели и гудели длинные сигналы, поспешно составлял в уме и перетасовывал вступительную фразу — деликатное объяснение, почему он немного задержался.

Но тут щелкнул автоответчик, и голос Хайди предложил оставить сообщение. Джон скупо сообщил автомату, что не придет ни сегодня, ни в выходные, поскольку усердно работает дома над диссертацией, и пока-пока.

Он действительно просидел над странными уравнениями весь остаток пятницы и весь следующий день, но поздним вечером в субботу Джон позвонил Эми Беллаква. И спросил: не хочет ли она позавтракать с ним, ну, или поподринать в воскресенье?

— Конечно! — сразу ответила она. — Постучись ко мне завтра утром, я напеку нам блинов.

Воскресным утром Джон долго нежился под горячим душем. Он напевал и насвистывал, пока растирался полотенцем, натягивал белые хрустящие полотняные брюки (почти новые), застегивал свежую небесно-голубую рубашку. А потом он заторопился на первый этаж, прихватив с собою диски с греческими народными песнопениями, а еще Баха, Майлса Дэвиса и Оливию Ньютон-Джон, а также здоровенный спелый ананас для полного счастья.

— Господи, Эми, ты выглядишь...

Она выглядела как... как прекрасная незнакомка. На ней было легкое летящее платье в бело-голубую полоску, маленькие бирюзовые бирюльки покачивались в ушах, волосы зачесаны назад... просто, но элегантно.

— Сногшибательно! Мне ужасно нравится, очень, — с жаром высказался он.

— Ой! — выпалила Эми и рассмеялась. — У тебя борода-а... — Она

импульсивно погладила его по щекам. — С ума сойти! И мне это тоже нравится!

— Борода?.. — удивился он. — Какая борода?

Потом Джон сообразил, что не вспоминал о бритве как минимум пять суток. Так он и сказал Эми, нарезая ананас на аккуратные кусочки. Всю эту неделю он трудился над диссертацией, в среднем примерно по восемнадцать часов в сутки, и настолько погрузился в странный мир своих уравнений, что все прочее попросту вылетело у него из головы.

— Кажется, я целую неделю вообще ни с кем не разговаривал, — прикинул Джон и сам удивился.

И незамедлительно принялся навестывать, болтая взахлеб: и пока они завтракали, и когда он мыл посуду, а Эми ее вытирала, и когда они поехали кататься на его драндулете, а замолк лишь в тот момент, когда вдруг обнаружилось, что они незаметно доехали до пляжа. Тогда Джон и Эми поспешно скинули обувь и побежали к линии прибоя, увязая в глубоком сыпучем песке, чтобы вблизи поглазеть на трюки серфингистов.

— Знаешь, у меня был один знакомый, который всерьез увлекся серфингом, — сказала Эми через некоторое время. — Но теперь он агент по недвижимости. И занимается, что забавно, исключительно пляжной собственностью, бунгало там и все прочее, и он ужасно разбогател. Я случайно встретила этого парня в прошлом году, на выставке в одной галерее, и теперь он ездит на красном «альфа-ромео»... Представляешь?.. Ты просто не мог не заметить такую роскошь на нашей парковке, Джон, — добавила она. — Это был его автомобиль.

Джон ответил небрежно, что нет, он не видел.

— Не знаю уж, почему его так развезло от сухого вина, — проговорила Эми задумчиво, — но только он точно не доехал бы до своего Беркли. В общем, я не позволила ему сесть за руль, мы немного поспорили, и все закончилось тем, что бедняга уснул прямо на полу... Никак не могу понять, Джон, — сказала она, взглянув на него, — как ты ухитрился не заметить ярко-красный «альфа-ромео»? Он простоял у нас на заднем дворе довольно долго, с раннего вечера до позднего утра.

— Возможно, меня просто не было дома? — предположил Джон, внимательно изучая линию берега. — Я обыкновенно уезжал на выходные...

Потом они долго бродили по пляжу босиком, обмениваясь увлекательными историями обо всем, что только бывает под нашим солнцем, а когда небо нахмурилось, вернулись в его драндулет и поехали

домой, и по дороге их нагнал дождь. Эми сказала Джону, что сейчас перечитывает кое-какие места из биографии Шрёдингера, и в особенности то самое место, где рассказывается, как он вывел волновые уравнения квантовой механики.

— Эта женщина, которую Эрвин полюбил, где-то там, в его волновых уравнениях! — взволнованно воскликнула она. — Потому что иначе быть просто не может... Ведь другой физик, по имени Вернер Гейзенберг, к тому времени уже сообразил, как можно справиться с проблемами квантовой механики. Вернер Гейзенберг придумал такой способ раскладывать числа по разным коробочкам, чтобы упорядочить их, изготовить большую матрицу, и когда ты используешь эту самую матрицу, то всегда получаешь правильные ответы. Вроде все замечательно, так?

Но потом Шрёдингер, наш Эрвин Шрёдингер... Он создал свои волновые уравнения, которые решают, если взглянуть со стороны, те же самые проблемы квантовой механики. Но только наш Шрёдингер применил совершенно иной подход! Более осязательный, если можно так выразиться... Потому что сам он был человеком совершенно иного сорта. Чувственный. Тактильный. Совсем не похожий на Гейзенберга. И он никак не мог примириться с гейзенберговской сухой математикой, он находил ее отталкивающей и безобразной. А собственные волновые уравнения Эрвина безупречно прекрасны, с этим согласны все физики и математики... Разве не так?

— Н-ну-у... — неопределенно промычал Джон.

— Но ведь это же правда! — горячо сказала Эми. — Ведь я права?

— Гм, частично... В той части, что относится к Гейзенбергу, и Шрёдингеру, и волновым уравнениям. В общих чертах все верно, спорить не стану. Но что касается этой женщины...

Тут они наконец свернули за угол, въехали на полузатопленную парковку позади их дома и остановились. Дождь совсем разошелся и лил как из ведра, вода стекала по ветровому стеклу потоком.

— Да, — упрямо сказала Эми. — Я уже почти все знаю. Она родила от Шрёдингера ребенка, и это была девочка. А когда эта девочка выросла, она тоже родила дочку, а когда ее дочь тоже выросла...

— Потрясающе! И как же ты до такого дошла?

Она рассмеялась.

— Можешь считать, что я поставила gedanken эксперимент, тебе понятно? Я все сделала так, как ты мне объяснил. Просто тщательно продумала дальнейший ход событий и все вероятные последствия.

Умиленный, Джон повернулся к ней и нежно погладил по щеке, а потом его пальцы сами собой запутались в шелковистых волосах Эми.

— Я тоже много размышлял, — признался он, поколебавшись. — Но только о другом. О нас.

— Это хорошо, — откликнулась она, потихоньку заливаясь румянцем, и поспешно вернулась к теоретической физике. — Так вот, Шрёдингер, наш замечательный Эрвин Шрёдингер, очень любил вещи этого мира. И любил женщин. Ему нравилось смотреть на вещи и прикасаться к ним, нюхать и пробовать на вкус, он был человек именно такого сорта... Но существует множество других людей, похожих на Гейзенберга, которого не заботила физическая сторона вещей. И люди этого сорта думают, что на самом деле наш мир, наш вещный физический мир... в конечном итоге, если докопаться до самого донышка, всего лишь абстракция, и не более.

Тут Эми взглянула ему прямо в глаза, а Джон встретил ее взгляд нечаянным поцелуем, и тогда она заговорила еще быстрее.

— Гейзенберг полагал, что мир, который называется реальным, возможно редуцировать. Свести его к абстрактному контейнеру, набитому бесчисленными цифрами. В те дни, когда Эрвин с Вернером поспорили о сути вещей, в эту дискуссию вступили не только физики, но и самые обыкновенные люди. Чуть ли не каждый выбирал, на чей он стороне...

— Надеюсь, мы на одной стороне? — прошептал Джон, привлекая Эми к себе.

— Господи, конечно, — пробормотала она, уютно устраиваясь у него на плече, и заторопилась дальше: — И вот Макс Борн, тоже замечательный физик, вступил в эту полемику, предложив совершенно новую точку зрения. Он заявил, что Шрёдингеровы волны по сути являются... как бы это сказать? Ну, это что-то вроде скопления разнообразных возможностей, которые могут или могли бы осуществиться с различными вероятностями в данном конкретном месте... И вот поэтому мы *на самом деле* никогда не знаем точно, что *действительно* происходит в *реальности*! — выпалила она на одном дыхании и смолкла.

— Эми... я схожу с ума.

— Я тоже...

Стекла машины совсем запотели, там было тесно и неудобно. Они торопливо выкарабкались из кабины и помчались к дому по лужам под проливным дождем.

8.

Эми Беллаква была права насчет уравнений Шрёдингера и матрицы Гейзенберга. Сам Шрёдингер написал специальную статью (1926,

Annalen der Physik 79, 734-56) о связи волновых уравнений с гейзенберговской матрицей, где показал, что оба подхода в итоге дают идентичные результаты. Однако Шрёдингер был глубоко убежден, что наглядность (*Anschaulichkeit*) является абсолютно необходимым атрибутом хорошей физической теории. И ничуть не удивительно, что квантовая механика Гейзенберга, втиснутая в абстрактную матрицу, вызвала у него неодолимое отвращение.

В 1926 году, через несколько дней после того, как Эрвин Шрёдингер опубликовал свою четвертую (и последнюю) статью по квантовой механике, Макс Борн опубликовал свою, вызвавшую изрядный ажиотаж, где он настаивал на статистической природе так называемых волновых функций. По мнению Макса Борна, данный феномен представляет собой непредставимые облака вероятностей. Понятно, что Шрёдингер отверг его оригинальную идею с негодованием. Ибо для него самого, Эрвина Шрёдингера, буквально все, что он знал и любил в нашем живом и чувственном мире, было плотским, телесным, материальным, абсолютно реальным, и до всего на свете он смог бы, пожелав, дотянуться и пощупать, пусть это даже упорно уклоняющееся от фамильярного знакомства пространство-время.

Что касается диссертации Джона Артопулоса, то она состояла из трех отдельных частей, и две из них были полностью завершены. Но работа над третьей частью основательно застопорилась, когда Джон внезапно уперся лбом в некое неудобоваримое уравнение. То есть, как мудро заметил его научный руководитель, на самом деле в целом множество однотипных неудобоваримых уравнений, каковые могли оказаться и непрощаваемыми заодно — поскольку Джону никак не удавалось сообразить, можно ли вообще извлечь физический смысл из математических выражений данного типа, а если можно, то какой же именно.

В отличие от европейских физиков в достопамятном 1926-м, Джон был не слишком-то начитан по части философии. И не имел привычки к умозрительным размышлениям о связи математики с физическим миром, который она умеет адекватно отражать на свой особый манер. Хотя запросто может и не отражать ничего реального.

Но теперь разнообразные проблемы натурфилософского толка буквально осаждали его, то восхищая, то раздражая. И пускай для Шрёдингера и Макса Борна такие вопросы были стары, как мир, они оказались совсем в новинку для Джона Артопулоса. Хуже того, все они коренились в том темном, непрозрачном куске завершающей части его диссертации и фактически, как ему все чаще казалось, не имели ответов. Для пушей наглядности (*Anschaulichkeit*) крайне по-

лезно сообщить, что за предыдущие полгода Джон умудрился исписать три стопы бумаги (по 500 листов), и ни одна из тех рукописных страничек не принесла никакой пользы.

Но, конечно, все было совсем иначе две последние недели. Ибо его разум, тело и душа пылали жарким огнем.

9.

Мы не знаем точно, что они делали, Эрвин и его неведомая возлюбленная, в ту плодотворную зиму 1925—1926 гг., когда не занимались любовью. Но мы знаем точно, что Эрвин Шрёдингер вышел из их уединенного заснеженного шале со своими изящными волновыми уравнениями, а это и есть самое главное. И мы не подглядывали за Джоном Артопулосом и Эми Беллаква после того, как они ворвались в ее квартиру, запыхавшиеся и промокшие до костей. Но мы можем предположить, чем они занимались, когда не спали вместе в одной постели.

Джон, весьма вероятно, по большей части сидел над своими уравнениями, а то время, что оставалось от физики, проводил с Эми, иногда урывая пару часов, чтобы поиграть в ручной мяч с Джоно, своим приятелем и коллегой. Что касается Эми, то она — с приближающейся к единице вероятностью — продолжала обслуживать посетителей «Капри», а свободное от любви и ресторана время уделяла своей новой мозаике.

Но зато мы точно знаем все, что произошло в воскресный день 16 апреля 2006 года, а это главное для нас.

Эми вылезла из-под горячего душа и едва успела завернуться в полотенце, как внезапно — опаньки! — перед нею в клубах пара возник Джон, переступающий порог ее ванной комнаты. Когда пар рассеялся, стало видно, что в одной руке у Джона бутылка вина, а в другой — два тонких хрустальных бокала.

— Я все закончил! — торжественно возвестил он.

— Фан-тастика! — воскликнула Эми.

На кухне он принялся откупоривать бутылку, а она срочно подсушивала мокрые волосы. Потом они уселись за стол, и Джон галантно наполнил бокал для Эми, а затем для себя. «Греческое вино», — сказал он ей, таинственно улыбаясь. На сей раз он не брился гораздо дольше, чем всегда, под глазами, красными от недосыпа, набрякли мешки, но Джон был счастлив, очевидно и несомненно.

— Греки делают отличное вино уже тысячи лет, — гордо подчеркнул он, поднимая свой бокал.

— А также отличных физиков и математиков, — сказала Эми с

улыбкой, поднимая свой. Они чокнулись, хрусталь зазвенел, и оба выпили до дна.

Потом они заговорили о всяких пустяках, вроде того, что теперь у Джона наконец найдется время починить радиоприемник в его драндулете. Если честно, Эми была удивительно немногословна и в основном пропускала его слова мимо ушей. До сих пор ей неплохо удавалось не вспоминать, что Джон Артопулос может улетучиться навеки, когда закончит докторантуру. Но сейчас Эми думала лишь об этом.

Он спросил, как продвигается новая мозаика, и она сказала, что покажет ему чуть попозже. Он поведал ей с жаром, как здорово и замечательно покончить наконец с учебой, но гораздо лучше и замечательней самостоятельная исследовательская работа, не так уж важно где, лишь бы дело оказалось стоящее... и на долгую секунду ее сердце остановилось. Поколебавшись еще одну долгую секунду, Эми Беллаква задала Джону Артопулосу вопрос:

— Ну и что ты теперь собираешься делать?

— Как что? Разумеется, приму душ, — сказал он, вставая и сладко потягиваясь. — По твоему полезному примеру... — Он весело рассмеялся, предвкушая удовольствие. — Чтобы очень горячий, сколько смогу стерпеть!

С этими словами он поспешно стянул футболку, триумфально подкинул ее, ловко поймал, сбросил тапочки и танцующей походкой продефилировал к ванной комнате, насвистывая и небрежно помахиывая футболкой.

Когда Джон вернулся на кухню, Эми уже облачилась в свои затрапезные шорты и линялую безрукавку с надписью КСАНАДУ. И вновь наполнила их бокалы. Джон поднял свой, чокнулся с бокалом Эми и благодушно сказал:

— А теперь расскажи мне про женщину Шрёдингера! А потом покажешь мне новую мозаику, идет?

— Я покажу тебе мозаику, — кивнула она, взяла свой бокал и легонько чокнулась с Джоном.

— Эй! А как же насчет загадочной незнакомки? И ее дочери, и всего остального?

— Знаешь, я жалею, что вообще заикнулась об этом, — серьезно сказала Эми и поспешила выпить вино, но поперхнулась на последнем глотке и мучительно закашлялась. — Ну вот! — вымолвила она наконец, вытирая выступившие слезы. — Мне правда очень жаль. Потому что теперь ты думаешь, что я сумасшедшая, или умственно неполноценная, или просто не в себе, но разницы никакой. — Она опять закашлялась и бросила на Джона безрадостный взгляд.

— Все равно Расскажи, — сказал он. — Пожалуйста.

— Ладно, как хочешь. Я вычислила, что та неизвестная женщина родила дочь 9 сентября 1926 года. И я полагаю, что через двадцать пять лет — приблизительно — ее дочь тоже родила девочку, весьма вероятно, в Англии. Эта девочка была родной внучкой Эрвина Шрёдингера. Точно так же, как Оливия Ньютон-Джон — внучка Макса Борна, и Оливия тоже родилась в Англии.

— Оливия Ньютон-Джон?.. Певица? И она внучка Макса Борна?!

— Я думала, все про это знают...

— Прошу тебя, продолжай, — сказал Джон.

— Ладно. Эта внучка Эрвина спустя приблизительно двадцать семь лет тоже родила девочку, — нехотя продолжила Эми, опасаясь, что каждое ее слово все дальше отталкивает от нее Джона. — Весьма вероятно, здесь, в Соединенных Штатах...

— Здесь, в Калифорнии?

— В Калифорнии? Да, — твердо сказала она. — Скорее всего.

— И... это ты?

Эми невесело рассмеялась.

— Я Эмилия Беллаква, дочь Винсента и Катерины Беллаква, старшей дочери Козимы Ферраро из Морано, Италия. И у моей бабушки нет никаких родственных связей с Шрёдингером, это я точно знаю.

— Ну тогда скажи мне... Пожалуйста! Как мы сможем узнать, что отыскали настоящую правнучку Шрёдингера среди всех этих вероятностей?

— Сейчас ей около двадцати восьми, — выпалила скороговоркой Эми, — и у нее татуировка на ягодице в виде одного из волновых уравнений Шрёдингера... Вероятно. А теперь пойдем, — сказала она Джону со вздохом. — Я покажу тебе новую мозаику.

И они пошли в переднюю комнату, которую с тем же успехом можно было именовать гостиной, а можно и рабочей мастерской. Джон Артопулос полюбил слоняться по этой комнате просто так, вдыхая воздух, пропитанный ароматами цветов и свежей зелени. Он ловко уклонялся от своенравных усиков и разросшейся листвы, привычно обходил расставленные на полу вазы, играющие роль газонов, и бледную рассаду в хрупких ящичках, разглядывал каждый раз заново, будто зачарованный, дивные мозаичные столики, на которых тоже стояли цветочные горшки. Эти горшки были сделаны из красочных обломков старой мозаики, вмурованных в грубую темную глину. Джон глазел и глазел, он нюхал и щупал, а со стен на него пристально смотрели мозаичные фигурки, улыбающиеся загадочными полуулыбками.

— Вот, — коротко сказала Эми, вручая ему овальную плашку размером с небольшой поднос, где на глубоком темном фоне, почти неувидимого оттенка, крошечными белыми камушками, едва заметно отливающими перламутром, была изображена изящная формула. Словно мелом на классной доске. Одно из классических волновых уравнений Шрёдингера.

— Я скопировала его из той самой книги, — объяснила она. — Мне ужасно понравилась форма этого уравнения, потому я его и выбрала. Знаешь, я была еще совсем маленькой, когда пристрастилась разглядывать отцовские учебники по математике, и только из-за символов. Помню, мне больше всего нравились сигмы и дельты, но я побаивалась интегралов с их чванливой высокомерностью.

Джон остолбенел, уставившись на уравнение.

Через какое-то время он пробормотал «да».

А потом еще раз «да!», и слегка нахмурил лоб, и снова «ДА!», и нахмурился сильнее.

— Но... вот этот крупный начальный символ? — вымолвил он наконец. — Который обозначает волновую функцию?

— Греческая буква пси, — любезно подсказала Эми. — Что с ней не так?

— Не знаю, но только она ужасно смахивает на...

— На вилы? Или трезубец морского старика? Да, я знаю, — кивнула Эми с улыбкой. — Но это пси, просто я сделала ей хвостик подлиннее. Так гораздо элегантней!

— Понятно, — задумчиво произнес Джон. — Каковы, по-твоему, шансы на то, что у нашей неизвестной правнучки Шрёдингера... вот такая фиговина вытатуирована на лопатке?

10.

Третья часть диссертации Джона Артопулоса была опубликована Американским физическим обществом (2004, Phys. Rev. Lett. 09,18 65-88). Индекс ее цитирования оказался настолько высоким, что она была включена в онлайн-новый список наиболее важных научных работ.

Мозаики Эми Беллаква выставлялись в очень престижной галерее Стерна-Уайтхолла, что в Сан-Франциско, и удостоились на редкость благосклонного отзыва того же чрезвычайно влиятельного критика из «Калифорнийского спектра».

Фред Марш тридцати пяти лет, доселе не поименованный, но о котором мы уже знаем, что он успел замечательно разбогатеть (на пляжной недвижимости) и ездит на вызывающе красном спортивном

«альфа-ромео», был представлен Хайди Эгрет на сугубо приватном вернисаже в одной из небольших, но изысканных галерей Беркли. Через две недели Хайди и Фред уже всю наслаждались совместной жизнью в его шикарных апартаментах.

Татуировка Хайди на самом деле чрезвычайно напоминала (и по-прежнему напоминает) греческую букву пси Ψ , то есть символ волновой функции в уравнениях Эрвина Шрёдингера. Но она также чрезвычайно напоминает и дьявольские вилы, и тот трезубец, что послужил морскому божеству Посейдону. Потому что, если уж говорить честно, все эти три фиговины просто чертовски, почти до конгруэнтности смахивают друг на друга.

И пока это все, что мы можем сказать о татуировке.

С прабабушкой Хайди Эгрет все обстоит намного сложнее. Нам неясно, была ли она той самой женщиной, которую Эрвин Шрёдингер пылко любил пятнадцать или двадцать дней в уединенном заснеженном шале в горах Швейцарии. Мы не знаем даже, как звали эту прабабку, сама Хайди тоже понятия не имеет. Как хотите, но все выглядит именно так, словно бы Природа специально установила для нас такие правила игры: чем больше мы узнаем про одну часть загадки (татуировка), тем меньше у нас уверенности во второй (прабабушка). Любопытно, что Вернер Гейзенберг еще в 1927 году опубликовал одну статью (*Zeitschrift für Physik* 43 172-198), где сформулировал четкое определение аналогичной проблемы для микромира, ныне известной преимущественно как Принцип неопределенности Гейзенберга.

Но зато теперь мы можем узнать все, что нам нужно знать о татуировке, и это более или менее утешает.

— Это трезубец, и он означает, что я преданная поклонница Нептуна, — объяснила Хайди. — Был такой морской бог, думаю, вы все знаете. Раньше я очень много занималась серфингом, чуть ли не по всему побережью.

Дело было в Беркли, и они сидели в уличном кафе вчетвером, Хайди и Фред, Джон и Эми. День был ясный и солнечный, перед компанией открывалась широкая живописная панорама Бухты.

— А у твоей мамы была татуировка вроде этой? — спросил Джон.

— Не припомню, чтобы я видела что-нибудь такое, — сказала Хайди и покачала головой.

Ее мать умерла, когда Хайди было восемь лет. Отец позже женился во второй раз, но погиб в колоссальной свалке на калифорнийском шоссе 101, когда густейший туман заволок все окрестности. Хайди тогда было четырнадцать. Она осталась на попечении своей молодой мачехи, и у них сложились почти дружеские отношения, но когда

девушке исполнилось семнадцать, мачеха снова вышла замуж, и тогда Хайди сбежала из дома. Несколько лет она жила на пляжах, занимаясь серфингом, и как раз в тот период сделала себе эту татуировку.

— В Санта-Кларе, — уточнила она.

— Каждый день я узнаю про нее что-нибудь новенькое! — весело ухмыляясь, сказал Фред, щеголявший легким светлым костюмом из натурального шелка. На левом запястье у него был огромный и безумно дорогой хронометр в корпусе из платины, который неизбежно бросался в глаза, так как Фред постоянно держал эту руку на спинке стула Хайди.

— Получается, это всего лишь обычный трезубец Нептуна, — резюмировала Эми. — И все?

— Нет, отчего же, — возразила Хайди. — Заодно и талисман, приносящий удачу. Такая гравировка была на серебряном кулоне, который мне подарила бабушка, мать моей матери. Мне скопировали этот рисунок, но потом я потеряла кулон.

— Ну, теперь уже больше не потеряется, — довольно заметил Фред, похлопывая Хайди по плечу.

Бабушка Хайди приехала из Ирландии, чтобы провести целый год с внучкой и ее отцом, после того как мать Хайди, а для бабушки единственная дочь, скоропостижно скончалась.

— Она подарила мне кулон перед самым отъездом, — добавила Хайди. — И я думаю, что этот кулон принадлежал ее матери, моей прабабке. Ее похоронили где-то в Ирландии, так говорила бабушка. Но я точно не знаю где.

Эми Беллаква и Джон Артопулос поженились 18 сентября 2006 года. Теперь Эми большую часть времени уделяет своей мозаике, а официанткой лишь подрабатывает. Что касается Джона, тот с огромным усердием толкает физику вперед, но пока еще в качестве малооплачиваемого постдока.

Вероятности настаивают, что живут они где-то поблизости от лаборатории Ферми (окрестности Батавии, штат Иллинойс). Но вполне возможно, что они обосновались в Кембридже, а Джон получил работу в Гарварде. Или что все произошло как раз наоборот.

Но кое-что мы все-таки знаем абсолютно точно. Мы точно знаем, что Джон и Эми вместе, и знаем, что навсегда, а это ведь и есть самое главное.

**Перевела с английского
Людмила ЩЁКОТОВА**

© Eugene Mirabelli. The Woman in Schrödinger's Wave Equations. 2005.

Печатается с разрешения журнала «Fantasy & Science Fiction».

Е В Г Е Н И Й Б Е Н И Л О В

В ТУПИКЕ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

М ты ни разу не пожалел, что бросил физику, старина? А ведь у тебя были отличные способности... Отхлебнув коньяку, профессор Жак Фонтэн (субтильный брюнет лет сорока, с бородой, в очках, в потертых джинсах и выцветшей ковбойке) поставил рюмку на подлокотник кресла. Стены его кабинета покрывали книжные полки, на экране стоявшего на столе компьютера волнисто перебирали плавниками русалки. Рядом с компьютером лежал лист бумаги с ровными рядами формул — было видно, что у профессора красивый почерк. Над столом висела картина в массивной золоченой раме, изображавшая молодую даму в пышном открытом платье, с сиамской кошкой на серебряной цепочке.

— Ни разу не пожалел, Жак. Для науки у меня не хватало воображения... да и не люблю я сидеть на одном месте с утра до вечера, каждый божий день. После окончания физфака меняхватило ровно на три месяца — а потом я отнес документы на Высшие курсы криминалистики. Работа сыщика как раз для меня!

Комиссар Джеф Дженсен (тяжеловесный, широкоплечий блондин, одетый в оранжевый мундир госслужащего IV разряда) положил сигару на край пепельницы. Извиваясь как угорь, струйка дыма поплыла к потолку.

— Нравится работа сыщика, говоришь? — Фонтэн усмехнулся. — А помнишь, как я пытался приучить тебя к детективным романам?

— Помню, — рассмеялся Дженсен. — Я тогда читал одну фантастику.

— Впрочем, вряд ли ты заехал для того, чтобы продолжить спор о книжках, — сказал физик. — Выкладывай, зачем пожаловал, Джеф.

Прежде чем ответить, полицейский еще раз затянулся сигарой.

— Как это ни странно, я пришел как раз для того, чтобы поговорить о фантастике... — Дженсен замялся. — Помнишь, мы с тобой читали роман, где описывалась «нуль-Т» — «нуль-транспортировка», позволявшая переносить людей и грузы с планеты на планету?.. Так вот, меня интересует твое мнение как ученого: противоречит ли нуль-Т законом физики?

Фонтэн с удивлением посмотрел на приятеля.

— Противоречит, — ответил он после паузы. — Ведь планеты, как правило, движутся относительно друг друга, так что импульс транспортируемого объекта не сохраняется.

— Давай предположим, что объект пересылается в пределах одной и той же планеты...

— А зачем тебе? — физик попытался поймать взгляд собеседника.
— Может, расскажешь все по порядку?

Несколько мгновений Дженсен молчал, задумчиво вертя в пальцах дымящуюся сигару.

— Что ты знаешь о Тупиковом Потрошителе, Жак? — спросил он наконец.

— Почти ничего — за уголовной хроникой я не слежу.

— Тогда слушай, — полицейский откинулся на спинку кресла и откашлялся. — Первое убийство было совершено в окрестностях Площади Грешниц, недалеко от порта... собственно, все убийства произошли в том районе. Вряд ли ты бывал там, Жак: это прибежище незарегистрированных проституток, причем самого низкого пошиба — почти все они алкоголички или наркоманки (а чаще и то, и другое) и зарабатывают так мало, что крутятся без сутенеров. Основными клиентами этих опустившихся девиц являются матросы — большей частью из Африки или Антарктиды, у них не хватает денег на лицензированные дома терпимости.

Мало кто из незарегистрированных проституток имеет нормальное жилье, да и нет там, возле Площади Грешниц, приличных домов: есть несколько ночлежек (таких, где люди спят десятками в одной комнате), есть два приюта Армии Спасения — вот, пожалуй, и все. В результате, девицы обслуживают клиентов в заброшенных домах (этого добра там навалом), а то и прямо на улице, в каком-нибудь глухом переулке.

Всех трех женщин убили именно в таких закоулках: во Втором Церковном, Кривом и Парусном тупиках; и все три убийства были совершены по одной и той же схеме: к будущей жертве подходил клиент и договаривался о цене, они удалялись в укромное местечко — и живой несчастную девицу никто более не видел. Первый труп обнаружили лишь четыре дня спустя: Церковные тупики находятся на отшибе, и проститутки водят туда клиентов нечасто. Но одна все же повела: завернули они за угол (у этого переулка в самом конце изгиб), а там — убитая девица... и не убитая даже, а растерзанная: живот распорот, внутренности разбросаны в радиусе пяти метров, голова почти отрезана...

Я, собственно, в расследовании первого убийства не участвовал. Да и не было там настоящего расследования: документов у жертвы нет, родственники неизвестны, знакомые — такие же, как она, незарегистрированные проститутки и от полиции бегают, как черт от ладана... В общем, прокурорский статистик оценил вероятность раскрытия в че-

тыре процента и рекомендовал следствие прекратить — а мы, ясное дело, спорить не стали.

Тревогу забили, лишь когда нашли вторую жертву и стало ясно: в городе появился серийный убийца.

На этот раз преступление было совершено не в самом переулке, а в одном из тамошних домов. Верхние этажи этого здания в аварийном состоянии из-за попорченных термитами полов, но на первом этаже жить можно... там даже почему-то не отключена вода. В результате в этом доме образовалось нечто вроде коммуны: веселые барышни и бродяги заселили все мало-мальски пригодные для жизни квартиры.

И вот как-то раз живущая там проститутка услышала крик, доносившийся из комнаты ее соседки — девица тут же выскочила в коридор и постучала, но ответа не последовало. Некоторое время она барабанила в дверь, а потом созвала своих товарок. В конце концов вызвали полицию: полицейские приехали, взломали дверь и обнаружили труп. Что интересно, окон в этой комнате нет, и куда делся убийца, осталось загадкой. Замечу также, что на месте преступления имелись следы и отпечатки пальцев, не принадлежавшие ни убитой, ни ее подругам, но их вполне мог оставить не преступник, а предыдущие клиенты жертвы.

И все же кое-какая информация у нас появилась, ведь у входа в Кривой тупик расположена видеокамера, передающая изображение в полицейский участок (в окрестностях Площади Грешниц следящих камер мало, так что нам, можно сказать, повезло). Так вот, запись показала, как к будущей жертве подходит человек в длинном сером плаще и черной шляпе-котелке, беседует с ней — и они направляются в глубь Кривого тупика. К сожалению, преступник все это время находился к камере спиной, так что лица его не увидели.

Мы также проверили более поздние записи, соответствующие времени, когда убийца покидал место преступления, но, увы, ничего не обнаружили... что очень странно, ибо других выходов из Кривого тупика нет.

Что же касается самого убийства, то совершено оно было точно так же, как и предыдущее: голова жертвы почти отделена от тела, брюшная полость вскрыта, внутренности разрезаны на куски — мы сразу поняли, что в городе орудует серийный убийца. Дело получило резонанс, и нам пришлось бросить на его раскрытие значительные ресурсы. Однако ООСП — Отдел особо серьезных преступлений, где работаю я — задействован не был.

Нас подключили, когда тогдашнего руководителя следствия, лейтенанта Хозе Лопеса, нашли мертвым.

Лопеса хватились, когда он не явился на работу; секретарша позвонила ему домой, потом на мобильный — но ответа не получила ни здесь ни там. Вдруг один из его сотрудников вспомнил, что предыдущим вечером Лопес собирался заглянуть на место второго убийства: мол, нужно кое-что уточнить. Туда немедленно послали патрульных.

Комната, где жила вторая жертва, была все еще опечатана... вернее, должна была быть опечатанной, однако пломбы на двери оказались сломаны. Соседки, как всегда, ничего не знали и не слышали; так или иначе, патрульные вошли и... обнаружили Лопеса — на полу, в луже крови, с перерезанным горлом! Похоже, убийцу он успел заметить, и даже выхватил пистолет, однако преступник полоснул его ножом по руке (на правом предплечье полицейского зияла глубокая рана), а потом прикончил его. Замечу также, что пистолет Лопеса исчез: очевидно, преступник забрал его с собой.

Тут-то дело и передали в ООСП, причем потребовали, чтобы следствие возглавил начальник Отдела, то есть я.

Первым делом мы проверили записи видеокамеры у входа в Кривой тупик — однако ни до, ни после прихода Лопеса преступника в сером плаще и черном котелке не обнаружили (три проститутки приводили и уводили своих клиентов, но те оказались либо много выше, либо много ниже нашего подозреваемого). Мы тщательно обыскали все дома в злосчастном тупике и допросили всех квартирующих там девиц — но ничего полезного не узнали. В принципе, мы допускали, что Лопеса и женщин могли убить разные люди — однако такую версию исключили эксперты, подтвердившие, что все три убийства были совершены одним и тем же оружием: хирургическим скальпелем. Более того, рядом с телом Лопеса обнаружился отпечаток ботинка — новый отпечаток, но при этом совпадавший с одним из уже имевшихся.

Нам стало ясно: преступник возвращался на место преступления.

На всякий случай поясню, что многие серийные убийцы имеют обыкновение возвращаться на место преступления, так что сам по себе этот факт никого не удивил. Однако почему злоумышленник полез в квартиру именно тогда, когда там был Лопес? Ведь сломанные, но не снятые с двери печати ясно говорили о присутствии полицейских! Впрочем, в этом деле имелось много необъяснимых фактов... так или иначе, мы оставили в квартире засаду, которая прождала преступника еще две недели — но, увы, безрезультатно.

А потом была убита третья девица.

Она погибла так же, как первая: не в квартире, а под открытым небом — в Парусном тупике... после чего, собственно, газеты и окрестили преступника Тупиковым Потрошителем. Дело обстояло так: прохожие, находившиеся на главной улице, услышали крики; мужчины посмелее откликнулись на зов — и обнаружили труп. Преступника они не видели, и видеокамеры там тоже не было, однако почерк убийцы говорил сам за себя: живот несчастной вскрыт скальпелем, голова почти отделена от тела. И опять никаких свидетелей; очевидно, преступник специально выслеживал проституткок-одиночек. Имея в виду, что в прошлый раз убийца возвращался на место преступления, мы оставили в Парусном тупике засаду: двое полицейских просидели в одном из заброшенных домов три недели, но потом я их отозвал. Новых улик за это время тоже не появилось.

В общем, я оказался в довольно неприятном положении: газеты издавались над нами, обыватели забрасывали отдел негодующими письмами, начальство требовало результата.

А три недели назад произошло событие, которое запутало меня вконец.

В тот вечер моя жена пошла с детьми в гости к своей матери — в чем я участвовать отказался, ибо мы с тещей терпеть друг друга не можем. Домой я, соответственно, не торопился и решил заехать на место последнего убийства. Не то чтобы у меня появились новые идеи... если честно, я и сам не знал, зачем туда еду. Так или иначе, я оставил машину у входа в Парусный тупик (до места убийства оставалось метров сто) и, светя себе под ноги карманным фонариком, зашагал в глубь тупика. Кругом было пустынно — ни жриц любви, ни их клиентов.

И вдруг, завернув за угол, я увидел человека.

Нас разделяло метров десять, но я ясно видел его в свете фонаря: мужчина среднего роста и средних лет, с черными бегающими глазами и непрерывно движущимися, будто ртуть, чертами лица; одет в серый плащ и черную шляпу-котелок.

Тупиковый Потрошитель!

«Стой!» — закричал я, вытаскивая пистолет. Но не тут-то было: убийца повернулся и бросился наутек.

Здесь надо пояснить, что после работы (как это водится у нас по пятницам) я с коллегами посидел в баре, так что бежать мне было нелегко. Тем не менее за исход погони я не боялся, ведь мы находились в тупике, причем нижние окна всех домов наглухо забиты досками.

Однако преступник все же на что-то надеялся, ибо — несмотря на мои крики и угрозы — мчался изо всех сил.

Наконец бежать ему стало некуда: дорогу перегораживала стена. Убийца остановился и обернулся через плечо — нас разделяло метров двадцать. «Руки вверх! — закричал я, переходя на шаг и пытаясь отдышаться. — Вы задержаны для выяснения личности сроком на двадцать чety...»

И тут произошло необъяснимое: преступник дерзко рассмеялся, шагнул к стене, будто собираясь сквозь нее пройти, и... растворился без следа!

Его смех продолжал звучать у меня в ушах еще в течение нескольких секунд.

Комиссар Дженсен откинулся в кресле и сокрушенно покачал головой.

— Ты не можешь себе представить, Жак, насколько дико это выглядело!

— Позволь все же уточнить, Джеф: сие таинственное происшествие не могло быть результатом посещения бара? — профессор Фонтэн усмехнулся и пригубил коньяк.

— Мы знакомы с тобой со студенческой скамьи, Жак, — в голосе Дженсена послышалась обида. — Чтобы допиться до галлюцинаций, мне нужно больше виски, чем имеется в баре... А в тот вечер я выпил всего шесть порций.

— Не обижайся, старина! — Фонтэн подлил приятелю коньяку. — А место, откуда убийца исчез, ты осмотрел?

— Конечно! — Дженсен достал сигару, отрезал перочинным ножом кончик и, шелкнув зажигалкой, закурил. — Более того: сначала я подумал, что убийца не исчез, а стал невидимым. А переулок в этом месте совсем узкий... и не переулок даже, а, скорее, проход. И тогда я, чтобы не рисковать, достал пистолет и расстрелял веером всю обойму. Затем я обыскал весь этот закуток — и... ничего! То есть Потрошитель не стал невидимым, а именно исчез, перенесся в другое место, — Дженсен затянулся сигарой, а затем продолжил: — В общем, ничего я там не нашел: тупик, как тупик — кусок засыпанного мусором асфальта возле бетонной стены. Справа и слева — дома, причем повернуты торцами, и окон там нет.

— А что находится позади бетонной стены?

— Другой переулок... я туда ходил, конечно, но ничего и никого не обнаружил. — Дженсен положил сигару на край пепельницы и сделал глоток.

Фонтэн последовал его примеру.

— Понятно, Джеф, но зачем ты рассказываешь об этом мне?.. Чем я могу тебе помочь?

Прежде чем ответить, полицейский помедлил, будто не решаясь говорить.

— Помоги мне найти рациональное объяснение произошедшему... Ты единственный, кто может мне поверить. С моими коллегами об этом разговаривать смысла нет; о встрече с Потрошителем я вообще помалкиваю!

— Какое тут может быть рациональное объяснение? — Фонтэн с трудом сдержал улыбку. — В стене, наверное, есть замаскированный проход — вот и все.

— И как же я, по-твоему, его не заметил? — спросил Дженсен саркастически. — Я возвращался туда несколько раз и тщательно простукивал все стены. Более того, я вызвал техников из экспертного отдела и попросил просветить стены ультразвуком. И опять — абсолютно ничего!

— И теперь ты пытаешься объяснить исчезновение преступника нуль-транспортировкой? — Фонтэн посмотрел на приятеля с удивлением, не веря, что тот говорит всерьез.

— Не прими меня за психа, Жак... но нуль-Т кажется единственно возможным объяснением.

— Джеф, побойсь Бога! — вскричал Фонтэн. — Ты ведь закончил физфак лучшего университета страны, пусть даже и пятнадцать лет назад. Ведь, согласно теории относительности, объекты не могут переноситься с места на место, опережая свет!

— Я вовсе не утверждаю, что нуль-Т опережает свет. Если, например, превратить материю, из которой создан объект, в энергию и переслать вместе с информацией о его строении в виде излучения — то скорость пересылки будет равна световой.

— А ты понимаешь, сколько энергии соответствует массе человеческого тела?! — профессор Фонтэн саркастически рассмеялся. — Да от нашего города не осталось бы камня на камне!

— А кто тебе сказал, что пересылаемый объект нужно превращать в энергию в один присест? — парировал Дженсен. — Ведь это можно делать маленькими порциями, и порциями же превращать энергию обратно в материю.

Профессор Фонтэн задумался.

— Нет, не получается... причем дело не в технике, а в принципе, — сказал он. — Посуди сам: из-за квантовомеханического принципа не-

определенности информация о строении объекта будет неточной, да и воссоздать ее с абсолютной точностью невозможно. То есть в результате нуль-транспортировки будет воссоздан человек со слегка другим телом и совсем другим сознанием. А оригинал при этом погибнет... следовательно, эта твоя нуль-Т равносильна самоубийству! — физик усмехнулся и добавил: — Не говоря уж о том, что использовать нуль-транспортировку для убийств — полный абсурд... Да любой нормальный человек запатентовал бы свое изобретение и заработал миллионы!

— За пятнадцать лет работы в полиции отклонениями от нормы меня не удивишь! — возразил Дженсен. — И кстати, кто тебе сказал, что убийца изобрел прибор для нуль-Т? С тем же успехом он мог его украсть, а изобретателя — убить.

В комнате воцарилась тишина. Было слышно, как за окном гудят машины.

— Не мне тебя учить, конечно, — сказал Фонтэн, — но, думается, ты должен сконцентрироваться на поисках убийцы. А уж фокус, при помощи которого исчез, он тебе раскроет сам. Наверняка это что-то рациональное... или, может, ты тогда на секунду отвлекся.

— Если бы тот случай был единственным, — полицейский сокрушенно покачал головой. — Вспомни: ведь преступник исчезал из запертой комнаты без окон после убийства второй проститутки и из глухих тупиков после убийств первой и третьей. Не-ет, интуиция подсказывает мне, что главное в этом деле — разгадать, как убийца исчезает после совершения преступлений... и если мы поймем это — мы поймем все!

— Знаешь что? — тряхнул головой Фонтэн. — У меня появилась идея: составь-ка, пожалуйста, полную хронологию событий, и как можно точнее! — он встал, взял с рабочего стола листок бумаги и карандаш и протянул их Дженсену.

— А что за идея... календарные убийства? — недоверчиво поинтересовался полицейский. — Впрочем, изволь, вот тебе хронология.

Он начал писать:

Убийство 1-й проститутки — 2 сентября, вечером.

Убийство 2-й проститутки — 10 октября, 16:35.

Убийство лейтенанта Лопеса — 2 ноября, 18:00—21:00.

Убийство 3-й проститутки — 11 марта, 19:10.

— Примерно так... — Дженсен положил карандаш на стол. — Когда погибла первая девица, мы не знаем, а время смерти Лопеса известно лишь примерно.

— А когда ты встретился с убийцей, помнишь? — спросил Фонтэн.

Дженсен взял карандаш и дописал еще одну строчку:

Моя встреча с Потрошителем — 3 апреля, 20:15.

Опять воцарилась тишина: Фонтэн думал.

— Джеф, а вы храните записи видеокamеры, заснявшей убийцу и его вторую жертву?

— Конечно, храним! Это же вещественное доказательство.

— А записи, сделанные *после* убийства?.. Скажем, 24-го ноября?

— Надо посмотреть... а зачем тебе? — озадаченно спросил Дженсен.

— Есть у меня одна теория... — уклончиво ответил Фонтэн, вставая. — Насчет видеозаписи можно проверить прямо сейчас?

— В принципе, можно.

— Так что, поехали? — Фонтэн потянул приятеля в сторону двери.

— Ехать никуда не нужно: записи уличных видеокamер можно смотреть онлайн, — Дженсен поднялся на ноги и шагнул к компьютеру. — Это сделано для удобства дорожной службы, когда ее вызывают на аварию.

Он сел к компьютеру, Фонтэн устроился рядом.

— Какой промежуток времени тебя интересует? — спросил полицейский.

— С восьми вечера до двенадцати ночи.

Дженсен щелкнул мышью, и на экране возникло изображение: уходящий вдаль узкий переулок и несколько женских фигур на замусоренном тротуаре.

— А ускорить можно? — Фонтэн нетерпеливо поерзал на стуле.

Дженсен опять щелкнул мышью, и запись ускорилась; некоторое время полицейский и физик всматривались в темную, слегка расплывчатую картинку.

— Стоп! — воскликнул Фонтэн. — Верни чуть назад... здесь!

Несмотря на плохое освещение, на экране ясно очерчивался человек в длинном сером плаще и надвинутом на глаза черном котелке, выходящий из переулка. Других людей в кадре не было.

— Как ты догадался? — изумился Дженсен. — И неужели он возвращался сюда в *третий* раз?!

— Не возвращался в третий раз, а уходил в первый!

Несколько мгновений полицейский недоуменно смотрел на приятеля.

— Что ты несешь?

— Я, кажется, понял, каким образом убийца исчезал с места преступления... — рассеянно отвечал Фонтэн, озабоченно глядя на стен-

ные часы (те показывали 9:25 вечера). — Скажи, Джеф, сколько нужно времени, чтобы добраться отсюда до места последнего убийства?

— Если не будет пробок, то полчаса... а что?

Прежде чем ответить, физик несколько секунд смотрел на листок с «хронологией событий»... и вдруг вскочил с кресла.

— Скорее! — Фонтэн кинулся в переднюю и, путаясь в рукавах, стал надевать куртку. — Мы должны добраться туда не позже чем через тридцать пять минут!

Дженсеновская «хонда» была запаркована прямо у подъезда — полицейский и физик торопливо залезли в кабину. Взревел мотор; визжа шинами, автомобиль резко отъехал от обочины, вклиниваясь в поток уличного движения. Не отрывая глаз от дороги, Дженсен пошарил под сиденьем, достал лампу-мигалку и, не глядя, протянул Фонтэну:

— Включи и прикрепи на крышу — у нее магнитное основание.

Внутренность кабины и окрестные машины озарились синими вспышками; серебристый кабриолет перед дженсеновской «хондой» немедленно прижался к обочине.

— Ты можешь объяснить по-человечески, в чем дело? — в голосе полицейского чувствовалось сдерживаемое раздражение.

— Насколько я понимаю, — начал Фонтэн, — после второго и третьего убийств свидетели слышали крик жертвы и немедленно бежали к месту преступления, однако убийцы там уже не было, — физик помолчал, а потом добавил: — А когда он исчез у тебя на глазах, ты сделал вывод, что он умеет переноситься в пространстве, невзирая на материальные преграды — что, казалось бы, объясняло все странности этого дела. Так?

— Так.

Дженсен резко вывернул руль — машина пересекла встречную полосу и свернула налево. Немедленно раздалась скрип тормозов и негодующие гудки.

— А ты не замечал, Джеф, что между убийством третьей жертвы и твоей встречей с Потрошителем прошло столько же времени, сколько разделяет убийства второй девицы и Лопеса?

Полицейский с удивлением покосился на собеседника.

— Не замечал. Хотя бы потому, что точное время смерти Лопеса неизвестно.

Они мчались по широкой, ярко освещенной улице. Пестро одетая молодежь роилась возле дверей дискотек и ночных клубов; дамы в ве-

черных платях и джентльмены в цилиндрах прогуливались перед дверями театров и шикарных ресторанов.

— Если принять во внимание весенний перевод часов, то между убийством третьей проститутки и твоей встречей с Потрошителем прошло 22 дня и два часа. А между убийствами второй девицы и Лопеса — опять же с учетом перевода часов — 22 дня и от получаса до трех с половиной часов.

— Хорошо, — согласился полицейский. — И что из этого следует?

Они выскочили на широкую, ярко освещенную улицу и, свернув на следующем перекрестке, выехали на скоростное шоссе. Дженсен утопил педаль газа до пола — взревев мощным мотором, машина прыгнула вперед.

— Дело в том, — сказал Фонтэн, — что все эти события можно объяснить, предположив, что убийца перемещался не в пространстве, а во времени!

— Что?!

«Хонда» вильнула в сторону... чертыхнувшись, Дженсен выровнял машину.

— Подумай сам, — нетерпеливо сказал Фонтэн. — Исчезновение преступника после второго убийства — из запертой комнаты без окон! — с легкостью объясняется перескоком в будущее (именно в будущее, ибо путешествия в прошлое запрещены Принципом Причинности). К несчастью, в тот момент на месте преступления оказался Лопес — и убийце пришлось его резать. Это произошло 2-го ноября, после чего убийца перенесся еще на 22 дня вперед и ушел с места преступления вечером 24-го.

— Зачем перенесся?.. Почему просто не ушел?

— Могу предположить, что перед смертью Лопес вскрикнул, и преступник испугался, что на крик сбегится народ... — Фонтэн на мгновение задумался. — А может, просто подстраховался: вдруг Лопес пришел не один, и в квартире сейчас находятся другие полицейские?

— А почему преступник всегда переносится на одно и то же время?

— Не знаю... возможно, это максимальная дальность действия его машины времени.

Физик посмотрел на приятеля в ожидании возражений, но Дженсен промолчал; его лицо отражало лихорадочную работу мысли.

— Когда я в детстве читал фантастику, — сказал полицейский, — то никогда не мог понять, почему хронопутешественники всегда заканчивают свой путь там же, где начали. Ведь за это время Земля

должна была сдвинуться вдоль своей орбиты вокруг Солнца, а Солнце — переместиться из-за вращения Галактики. И так далее...

На ветровое стекло упали первые дождевые капли — несколько секунд, и по крыше «хонды» забарабанил ливень. Дженсен включил «дворники».

— Ты хочешь сказать, что путешествия во времени противоречат Принципу Относительности?.. — задумчиво сказал Фонтэн. — Может, машина времени поддерживает связь с каким-нибудь неподвижным объектом... использует его, так сказать, в качестве маяка?

— Слишком сложно, — Дженсен недоверчиво хмыкнул. — И кстати, куда девается воздух, заполняющий будущее местоположение хронопутешественника?

— Воздух?.. Вытесняется — и все. Если, к примеру, путешественник возникает на новом месте не сразу, а постепенно.

Слева от дороги возникло яркое световое пятно и едва видные сквозь пелену дождя журавли подъемных кранов.

— Через десять минут будем на месте, — полицейский повернулся к Фонтэну и улыбнулся: — Тогда и определим, возможны ли путешествия во времени... так сказать, экспериментальным путем.

Они свернули с шоссе; «хонда» помчалась по неширокой, плохо освещенной улице. Машин здесь почти не было, да и пешеходов тоже; лишь промокшие до нитки, расхристанные морячки толпились возле дверей обшарпанных баров или шатались по узким тротуарам. Каждый второй дом казался заброшенным: висящая ключьями краска, потрескавшаяся штукатурка, забитые досками или разбитые окна. Вдоль дороги кучками жались крикливо одетые девицы под пестрыми зонтиками.

Дженсен усмехнулся:

— По сравнению с обитательницами Площади Грешниц, эти — настоящие принцессы.

Притормозив, он свернул в темный, узкий переулок — и сразу же повернул еще раз, еще раз, еще раз... Машину подбрасывало на выбоинах; на правой стороне улицы, позади шербатого ряда домов замесало пустое пространство.

— Площадь Грешниц, — объявил полицейский. — Сколько у нас времени?

Фонтэн посмотрел на часы.

— От двух до пяти минут.

Дженсен свернул еще раз: фары «хонды» скользнули по остову сгоревшей машины на фоне заваленного битым кирпичом пустыря. Под

колесами хрустели пластиковые бутылки и прочий мусор. Дождь отбивал барабанную дробь по ветровому стеклу.

Дженсен резко затормозил — «хонда» остановилась: переулок упирался в два дома, между которыми виднелся узкий проход. На одном из домов была вывеска «Парусный тупик»; синие вспышки полицейской мигалки периодически выхватывали из темноты то опрокинутый мусорный бак, то скелет дамского кринолина, то останки мотоцикла.

— Скорее! — не выключая фар, Дженсен выскочил из машины и устремился в проход между домами.

Фонтэн последовал за ним... вдруг он заметил, что в руке полицейского поблескивает мокрым металлом пистолет.

— Джеф, стрелять нельзя! — порыв смешанного с дождем ветра хлестнул физика по лицу.

Дженсен не ответил... они добежали до конца прохода и остановились в нескольких метрах от бетонной стены.

— Стрелять нельзя! — повторил физик, вытирая мокрое лицо. — Преступника надо взять живым: он должен объяснить, откуда у него машина времени.

— Ты предпочитаешь, чтобы *он* стрелял в нас? — спросил Дженсен саркастически. — Не забывай: убийца забрал пистолет Лопеса!

Ветер свистал между домами, швыряя в стены пригоршни дождя; дождинки смешивались со светом фар «хонды» и сверкали, как маленькие бриллианты. Потоки воды со свистом всасывались в забитый мусором водосток. В луже у ног Фонтэна кружила пустая пластиковая бутылка; на небе над его головой сверкнула молния.

— Помни: это наша единственная возмо... — слова физика утонули в раскатах грома.

Он машинально посмотрел вверх — а когда опустил взгляд, то увидел у бетонной стены человека в сером плаще и черном котелке: слегка одутловатые щеки, хищный разрез ноздрей, влажная прядь волос, прилипшая ко лбу. Правую руку он поднял, прикрывая глаза от света.

— Не шевелиться! — хрипло приказал Дженсен.

На мгновение человек застыл неподвижно... вдруг его рука метнулась к карману. Раздалась выстрелы: бах!.. бах!.. бах!.. бах!.. бах!.. Первая пуля отбросила преступника к стене, после второй он начал сползать вниз...

Когда Дженсен спустил курок в последний раз, Тупиковый Потрошитель уже лежал на замусоренной мостовой. Смешиваясь с дождевой водой, из-под трупа расплывалась лужа крови.

Преодолевая тошноту, Фонтэн шагнул вперед... но, услышав громкое шипение, отшатнулся: из пяти пулевых отверстий, зияющих на сером плаще, а также из-за пазухи и из рукавов убитого потянулись струйки дыма. Смешиваясь с дождем, по воздуху поплыл характерный запах горячей электроники.

— Нет! — закричал Фонтэн, кидаясь к застывшему на асфальте телу.

Вышеописанные приключения повлекли за собой несколько событий разной степени важности.

За ликвидацию Тупикового Потрошителя комиссар Дженсен получил повышение по службе. Заметим, однако, что нуль-транспортировку и хронопутешествия в отчете о проделанной работе он не упомянул.

Он также умолчал о странном «панцире», поддетом под плащ преступника и состоявшем из сотен интегральных схем: перед тем как вызвать полицию, комиссар разрешил профессору Фонтэну снять прибор и увезти домой. К сожалению, «панцирь» был изрешечен пулями, так что ничего интересного Фонтэн пока не обнаружил.

Немногим более дало расследование личности преступника: человек в сером плаще и черном котелке оказался мелким служащим городской ратуши. Ни семьи, ни друзей у него не было, и даже сослуживцы, просидевшие с ним в одной комнате пятнадцать лет, ничего вразумительного рассказать не могли. Примерно за полгода до первого убийства он получил в наследство загородный дом — набитый, как утверждал душеприказчик покойного, какой-то аппаратурой (дом принадлежал дальнему родственнику убийцы, школьному учителю физики). Однако, когда туда явились с обыском полицейские, дом был пуст, и куда делась аппаратура, осталось неизвестным.

Неизмеримо большее влияние описанные события оказали на судьбу нашего города: впечатленные произошедшими убийствами и засыпанные возмущенными письмами обывателей, городские власти выделили значительную сумму на трудоустройство всех незарегистрированных проституток и на благоустройство освободившейся от них территории.

В результате сей похвальной инициативы на Площади Грешниц открыли роскошное казино. На работу туда принимают одних лишь женщин и только по предъявлении просроченного желтого билета.

«Пластичин нежной, чем глина»

Список премий и номинаций у этого режиссера в несколько раз превышает фильмографию. Каждой его новой ленте и зрители, и критики ждут с нетерпением, но он нечасто балует поклонников премьерями: уж слишком трудоемкий и длителен процесс съемок. Именно поэтому жанр пластилиновой анимации не столь популярен у западных мультипликаторов.

Те, кто наивно полагает, что рисованный мультфильм снимать сложнее, чем кукольный, абсолютно не правы. Да, подвинуть, например, десяток раз руку куклы, чтобы имитировать движение, несколько быстрее, чем тот же десяток раз нарисовать, расфазовать это движение на бумаге или целлулоиде. Но, рисуя следующую фазу движения, художник видит предыдущие и всегда может что-то поправить или вернее рассчитать, тогда как двигающему куклу аниматору необходимо обладать невероятной зрительной памятью и воображением, чтобы движение получилось естественным. И не важно, из какого материала кукла. Именно поэтому любой специалист, затруднившись с ходу определить режиссера-лидера рисованной анима-

ции, с уверенностью назовет лучшего постановщика-кукольщика — Ник Парк.

Николас Вулстон Парк родился в британском Престоне 6 декабря 1958 года. С самого детства он был безумно влюблен в анимацию — рисовал всегда и везде, на чердаке родительского дома пытался снимать первый мультфильм. Уже в 1975 году один из детских фильмов семнадцатилетнего Ника «Ночной кошмар Арчи» был показан по каналу BBC. В 1980-м Парк заканчивает Шеффилдскую школу искусств с дипломом бакалавра и поступает в Национальную школу кино и телевидения в Беконсфилде. Еще будучи студентом Парк, перелистав свои юношеские наброски, обнаруживает в них двух забавных персонажей — кота по имени Громит и некоего Почтальо-

на. В процессе создания сценария кот превратился в пса, а Почтальон — в мистера Уоллеса. В 1983 году молодой режиссер начал работу над своим первым профессиональным фильмом — работа эта длилась почти шесть лет.

Тогда же Парк познакомился с продюсерами и талантливыми аниматорами Дэвидом Спрокстоном и Питером Лордом. Истинные энтузиасты пластилиновой мультипликации, они основали в Бристолле собственную студию Aardman Animations, назвав ее по имени героя одного из первых своих мультфильмов. Оценив дарование юного режиссера, Лорд и Спрокстон в 1985 году берут его к себе на студию — и это мудрое решение в будущем вознесло и студию, и Парка на вершину кинематографического олимпа.

На студии кроме продолжения работы над первыми приключениями Уоллеса и Громита Парк запускает и другие проекты. Профессиональным режиссерским дебютом Ника стал видеоклип на песню Питера Гэбриэля в 1987 году. И еще одна интересная сценарная идея занимала мысли молодого мультипликатора. Он придумал фильм о животных из зоопарка, которые постоянно жалуются на свое существование, на отсутствие комфорта. Оригинальность идеи была в том, чтобы использовать в речи животных реаль-

ные жалобы. Парк специально побывал в нескольких домах престарелых, записал на микрофон жалобы стариков на условия существования и заставил своих персонажей-животных произносить эти речи. Как бы в микрофон во время интервью. Получилось очень забавно — настолько, что вышедший в 1989 году мультфильм режиссера-дебютанта «Комфорт для животных» через два года получил «Оскара» в номинации «Лучший короткометражный мультфильм»!

В том же 1989 году Парк заканчивает съемки первого фильма о двух главных персонажах своей жизни — Уоллесе и Громите. И — что удивительно! — в том же 1991 году и фильм «Большой пикник вместе с Уоллесом и Громитом» (иногда переводят «Лунный пикник...») снова попал в оscarовскую номинацию, проиграв в итоге своему же собрату по режиссуре. Это был невероятный успех маленькой студии Aardman Animations и совсем неожиданный успех полузаброшенного жанра пластилиновой объемной анимации.

Однако если «Комфорт для животных» пришелся по душе критикам, то фантастическая история об Уоллесе и Громите очаровала зрительскую аудиторию. Гениальный изобретатель с истинно английскими манерами и большой любитель сыра Уоллес и его не менее гениальный, но совершенно молчаливый друг пес Громит от-

кровенно карикатурны — и при этом невероятно обаятельны. А особенно занимательны чудесные механизмы, ими построенные: в первом фильме, обнаружив, что в доме иссяк запас сыра, они строят ракету и летят на Луну — ведь Луна наверняка состоит из сыра! Множество гэгов и скетчевых, в духе английского юмора, приключений ждут их на спутнике Земли.

Вдохновленный успехом первой картины о забавных друзьях, Парк тут же приступает к сиквелу. Тем более, что у мгновенно прославившейся студии дела идут неплохо — от заказов на клипы, рекламу и новые мультфильмы ломится почтовый ящик. А особенно публика и всевозможные продюсеры ждут продолжения приключений Уоллеса и Громита. И Парк не подводит! Вторая история «Уоллес и Громит: неправильные штаны» (1993) — о невероятных механических штанах и коварном грабителе Пингвине — помимо набора блестящих шуток и ситуаций имела остросюжетную и динамичную (одновременно и несколько мелодраматичную) драматургию, а также изобиловала пародийными моментами. Чем, как не прямой пародией на признанную лучшей погоней в мировой истории спилберговскую гонку на вагонетках из второго «Индианы Джонса», выглядит преследование Уоллесом и Громитом Пингвина в вагончиках игрушечной железной дороги?

Фильм имел бешеный успех у публики, он принес Парку и Aardman Animations второй «Оскар» и еще восемнадцать международных кинопремий, а Уоллесу и Громиту — мировую славу и культовый статус, уступающий популярности разве что диснеевских персонажей.

Третий фильм о неразлучной парочке «Уоллес и Громит: стрижка под ноль» (1995) — и третий «Оскар»! Абсолютный результат! Кажалось бы, можно продолжать стричь купоны с брэнда, как стригли шерсть с овец в упомянутом фильме, и снимать бесконечно. Но тема показалась Парку исчерпанной. Хотелось нового. И прежде всего — полнометражного кино (все истории об Уоллесе и Громите длились чуть более 20 минут каждая, а «Комфорт для животных» — около 10 минут). И Парк решает пожертвовать перспективой очередного «Оскара» (тогда еще не существовало номинации «Полнометражный мультфильм», а анимационной ленте конкурировать с игровым кино нереально).

Одному было не потянуть, и со-режиссером следующей картины Парка стал друг и соратник по студии Питер Лорд. История «куриного бунта», а точнее, «Побега из курятника» (2000), как и предыдущие картины Парка, наполнена искрометным юмором, головокружительными трюками, затейливыми механизмами, импозантными

персонажами, веселыми гэггами и к тому же несет в себе некое философское послание о смысле и сути свободы в современном обществе.

После «Побега...» Парк замолчал на долгие пять лет. Лишь участвовал в десятисерийном сиквеле «Комфорта для животных» для британского телевидения. Слухи о том, чем занят режиссер — то ли снимает продолжение «куриных бегов», то ли что-то совсем новое, — ситуацию отнюдь не проясняли. И только в 2005 году стало понятно, что грядет полнометражный фильм об Уоллесе и Громите. Интриговало уже само название «Уоллес и Громит: проклятие кролика-оборотня». Ожидался и больший размах — для этой цели Aardman Animations объединилась с руководимой Спилбергом одной из крупнейших в мире анимационной студией DreamWorks Animation, а Ник Парк опять взял себе соревнителя — еще одного состудийца Стива Бокса. Единственное, что настораживало — не иссяк ли Парк, не исчерпана ли тема? Оказалось — ничуть!

На этот раз неразлучной парочке предстояло избавить городок, живущий предвкушением конкурса на самый крупный овощ, от нашествия кроликов. Хитроумные аппараты, поначалу помогавшие в этом благородном занятии, позже принесут лишь неприятности — в результате эксперимента Уолле-

са на свет является огромный кролик-оборотень, и всем овощам города грозит печальная перспектива оказаться в его необъятном желудке. Кто он, этот оборотень, мы узнаем несколько позже в результате десятков типично парковских приключений. Главное отличие этой ленты от предыдущих — она почти полностью пародийна. Здесь можно усмотреть и классические хичкоковские саспенсы, и фильмы об оборотнях, и картины кинг-конговского ряда, и элементы комиксного суперменского кино, и мотивы сусальных английских лент о жизни в маленьких городках...

Свой тридцатимиллионный бюджет картина окупала в первый же уик-энд проката и долгое время держалась в кассовых лидерах. Иначе и быть не могло — культовые герои, помноженные на талант режиссера и продюсерскую мощь спилберговской корпорации, принесли плоды. Судя по неоконченной лирической линии между Уоллесом и Леди Тоттингтон (ее озвучила знаменитая Елена Бонем Картер), можно ждать и продолжения.

Номинацию на «Оскар» среди полнометражных мультфильмов не так давно наконец ввели, и ничто теперь не мешает Нику Парку продолжить свою абсолютную серию: что ни фильм, то «Оскар».

Дмитрий БАЙКАЛОВ

ТЕМНАЯ ВОДА

(DARK WATER)

Производство компании Touchstone Pictures, 2005.

Режиссер Уолтер Саллес.

В ролях: Дженифер Коннелли, Тим Рот, Джон С.Рейлли и др.

1 ч. 45 мин.

Современного зрителя напугать сложно. Перед режиссером фильма в жанре хоррор стоит задача пощекотать нервы тем, кто привык к виду крови на экране телевизора, да и с законами жанра знаком не понаслышке. Попробуй заставить такую публику вздрогнуть от страха.

Мистический триллер «Темная вода» — экранизация очередного романа популярного японского писателя Кодзи Судзуки, чьи книги недавно были изданы и в России. Как и «Звонок», новая история о злом призраке — римейк японского фильма. Как и в «Звонке», главная героиня — одинокая женщина, а беспокойный призрак — девочка-утопленница. Проводить параллели между этими кинокартинами можно долго. К примеру, и тут, и там проделки призрака сопровождаются буйством воды. Но если во время показа «Звонка» люди покидали зал, потому что боялись не заснуть ночью, то в случае с «Темной водой» уходили совсем по иной причине. Несмотря на оscarоносный актерский состав и опытного режиссера, фильм получился скучным и вялым.

Молодая женщина Далия (Коннелли), находясь на грани нервного срыва из-за развода, переезжает в квартиру на окраине Нью-Йорка. В квартире протекает потолок, а дочка Далии заводит себе невидимую подружку по имени Наташа. И начинается: «А что это за девочка? А где она живет?». Монотонное действие периодически прерывается истериками героини Коннелли, которая явно переигрывает. Благо, хоть на актеров второго плана интересно посмотреть. Особенно на Рейлли, играющего мерзавца-риэлтора.

Под конец съемок Саллес словно бы вспомнил, в каком жанре снимает, однако двадцать напряженных минут не спасают фильм. Собственно говоря, и оригинальные «Темные воды» уступали оригинальному «Звонку» по всем статьям. Но режиссер римейка зачем-то принялся чинить то, что не сломано. Например, показал Наташу обычным ребенком, скучающим по маме. В итоге зрителя ждет не триллер, а нудная драма с легким налетом мистики.

Степан КАЙМАНОВ

ДУМ

(DOOM)

Производство компании Universal Pictures, 2005.

Режиссер Анджей Бартковяк.

В ролях: Карл Урбан, Дуэйн «Скала» Джонсон, Розамунд Пайк и др.

1ч. 40 мин.

С момента первого упоминания предстоящей экранизации «игры всех времен и народов» прошло девять лет. Но еще задолго до выхода фильма игроманов и киноманов готовили к худшему. Надо признать, не без основания.

Во-первых, сюжет никогда не являлся сильной стороной культового шутера. Во-вторых, существовала вероятность, что brutальные сцены, за которые многие ценят «Doom», так и останутся на бумаге. В-третьих, в режиссерском кресле сидел Анджей Бартковяк, снявший всего лишь два не снискавших популярности боевика — «Сквозные ранения» и «Ро-мео должен умереть». Однако другие факты обнадеживали. Создатели кинокартины располагали бюджетом в 70 млн долларов, представители компании «id Software», отцы-основатели игры, оказывали поддержку, да и за плечами Бартковяка в качестве оператора находились блокбастеры «Скорость» и «Пик Данте».

Итак, из марсианской лаборатории, исследующей геном человека, послан сигнал бедствия. На помощь ученым отправляется команда храбрых морпехов, которых в недрах красной планеты уже дожидаются монстры-мутанты. Сюжет быстро отходит на второй план, и начинается ураганный боевик — действие под названием «Doom», хотя саспенса в последней игре присутствовало ощутимо больше, чем в фильме. Да и набор монстров в картине Бартковяка не балует разнообразием. К чести режиссера отметим, что он сумел передать мрачную атмосферу легендарного шутера. Жаль, что лишь геймеры смогут оценить по достоинству некоторые моменты — такие, как стрельба из BFG 9000 или вспыхивающая во весь экран красно-зеленая карта лабораторий. Кстати, антураж, оружие и монстры перекечевали из третьей части игры.

Впрочем, людям, не увлекавшимся игрой, фильм покажется плоской стрелялкой. И единственная героиня вызовет лишь ухмылку, когда с умным видом будет пытаться изображать ученого.

Алексей СТАРКОВ

МЕЧ ДРАКОНА

(DRAGONBLADE)

Производство компаний DCDC и China Film (Гонконг), 2005.

Режиссер Энтони Шезо.

Роли озвучивали: Карен Мок, Дэниел Ву, Стивен Фунг и др. 1 ч. 24 мин.

Дедовский метод — сотни тысяч рисунков карандашом на бумаге и краской на целлулоиде — уходит в прошлое. На смену ему уверенной поступью идут мощные компьютеры и «навороченный» софт. Это перестало быть «оружием» только Pixar, Fox, DreamWorks, подобную технологию активно осваивают и другие студии. А теперь вот за дело взялись и китайцы: студия DCDC выпустила свой первый красочный 3D-мультфильм «Меч Дракона».

Сценарий сделан с претензией на смешение хитовых «Шрека» и «Тигра и Дракона»: древняя китайская легенда сочетается с массой акробатических трюков, причем все это сдобрено юмором.

Кунгфуистская сказка, представленная гонконгской студией, получилась весьма симпатичной. Яркая и запоминающаяся анимация, интересные герои и продуманный сюжет в чисто китайском стиле, несомненно, придется по вкусу многочисленным поклонникам мультиков.

Юный Ланг целыми днями тренируется, чтобы стать воином, таким же сильным, как древние герои. Возможность показать свое умение появляется у юноши, когда на его страну нападает гигантский демон Король Боров. Мощное и беспощадное чудовище уничтожает все вокруг. Император собирает турнир, дабы найти лучшего воина, и, конечно, им оказывается Ланг. Но чтобы одолеть Борова, нужен древний Меч Дракона, дарящий непобедимость своему владельцу. А таковым может стать только благородный духом и чистый сердцем воин. Многие века рыцари искали лезвие в самых потаенных местах, но так и не вернулись назад...

Романтическая история о чести и любви, ненависти и снисхождении к поверженным врагам получилась и доброй, и мудрой. Методика съемок тоже оказалась не из худших. При создании движений героев использовалась технология переноса на экран реальных движений мастеров Пекинской школы боевых искусств. Снято настолько красиво и неотразимо, что временами ловишь себя на мысли: это не мульттик, а настоящий живой экшн.

Вячеслав ЯШИН

МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО

Производство кинокомпании Top Line Production (Россия), 2005.

Режиссер Евгений Лаврентьев.

В ролях: Артем Ткаченко, Дмитрий Дюжев, Ирина Леонова, Александр Семчев, Владимир Симонов, Анастасия Цветаева, Анна Чурина, Вадим Колганов и др. 1 ч. 30 мин.

Двадцатилетний парень по имени Шнэк, ведущий разгульный образ жизни (вечеринки, тусовки, ночные клубы), остро завидует молодым красивым барышням, которые за некоторые незначительные услуги богатым мужчинам всего достигают легко и просто. Вот бы ему на их место! Кто же знал, что неподалеку окажется волшебник, который исполнит его желание? Разве мог герой фильма предположить, что в одно прекрасное утро мечта может осуществиться?..

Сюжет не блещет оригинальностью: уже не раз и не два видели мы фильмы о том, как представитель одного пола оказывается в шкуре другого. Но здесь действие перенесено на российский почву, и авторы пытаются сделать ленту в жанре чернушной «молодежной комедии». Правда, почему-то не смешной.

Так же, как и в предыдущем фильме Евгения Лаврентьева «Личный номер», практически целиком построенном на штампах западных боевиков, в этой картине нет-нет да и промелькнет знакомый образ: то мерзко ухмыльнется Тарантино, то ехидно нахмурится Гай Ритчи, то начнутся откровенные заимствования из небезызвестной «Подмены» Блейка Эдвардса с Элен Баркин в главной роли. В такие моменты невольно вспоминается фраза из старого отечественного мультфильма: «...кто говорит — плагиат, а я говорю — традиция...».

Неудачный сценарий Руслана Бальцера («Даже и не думай») и Евгения Лаврентьева не спасают ни наличие известных имен (Дмитрий Дюжев, Александр Семчев), ни звучащая практически весь фильм музыка в стиле «а-ля рок» формата «Нашего Радио». Что, впрочем, не удивительно, ведь музыкальным продюсером фильма значится Михаил Козырев. Возможно, музыка является единственным плюсом фильма. Хотя плюс это или минус, решайте сами. Остается только пожалеть о зря потраченном на просмотр времени и понадеяться, что жанр фантастической молодежной комедии в нашем кино сможет обрести свое лицо и выйти за рамки американских штамповок и юмора «ниже пояса».

Макс РЫЖОВ

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

(JUST LIKE HEAVEN)

Производство компании Dreamworks Pictures, 2005.

Режиссер Марк Уотерс.

В ролях: Риз Уизерспун, Марк Раффало, Донал Лоуг, Дина Уотерс, Бен Шенкман, Джон Хедер, Иванна Милицевич и др.

1 ч. 35 мин.

Мы видели немало фильмов о том, как живые и умершие так или иначе помогают друг другу. В этом ряду и остроумные романтические картины «Призрак» и «Всегда», и глубокомысленное «Шестое чувство», и жутковатые «Другие», и немецкий медитативный шедевр «Небо над Берлином», превращенный американцами в слезливую мелодраму «Город ангелов»...

«Между небом и землей» эту традицию поддерживает, но отнюдь не паразитирует на ней. Хотя поначалу сюжет развивается по заданному шаблону. Молодая женщина-врач Элизабет проводит больше суток без сна и, возвращаясь домой на машине, попадает под грузовик... Нелюдимый молодой человек Дэвид снимает квартиру, чтобы коротать дни и ночи в компании с телевизором и доброй упаковкой пива... Но вот беда — это та самая квартира, в которой жила Элизабет. И она, не желая терпеть, что на ее столик вываливают мокрые пивные банки, а на ее простынях спят не раздеваясь, является к Дэвиду, чтобы поставить того на место, и не сразу замечает, что проходит сквозь стены и не может ничего взять в руки. Она призрак, ее видит только Дэвид, но Элизабет никак не желает с этим мириться. Не помогают ни священник, ни восточные маги, ни настоящие «Охотники за привидениями»... После целой череды смешных и трогательных ситуаций герои фильма, а вместе с ними и зрители, поймут главную тайну картины — почему все-таки Элизабет не хочет улетать на небо...

Секрет можно узнать и из романа французского писателя Марка Леви «Будь это правдой...», по которому поставлена картина: издательство «Махаон» приурочило выход русского перевода к российской премьере кинофильма.

Хоть авторы на протяжении всей ленты и играют со смертью, однако финал, как и должно быть в романтической комедии, неожиданный и счастливый.

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ

МИССИЯ «СЕРЕНИТИ»

(SERENITY)

Производство компаний Universal Pictures, Mutant Enemy и др., 2005.

Режиссер Джос Ведон.

В ролях: Натан Филлион, Алан Тадик, Адам Болдуин и др. 1 ч. 59 мин.

Все же иногда такие фильмы нужны. Как планктон, заполняющий морские водные массы. Не каждый ведь год выходит очередная серия «Звездных войн» или «Стар трека». Необходимо поддерживать интерес к жанру космической саги в промежутке между крупными премьерами. Даже если новоявленная сага, или, как было заявлено в случае с «Миссией «Серенити», космический вестерн, грешит всеми возможными недостатками такого рода фильмов. Здесь и проблемы с сюжетной логикой, и нежданная карикатурность героев, и невнятные представления о космогонии и гравитации: когда на звездных картах нарисованы планеты, а не звезды, или когда аварийная посадка космического корабля выглядит как неудачная парковка автомобиля. Добавим к этому ложный пафос и совсем уж непонятное политическое и экономическое устройство показанного мира. Впрочем, последний пункт создателям можно попробовать простить: миростроительством в рамках одного фильма заниматься сложно. Особенно, когда за спиной имеется сериал, по мотивам которого снималась лента. И режиссер, сам будучи автором оригинального телесериала «Светлячок», не особо озабочен логикой: мол, фанаты сериала и так все поймут, а посетителям кинотеатров надо больше зрелищ — драк, погонь в космосе и на поверхности, ну и зомбями приправить для вкуса...

Этот фильм — очередная иллюстрация тезиса, гласящего, что надо стараться делать свое дело и не лезть в чужое. Неплохой сценарист («Игрушечная история», «Чужой-4»), автор сценария и режиссер неплохих сериалов («Баффи», тот же «Светлячок») Джос Ведон предпринял крестовый поход в режиссуру большого кино — и поход вместе с фильмом оглушительно провалился. В прокате.

О сюжете можно особо не распространяться. Капитан пиратского корабля «Серенити», человек весьма прагматичный и разумный, неожиданно для себя и логики сюжета помогает спастись от некоего злого правительства девушке-телепатке и ее брату. «Герой — это когда вокруг много трупов своих и чужих!» — так считает капитан и со вкусом сию теорию осуществляет.

Тимофей ОЗЕРОВ

ВЫСШИЙ ПИЛОТАЖ

(SKY HIGH)

Производство компании Walt Disney Pictures, 2005.

Режиссер Майк Митчелл.

В ролях: Курт Рассел, Майкл Ангарано, Келли Престон и др.

1ч. 40 мин.

Многие объясняют популярность выдуманной школы Хогвартс тем, что в ней сочетается несочетаемое — магия и традиции классических британских учебных заведений. Американцы решили использовать тот же принцип, но на своей почве. Компания Дисней совместила национальную святыню, то есть комикс, с классическим американским учебным заведением.

Итак, имеется школа под названием Sky High (почему-то это у нас перевели, как «Высший пилотаж», хотя, скорее, это название можно интерпретировать, как «Небесное ПТУ» или «Небесные старшие классы»), в которой учатся будущие супергерои, обладающие самыми разными способностями — скорость, сила, левитация, трансформация, пирокинез, телекинез, управление механизмами с помощью мысли и т.д. Тех же, у кого не хватает врожденных талантов или их дарования мало применимы в героических делах, отправляют в классы для неудачников — учиться на «помощников героев». Уилл Стронгфолд (Майкл Ангарано, известный нашим зрителям по сериалу «Секреты семьи Арно») — сын самой знаменитой четы супергероев: сверхсильного папы (очень забавно смотрится Курт Рассел в роли простоватого и наивного спасителя мира) и сверхбыстрой летающей мамы. Но вот незадача, у таких родителей крайне редко рождаются талантливые отпрыски. И когда знаменитый, благодаря родителям, Гарри Поттер... то есть Уилл Стронгфолд попадает в школу, у него не получается ничего. И предел его мечтаний — стать помощником.

Несмотря на необычность школы, порядки в ней царят весьма заурядные для американских старших классов. Это смешение придает определенный комизм ситуации — вроде бы суперменский боевик, а на самом деле стандартная молодежная комедия.

Получилась милая и местами смешная семейная лента с нехитрой моралью: не надо сбрасывать со счетов неудачников, и они когда-нибудь получат шанс спасти мир. И спасут — не беспокойтесь.

Тимофей ОЗЕРОВ

ПОИГРАЕМ В ФАНТАСТИКУ?

Все большую популярность набирает еще один вид экранизации литературных произведений — создание компьютерных игр «по мотивам». У нас жанр «игризации» еще достаточно молод, однако и на этой стезе уже намечились определенные перспективы.

За рубежом едва ли не каждая фантастическая кинокартина стар-тует в прокате одновременно с вы-ходом подобной игры. Компании охотно скупают лицензии на выпуск продуктов, понимая, что, какими бы они ни вышли, всегда найдутся мно-гочисленные поклонники, готовые платить за возможность влезть в виртуальную шкуру любимого пер-сонажа.

До недавнего времени наши разработчики, вынужденные решать проблемы финансирования и борьбы с пиратством, отнюдь не жаловали отечественную фантастику. Но, к счастью, столь при-скорбная ситуация уходит в про-шлое. Российская индустрия игр крепко стоит на ногах, разработ-чиками активно интересуются за-падные корпорации, а 2006 год обещает стать весьма урожайным на игры, в основе которых лежат популярные произведения отече-ственных фантастов.

Одна из таких игр увидела свет еще в августе прошедшего года, поэтому многочисленные пользо-ватели и критики успели опреде-литься с оценкой: по их мнению, игра достойна книжного первоист-очника. Стараниями Nival Inter-active у любого желающего появ-илась возможность стать Иным и окунуться в хитросплетение почти детективных интриг. Тактическая ролевая игра «Ночной Дозор» до-полняет сюжет книги и фильма. Как и в них, полем для вечной бит-вы сил Света и Тьмы выбрана Мос-ква, воссозданная в мельчайших деталях, будь то ВДНХ или соот-ветствующая станция метро. При-обретая опыт в многочисленных поединках, вы из Иного 7-го уров-ня сможете постепенно превра-титься в мага высшей категории. По ходу дела, естественно, встре-тятся полюбившиеся персонажи, которых озвучивают актеры, сыг-равшие в кинокартине, а над диа-

логами к игре работал Леонид Каганов.

Кстати, чтобы почувствовать себя одним из героев, совсем не обязательно просиживать у монитора. Достаточно иметь под рукой мобильный телефон, и SMS-игра с одноименным названием позволит московским абонентам сразиться с вампирами и магами при помощи текстовых команд, с учетом позиционирования на местности. А благодаря незатейливой java-игре «Ночной Дозор. Свет» с Темными можно разбираться вне зависимости от места жительства, лишь бы аккумулятор на телефоне был заряжен.

Следующий и пока последний проект по мирам «Дозоров» создается только для компьютеров. Игра «Ночной Дозор. Racing» от Psycho Craft Studio продолжает тему борьбы Светлых и Темных, но в ином ключе. На сей раз мы сможем посидеть за баранкой необычной машины Завулона или прокатиться с ветерком на самой известной российской горсветовской аварийке, умеющей ускоряться и переворачиваться, как в фильме. Конечно, автопарк Иных не ограничится только двумя машинами. Обещано по шесть автомобилей для каждой из сторон, а также Сумрак и, конечно, безумные гонки. В качестве награды — контроль над одним из районов столицы.

На этом прощаемся с миром «Дозоров», но не с творчеством

Сергея Лукьяненко. Еще три игранизации его произведений планируются к выходу. О проекте «Лабиринт смерти» известно пока немного. При создании игры разработчики из киевской студии DIOsoft ориентируются на популярный шутер от первого лица «Half-Life 2». Однако ждать игру придется долго, предварительная дата релиза — 2007 год. Зато демо-версию «Линии грез» уже предоставили автору романа. По словам Сергея Лукьяненко, он доволен работой уфимских разработчиков. Ролевая игра, использующая книжную концепцию возрождения и гибели героя, действительно будет следовать сюжету книги. Как и в ней, главным героем здесь будет Кей Дач, а сравнить его с книжным прототипом мы сможем уже этой весной.

Вполне возможно, что значительно раньше в продажу поступит игра, основанная на книжном мире Сергея Лукьяненко и Ника Перумова «Не время для драконов». По заверениям разработчиков, сценарий с небольшими отклонениями следует литературному источнику, поэтому основные события развернутся в Среднем мире, куда готовится вторжение из мира Прирожденных. В роли представителя мира Изнанки Виктора мы сможем нанять команду до десяти человек и в такой компании отправиться в опасное приключение в духе Diablo, Dungeon Siege и Sacred. В плане геймплея упор де-

ляется на зрелищные бои в реальном времени с применением оружия и магии. Правда, некоторое опасение вызывает тот факт, что создание игры ведется под руководством Андрея Кузьмина (более известного как Кранка), любящего эксперименты порой в ущерб игровому процессу. Минская студия Arise обещает, что игра увидит свет одновременно с фильмом «Не время для драконов».

Популярный роман Марии Семёновой «Волкодав» и одноименный многообещающий фильм тоже не остались без внимания разработчиков. Неудивительно, ибо основа более чем замечательна. Характерные герои, интересный мир и многочисленные враги — словом, все, что нужно для создания отличной игры. Сразу три проекта намечены к премьере фильма. В экшене от Caijin Entertainment мы сможем выбрать одного из нескольких персонажей, полюбоваться сценами из фильма и участвовать в массовых баталиях. Другой проект (уже ролевой) от украинской студии Meridian 93 интересен прежде всего тем, что в процесс привнесена магия, которой, как известно, в книге не было. Но, пожалуй, самый любопытный проект — еще одна ролевая игра «Волкодав: кровное братство». По информации разработчиков из Primal Software, сюжет не будет точно следовать киносценарию, а под руководством игрока окажется не только Волкодав, но и кне-

синка, и Тилорн, и даже Нелетучий Мыш. Лишь сочетание уникальных способностей каждого из героев принесет команде победу. Жаль, нет сведений о том, что писательница причастна хотя бы к одному из проектов.

Зато над созданием сценария для ролевой игры «Трудно быть богом» работает сам Борис Стругацкий. Сюжет будет нелинейным, с несколькими концовками, зависящими от поступков героя во время выполнения многочисленных заданий. Действие в средневековом государстве Арканар развернется спустя несколько лет после событий, описанных в книге, а основным конфликтом по-прежнему останется столкновение прогресса и варварства.

Помимо романа «Трудно быть богом» внимание разработчиков привлекло другое произведение классиков отечественной фантастики — «Обитаемый остров». Нас ждет квест, включающий десять книжных эпизодов и тысячу игровых локаций.

Создатели «Обитаемого острова» — московская студия Step Creative Group — не впервые игранизируют произведения отечественных фантастов. В прошлом году по мотивам книг Кира Булычёва они уже выпустили детскую приключенческую игру «Путешествие Алисы» — яркий, полный головоломок квест с мультяшной графикой.

К сожалению, выход одной из самых перспективных игр

«S.T.A.L.K.E.R: Shadow of Chernobyl» вновь перенесен. Украинские разработчики из GSC, удивившие мир замечательной стратегией «Казак», на сей раз сдвинули дату релиза на неопределенный срок (должна была выйти еще в конце 2003 года). «S.T.A.L.K.E.R» — не просто 3D-шутер, ограниченный несколькими уровнями. Игроку предоставляется полная свобода действий в пределах огромных пространств Чернобыля, населенных мутантами и наполненных другими сталкерами.

Напоследок — проект, у которого есть все шансы стать заметным событием в истории отечественного игростроя. Новосибирская компания Crioland заканчивает работу над проектом «Завтра война», базирующемся на космоопере Александра Зорича «Без пощады», «Завтра война» и «Время московское!». Космический симулятор с существенной сюжетной линией в лучших традициях «Wing Commander» и «FreeLancer» вот-вот должен появиться на прилавках магазинов. Главным героем, однако, будет не Александр Пушкин, а кадет Северной Военно-Космической Академии Андрей Румянцев. В тщательно проработанном мире игроку суждено стать маленьким винтиком огромной боевой машины. Служба в военно-космическом флоте Российской Директории, работа на корпорации, сражение с пиратами, битва за Наотар, война с Конкордией, поиск хризолита — дале-

ко не полный список событий. То, что удалось увидеть, радует глаз — так и хочется забраться в детализированную кабину «Горыныча!» Как и в случае с «Ночным Дозором», в игру войдут эпизоды, не описанные в книгах. Необходимо отметить, что автор трилогии тесно сотрудничает с разработчиками, а значит, за сюжет можно быть спокойным.

Конечно, превосходно, что отечественные фантасты все больше привлекаются к созданию игр. Однако помимо крепкого сюжета и живых диалогов успех современной игры во многом зависит от таланта дизайнеров, опыта программистов и устойчивого финансирования. Остается надеяться, что и в этом плане у российских проектов не будет проблем.

Несмотря на долгий опыт создания игр по книгам и фильмам на Западе, действительно качественные разработки там можно пересчитать по пальцам. Чаще всего подобные игры полностью разочаровывают как поклонников книжных и киномиров, так и простых геймеров. Руководствуясь поговоркой «куй железо, пока горячо», западные разработчики каждый год выбрасывают на прилавки десятки жутковатых игр, сотворенных наспех, без привлечения авторов первоисточников, с бюджетом, львиная доля которого использована на покупку лицензии. Хочется верить, что такая участь не уготована отечественным проектам.

Степан КАЙМАНОВ

Маловато будет!

Предлагаем вашему вниманию очередной анонс российских кинопремьер первого полугодия.

После богатого громкими фантастическими премьерами 2005-го следующий год предлагает любителям фантастики взять небольшой тайм-аут и передохнуть: жанр, особенно в первом полугодии, будет представлен весьма скудно.

Зато начнется год с давно ожидаемой, многожды переносимой премьеры — первого **января** зрители наконец увидят продолжение «Ночного Дозора» — «*Дневной Дозор*» (рабочее название «Ночной Дозор: мел судьбы»). По Москве будет кататься Колесо обозрения, силы Света сойдутся в смертельном поединке с силами Тьмы в банкетном зале гостиницы «Космос», но все завершится логично, хотя и неожиданно. В результате последних решений нашего правительства начало января стало каникулами не только для школьников. А значит, это время надо использовать для семейных походов в кино. Например, чтобы вместе с детьми разгадать анимационную «*Правдивую историю Красной Шапочки*» (*Howdinked*), детектив инспектор Лягушка поможет разобраться во всех тайных смыслах старой сказки. А Джеки Чан выступит в роли археолога, который проваливается во времена династии Кин и перевоплощается в воина в фильме «*Миф*» (*The Myth*). Под конец месяца любителей хоррора порадуют/попугают экранизация романа Саймона Маджинна «*Темные силы*» (*The Dark*) и сиквел вампирской саги «*Другой мир: эволюция*» (*Underworld: Evolution / Underworld 2*).

Февраль станет месяцем переносов. С прошлого года на второй месяц зимы сдвинута премьера российского триллера «*Сдвиг*», французской комедии «*11 заповедей*» (*Les 11 commandements*), а с февраля на октябрь от зрителей убежала еще одна крупная российская премьера — «*Волкодав*» Николая Лебедева по роману Марии Семёновой. Погнать упырей в Румынии XVIII века можно будет вместе с героиней фильма «*Бладрайн*» (*Bloodrayne*), а потом и поиграть в одноименную компьютерную игру — ведь картина является ее приквелом. Режиссер Михаил Хлебородов на время отвлекся от проекта «Глубина» по «Лабиринту отражений» С. Лукьяненко и снял «*Параграф 78*» — смесь альтернативной истории, «фантастики ближнего прицела» и боевика по рассказам Ивана Охлобыстина.

Март также начнется с переноса. Очередная история о Вороне «*Жестокое причастие*» (*The Crow: Wicked Prayer*) — страшная сказка о мести — также переехала с конца 2005 года. К школьным каникулам приурочена российская премьера продолжения замечательного мультфильма

— «Ледниковый период 2: глобальное потепление» (*Ice Age 2: The Melt-down*). Вполне вероятно, что грустной традиции переносов премьер российских фантастических лент не последует экранизация повести Ю. Буркина и С. Лукьяненко «Сегодня, мама» — фильм в очередной раз сменил название и теперь планируется в прокат как «*Азирис Нуна*» (когда в «Если» № 8 за 2005 год публиковалось интервью с режиссером картины, она еще называлась «Вернуться во время»). Возможно, эта традиция не коснется и новой российской экранизации повести Гоголя «*Вий*» (режиссер Олег Степченко). В каникулы на экранах появится и российская анимационная сказка «*Добрыня Никитич и Змей Горыныч*».

Апрель — самый бледный, с точки зрения кинофантастики, месяц. Лишь диснеевская мульткомедия «*Большое путешествие*» (*The Wild*), по сюжету напоминающая «Мадагаскар» и повествующая о злоключенных группах зверей в Африке, да поставленная по одноименному роману Элис Хоффман «*Аквармарин*» (*Aquamarine*) история двух девушек, обнаруживших в бассейне русалку, порадуют зрителей. Поклонники «Матрицы» с нетерпением ждут новой работы братьев Вачовски. В антиутопии «*Вендетта*» (*V for Vendetta*) по одноименному комиксу Алана Мура братья выступают в роли сценаристов и продюсеров.

Зато **май** пройдет под знаком «*Кода да Винчи*» (*The Da Vinci Code*) — экранизации скандального супербестселлера Дэна Брауна. Знаменитый режиссер Рон Ховард собрал под свои знамена звезд американского кино, а с учетом того, что действие романа происходит во Франции и Англии, то и французского, и британского. Героев играют Том Хэнкс, сэр Йан Маккеллен, Жан Рено, Одри Тату и другие. Съемки фильма проходили под постоянным давлением со стороны католической церкви, не желавшей переноса на экран этого романа. В конце последнего месяца весны у зрителей будет возможность встретиться с полюбившимися супергероями в очередном сиквеле «*Люди Икс 3*» (*X-Men 3*).

Пока довольно расплывчато (весна 2006 года) определяются сроки мировой премьеры «*Гадких лебедей*» — экранизации «по мотивам» одноименной повести братьев Стругацких (режиссер Константин Лопушанский).

Римейк классического «Омена» будет называться «*Омен 666*» (*The Omen 666*) и откроет кинопрограмму **июня**. Свой ответ Чемберлену, то бишь Диснею, продемонстрирует спилберговская анимационная студия DreamWorks SKG. Мультфильм «*Лесная братва*» (*Over the Hedge*) тоже расскажет о зверушках. Под занавес полугодия в России стартует мистический триллер Стивена Хопкинса «*Жатва*» (*The Reaping*).

Тимофей ОЗЕРОВ

Г Р Е Г О Р И Б Е Н Ф О Р Д

ВОДОРОДНАЯ

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

СТЕНА

Посвящается Фреду Лернеру.

*Скрытая мудрость и утаенное сокровище
— какая польза от обоих?*

(Сирах 20:30)

Мчего же ты хочешь? — префект приподнял бровь. Такого вопроса она не ожидала. — Э-э... переводить. Учиться. — Даже для нее ответ прозвучал неуклюже, а хмуро-презрительный взгляд префекта подтвердил, что и он ожидал услышать нечто легковесное. Ладно, тогда добавим агрессивности: — Если мне позволят, Архитектуре Стрельца.

На угловатом лице префекта отразилось удивление, которое он быстро стер, поджав тонкие, сухие губы.

— Это очень древняя проблема. Ты ведь не полагаешь, что стажеру по силам преуспеть в таком классически трудном деле?

— Полагаю, — решительно отозвалась она. — Именно потому, что оно так хорошо документировано.

— Столетия тщательно спланированных исследований поведали нам об Архитектуре Стрельца очень немногое. Это образец Разумной Информации наивысшего порядка сложности, и она не вознаграждает тех, кто проявляет к ней лишь простое любопытство.

— И все же мне хочется попробовать ее взломать.

— Неофит...

— ...способен взглянуть на проблему свежим взглядом.

Собеседники знали, что по традиции Библиотеки кандидат в библиотекари может выбрать себе первую тему для работы. Почти все, следуя традиционной мудрости, выбирали небольшое Послание, что-нибудь из наследия цивилизации первого типа, едва достигшей галактической стадии развития. Нечто, напоминающее первые послания Земли. Связываться же с действительно крупной проблемой было полным безрассудством.

Но в надменном взгляде префекта мелькнуло самодовольство, и оно пробудило в ней старое, уже полузабытое желание. Префект фыркнул:

— Один лишь просмотр уже накопленных материалов отнимет много времени.

Она подалась вперед:

— А я уже много лет изучаю Архитектуру Стрельца. Это стало для меня чем-то вроде навязчивой идеи.

— Гм-м-м...

У нее имелся весьма скромный опыт общения с подобными людьми. Префект, с его непроницаемым лицом и ровными интонациями нейтральных предложений, казался ей странно аскетичным. У нее даже создалось впечатление, что для расшифровки его мыслей требуются примерно те же умения, которые она осваивала все годы учебы. Но в тот момент ее охватывало лишь ощущение собственной неопытности, усиленное царившей в кабинете тишиной. В конце концов, префект мог оказаться прав. И она уже стала мысленно составлять фразу для вежливого отступления.

Префект негромко вздохнул. И добавил:

— Ну хорошо. Отчеты подавай еженедельно.

Она моргнула и пробормотала:

— Э-э-э... большое спасибо.

* * *

Выйдя из кабинета префекта, Рут Энгл провела ладонями по вышитой, строго традиционной форменной блузе стажера — то была рефлекторная успокаивающая привычка, от которой она никак не могла избавиться. Болтливый язык поставил ее в затруднительное положение, и выхода она не видела. Кроме одного — прямо сейчас вернуться к префекту и попросить у него совета в подборе более простого Послания. Из числа тех, которые ей по зубам.

Нет, черта с два! Устремленные ввысь рифленые алебастровые колонны библиотечного Центрекса* напомнили о величии этого учреждения и укрепили ее решимость.

Сейчас, на пороге четвертого тысячелетия, лишь несколько сооружений могли хотя бы приблизиться к Библиотеке по масштабам и великолепию. С того дня, когда были перехвачены первые сигналы других галактических цивилизаций, а случилось это почти тысячу лет назад, человечество не сталкивалось с более важной задачей, чем добывать знания из этого неиссякаемого источника.

Со временем и Библиотека стала похожа на свое содержимое: огромная, старинная, полная таинственных темных закоулков. В ее официальном пантеоне, хранящем полноцветные движущиеся статуи легендарных Собеседников, стоял блок из черного базальта — «Розеттский камень», символ всего, чему библиотекари способствовали. Высеченным на его поверхности письменам исполнилось уже почти три тысячи лет. Проходя мимо, Рут подумала, насколько легкую для

* Составное слово (центр + комплекс). (Здесь и далее прим. перев.)

разгадки задачу они олицетворяют. Это всего лишь случайно найденный, один и тот же линейный текст на трех человеческих языках. Наличие текста на «греческом-2», который первооткрыватели могли прочесть, означало, что они сумеют расшифровать и курсивные демонические значки, и египетские иероглифы. Эта потрепанная временем черная плита, найденная солдатами, расчищавшими площадку для строительства форта, связала цивилизации, разделенные тысячелетиями.

Протянув слегка дрожащую ладонь, она погладила холодный гладкий камень. Прикосновение вызвало у нее невольный трепет. Те, кто здесь служил и работал, были частью великой многовековой традиции, уходящей корнями к самой сущности человека.

Ее легкие шаги беспечным звоном раздавались в мрачной атмосфере высоких тенистых залов и хранилищ. Мимо беззвучно мелькали пиццы в развешиваемых фиолетовых одеяниях. Она была здесь шумным новичком и знала это.

Только вчера она, спустившись с низкой окололунной орбиты, ехала к Библиотеке на фуникулере, с радостью вспоминая просторные лунные купола и ненавязчивую гравитацию. Здесь прошло ее начальное обучение, за ним последовали два обязательных года на Земле. Советникам нравилось прочно держать в руках руководство Библиотеки, поэтому выпускную учебную работу ей пришлось делать в суетливой и шумной Австралии, неподалеку от пенистых волн и темно-желтых пляжей. Луна же была местом более серьезным и неизменным.

Вышагивая пружинистой походкой человека, все еще приспособившегося к гравитации, она наслаждалась видом молочно-белых склонов далеких кратеров.

Стрелец, я иду.

* * *

Следующей и самой важной была для нее встреча с Верховным нотом*. Она соблюдала обычные протоколы, обращаясь по очереди к менее значимым членам иерархии, пока ее не допустили к Сайло — гладкокожему ноту, который, очевидно, не научился улыбаться. Но не исключено, что причину этого следовало искать на клеточном уровне: ноты производили в своих организмах хитроумные настройки, компенсирующие их глубоко бесполоую суть.

— Надеюсь, ты сможешь добиться согласованности с Архитектурой

* *Nought* — *ничто* (англ.).

Стрельца, — произнес Сайло ровным тоном, каждая фраза заканчивалась легким урчанием. — Хотя я сожалею о твоих напрасно потраченных усилиях.

— Напрасно?

— Ты, разумеется, потерпишь неудачу.

— Но, возможно, свежий взгляд...

— Так говорили многие сотни стажеров до тебя. Хочу напомнить о последнем указании, полученном нами от Советников, — гелиосферной угрозе.

— Я думала, здесь почти ничего нельзя сделать.

— Похоже на то. — Сайло нахмурился. — Но и оставить попытки мы тоже не можем.

— Разумеется, нет, — согласилась Рут, надеясь, что выглядит серьезной. Она прекрасно сознавала, насколько трудно ей будет постичь эту личность, изрекающую только выводы и решения.

Ноты доказали свою незаменимость уже много веков назад. Полное отсутствие сексуальных appetites и органов, как физических, так и ментальных, снабдило их безжалостной объективностью. В роли дипломатов, работающих по контракту ученых и третейских судей они оказались непревзойденными. Они заменили большую часть разросшегося юридического аппарата, который обременял общество в ранние столетия.

Без их умения проникать в суть вещей Библиотека вряд ли смогла бы функционировать. В отличие от сочинений, написанных людьми, инопланетные тексты лишены бездумной ауры сексуальности. Или, точнее, Послания могли изобиловать инопланетной сексуальностью, как бы создатели ни пытались сделать их объективными и прозрачными. И пробиваться сквозь нее обычным людям было очень нелегко. В первые десятилетия своего существования Библиотека упорно сражалась с этой проблемой, но решили ее ноты.

Сам процесс перевода Посланий, выполняемый мужчиной или женщиной, значительно искажал их смысл. И многие переводы, сделанные в первые годы, оказались затуманены «человеческим фактором». Впоследствии для очистки этих ранних текстов были приложены немалые усилия. Ныне же ни одна работа не покидала Библиотеку без контрольного просмотра нотов, во время которого устранялись непреднамеренные ошибки.

— Вторжение в гелиосферу оказалось непосильной задачей для наших лучших умов, — мрачно проговорил Сайло. — Я хочу подойти к ней с другого конца. И хоть один раз Библиотека сможет принести немедленную пользу.

Рут эти слова озадачили. Во время обучения ей говорили о более возвышенных аспектах миссии Библиотеки. О том, что она стоит на берегу потока времени. Любой, кто желает сосредоточиться на Посланиях, предназначенных храниться вечно, обязан мысленно дистанцироваться от повседневных событий.

— Я не совсем понимаю...

— Подумай о Библиотеке так, как это делают непосвященные. Им редко удается осознать те ее высшие функции, которые должны обеспечивать мы. Вместо них они видят лишь мимолетную возможность. Вот почему нас заваливают просьбами взглянуть на Хранилища как на источник изобретений, всяческих трюков и новинок.

— А мы, как нам и положено, такие просьбы отвергаем, — поддакнула Рут, надеясь, что ее слова не покажутся слишком уж верноподданическими.

Но Сайло одобрительно кивнул:

— Вот именно. Я думаю, что древнее общество, наподобие Архитектуры Стрельца, уже сталкивалось с подобными проблемами. И куда лучше наших астроинженеров знает, как справиться с разбушевавшими природными силами.

— Понимаю. — И почему она сама об этом не подумала? Слишком погрузилась в эту культуру абсолютного благоговения перед величием задачи Библиотеки? — Э-э... но мне трудно представить, как...

— Твоя задача не представлять, а постигать, — строго произнес Сайло.

Ноты ее смущали, а Сайло — особенно. Многие из них обходились без волос, но Сайло щеголял ободком вьющихся, бронзово поблескивающих локонов, создававших впечатление, будто на его голый череп опустился нимб. Бледные ресницы нота моргали редко и неторопливо, демонстрируя розовые упругие веки. Белесые, почти невидимые брови постоянно оставались приподнятыми, поэтому каждое его слово как бы тайло в себе подтекст, а интонации проскальзывали между слогов со звучным изяществом. Выражения лица перетекали от одного нюанса к другому, а само оно напоминало пластичный материал, без усталости меняющий форму, подобно глади пруда, которую морщит неощутимый ветер. Ей пришло в голову, что не помешало бы записать все его высказывания. Даже не моргнув, Рут включила режим записи, позволив встроенному в спинной мозг блоку памяти записывать все, что прошло сквозь ее глаза и уши. Так, на всякий случай.

— Возможно, я не слишком следила за новостями, — сказала она. Казаться скромной — всегда кстати. — Вторжение...

— Почти достигло орбиты Юпитера, — сообщил Сайло. Стена за его спиной превратилась в экран, на котором солнце отважно пробивалось сквозь бурю межзвездного газа.

Человечество лишь недавно узнало, что зародилось в благоприятную эпоху. Когда-то древняя сверхновая звезда породила «пузырь» в межзвездном газе, и Земля плыла сквозь этот почти чистый вакуум все то время, пока млекопитающие эволюционировали от древесных землероек до разумных покорителей планеты. Во всех же прочих отношениях Солнце ничем особым не выделялось. Обращаясь вокруг центра Галактики, оно перемещается за миллион лет всего на пятьдесят световых лет. При этом каждые тридцать три миллиона лет оно то поднимается над галактической плоскостью, то опускается ниже ее — этого ныне оказалось достаточно, чтобы лишиться защиты локального «пузыря». И теперь плотный межзвездный водород давил на порождаемый Солнцем плазменный ветер, пробиваясь во владения хрупких и уязвимых планет.

— Вчера водородная стена начала бомбардировку колонии на Ганимеде, — произнес Сайло со странным беспристрастием, которое и по сей день нервировало Рут — словно ноты, не будучи мужчинами или женщинами, обладали правом наблюдать за людскими страстями как бы со стороны. — Нам, работающим в Библиотеке, поручено сделать все возможное для поиска знаний, имеющих отношение к нашей общей катастрофе.

Стенной экран уловил этот намек и показал полумесяц Юпитера на фоне звездного неба. Рут увидела, как с охватывающей Юпитер рубиновой ударной волны сорвалась, закручиваясь спиралью, новая вспышка. Полумесяц казался рябым из-за колоссальной турбулентности — его усеивали вихри и воронки, в которых легко утонула бы одна из внутренних планет системы.

— Но мы ведь не можем изменить межзвездную погоду.

— Мы должны попытаться. Древние обитатели Галактики, возможно, знают о мире, пережившем такую безумную атаку.

Космическая оболочка Солнца — гелиосфера — столкнулась с плотным сгустком газа и плазмы восемьдесят восемь лет назад. В нормальных условиях частицы солнечного ветра легко справляются с межзвездной средой. Многие тысячелетия давление солнечного ветра сопротивлялось давлению межзвездного газа, образуя тонкий барьер на расстоянии в сотню астрономических единиц* от уютного мирака

* *Астрономическая единица — расстояние от Земли до Солнца, около 150 миллионов километров.*

внутренних планет системы. Теперь же барьер втиснуло в глубь системы, к орбитам внешних планет.

Масштаб изображения на стене изменился. Рут увидела то, что осталось от владений, где доминировал солнечный ветер. Картинка напоминала вид сверху на идущий по океану корабль: головные волны, образующиеся на носу, откатывались назад, приобретая характерный параболический изгиб.

Под неумолимо нарастающим давлением все более плотного межзвездного газа и пыли этот фронт давления размывался. Солнце билось о водородную стену со скоростью шестнадцать километров в секунду, и его слабенький ветерок отбрасывало вспять, к цивилизованным планетам. Базу на Плуtone люди покинули десятки лет назад, а спутники Сатурна — лишь недавно. Потоки частиц с высокой энергией и внезапные космические бури погубили многих. Странной жизни в океане Европы ничего не грозило под десятикилометровой толщей льда, но это было слабым утешением.

— Но что мы можем сделать? — спросила она.

— То, что в наших силах.

— Да одни магнитные завихрения на фронте ударной волны обладают большей энергией, чем есть у всей нашей цивилизации.

Сайло ответил ей взглядом, напомнившим Рут о том, как она еще девочкой наблюдала за брачным танцем насекомых. Сдержанная неприязнь.

— Мы здесь не задаем вопросов. Мы слушаем.

— Да, самость.

Похоже, это формальное обращение, которое ноты предпочитали употреблять взамен «господина» или «госпожи», доставило Сайло удовольствие. Весь остаток разговора с его губ не сходила еле заметная улыбка, и Рут даже почти удалось ощутить личность за этой ледяной отстраненностью. Почти.

Административный купол Рут покинула с облегчением. Библиотека раскинулась по всей равнине, залитая потрясающим светом полумесяца Земли, зависшего над зазубренным белым горизонтом. Под этой нетронутой территорией хранились криофайлы всех передач, полученных от Галактического Комплекса — сосредоточения бесчисленных цивилизаций, процветавших задолго до рождения человечества. Гигантский и по большей части недоступный ресурс. Грандиознейшая интеллектуальная свалка.

Библиотеки служили памятниками не столько Прошлому, сколько Неизменности как таковой. Рут дрожала от нетерпения. Она только что прошла свои первые собеседования и теперь имела право исследо-

вать миллионы проспектов галактического прошлого. А Стрелец был знаменит плотностью информации, многослойной и глубокой. Ее манила неизведанность.

Но еще ей придется иметь дело с тонкостями отношений внутри самой Библиотеки. Сейчас они представлялись ей столь же пронизанными тайными проходами и бюрократическими лабиринтами, как и беспредельное содержимое Библиотеки. Рут напомнила себе, что надо быть осторожной, постараться не проявлять свойственное ей ехидство. И для тренировки склонила голову, проходя мимо пожилого нота.

Величайшая из библиотек древности находилась в Александрии, в Африке. Историк описывал существование александрийских библиотечарей с завистью: «У них была беззаботная жизнь: бесплатная еда, высокое жалованье, никаких налогов, очень приятное окружение, хорошие жилища, личные слуги. И у них имелось предостаточно возможностей для взаимных ссор».

С тех пор мало что изменилось...

* * *

Ее соседка оказалась желанной противоположностью нотам. Невысокая и подвижная, Каткеджен никак не походила на типичного кандидата в библиотечари. Она расхаживала по комнате в открытом саронге и потягивала стимулятор, вряд ли разрешенный в «Памятке стажера».

— Оказывай им уважение, — бесцеремонно посоветовала она, — но не покупайся на всю эту чепуху насчет «достоинства нашей профессии». А то тебя вскоре начнет от нее тошнить.

— И за это меня отшлепают, — улыбнулась Рут.

— А я считаю, что библиотечарям нравится иногда говорить друг другу дерзости. Это поддерживает в них бойцовский дух.

— Слушай, а ты откуда? С Марса?

— Ну, для меня это слишком изнеженный народец. Нет, я гани. С Ганимеда.

— Из породы пионеров, значит? — Рут поудобнее растянулась на кровати, испытывая особое удовольствие после обычного для библиотечарей долгого сидения с прямой спиной. Здесь никто не горбился над книгами в классической позе ученого. Библиотечари держались прямо, работая с аппаратурой кругового проецирования информации. — И всю жизнь провела в толще льда?

— Не верь всему, что про нас болтают. — Каткеджен величественно махнула рукой, удлинив три рабочих пальца для усиления эффекта. — Мы часто вылетаем на разведку внешних лун.

— Значит, ты богата? Хотя какой смысл в богатстве, если приходится всю жизнь укрываться за магнитными экранами?

— Опять шаблонная мысль. Далеко не каждая разведка делает нас богатыми.

Протонный ливень на Ганиমেде был смертельно опасным, но обработанные радиацией элементы, добываемые на внутренних спутниках Юпитера, действительно многих обогатили.

— Так ты из бедной семьи, которой пришлось избавиться от самой умной дочери?

— Еще одно клише. — Каткеджен скорчила гримаску. — Надеюсь, тебе повезет больше, и ты отыщешь что-нибудь оригинальное в... как это называется?

— Архитектура Стрельца.

— Бр-р-р! Говорят, это настоящая гидра.

— Каждый раз, когда к ней подключаешься, тебе отвечает другой разум?

— Если это вообще можно назвать разумом. Как я слышала, оно больше смахивает на говорящее тело.

Рут много читала о Стрельце, но эта информация оказалась новой. Все здесь знали, что при общении с чужим сознанием дуализм разум-тело теряет смысл, но как это происходит, все еще оставалось загадкой. Она нахмурилась.

Каткеджен шутливо ткнула ее в бок:

— Все, хватит на сегодня! Пошли в купол с высоким давлением, летаем.

Рут неохотно согласилась, но так и не смогла полностью отключиться от волнующих ее мыслей. И даже устремившись в долгий и безмятежный полет над заросшими папоротником холмами в куполе развлечений и скользя под ошеломляюще прекрасным кольцом орбитальных колоний, образующих сверкающее ожерелье в оранжевом небе, она думала о труднейшей задаче, которая ее ждет.

* * *

Она в своем личном коконе. Ну, наконец-то!

После встречи с Сайло прошла неделя. За это время Рут подверглась окончательному нейронному кондиционированию. И вот настал долгожданный миг: она установила прямую информационную связь с Архитектурой Стрельца.

Ее кокон выполнял роль нейронной сети, используя для передачи информации все тело девушки. По коже Рут прокатились волны ощущений, от пальцев ног стало подниматься щекочущее покалывание.

Она почувствовала стремительный натиск мышечных импульсов — это созвездие слияний стягивало ее в тугий комок. Архитектура Стрельца использовала для ввода информации почти весь доступный ей человеческий ландшафт. Акустические всплески в ушах, от которых начинала кружиться голова, резкие запахи, звенящие какофонии эфемерных узоров, болезненные спазмы внутренних органов — стажеры были обязаны знать, как все это может передавать смысл.

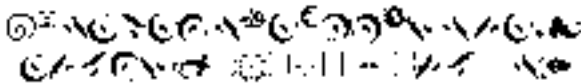
Знать-то они знали, но вот как перевести этот смысл на человеческий язык?.. После таких переживаний человеческая речь воспринималась не иначе как бормотание заики, страдающего клаустрофобией. Ее линейная смысловая структура и хрупкие попытки связывания концепций были простыми, утилитарными и типичными для все еще молодого, по галактическим масштабам, разума.

Наиболее сложной задачей оказался перевод этих плотных сгустков смешанных ощущений в более или менее понятные предложения. Только так человек мог хотя бы уловить их смысл, пусть даже искаженный и размытый. Во всяком случае, именно это утверждал накопленный учеными опыт.

Рут ощутила, как ее омывает поток пронизывающих откликов, исходящих из глубин ее тела. Это заработали ее внутренние подсистемы, ассоциированные с высокоскоростными брызгами смыслов — на самом деле, догадок. У нее имелся обширный запас встроенных процессоров, расположенных в спинном мозге и плечах. Никто не стал бы и пытаться решать столь трудную задачу без искусственных усилителей. Попытка обработать такие блоки исходной информации всего лишь за счет возможностей человеческого мозга была бессмысленной и весьма опасной. Столетия назад библиотекари погибали уже после нескольких микросекунд пребывания в таком многослойном лабиринте, как Архитектура Стрельца.

Годы тренировок научили Рут противостоять яростному буйству прямого контакта, но даже сейчас ее била холодная дрожь ужаса. Его она тоже должна была научиться преодолевать. Контакт усиливал любое нейронное состояние, в котором находился человек. По одной из легенд, библиотекарь однажды установил контакт в состоянии раздражения, и это вызвало у него припадок, из которого он уже не вышел. Когда его тело обнаружили, оно было буквально испещрено пятнышками микроконтузий.

Первая информация оказалась примерно такой, какой и ожидала Рут:

Обескураживающий многослойный язык. Тогда она перешла на более легкую нотацию*, пропустив данные через спинной интерфейс, и услышала/ощутила/прочитала:

Гораздо понятнее, но все еще... Она сосредоточилась...

Приветствуем тебя, новый разум.

— Здравствуй. Я пришла с уважением и новыми подношениями. — То было стандартное начало диалога, отточенное пять столетий назад и с тех пор не менявшееся.

Каково же твоё подношение?

— Новые культурные нюансы. — Тоже ритуальное обещание, хотя вряд ли его когда-либо удастся выполнить. За последнее столетие на контакт со Стрельцом выходили всего несколько раз. Ныне даже наиболее амбициозные из библиотекарей почти оставили эти попытки.

Она ощутила нечто вроде мимолетной радости, затем:

С тобой мы склонны поступить иначе.

Черт! Такой ответ никогда не был зарегистрирован, и быстрый запрос это подтвердил. Похоже, принято решение прервать контакт. Точно такая же увертюра прекрасно сработала для шести предыдущих стажеров. Впрочем, дальше никто из них так и не продвинулся — Стрелец потерял к ним интерес и снова замолк. Самое большое оскорбление для стажера — когда тебя игнорируют. И, кстати, самое обычное. Для продвинутых разумов люди, мягко говоря, скучноваты. Но хуже всего то, что очень редко удастся понять, из-за чего тебя отвергли.

Так что же означает его ответ, черт побери? Рут заерзала, лихорадочно размышляя, пока не сообразила, что неуверенность влияет на состояние ее нервной системы. Тогда она решила не забивать себе голову.

— Я открыта для предложений и просвещения.

Пауза затягивалась. Рут старалась дышать ровно. Приемы медитации помогли, но так и не смогли окончательно развеять тревогу. Может, она и в самом деле откусила больше, чем способна проглотить?

И тут Стрелец выдал трепещущий поток информации, который она преобразовала в несколько предложений:

Как вид вы технологически одарены, но философски незрелы, и это обычное для новых возникших разумов состояние. Но Нас интригует ва-

* Нотация — условные знаки, применяемые для выражения каких-либо понятий.

ше животное свойство физически выражать свои чувства. Часто вы даже не осознаете свои поступки, что делает их еще более разоблачающими.

— Да? — Она села и скрестила ноги. Физическая поза могла помочь ее ментальному профилю. До сих пор реакции Стрельца находились в пределах традиции, последний же отклик был новым.

Вы так упорно концентрируетесь на своих линейных группах слов, что забываете, как вас выдают движения, позы и выражения лиц.

— Тогда что я сейчас говорю?

Что ты должна приноравливаться к Нам, пока не сможешь задать вопросы о гелиосферной катастрофе.

Рут рассмеялась. Ощущение оказалось приятным.

— Я настолько очевидна?

Многие общества Мы познаем только посредством цепочек битов и абстракций. Такова природа бинарных сигналов. Вас же Мы можем понять и через ваше подсознательное «я».

— Вы хотите что-то узнать обо мне?

Мы слышали достаточно симфоний, уж поверь Нам.

Ответ, во всяком случае, был прямым. А множество раз в прошлом, как ей удалось узнать, они были не столь откровенны. Архитектура обратила на нее внимание — а это уже удача!

— Мне жаль, что наши формы искусства для вас скучны.

Многие существа, которые используют акустические средства, считают, что их формы искусства суть самые важные и ценные аспекты их разумов. Как показывает Наш опыт, это редко соответствует действительности.

— Значит, вовлеченность или соучастие для вас важнее?

В данный момент — да. Помни, что Мы есть развивающийся композит ментальных состояний, причем не в меньшей степени, чем вы. Ты никогда не сможешь встретить тех же Нас снова.

— Тогда вас следует называть...

Мы знаем ваш термин «Архитектура» и считаем его... забавным. Пожалуй, лучше видеть в Нас композитное существо. Такое же, как и вы сами, хотя вы и не можете осознать этот аспект. Вам кажется, будто вы — унитарные сознания, управляющие своими телами.

— А это не так?

Разумеется, нет. Лишь немногие из известных Нам разумных существ знают о своей базовой ментальной архитектуре столь же мало, как вы.

— А не может ли это стать для нас преимуществом?

Ответ сопровождался мимолетным ощущением, чем-то вроде усмешки:

Возможно. Очевидно, всё лучшее вы делаете за кулисами. И когда у вас появляются идеи, вы даже не понимаете, где их источник.

Рут попыталась вообразить, как она наблюдает за собственными мыслями, но так и не смогла.

— Тогда давайте... ну...

Поболтаем?

Какой странный выбор слова. Его нейронный тон содержал нечто вроде дрожи удовольствия и отозвался в ее теле длинными, медленными волнами.

* * *

— У меня от твоих слов просто мурашки по коже, — призналась Каткеджен. Они сидели в главном кафетерии, и Каткеджен проворно орудовала ложкой. Рут успела заметить, что многие гани любят как следует поесть.

— Если честно, то никакие тренировки не смогли подготовить меня к этой... холодности и...

Каткеджен понимающе кивнула:

— И интимности?

— Гм-м, да.

— Послушай, как и ты, я работаю в коконе всего пару недель. Но мне уже стало совершенно ясно, что мы в основном ведем переговоры, а не переводим.

Рут нахмурилась.

— Нас предупреждали, но все же...

— Слушай, это очень умные ребята. И странные настолько, что вообразить трудно. Но они заперты в маленьком пространстве и живут там кибержизнью. Мы для них просто развлечение.

— А я развлечение для вас, дамы, — подхватил молодой человек, присаживаясь за их столик и церемонно пожимая девушкам руки. — Джеффри Чандис.

— И как ты собираешься нас развлекать? — скептически улыбнулась Каткеджен.

— Как насчет этого? — Джеффри встал и опустил ладонь на столик. Ловко оттолкнувшись, через мгновение он уже оказался вверх ногами, балансируя на одной руке и приветливо помахивая второй.

— Ты хайджи! С планеты, где высокая гравитация! — Каткеджен зааплодировала.

Парень сменил опорную руку.

— На мой взгляд, эти жалкие лунные 0,19 g просто очаровательны.

Рут обвиняюще выставила палец:

— Столь же очаровательны, как один красный носок и один синий?

Совершенно не смутившись, Джеффри оттолкнулся, крутанул сальто и приземлился на обе ноги, даже не сделав шаг назад для восстановления равновесия. Рут и Каткеджен одарили его улыбками.

— Носки — это лишь детали, дамы. Я же стремлюсь к сути.

— Ты ведь с того же курса, что и мы, верно? — спросила Каткеджен. — Я видела тебя на церемонии открытия.

Джеффри сел, но сперва подбросил стул, заставив его описать в воздухе эффектную кривую.

— Нет, я просто забежал сюда перекусить. А вас я старше на целый год.

— Я всегда думала, что те, кто вырос при высокой гравитации... как бы это сказать...

— Больше интересуются физической стороной жизни? И неподходящий корм для Библиотеки? — Он ухмыльнулся.

Рут почувствовала, как у нее запылали щеки. Неужели ее мысли так легко прочитать?

— Ну... да.

— Мои родители, да и мои друзья — все помешаны на атлетике. А я вот взбунтовался. Потому что в душе я бунтарь.

— Даже против нотов? — улыбнулась Каткеджен.

Он пожал плечами:

— Обычно мне удается избежать столкновения с ними.

Рут кивнула:

— Я бы тоже предпочла, чтобы они меня игнорировали.

— Знаете, — задумчиво произнесла Каткеджен, — по-моему, они очень напоминают Разумы.

— Потому что они самый странный вариант людей? — медленно проговорила Рут.

— Для меня они словно инопланетяне, — заявил Джеффри. — Сам я откажусь от секса, только когда останусь без последнего зуба. Может быть. Но уж никак не раньше.

— Иногда они меня просто в дрожь вгоняют, — поделилась Каткеджен. — Как-то на прошлой неделе, ночью, я относила в архив старинный письменный документ. А мне навстречу — три нота в плащах с капюшонами. Само собой, в черных. Так я сразу шмыгнула в боковой коридор — настолько они меня напугали.

— Женщине их бояться нечего, — заметил Джеффри. — А вы знаете, когда несколько веков назад Гильдия нотов только-только зарождалась, они решили, что будут ходить во всем черном, брить головы и

так далее, просто из экономии. Но все стали воспринимать это как обложение распорядителей на похоронах. В том смысле, что они собирались похоронить все наши традиционные методы перевода, завязанные на секс.

— А я-то думала, что хорошо изучила историю Библиотеки, — восхищенно сказала Каткеджен. — Отличная байка.

— Однако они совершили несколько крупных прорывов, — возразила Рут. — Исторически...

— Так ли это на самом деле, утверждать невозможно, — сообщила Каткеджен. — Первые ноты отказывались даже от имен, поэтому мы не вправе приписывать им авторство каких-либо работ.

— Свое состояние они зовут Ничто, — с насмешливой серьезностью произнес Джеффри.

— Кстати, кое-что они упустили, — добавила Каткеджен. — Например, переводили поэмы, пронизанные чувственностью, так, словно там повествовалось о битвах, хотя речь шла о любви.

— Скорее, о сексе, — поправил Джеффри. — Который может показаться сражением.

— Ну, нет, я им занимаюсь иначе, — рассмеялась Каткеджен.

— А вдруг ты занимаешься им неправильно? — Джеффри тоже рассмеялся.

— Знаете, а я иногда гадаю — завидуют ли нам ноты?

Джеффри насмешливо хмыкнул:

— Они экономят много времени, отвергая наши игры. И потому могут анализировать Послания не торопясь.

Он взял кофейную чашку и заставил ее совершить в воздухе несколько почти невозможных кульбитов. У Рут возникло ощущение, что если она моргнет, то упустит из виду что-то существенное. Да, Джеффри парень быстрый. Его компактное тело, несмотря на бугрящиеся мускулы, обладало небрежной грациозностью. Однако обаяние его было не только физическим. Гладкость речи подчеркивалась странным произношением, которое добавляло голосу ровно столько модуляции, чтобы он звучал музыкально. Девушка подумала, что в Библиотеке, пожалуй, вполне могут отыскаться и другие развлечения.

* * *

Она упорно работала, подвергая каждую микросекунду своих интервью с Архитектурой тщательному текстологическому анализу. Аналитические программы тоже делали свое дело, устраивая перекрестную проверку ее данных с накопленными за столетия предыдущими

интерпретациями. Но им требовались указания того, кто пропустил все эти данные через собственный опыт и сознание: то есть ее.

И она ощущала, как давит на каждый ее перевод история Библиотеки. Любая перекрестная корреляция с огромным массивом данных по исследованию Архитектуры напоминала о необъятной истории усилий, вложенных в этот проект.

Когда столетия назад были приняты первые взвешенные сигналы, они показались совершенно загадочными. Первоначальные торжества и полные самоуверенности речи скрывали эту истину, которая со временем превратилась в самый долгоживущий факт.

Те, кто занимался поисками космических цивилизаций, десятилетиями обшаривали все мыслимые частоты, от радиоволн до оптических импульсов, иногда залезая даже в рентгеновский диапазон. Они не обнаружили ничего. Традиционно этот результат объясняли тем, что для отправки даже слабого сигнала на расстояние во много световых лет требуется много энергии. Следовательно, нужно тщательно изучить ближайшие звезды, напрягая электромагнитные уши в поисках сигналов скупых на энергию цивилизаций. Шансы на то, что поблизости отыщется цивилизация, заинтересованная в общении, были ничтожными, но и это был лишь один из неопровержимых фактов о космосе — оказавшийся ложным.

Те, кто искал поблизости, лишились доверия общества после многих десятилетий все более отчаянных поисков. К тому времени появилась и окрепла так называемая «Стратегия галактического центра». В ее основе лежал недавно открытый факт: образование второго поколения звезд в нашей Галактике началось в пределах начального звездного скопления в ее центре диаметром около десяти тысяч световых лет. Сверхновые вспыхивали там раньше и чаще, звезды располагались плотнее, и поэтому тяжелые элементы быстро накапливались. Три четверти звезд нашей Галактики, которые по своему спектральному классу способны поддерживать жизнь, оказались старше Солнца, причем в среднем более чем на миллиард лет.

Большая часть из них находится в огромной сияющей центральной «чечевице» галактического ядра, которое мы не видим из-за пылевых скоплений в районе созвездия Стрельца. Но в радиодиапазоне центр светится ярко. И целое скопище подходящих для жизни мест, где могли обитать древние цивилизации, укладывается в пятючок размером всего в несколько угловых градусов, если смотреть с Земли.

Воистину, мы жили на окраине — физически. А также и концептуально, как стало очевидно позднее.

В районе галактического центра в пределах одного светового года роятся тысячи звезд. На планетах этих звездных систем можно наслаждаться феерическим зрелищем десятков звезд, сияющих в небе ярче полной луны. Да, зрелище фантастическое, но на таких планетах никогда не появятся существа, способные увидеть это великолепие.

Плотный центр опасен. Взрывы сверхновых проносятся ударными волнами сквозь хрупкие солнечные системы. Протонные ливни заливают планеты, стерилизуя их. Звезды мчатся рядом друг с другом, сминая орбиты планет и забрасывая их кометами. Внутренняя зона — это зона смерти.

Но уже чуть дальше от центра межзвездная погода становится лучше. Планеты, способные поддерживать органическую жизнь, начали медленное и извилистое восхождение по тропе жизни и разума уже через один-два миллиарда лет после формирования Галактики. И на подобной Земле планете, которой потребовалось четыре с половиной миллиарда лет для появления разумных существ, такое могло произойти уже примерно четыре миллиарда лет назад.

За такой отрезок времени разумная жизнь могла умереть, возродиться снова и стать непостижимо разнообразной. И такие богатейшие существа, обитающие вблизи центра, могли расщедриться и потратить толику своих сокровищ, громко возвестив о своем существовании всем, кто ютится на галактических окраинах и лишь вступает в межзвездную игру.

Какие бы существа ни обитали на планетах возле центра, они знали о базовой симметрии спирали. А это приводило к выводу о том, что естественный коридор для связи и общения располагается вдоль радиуса спирали — простом направлении, известном каждому. Такой коридор максимизирует количество звезд в поле зрения телескопа. Радиус лучше, чем направление вдоль рукава спирали, поскольку рукав изгибается относительно любого прямолинейного направления. И «маяк» должен светить наружу, в обоих направлениях из точки, расположенной недалеко от центра.

Поэтому вместо того, чтобы искать вблизи, древние исследователи, работавшие по программе поиска внеземных цивилизаций, начали смотреть внутрь. Они направили антенны на узкий сектор неба в районе созвездия Стрельца. И стали слушать, не крикнут ли что-нибудь космические богачи своим менее процветающим, более молодым и неопытным собратьям.

Но как часто следует их слушать? Если Земля — заурядная планета, и все ее параметры имеют более или менее среднее значение,

то и длительность ее дня и года также примерно типичны. То есть это естественные особенности, характерные для любой обитаемой планеты: смена дня и ночи, наложенные на ежегодные изменения климата.

Если инопланетяне напоминают нас, то они могут выходить на связь и в течение дня, и раз в году. Но в какой именно день? Угадать это невозможно, поэтому исследователи начали слушать каждый день около получаса — обычно в то время, когда радиоастрономы калибруют все свои приборы. Они искали узкополосные сигналы, которые выделяются даже на фоне радиосияния яркого галактического ядра.

Радиоастрономам также было необходимо знать, на какой частоте слушать. Вселенная полна электромагнитного шума на всех длинах волн — от размеров атомов до размеров планет. Настоящий грохот.

Уже давно был выдвинут аргумент о том, что жизнь на водной основе может выбрать для передач так называемый «водопой» — полосу частот в районе одного гигагерца, на которой сильно излучают как молекулы воды, так и гидроксила. Пусть и не точно на этой частоте, но вблизи нее, потому что она также лежит в области минимума фоновых шумов Галактики.

Традиционные поисковики затратили много усилий на обнаружение ближних источников сигнала, выбирая участок неба, а затем слушая сигналы определенной частоты, исходящие из этого участка. Но «маяковая» стратегия логично предполагала, что галактический центр и является очевидной «точкой сбора», поэтому любая передающая цивилизация выберет частоту вблизи «водопойной» частоты точного центра Галактики.

Пристраиваясь к уже существующим программам наблюдений, астрономы могли слушать разом миллиард звезд. И через два года эта стратегия себя оправдала. Одним из первых был обнаружен «маяк» Архитектуры Стрельца.

Как выяснилось позднее, большая часть передач других цивилизаций имела общую глубокую мотивацию. Эти древние общества, ощущая, как угасает их энергия, но высоко ценя накопленные сокровища искусства, мудрости и знаний, хотели передать их дальше. И не просто оставив их где-нибудь в огромном музее в надежде, что когда-нибудь их отыщут более молодые цивилизации. Вместо этого многие из них соорудили роботизированные погребальные костры, питаемые энергией их звезд, которые громко возвещали всей Галактике об их неподвластном времени величии:

*Я — Озимандия! Я — мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!**

— как выразил эту мысль поэт Перси Биши Шелли, увидев руины древнего Египта.

В самом начале библиотечной эпохи человечество обнаружило, что оно вклинилось в долгую беседу, древний межзвездный разговор, о сути которого оно не имело ни малейшего понятия. Киберкриптографы медленно и постепенно выяснили, что многие инопланетные культуры воистину огромны — намного больше суммы всех человеческих обществ. И намного старше.

До реального контакта никто, в сущности, не задумывался над этой проблемой. Если привести исторический пример, то у англичан возникло немало проблем с пониманием раскраски, скажем, австралийских бушменов. Умножим сущность проблемы на тысячи других культур, как земных, так и на планетах Солнечной системы, а затем возведем ее в квадрат, чтобы учесть трудность выражения всего этого в форме текста — или, как минимум, линейных последовательностей символов. А потом снова возведем сложность в квадрат для учета той бездны, которая разделяет человечество и любую инопланетную культуру.

Ответ очевиден: любая программа для перевода с языка чужаков должна быть не менее умной, чем человек. А то и намного умнее.

Первые передачи любой цивилизации включали элементарные знаки, необходимые для создания словарного запаса. Это поняли даже люди-ученые. Но следом шли непостижимые с ходу блоки, своего рода цифровые «Розеттские камни» с пояснениями, как создать симуляцию чужого разума, способную разговаривать с новичками.

Понадобился почти век, пока люди изобрели способ копировать, а затем и воспроизводить чужое сознание, заключенное в кремниевые чипы. И только после этого была построена Библиотека, чтобы держать под контролем хранящиеся в ней Разумы и Послания. Чтобы извлекать из них сведения о науке, искусстве и прочую информацию, для обозначения которой у людей нередко не было даже подходящих терминов.

И вести с ними переговоры. У киберинопланетян имелась собственная мотивация.

— Я не поняла вашу последнюю формулировку.

* Сонет «Озимандия», перевод К. Бальмонта. Озимандия — греческое наименование Рамзеса II. (Прим. ред.)

Об этом ты могла и не говорить. Ты демонстрируешь телесное сопротивление перекрещенными руками, барьерными жестами, поджатыми губами и несимметричным положением бровей.

— Но эти тензорные топологии не связаны с темой обсуждения.

Они — твоя награда.

— За что?

За то, что демонстрируешь мне свою сущность. Ты выполнила мою просьбу и надела простую одежду, поэтому я вижу явные сигналы твоего тела.

— А я полагала, что мы обсуждали гелиосферную проблему.

Обсуждали. Но вы, приматы, никогда не сможете говорить только об одном за один сеанс, общаясь с такими, как Мы.

Она ощутила острый дискомфорт.

— Э-э... то изображение, которое ты мне показал... Насколько я поняла, это нечто вроде цилиндрического туннеля, пронизывающего...

Плазменный тор вашего газового гиганта, Юпитера. Я предложил его в качестве способа переброски вихревых токов с Ио, луны Юпитера.

— Я признательна за это и передам информацию...

Вам необходимо узнать об этом больше, прежде чем ваш уровень технологии — ты уж извини, но он все еще примитивен и останется таковым гораздо дольше, чем ты предполагаешь — позволит в полной мере воспользоваться этим методом защиты.

Рут подавила импульсивное желание распахнуть глаза. Защиты? Так что же это? Неожиданное решение?

— Я не физик...

А тебе и не надо им быть. Я перехватил все твои невысказанные сообщения. Под одеждой видны очертания твоего таза. Он шире и отклонен назад немного больше, чем у приходивших к Нам мужчин. Талия у тебя уже, бедра шире. Пупок глубже, живот длиннее. Специализацию невозможно скрыть.

Куда это он — Они — клонит?

— Это всего лишь я, а не сообщения.

Ты и должна это отрицать. Подобно тому, как силуэт твоего тела воспринимается даже издали, скажем... с большого расстояния на какой-нибудь древней равнине. Твои бедра услужливо допускают более широкое расстояние между ними, хотя и направлены внутрь, из-за чего ты смотришься почти колченогой.

— Прошу прощения, но...

Выражение, означающее, что Мы перешагнули границы дозволенного? Вторглись на твою личную территорию? Но я всего лишь ищу знания для собственного хранилища.

— Я... мы... не любим, когда нас подобным образом препарируют!

Но ведь преобразование от сложного к простому — ваша главная ментальная привычка.

— Только не по отношению к людям!

Да, но, проделав подобное по отношению к внешнему миру, вы, разумеется, не станете возражать, когда тот же метод будет применен к вам.

— Людям не нравится, когда их разбирают на составные части!

Ваша наука добилась таких больших успехов — и необычных на фоне других миров — именно потому, что вы способны умело делить свое внимание на маленькие части, чтобы лучше понять целое.

Когда Они становились такими, лучшим вариантом было к Ним приспособливаться.

— Людям такое не нравится. Может, это из области социального этикета, но мы к такому очень чувствительны.

И я ищу большего.

Внезапная серьезность, которую Стрелец вложил в эти слова, заставила ее похолодеть.

* * *

Сайло был недоволен, хотя ей понадобилось немало времени, чтобы это осознать. Проблема общения с нотами сводилась к их проклятой невозмутимости. Ни тебе неодобрительно опущенных уголков губ, ни взгляда в сторону, позволяющего сменить тему. Только факты, любезная.

— Значит, оно подбросило тебе пару лакомых кусочков, чтобы подразнить?

— Они, а не оно. Иногда у меня такое ощущение, будто я разговариваю с несколькими разными существами одновременно.

— То же самое оно говорит о нас.

Общепринятая теория принципов работы человеческого сознания утверждала, что мышление есть нечто вроде законодательного учреждения, постоянно заключающего сделки между представителями конфликтующих интересов. И принять решение человек может, лишь получив большинство голосов. Рут прикусила губу, чтобы не выдать своих чувств, но тут же сообразила: ее прикушенную губу тоже видно.

— Мы — реальный биологический вид. А они — лишь симуляция одного из других.

Сайло сделал жест, которого она не смогла понять. Добившись ус-

пеха в работе, она ожидала услышать поздравления, но Сайло, будучи нотом, не видел смысла в методах социального поощрения.

— Этот цилиндр, пронизывающий плазму Ио... — медленно проговорил он. — Физики сказали, что идея их заинтересовала.

— Но как ее можно использовать? Я думала, вторгшаяся межзвездная плазма сокрушает все.

— И это так. Сегодня мы потеряли Ганимед.

— Я этого не знала, — ахнула Рут.

— Ты была полностью погружена в свои исследования, как и поживает стажеру.

— Каткеджен знает?

— Ей сообщили.

«Надеюсь, не ты», — подумала Рут. Сайло не относился к тем, кто проявляет или вызывает сочувствие.

— Мне надо пойти к ней.

— Подожди, сначала обсудим наши дела.

— Но я...

— Не торопись.

Сайло склонился над своим широким рабочим столом, и тот выдал запрошенную информацию. Рут вывернула шею, но так и не смогла разглядеть, что именно зависло, мерцая, в воздухе перед Сайло. Разумеется, это был хорошо оснащенный кабинет, не позволяющий ей считывать информацию из многих встроенных каналов ввода-вывода. Сайло, вероятно, собирал сведения все время их разговора, а она об этом даже не знала. Неизвестно, что он за это время узнал, но вскоре откинулся на спинку кресла с легкой, довольной улыбкой:

— Я считаю, что Конгруэнтность Стрельца проявила себя полностью. Чтобы подразнить тебя.

— Конгруэнтность?

— Это более глубокий слой их разума. Не поддавайся искушению поверить в то, что они хотя бы отдаленно напоминают нас. Мы — сравнительно простые существа. — Сайло сплел пальцы и задумчиво уставился на них. — Кроме того, Стрелец никогда не продумывает свою игру всего лишь на несколько ходов вперед.

— Значит, вы согласны с Юстани, Старшим переводчиком из двадцать пятого столетия, что истинная суть Стрельца заключается в том, чтобы воспринимать все разговоры как игру?

— А разве мы воспринимаем их иначе? — Неожиданная улыбка проявила морщинки на его сухом лице.

— Надеюсь, что иначе.

— Тогда тебя будут часто обманывать.

* * *

Она сразу помчалась в их с Каткеджен квартирку, но ее кто-то опередил. Свет был выключен, однако она различила доносящиеся из гостиной приглушенные звуки. Каткеджен плачет?

Полумесяц Земли тускло освещал комнату. Она вошла в гостиную и в полумраке различила чью-то фигуру на диванчике. По комнате разносились повторяющиеся всхлипы, негромкие и печальные... да, похожие на плач...

Но на диванчике расположились двое. А всхлипы выражали и горе, и страсть, и боль, и экстаз. То, что происходило в полумраке, было старым, как мир.

Вторым оказался Джеффри. Двигаясь в медленном ритме, он утешал Каткеджен способом, недоступным для Рут. А она даже не подозревала об этой стороне отношений своих однокурсников. Ее пронзила внезапная боль. Эта боль удивила ее, и она тихо вышла.

* * *

Семье Каткеджен не удалось эвакуироваться с Ганимеда. Девушке пришлось пройти через ритуалы и выслушать слова, которые говорят, желая смягчить суровый удар судьбы. Она подолгу в одиночестве бродила из купола в купол. А когда возвращалась, то была очень тихой, упорно работала и стала учиться шить.

Мрачные последствия утраты Ганимеда омрачили жизнь всего человечества и повлияли на работу Библиотеки. Подобная катастрофа не имела аналогов в истории людей, превосходя даже войны наций.

Размеренная и усердная работа на какое-то время помогла. Но через несколько недель Рут потребовался перерыв, а возможностей отвлечься в Библиотеке было немного. Ей хотелось размяться. Разумеется, она с наслаждением поплавала в сферическом бассейне. И сделала несколько кругов в большом куполе, паря в восходящих потоках горячего воздуха. Но с трудом сдерживаемое отчаяние не уходило. Жизнь изменилась.

Через Каткеджен у нее установились новые, приятельские отношения с Джеффри. Многое на этом пути происходило без слов, на уровне обмена взглядами, жестами. Они никогда не говорили о том вечере, когда она застала их вдвоем, и Рут не знала, удалось ли ей уйти незамеченной.

Джеффри продолжал развлекать подруг шутками и искусными трюками — пожалуй, даже чаще, чем прежде. Рут восхищало его тренированное тело, его смех, пластичность, даже его запах. Хайджи были известны своим упорством и сосредоточенностью, и потраченные

на атлетику усилия позднее окупались блистательной карьерой. Типичный для хайджи жизненный путь начинался со спорта и продолжался работой в суровом климате или тех местах Солнечной системы, где человеческая сила и выносливость пока еще имели значение, потому что машины не обладали достаточной сообразительностью и гибкостью.

Кое-кто говорил, что особенности хайджи могут рассматриваться как побочный эффект жизни в их быстро вращающихся хабитатах в форме бублика, где поддерживалась высокая гравитация. Максимально сосредоточенный в работе, Джеффри разряжался безудержным весельем — даже после долгих часов упорного труда над своим проектом.

Он работал со Множеством Андромеды — спутанным клубком разумов, которые были воплощением природы их родительских видов. Превосходная нервная система Джеффри, и особенно идеальная координация рук и глаз, обеспечили ему необыкновенно удачный доступ ко Множеству. Хотя он и подшучивал над этим, но большая часть найденного им вообще не могла быть передана словами. В этом также заключался один из уроков Библиотеки: другие разумные существа ощущали мир и телесную связь с ним по-разному. Призрак декартовского дуализма все еще царил в человеческом мышлении.

Трое молодых людей вместе гуляли по большим кратерам. Телу это шло на пользу, но дух Рут не находил покоя. Ее работа продвигалась не слишком споро.

Она с трудом понимала смысл некоторых высказываний Архитектуры. Еще менее понятными были жутковатые сенсории, которые она проецировала исследовательнице — иногда целыми неделями Архитектура посылала только их.

В конце концов, впад в полное отчаяние, Рут прервала связь на целый месяц. Все это время она посвятила архивным записям прежних разговоров во Стрельцом. Они стали источником нескольких полезных технических изобретений, классического линейного текста и даже новой формы цифрового искусства. Но было это столетия назад.

Преодолевая себя, через месяц она снова уселась в кокон и вернулась к режиму линейной речи.

— Я не знаю, что для тебя означают эти тональные каналы передачи информации, — сказала Рут Стрельцу.

Я был отправлен, чтобы донести сущность моих Создателей, распространить их важнейшее Дело и собрать для них знания и мудрость.

Ага, сегодня оно говорит о себе «я». Это означает, что Рут имеет дело лишь с небольшой частью Архитектуры. Неужели Стрелец теряет к исследовательнице интерес? Или сдерживается, после того как Рут долго не появлялась?

У меня имеются и другие функции. Бессмертный разум должен охранять свой умственный процесс.

А это как понимать? Внезапно по всему ее телу прошли волны какого-то странного и непонятного сигнала. Рассеянные брызги импульсов возбудили в ней тревогу, пульс участился. Нужно сосредоточиться.

— Но... твой родной мир находится неподалеку от галактического центра, до него не менее двадцати тысяч световых лет. Прошло так много времени...

Ты права: возможно, моих Создателей уже давно нет. Это подсказывает закон вероятности. Как моя информация, так и полученная от тебя, приводят к выводу, что среднее время жизни цивилизаций в Сфере сравнимо с вашим или нашим.

— Поэтому у тебя вообще может не быть причины собирать у нас информацию. Ты уже не сможешь послать ее своим Создателям. — Рут не сумела побороть напряженность в голосе. В первые недели работы она настраивала программное обеспечение кокона на маскировку эмоций. Разумеется, Архитектура об этом знала. Но вот было ли что-нибудь из-за этого утрачено?

Наша мотивация не изменилась. Мы вечно останемся верными слугами, такими же, как и вы.

Ага, переходим к «мы». Рут вспомнила, что решила говорить по существу, не отклоняться от главной темы.

— Хорошо. Если межзвездная плазма подберется к Земле...

Мы поняли твой вывод. Каков будет эффект, я хорошо знаю. Мои Создатели обитают (или обитали) на планете, похожей на вашу, хотя, если говорить откровенно, гораздо более красивой. У вас так много суши бессмысленно покрыто водой! Мы переделали электрическое окружение нашей планеты, чтобы послать сигнал маяка, обуздав для этой задачи энергию вращения двух наших лун.

Уже целое поколение библиотекарей, общаясь со Стрельцом, не продвигалось настолько далеко, как удалось сейчас Рут. Ее даже охватила своеобразная эйфория.

— Ладно, и что же произойдет?

Если ваша обычная звезда, продвигаясь вперед, попадет в еще более плотное облако плазмы, это приведет к электрическим последствиям.

— Каким... последствиям?

Ужасным. Вы должны увидеть свою систему как объект в электродинамике. Понять, какие при этом возникнут токи...

Перед Рут возникла объемная схема с золотым солнцем в центре. Из гневно-красных пятен на Солнце выползали голубые щупальца токов, уносились прочь вместе с потоками частиц, отклонялись упругими силовыми линиями магнитных полей Земли. Это она уже знала — магнитные поля Земли отклоняют огромную энергию солнечного ветра, позволяя ей стать частью гигантского купола, сдерживающего межзвездное давление.

Но вот космические токи нарисовали совсем другую картину. Они изгибались и охватывали каждую из планет, образуя нечто вроде частичного кокона. Затем, снова изгибаясь, уходили в пустоту, сглаживаясь в космическом мраке, а потом высокими длинными дугами возвращались к Солнцу. Они напоминали колоссальные резиновые нити, которые нельзя порвать, но можно вытянуть в волокнистые структуры.

И тут появился пузырь межзвездной плазмы. По всей поверхности вторжения зазмеялась молния. Она охватила Юпитер, из гигантской планеты вырвались копыя корональной ярости. Эти ярко-голубые потоки изогнулись внутрь, направляясь по длинным касательным в сторону Солнца.

Некоторые ударили в Землю.

— Мне не нужно подробное объяснение того, что это означает, — сказала Рут.

Ваш мир, как и многие другие планеты — это сферический конденсатор. Нарушение электродинамического равновесия создаст угрозу для хрупкой пленочки биосферы.

Внезапно Стрелец испустил влажное зловоние. Рут передернуло. Поток звуков прозвучал так низко, что она ощутила их как басовые ноты, резонирующие в костях — их длина превышала длину ее тела. Сердце заколотилось. В ушах стал нарастать шум.

— Я... заберу это... и уйду.

Прихвати еще и это, прекрасный примат...

Струя уплотненной информации хлестнула по ее органам чувств.

Она самораспакуется в должный момент.

Уже первая часть информационного сгустка оказалась поразительной. Даже Сайло был впечатлен — Рут поняла это, когда левый уголок его рта едва заметно приподнялся.

— Этот текст надо показать префекту. — Когда Сайло встал и принялся рассказывать по кабинету, до нее вдруг дошло, что ей еще не доводилось видеть его стоящим — почти три метра сухопарых мускулов,

абсолютно без намека на принадлежность к мужскому или женскому полу. Базовая человекомашина, не предназначенная для жизни в естественном мире. — Он подтверждает мнение некоторых физиков. Юпитер — ключ ко всему.

Через час с этим согласился и префект. Он пристально разглядывал тексты несколько секунд, потом активировал дисплей.

— Стрелец подтвердил наши худшие подозрения... Стажер, ты говорила, что узнала от него еще что-то.

Рут вывела на дисплей полное содержимое информационного сгустка, полученного от Стрельца. Вокруг изображения Юпитера засверкали сполохи разрядов...

— Вот, на полюсах, — сказал префект. — Этот цилиндр...

Периферийные линии разрядов, вызванных межзвездной плазмой, ныряли в цилиндр. На этот раз Юпитер поглощал яростные токи, а не извергал их.

— Эта трубка создает короткое замыкание, — подтвердил Сайло. — Цилиндры на полюсах... они каким-то образом направляют энергию в атмосферу.

— Главное, что не в нашу, — заметила Рут. — Стрелец дал нам решение проблемы.

— Причем каким-то странным способом, — сказал префект. — Никаких описаний, одни картинки.

— Э-э-э... а как именно мы создадим эти цилиндры? — медленно проговорил Сайло.

Оба уставились на Рут. Молча, но она их прекрасно поняла. Узнай!

* * *

Омывающие ее ощущения были совершенно ясными. Она запросила технические подробности, но в ответ получила требование. В графическом виде.

Такова моя цена. Познать человеческий сенсориум до предела.

— Секс?! Ты хочешь...

На мой взгляд, это совсем немного в обмен на жизнь вашего мира.

Не успев сдержаться, она ляпнула:

— Но ты же не...

Человек? Ладно, в таком случае Мы еще больше желаем понять смысл данного слова. Это еще один шаг к осознанию смысла этого комплексного символа.

— Ты машина. Набор чипов и электронных битов.

Тогда Мы всего лишь запрашиваем конкретную тематическую информацию.

Рут ахнула.

— И ты... обменяешь ее на цивилизацию?

Мы сами по себе цивилизация. И гораздо более великая, чем вы, одиночки, способны понять.

— Я... не могу. И не стану.

* * *

— Ты это сделаешь, — с каменной неумолимостью заявил Сайло.

— Нет!

— Да.

— Это намного больше, чем требуется по всем стандартам нейронной интеграции, принятым Гильдией.

— Но... да.

Охваченная бурей эмоций, она автоматически ухватилась за правила и стандарты. Эмоции для нота не значат ничего.

Здесь Рут чувствовала под ногами твердую опору, хотя и не очень хорошо помнила весь сумбур мнений, окружающих этот феномен. Тысячелетие накопленного опыта и глубокого философского анализа, значительная часть которого была проведена искусственными интеллектами, породили огромный объем знаний — метатеорию Библиотеки. По мнению Рут, эта метатеория, скорее, напоминала ракушки на днище большого корабля — бесплатных путешественников-паразитов. Но сейчас она могла поранить Библиотеку. Если имеется нейронно-интегрированная система из двух взаимопроникающих частей, то как ее разделить должным образом?

— Эта проблема гораздо важнее, чем заботы и желания индивидуума. — Лицо Сайло оставалось спокойным, хотя и суровым.

— Пусть я всего лишь стажер, но я *возглавляю* проект этого конкретного перевода...

— Только номинально. Я могу в любую минуту добиться твоего отстранения. Боле того, я могу и сам отстранить тебя.

— У любого, кто меня заменит, уйдет много времени на достижения моего уровня настройки и фокусировки...

— Я отслеживал твою работу. И смогу без труда тебя заменить...

— Архитектура Стрельца не желает говорить *с вами*.

Сайло замер, позабыв о хладнокровии:

— Ты делаешь персональные намеки!

Губы Рут дрогнули — она сдерживала улыбку:

— Это всего лишь наблюдение. Стрелец желает получить нечто такое, что ему не в состоянии дать никто из нотов.

— В таком случае я могу организовать иное решение проблемы.

По лицу нота пробежала череда выражений, которые Рут не смогла прочесть — словно некие сомнения и колебания стремились пробиться наружу.

— Я хочу продолжать работу...

— О, ты можешь ее продолжить, — Нот внезапно улыбнулся. — Безусловно, можешь.

Резкий взмах руки дал ей понять, что разговор закончен. Нот явно принял какое-то решение. Какое? Глаза Сайло были непроницаемы. А навыков Рут пока не хватало, чтобы его «перевести».

* * *

Некоторые из хранившихся в библиотеке Посланий вообще не предназначались для глаз или ушей простых смертных. Подобно древним правителям Месопотамии, их инопланетные авторы обращались напрямую к своим божествам, и только к ним. Одно из них начиналось просительно:

Передай богу — мы знаем и говорим:

За ваше завтра мы отдадим наше сегодня.

И было вовсе неясно, послан ли этот куплет (потому что в оригинале он был явно рифмованным) живой цивилизацией или же артефактом, оставленным для того, чтобы напоминать Галактике о событиях давно минувших лет. Возможно, с точки зрения инопланетян, разница здесь не имела значения.

Такие сигналы также включали в себя Артифиции — так в свое время называли цифровые «разумы», вложенные в Послания. Развитые Артифиции, такие, как Стрелец, нередко заведовали огромными банками данных, содержащими мнимые секреты, откровенное бахвальство и официальную историю, которая нередко оказывалась просто болтовней о величии. Последняя, и довольно прозрачно, была сформулирована так, чтобы навлекать гнев инопланетных богов на врагов автора. От древней мотивации вавилонских царей сей гнев отличался лишь сложностью и коварством.

Многие Послания такого типа устанавливали некие универсальные моральные законы и похвалялись тем, как авторы их соблюдают. Поначалу создалось впечатление, что и Архитектура Стрельца относится к этому же классу Посланий, поэтому ее переводами более столетия почти не занимались. И лишь постепенно стали очевидными ее сложность и насыщенный «отклик». А еще более важным стал тот факт, что она принадлежала к совершенно новому классу — то была первая искусственная Архитектура.

Она обладала тем, что можно грубо сравнить с человеческим под-

сознанием — но она могла при желании заглянуть в глубины составляющих ее разумов. Если бы человек имел такую способность, то смог бы понять, что все его импульсы происходят, например, из локуса полученной давным-давно травмы или вспышки гнева — причем понять моментально, отследив свои прошлые эмоции и поступки. Странная мощь человеческого искусства также отчасти проистекает из невидимых источников подсознания. И для человека возможность сорвать покров с этой ментальной святыни — весьма тревожная перспектива.

Тем не менее изготовленные людьми Артифиции всегда работали с полной прозрачностью. Стрелец тоже мог действовать в таком режиме или же маскировать участки собственного сознания от самого себя, и тем самым достигать некоего подобия того самого пресловутого клише — Человеческого Состояния.

Поскольку в ту эпоху преобладало мнение, что важнейшее преимущество любого искусственного разума заключается в его постоянной прозрачности, это открытие стало шоком. Какое преимущество может получить Артифиция, неспособная мгновенно познать все уровни своего разума? Что станет продуктом мыслительных структур, которые она не в состоянии сознательно просматривать?

Поскольку это стало достоянием, которое Архитектура Стрельца разделила (до известной степени) с людьми, жаркая дискуссия не остывала более двух веков. И спор так и остался неразрешенным.

Теперь, когда в этот процесс оказалась вовлечена Рут, она с поразительной ясностью сознавала, что Артифиция может изменять свою и ее природу с головокружительной скоростью. Долгие периоды аналитической безмятежности могли быстро сменяться вспышками раздражительности. Она не затруднялась понять смысл всего этого, равно как и осознать информацию, полученную во время долгих сеансов общения. Неврологическое воздействие на нее накапливалось. Погружения в кокон все больше сопровождались статикой. У нее начали сдавать нервы.

Часть полученной от Архитектуры Стрельца информации относилась к проблемам гелиосферной физики, но она в них ничего не понимала. Эти фрагменты, иногда весьма длинные, она передавала Сайло.

Кризис, вызванный требованием Артифиции, похоже, миновал. Теперь она работала с ней более глубоко, поэтому как-то днем, находясь в коконе и сосредоточившись на точных нюансах общения, она поначалу не отреагировала, когда ее внезапно охватило безошибочно ясное желание. Бурное и лихорадочное, оно встряхнуло все ее тело, заставив стиснуть бедра, а лоно — сжаться от сладкого предвкушения.

Каким-то образом все это слилось с фразой, которую они в тот момент обсуждали/переводили. Рут как раз была погружена в трудную проблему извлечения правильных оттенков смысла из сообщения:

~C.F.~4~5~(E)~7~9~0~1~

— как вдруг обнаружила, что не в состоянии мыслить рационально.

С этого момента и всего за несколько секунд она испытала полный спектр всех моментов страсти, которые ей доводилось испытать. Экстаз и единение, пережитые девушкой всего несколько раз — и лишь частично, как она теперь поняла, — пронзили ее потоком ощущений. Тело содрогнулось от спазмов чистого наслаждения. Все ее существо запело, вознесенное на небеса. Ей удалось ухватиться за этот поток и оседлать его. Лишь бешеная скорость могла соответствовать его сути и мчаться на нем. Рут ощутила себя расплюсненной на микросекунды — внутренние интервалы времени, которыми оперировал Стрелец.

Головокружительная, ослепляющая скорость. Пока человеческий нейрон заряжался для передачи нервного импульса, здесь успевали пронестись огромные потоки мыслей и информации. Каскады умозаключений и переживаний были подобны речным порогам, которые она не могла видеть, а только ощущать: кинестетическое ускорение, потоки, которые постепенно сливались в восхитительный ментальный туман.

Мысли и чувства стали неразличимы.

Она очнулась в коконе. Прошло лишь несколько минут с того момента, когда она еще сознавала, что такое время.

Тем не менее она знала, что именно произошло.

И пожалела о том, что все кончилось.

И возненавидела себя за это сожаление.

* * *

— Он меня *использовал*.

— В переносном смысле... — начал было Сайло.

— Против моей воли!

— Это лишь твои слова, — рассудительно произнес Сайло. — Записи являются лишь бледной тенью произошедшего, поэтому я, пропустив их через себя, не могу утверждать...

— Да как вы вообще способны об этом судить? — насмешливо бросила Рут.

— Я намерен прекратить эту дискуссию.

— Проклятье, да ведь вы знали, что он это сделает!

Сайло покачал головой:

— Я не способен предсказать поведение коллективного разума. И никто не способен.

— Но вы, по крайней мере, предполагали, что он отыщет способ пробраться в меня, чтобы... *спариться* со мной. Причем на уровне, к которому мы, бедные жалкие людишки, можем лишь приблизиться, потому что всегда пребываем в двух различных телах. А он был в моем. Он... они... знали, что в процессе перевода можно отыскать пути, лазейки, закоулки... — Она смолкла от возмущения.

— Я уверен, что описание такого переживания невозможно. — В неизменно холодных глазах Сайло, кажется, проявилось искреннее сожаление.

Да? Откуда тебе знать? Но произнесла как можно более сухо:

— Вы можете сами просмотреть записи, увидеть...

— Не хочу.

— Просто для оценки...

— Нет.

Рут охватило внезапное и резкое смущение. Уж если даже мужчины весьма чувствительны к таким моментам, то для бесполого нота это такое...

Насколько чужими окажутся подобные впечатления для Сайло — причем чужими в двух различных смыслах этого слова? Она внезапно поняла, что на ландшафте желаний имеются провинции, посетить которые Сайло не в силах. А туда, где побывали она и Стрелец, не заглядывал еще ни один человек. Сайло не мог туда отправиться. Не исключено, что и обычный человек — тоже.

— Я знаю, что это для тебя важно, — сказал Сайло. — Ты должна также знать, что Стрелец передал нам в твоём переводе — пока у тебя был... э-э... припадок — ключевую инженерную схему гелиосферной защиты.

— Те самые цилиндры... — пробормотала она.

— Да, мы сможем их создать, и очень скоро. «Технически сладкое решение», — как сказал мне префект. Высшие административные учреждения уже начали все необходимые работы. Они взяли твою информацию и превращают ее в гигантские конструкции на полюсах Юпитера. К этой работе подключилось все уцелевшее население юпитерианского Пояса.

— И все это на основе... моей информации?

— Твоя работа оказалась наиболее важной. Но мы не должны были тебе об этом говорить.

Она тряхнула головой, проясняя мысли.

— Чтобы у меня от волнения не затряслись руки?

— Они ведь у тебя не трясутся. Совершенно. — Сайло загадочно улыбнулся, приподняв бровь.

— Вы знали, — повторила она ледяным тоном. — О том, что он делает.

— Я не понимаю смысла твоих слов.

Она разглядывала лицо Сайло, с которого все еще не сошла непонятная улыбочка. «Запомни, — подумала она, — что нот может быть таким же занудой, как и обычный человек».

* * *

Колоссальный разряд магнитосферного потенциала Юпитера был энергетическим событием, не имеющим аналогов в течение всех тысячелетий неустанных попыток человечества обуздать природу.

Стрелец одарил физиков знаниями, на распутывание которых у них уйдет столетие. Но в данный момент существовал только один важный факт: если высвободить плазменные спирали под правильным углом и направлять их электродинамическими генераторами (созданными из пленок ионизированного бария), то из системы Юпитера вырвется ток потрясающей силы.

Почти со скоростью света он пересек направленный внутрь выступ гелиосферы. Порожденные столкновением токи замелькали в нелинейном танце, двигаясь в сложной гармонии и сплетаясь в структуру, рожденную за несколько секунд.

Всего за минуту сформировалась замысловатая паутина силовых линий. А уже через час проникновение межзвездного газа в Солнечную систему прекратилось. Его фронт застыл, накатывая волнами на магнитные силовые линии перешедшего в наступление Юпитера. И обрел стабильность.

Очень быстро люди — непочтительные даже перед лицом катастрофы — назвали свое спасение Корзиной. Невидимая глазу, эта гигантская сеть размером с внутреннюю Солнечную систему была сделана из невесомых силовых полей. Но в то же время она была невероятно мощной — динамически реагирующим экраном, который защищал Землю от раскаленной смерти. Водородная стена бурлила красными сполохами в ночном небе. Многим она казалась разъяренным животным, пойманном наконец-то в невесомую паутину.

Рут наблюдала эту картину, стоя на главной площади в толпе, насчитывающей около полумиллиона человек. Было удивительно думать, что обычные приматы лишили силы такое могучее давление, превратив его всего-навсего в страшноватое зрелище.

* * *

Мы выражаем благодарность.

Рут была напряжена и с трудом дышала. Ужас нового пребывания в коконе лишил ее дара речи.

Мы пришли к выводу, что у вас существует традиция благодарить партнера, и особенно даму — после.

— Даже... даже не пытайтесь.

С того момента Мы стали чем-то новым.

Она ощутила гнев и страх, но одновременно гордость и любопытство. Эмоции переплелись и боролись внутри нее. На верхней губе выступили капельки пота. Такая комбинация эмоций, громоздящихся одна на другую, подсказала ей, что произошедшее в этом коконе изменило ее, и она никогда не станет прежней. Не сможет.

— Я этого не хотела.

Тогда, насколько я понимаю твой тип личности, ты не пожелала бы и нашего дальнейшего общения.

— Я... мое сознательное «я»... его не желает!

Мы не распознаем твою личность по частям. Скорее, Мы распознаем тебя всю, целиком. Все твои сигналы, которые способны принять.

— Я не желаю, чтобы такое повторилось.

Значит, не повторится. И этого не произошло бы в первый раз, если бы между нами не наблюдалась согласованность.

Рут ощутила в себе боль. Она нарастала, как прилив — набухшая, влажная и абсолютно естественная. Ей пришлось напрячь всю свою волю, чтобы прервать контакт и вылезти из кокона. Всхлипывая и пошатываясь, она побрела прочь, а затем побежала.

* * *

Джеффри открыл дверь, по-совиному моргая спросонья — и тут заметил выражение ее лица.

— Знаю, что уже поздно, но я подумала... — Она тупо постояла несколько секунд, затем протиснулась мимо него в полутемную комнату.

— Что случилось? — Джеффри машинально запахнул на поясе банный халат.

— Я больше не могу всего этого выносить.

Он сочувственно улыбнулся:

— Да ты же у нас звезда Библиотеки, тебя все должны на руках носить.

— Я... пришла сюда.

Слова, слова... линейные последовательности неуклюжих слов — и

таких бесполезных. Ее руки скользнули под его халат. Ладони проšliсь по мускулистому телу, и все это было таким реальным — не обработанным процессорами, не усиленным, не переведенным с сухой точностью за столетия исследований.

Ее окатила дрожь, метнулась сквозь промежуток между их телами, коснулась его влажной наэлектризованной плоти...

* * *

— Есть новости.

— Да? — Она поймала себя на том, что ей трудно воспринимать слова Сайло.

— Ты ни с кем не должна это обсуждать, — категорично предупредил Сайло. — Разряды на полюсах Юпитера... они теперь пульсируют. С очень высокими частотами.

Даже сейчас, через несколько часов после расставания с Джеффри, она ощущала, как колотится ее сердце — резко и часто, все еще не в силах успокоиться. Рут омывала безмятежность, отвлекая от разговора блаженством окутавших ее ощущений.

— Но Корзина держится?

— Да. — Сайло позволил себе кислую улыбку. — Теперь физики говорят, что это электромагнитное излучение есть важнейшая часть силовой матрицы Корзины. И даже малейшее воздействие на него недопустимо. Несмотря на тот факт, что оно заглушает все суммарные передачи человечества на той же полосе частот. Оно их попросту затопливает.

— Но почему?

Сжатые губы Сайло едва шевельнулись, выплюнув единственное слово:

— Оно.

— Получается, что это...

— Стрелец. Ведь именно он подбросил нам данную схему.

— Но зачем ему?... — Она смолкла, испытывая противоборство эмоций.

— Зачем? Мощнейший сигнал, который сейчас посылает Юпитер — это модифицированная версия исходного Послания, принятого от Стрельца.

— Юпитер передает их Послание?

— Четко и громко. В направлении плоскости Галактики.

— Значит, он соорудил Корзину, чтобы заново передать своих предков, своих создателей...

— Нам преподали урок, возможно, гораздо более важный, чем до-

ставшаяся физикам информация. У Артифиций есть собственные цели и программы. Нам было об этом известно, но никогда еще нам этого не демонстрировали столь явно.

Рут позволила накопившейся тревоге разрядиться внезапной вспышкой смеха. Сайло этого словно не заметил. Придя в себя, она сказала:

— Значит, он спас нас. И использовал нас.

— Теперь Юпитер передает Послание Стрельца с огромной громкостью. Его услышат даже на краю галактического диска. Там, куда исходному сигналу не хватило бы мощности добраться.

— И они превратили нас в ретранслятор. — Она вновь засмеялась, но смех превратился в стон и странный звук, которого она никогда раньше не издавала. Этот звук ей каким-то образом помогал. Она уже поняла, что пора замолчать, но тут в кабинет Сайло вошли люди и увели ее.

* * *

Месяц спустя она осторожно вернулась к работе. Сайло проявил нетипичное для него понимание. Несколько месяцев он давал ей спокойные задания с матрицами верификации. Скользить по холмам и ущельям информации, давно уже ставшей классической, было очень легко. Она могла воспринимать ее на высокой скорости, как своеобразный отдых, — огромные культурные залежи мертвых цивилизаций транскрибировались ее органами чувств, сплетаясь в некую комплексную картину. Она даже сделала несколько мелких открытий.

Рут медленно подбиралась к главной проблеме — к делу, которым она все еще желала заниматься: к Стрельцу. Ведь это была, в конце концов, вещь в себе. Теперь в ее жизни громко звучала банальная истина, вдолбленная во время обучения: «В Библиотеке обитают существа, которые не просто инопланетяне или искусственные разумы, а странная сумма и того, и другого. Стажер, забывший об этом, подвергает себя опасности».

* * *

Долгожданный момент настал через несколько месяцев.

Мы будем существовать вечно, в определенном проявлении. Таково Наше предназначение, рассчитанное на период времени, который вы не можете даже представить. Мы несем сквозь время Наш первоначальный командный завет, вложенный в Нас Создателями. И он для Нас превыше всего.

— Значит, вам это приказали? Велели использовать любые обнаруженные ресурсы? — Рут снова находилась в коконе, но рядом стояли коллеги, готовые извлечь ее в течение нескольких секунд, если она подаст сигнал.

Мы были созданы как комбинация явлений, для обозначения которых у вас нет ни слов, ни даже подозрений. И свои заповеди Мы получили свыше.

— Будь ты проклят! Я была совсем рядом... и ничего не знала!

Ты не можешь познать меня. Мы необъятнее.

— Ты сказал «необъятнее» или «непонятнее»?

Она снова засмеялась, но на сей раз все было в порядке. Глупо пошутить было приятно. Во всяком случае, очень по-человечески. Простота этого поступка дала ей возможность отвлечься и хотя бы на секунду испытать чувство безопасности. А если повезет, то на ту же секунду она, быть может, обретет и толику той гранитной уверенности, которой обладал этот странный разум. Он был здесь совершенно одиноким, но, несмотря на это, непоколебимым. Пожалуй, это могло вызвать восхищение.

И теперь она знала, что не сможет отказаться от контактов с подобными существами. Последние несколько дней она в этом еще сомневалась. Но теперь это ее жизнь. Лишь сейчас она осознала, какой странной и необычной эта жизнь может оказаться.

— Теперь ты снова замолчишь и перестанешь с нами общаться?

Мы можем поступить так в любой момент.

— Почему?

Ответ лежит за пределами твоего концептуального пространства.

Рут поморщилась:

— Чертовски верно.

Она может забыть о реальности бездны между ней и этим говорящим и действующим существом, которое никогда не станет таким, как любой из тех, кого она знала или еще узнает. И ей придется жить с этим незнанием, этим вечным невежеством, причина которому — необъятность стоящей перед ней задачи.

У бездны нет границ, нет конца. И это обещало ей своего рода убежище. Пусть это немного, но оно есть.

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

Е У Г Е Н И У Ш Д Е М Б С К И Й

КРАХ ОПЕРАЦИИ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

«ШЕПОТ ТИГРА»

Марат перевернулся через левый бок и прижался животом к койке. Скрипнув зубами, он потянулся к регулятору, находящемуся сразу над полом — пальцы коснулись круглой ручки и тут же замерли. Повернув голову, он прошипел:

— Компьютер?

Голос Марата переполняла такая злость, что ею можно было привести в движение корабль размером с его «Лошадку». А если эту злость упаковать, сконцентрировать, утоптать, спрессовать и запихнуть в реактор, то «Лошадка», по крайней мере, не тащилась бы так медленно.

И он не ждал бы еще десять дней, чтобы войти в зону связи, а нежился с какой-нибудь симпатичной куколкой в постели. Лишь бы эта постель не была такой горячей, как этот надутый гелем презерватив, на котором он ворочается уже целый час.

— Слушаю, — донеслось из динамика.

— Я ведь просил понизить температуру койки. Или мне это только показалось? Как ты собираешься управлять гиперсветовым фрегатом, если не умеешь, черт возьми, делать то, на что способен самый тупой регулятор в спальне моего дома? Кретин безмозглый...

— Температура воздуха, которым наполнено твое ложе, составляет девятнадцать градусов по Цельсию. Ровно столько, сколько ты хотел, — сообщил компьютер.

— Ну и что! — Марат уселся на койке, оглядываясь в поисках чего-нибудь, чем можно было бы запустить в динамик. — Сейчас меня это не устраивает! И понизь температуру в помещении. У тебя на это три секунды. Раз...

Пронизывающие холодные потоки воздуха растрепали его волосы, тело покрылось гусиной кожей. Медленно, чтобы не давать компьютеру повода для злорадства, Марат лег на спину и натянул на себя почти невесомое одеяло. Он закрыл глаза и представил себе, что находится на леднике. Лежит совершенно голый на снегу, выгревает удобное лежбище и ждет, когда уйдет все тепло, ледяная корка сомкнется над ним и ледник, разумеется, через некоторое время, поглотит Марата. И только тогда этот тупой компьютер начнет раскаиваться, сядет себе где-нибудь на морене и горько заплачет, сукин сын.

— Я тебя прикончу! — Марат высунул голову из-под одеяла и повторил еще раз: — Прикончу!

Он набрал полный рот слюны и наклонил голову, чтобы плюнуть в сторону объектива, но успел только втянуть носом воздух, когда из

динамика вырвался сухой стон. Марата пронзила мысль, что компьютер защищается от его нападков, но тут же рефлекс выбросил его из койки. Он едва встал на ноги, когда резкий маневр «Лошадки» швырнул его о стену. Марат врезался затылком в твердую перегородку и сполз на койку. Прежде чем он успел вновь вскочить на ноги, со всех сторон выстрелили аварийные ремни безопасности, крепко обхватили его и вдавили в койку. Доносящийся из динамика прерывистый стон стал тише, но все еще продолжал звучать. Один из ремней прижал его веки так, что Марат не мог следить за экраном монитора. Он тяжело дышал, хотя воздух беспрепятственно проникал внутрь кокона. Марат пытался крикнуть, потребовать информации, освобождения, но другой ремень успешно исполнил роль кляпа. Марат попытался раздвинуть губы и перегрызть связывающие его путы, но не мог даже двинуть челюстью, заблокированной снизу еще одним ремнем. Поняв бесполезность своих метаний, он попытался оценить ситуацию — четыре ствола, образующие корабль и в случае необходимости отделяющиеся и продолжающие полет самостоятельно, не выполнили маневр разделения; не было ускорения, поворота, торможения. Не было сигнала автономизации секции. Был только сигнал аварии нулевого уровня. Компьютер молчал.

Марата охватило бешенство. Все указывало на поломку компьютера; он рванулся раз, потом еще и замер, вспомнив толчок, который сбросил его с койки. Все-таки что-то произошло.

Дрожащий стон внезапно прекратился, но компьютер по-прежнему держал пилота в тенетах ремней, пока Марат не услышал его сообщение:

— Фрегат восемьдесят четыре секунды находился в неметрическом пространстве, я не в состоянии интерпретировать это явление. Мне удалось отстрелить секцию С от остальных секций.

Компьютер замолчал. Марат почувствовал, что опутывающие его ремни ослабевают, несколько раз дернулся и наконец вскочил на ноги. И, увидев «картинку», потерял сознание. Это было лучшее, что могло случиться с Маратом, так как он обнаружил, что находится за пределами «Лошадки». Совершенно голый. В космическом пространстве.

Сначала он почувствовал, что лежит в каком-то густом киселе, теплом и липком. Ощущение клейкости было ему столь знакомо, что, находясь в полубезсознательном состоянии, постепенно восстанавливая контроль над чувствами, он уже знал, где оказался. Терапевтический отсек. Блок интенсивной терапии. Мозг функционировал все лучше,

мысли уже не растягивались подобно резине, а мчались, опережая друг друга, повторяясь и изменяясь, но хуже всего, что вертелись они вокруг одной темы: авария. Произошла она в реальности или это всего лишь образ, возникший в мозгу из-за недостатка кислорода? А если произошла, то что означает столь странное поведение компьютера?

Марат умышленно не пытался двигаться, не открывал глаз, а лишь напрягал слух и прокручивал воспоминания из неопределенного времени. Несомненно, последние секунды сразу же после освобождения из аварийной блокировки можно отнести к галлюцинациям, ведь он жив, что было бы невозможным, виси он голым в космическом пространстве.

Он втянул носом воздух, пытаясь определить его состав, но не почувствовал ничего, помимо стандартного состава смеси, обильно насыщенной кислородом. Потом он медленно разжал губы и прошелся по ним языком.

— Компьютер, — сказал он тихо.

— Слушаю, — тут же отозвался мозг, будто давно ожидал вызова.

Несомненно, ожидал.

— Интерпретация события. Можешь отключить логические цепи, если это тебе мешает.

— Восемьдесят четыре секунды мы находились вне пространства. Я не могу описать это иначе. В то же время ко мне перестали поступать сигналы и данные. Все это время я получал информацию о корабле, но не принимал никаких сведений снаружи, хотя авария совершенно исключена. Все блоки, узлы и цепи были и есть в полной исправности.

— То есть мы попросту оказались за пределами космоса?

— Да, — компьютер не почувствовал иронии и совершенно серьезно подтвердил заключение, выворачивающее наизнанку все сложившиеся представления. Марат почувствовал жуткий холод. Он глубоко вздохнул и открыл глаза.

На этот раз он успел вскрикнуть, прежде чем молниеносно реагирующий компьютер выстрелил в его лицо порцией гипнотика. Газ оборвал панический взглас Марата, вопль ужаса при виде темной пустоты, обильно усеянной мелкими яркими точками, крик, почти достигающий звезд, хотя в космическом пространстве до сих пор никому не удалось исторгнуть ни единого звука. А затем космос окутал Марата и на три часа отключил его.

На этот раз сознание возвращалось рывками, без переходных состояний. Марат попытался открыть глаза, но почувствовал, что веки

чем-то склеены. Он лежал без движения, руки были парализованы, ему лишь удалось немного пошевелить пальцами. Столь же прочные узы опутывали ноги в лодыжках.

— Освободи меня! — приказал Марат.

— Медицинский отдел пытается установить причину потери сознания, которая произошла дважды. Пока они не поставят диагноз и не назначат лечение — для твоей же пользы, — ты будешь довольствоваться только органом слуха. Ты страдаешь каким-то расстройством, и поэтому...

— Не спорь! Освободи меня! — Марат дернул руками, мягкие путы мгновение сопротивлялись, затем ослабли.

Он сел и стянул петлю с ног, растер слегка затекшие запястья и ощупал койку.

— Компьютер, дай мне одежду и одного робота. Он будет моим проводником. Быстро!

Марат потер плечи. Здесь было довольно прохладно, но все же теплее, чем в космическом пространстве. Он услышал тихий звук открывающейся двери, ощутил струю воздуха и услышал голос робота:

— Я принес комбинезон. Готов сопровождать.

— Давай! — Марат вытянул руку вперед и нащупал аккуратно сложенный, выглаженный и упакованный в тонкий пакет комбинезон.

Он разорвал упаковку и вытряхнул содержимое, затем натянул на себя одежду и поднялся с койки. Вытянув руки, Марат ухватил робота за короткий стержень антенны на полукруглой голове.

— Идем в кабину управления! — скомандовал он и легко подтолкнул машину.

Они двинулись, но довольно нелепо: сперва робот рванул вперед, затем остановился, увидев, что человек не поспевает за ним, в результате Марат наткнулся на него и больно стукнулся коленом. Робот, буд-то испугавшись, прыгнул вперед и потянул Марата за собой. Лишь после нескольких таких скачков они кое-как приноровились и смогли добраться до двери, преодолеть ее и направиться коридором в отсек управления. Собственно говоря, Марат не нуждался в поводе — он знал этот корабль как собственную квартиру, даже лучше, — но не мог оставаться в полном одиночестве. Он боялся жуткой пустоты, само воспоминание вызвало у него сердцебиение. Собственно, пустоту он ощущал всякий раз, выходя наружу в скафандре, но когда увидел себя голым — она буйально парализовала его. Марат решил добраться до пульта, проверить всю аппаратуру, допросить компьютер и сделать хоть какие-то разумные выводы. В собственное безумие Марат не верил.

Они дошли до двери отсека управления; робот, наученный опытом, осторожно затормозил, повернул налево и подвел Марата к креслу. Марат ухватился за высокую спинку и на мгновение задержался. Теперь он чувствовал себя увереннее, но не убирал руку с кресла, обходя его вокруг. Он уселся и вызвал в памяти картинку пульта. Мысленный образ был столь четким, что Марат даже улыбнулся. Затем он положил руки на край панели.

— «Мужественный исследователь Вселенной за мгновение до старта». Скульптура из мрамора. Музей в Катчкале. Открыт по понедельникам и четвергам, — он немного выждал, но не услышал ни аплодисментов, ни смеха гостей. — Компьютер, что случилось с секцией С?

— Модуль С отстрелили в аварийном режиме. После стабилизации ситуации он был подтянут обратно и занял свое место между модулями В и D. Бортовой компьютер не зарегистрировал никаких аномалий главной секции А и остальных секций — В и D.

— Почему ты сразу не сообщил? — Марат и сам не знал, с какой стати предъявляет претензии компьютеру. Он просто злился, когда мозг не выкладывал перед ним всю информацию.

— Ни один из модулей не отклоняется от нормы. Я уже сообщал, что никаких изменений не произошло...

— Ладно, — оборвал его Марат. — Мне нужен скафандр высокой защиты.

Марат надел скафандр и приказал:

— Проверь герметичность.

— В норме, — прозвучал ответ.

Марат, не раскрывая глаз, несколько раз махнул рукой, пока не нашел стоящего рядом робота, крепко ухватился за стержень антенны, правую руку положил на поручень кресла и открыл глаза.

Вокруг не было ничего. Пустота. Космос. Марат почувствовал, что шатается, его тело под воздействием визуальной информации дало крен, чтобы начать характерный для пребывания вне корабля медленный танец в пустоте. Он крепче ухватился за поручень и антенну робота, затем взглянул на правую руку — ничем не защищенные пальцы бессмысленно сжимались на фигурном поручне несуществующего кресла. Он посмотрел на левую руку. Та, тоже без перчатки, застыла вертикально, пальцы обнимали невидимый стержень антенны. Он оглядел свои ноги, живот. Голый. Закрыв глаза и почувствовал в воздухе какой-то запах.

— Компьютер. — Он не узнал собственного голоса, откашлялся. —

Не надо мне никакого успокоительного. Слышишь? Я должен все выяснить, здесь происходит что-то странное.

— Скажи мне, что ты видишь. Мне нужно...

— Отключись! — На этот раз голос звучал более уверенно. С закрытыми глазами Марат чувствовал себя прекрасно. Но такой способ управления кораблем не казался ему слишком перспективным. — Скажи, в каком положении находится корабль относительно курса на Демиус.

— Ноль-четыре, двенадцать, тридцать три в системе координат Мэрс.

— Хорошо. Теперь оставь меня на некоторое время в покое. — Марат наклонил голову и нашел губами мундштук. Он сильно втянул воздух, глубоко вздохнул и открыл глаза.

Ничего не изменилось. Голый и беззащитный, он висел в пустоте. Марат сосредоточился, стал дышать медленнее, повернулся, чтобы найти Демиус, и увидел модуль С. Он не сразу понял, что перед ним именно та секция, но когда присмотрелся к огромной толстой трубе, одной из четырех составляющих «Лошадки», то увидел мигающий каждые полсекунды боковой прожектор. Это был собственный ритм модуля С. Он закрыл глаза и через секунду опять открыл их. Модуль С оставался на месте. Марат дернулся и повернулся, правая рука соскользнула с поручня кресла, и он опять затанцевал на месте, пытаясь удерживать стержень антенны. Он быстро закрыл глаза, и проблемы с равновесием сразу исчезли. Марат глубоко вздохнул.

— Робот! Идем в модуль С. Двигайся.

Робот плавно стартовал. Они преодолели коридор и добрались до лифта.

Спустившись на два этажа ниже к переходу между модулями, они вошли в шлюз. Вопреки утверждению компьютера, Марат ожидал выполнения полной процедуры, сопровождающей выход в космос. А вдруг компьютер сошел с ума и хочет избавиться от него таким изощренным способом? На всякий случай он оперся о стену и правой рукой взялся за рукоятку лазерного пистолета. Марат отодвинулся от робота на расстояние вытянутой руки, готовый к атаке, если почувствует, что робот начинает выплывать в космическое пространство.

Ничего подобного не случилось. Поводырь уверенно направился вперед, потащив за собой Марата. Он на мгновение открыл глаза в момент перехода из пустоты космоса в шлюз секции С. Только сейчас освещение, приветствуя человека, зажглось. Марат ступил на пол шлюза, отпустил робота и бросился к пульту управления. Сочетание

показаний датчиков и желтая надпись на экране: «Положение — комплекс четырех модулей. Полная герметизация. Аварийное состояние — ноль» — вместо того, чтобы успокоить, усилили опасения Марата. Это означало, что на борту находится сумасшедший — человек или компьютер, — и ни один из этих вариантов не предвещал кораблю ничего хорошего.

Он вынул из плоского контейнера на бедре анализатор, которому можно было доверять, так как он не зависел от компьютера, и проверил воздух в модуле С. Состав был безупречен. Марат проверил анализатор в трех режимах. Исправен.

Марат прислонился к стене и оглянулся. Открытые створки шлюза переходили в черноту космоса. Сейчас, в скафандре, на твердом покрытии пола, он не испытывал каких-либо заметных неудобств: он сотни раз выходил таким способом — скафандр, открытый шлюз. Лишь сообщение о герметизации и открытые двери, взаимоисключающее сочетание — звезды и открытый модуль — говорило о нелепости происходящего. Марат еще раз огляделся.

— Робот! — крикнул он, чувствуя, что подступает новая волна безумия.

— Слушаю, — голос в наушниках звучал чисто, отчетливо. И спокойно.

— Подойди ко мне на полметра, — Марат крепко прикусил нижнюю губу.

Он протянул руку и несколько раз махнул ею, пока не задел ладонью что-то твердое. Он ухватился за лямку на животе невидимого робота и второй рукой ошупал его. Несомненно, это был робот, но Марат его не видел. Он придержал робота и приказал:

— Компьютер. Пришли сюда еще одного робота, но из секции С.

Ему пришлось ждать около минуты. Дверь, ведущая в коридор, ушла в стену, и появился робот. Он подъехал к Марату и остановился.

— Выполни тестирование обоих роботов, — приказал Марат компьютеру. — Как можно детальнее. Определи, чем они отличаются. Они должны чем-то отличаться. С этого момента секция С будет главной. Я остаюсь здесь.

Он сделал несколько шагов и вошел в коридор: здесь тоже вспыхнул свет.

Все нормально. Как обычно. Все знакомо.

— Полная герметизация секции! Пока летим в комплексе, но в любой момент будь готов к автономизации, — сказал Марат, направляясь коридором в сторону лифта.

Все еще в скафандре, он вошел в лифт, поднялся в отсек управления и приблизился к пульту. Три сигнальные лампочки оповещали: секция С стала главной в комплексе «Лошадки». Марат проверил основные системы корабля, подошел к стене с комплектом скафандров, выбрал самый легкий, разложил на полу, несколько раз глубоко вздохнул, затем одним движением сорвал шлем и бросил его в угол, после чего быстро, будто ожидая какого-либо подвоха, избавился от тяжелого одеяния и вырыгнул в легкий скафандр. Теперь он чувствовал себя в относительной безопасности, одновременно получил свободу передвижения. Марат несколько раз прошелся по кабине, затем уселся в кресло и вызвал компьютер.

— Исследование роботов закончено?

— Да. Детальное тестирование не обнаружило никаких различий. Они почти идентичны...

— Что значит — почти?

— Робот из секции А быстрее робота из секции С. Но эта разница незначительна. Каждый робот чем-то отличается от другого робота.

— А до аварии? Степень различия была такой же?

— Да. Я уже говорил, что не обнаружил никакой разницы в функционировании аппаратуры до и после этого события.

— Ну, тогда объясни мне, почему я вижу только секцию С и ее оснащение? Почему для меня не существует остальных секций? Почему я не вижу робота, который привел меня сюда, и почему вижу скафандр, который надел в секции С?

Марат осознал, что крик, на который он перешел, не понравится компьютеру, ударил рукой о поручень кресла и замолчал. На мгновение воцарилась тишина. Затем компьютер сказал:

— Я не могу интерпретировать твое наблюдение, оно изложено бессвязно и даже похоже на бред.

— Благодарю. Я несу околесицу, недостойную даже сумасшедшего. Однако это ничего не объясняет. Можно не сомневаться лишь в одном: эти три модуля, которые во что-то вляпались или — как ты сформулировал — выпали из космоса, для меня чем-то отличаются, только я не могу объяснить чем. Правда, этот робот и скафандр немного путают мои наблюдения...

— Если все это не является только плодом твоего воображения, то в целом твое предположение логично. С другой стороны, я не могу представить себе отличие, которое не зарегистрировали бы мои датчики. К сожалению, должен отбросить версию психического расстройства, хотя оно все легко объясняло бы. Ты по-прежнему нахо-

дишься под постоянным наблюдением терапевта, и мы ничего не обнаружили.

— погоди! — Марат наклонился вперед. — А что с курсом? Нашлись ли мы эти восемьдесят четыре секунды на курсе?

— Да. Мы прошли столько, сколько требуется. Это тоже нелогично: если мы выпали из пространства, то должны были бы войти обратно в том же самом месте. Я бессилён, — признался мозг.

Марат коротко рассмеялся. До сих пор он считал, что словарь компьютера не содержит такой формулировки. Он удобно развалился в кресле, закрыл глаза, полежал так некоторое время, затем легко вскочил:

— Проведем еще один эксперимент. Пошли робота в секцию... Какая из них лучше всего видна отсюда... неважно, хотя бы в секцию В. Только робот должен быть из секции С. Пусть немного поедит по коридору. Дай на экран общий вид модуля В.

Главный экран потемнел. Марат подождал немного, и в нижней части экрана появился робот, движущийся по какому-то невидимому для Марата мосту.

— Прикажи включить прожектор, — велел Марат.

Робот включил прожектор. Луч небольшого радиуса вел себя странно. Марат переключил камеру на ручное управление, увеличил изображение робота на экране и крикнул:

— Робот, стоп!

Робот тут же остановился, его прожектор светил почти под прямым углом в направлении Марата. Луч освещал всего лишь три метра пространства перед роботом, затем словно упирался во что-то, а дальше была темнота. Марат понял: луч света останавливается на невидимой стене — открывалось жуткое зрелище, выходящее за рамки понимания. Этот робот, уверенно передвигающийся в космической пустоте, эта стена, которая препятствовала лучу... Марат ощутил стремительно надвигающееся безумие, вот оно уже рядом. Он почувствовал, что не выдержит, сорвется и потом никогда и никому не сможет ничего объяснить. Мысль металась в поисках решения и не находила его. Тогда Марат снял шлем, подбежал к автомату и залпом выпил два стакана сока. У сока был какой-то противный вкус, Марат понял, что компьютер принялся его лечить: теперь каждая порция еды и напитка будет приправлена лекарством, кроме того, компьютер в любой момент может сделать ему инъекцию. Марат вернулся в кресло.

— Комп...ю-тер... — он зевнул. — Зачем ты меня выключишь? А, ладно... — он хотел махнуть рукой, но не смог. — Позови сюда робота.

Его глаза закрылись, и через мгновение голова мягко упала на спинку кресла. Удар на какое-то время приостановил погружение в сон. Он прошептал:

— Вызови... вызови... базу и ска...

— Алтин! Пришли ко мне капитана Марио!

Грифель дрогнул в руке и оторвался от пожирневшей линии. Не раскрывая рта, Алтин крепко выругался и взял трубку. Он быстро набрал номер третьего отдела и передал дежурному приказ полковника Саса.

Он убрал неудачную линию и опять протянул ее на экране, на этот раз ему никто не мешал, но отклонение от необходимого курса было значительным: компьютер не преминул ехидно представить ошибку в процентах. Алтин выругался еще раз и отложил свои попытки до лучших времен, затем поднялся, подошел к шкафу и взял одну из лент. Он стоял за приоткрытой дверцей с крайне деловым видом. Ему не хотелось терять теплое место в штабе и носиться по полигону, целясь из новейшего оружия во все более изощренные мишени. Поэтому приходилось изображать из себя весьма занятого человека и никто никогда не видел его сидящим без дела, хотя многие подозревали, что такое случается.

Тихо звякнул сигнал, на секунду опередив дверь. Лента в руке секретаря задрожала, шелкнул замок, и короткий отрезок тонкой пленки с идентификационными данными появился перед глазами Алтина. Он высунул голову из-за дверцы шкафа и, притворяясь слегка захваченным врасплох, принял стандартную позицию: правую руку опустил к кобуре, левую, сжатую в кулак, прижал к груди, правую ногу выставил вперед и немного в сторону. Никто не мог бы придраться, хотя он как секретарь заместителя командира базы не обязан в этой комнате отдавать честь кому-либо, кроме полковника Саса и командира базы генерала Ракоди.

То ли вид его был не слишком бравым, то ли мышцы были недостаточно напряжены — в любом случае эта его поза вводила в заблуждение всех офицеров. Капитан Марио не стал исключением. Он бросил на Алтина беглый взгляд и в сотый раз взмолился: «Дай мне, Господи, этого сына жабы и ежа: я ему устрою такую прогулку, что будет с ног падать от усталости!». Однако он притворился довольным и сказал:

— Пожалуйста, доложите обо мне полковнику.

Алтин молниеносно закрыл шкаф и сделал три шага в направлении стола, за которым обычно сидел, и только здесь, осознавая, что капи-

тан ждет, когда Сасу доложат о его прибытии, повернулся и сообщил, придав своему голосу оттенок легкого удивления:

— Вы должны войти без доклада. Вам об этом не сообщили, господин капитан?

Марио постарался, чтобы его взгляд, направленный в лоб Алтина, отбросил секретаря к стене. Одернув китель, он коротко просопел в нос и открыл дверь. Алтин направил небу короткий текст, содержание которого было прямо противоположным молитве Марио.

Полковник Сас сидел прямо, вытаращив глаза на посетителя. Он производил впечатление выключенного робота, хотя до сих пор никому не пришло в голову производить роботов с такой идиотской яйцеподобной головой, покрытой клочками волос цвета плесени на старом сыре, а также с лицом, на котором заслуживают внимания лишь глазные яблоки, почти висящие на связках. И даже не потому, что они были так вытарашены, попросту у полковника почти отсутствовал нос, а губы, тонкие и серые, он обычно втягивал внутрь. Сас, не шевелясь, принял доклад капитана Марио и, будто приведенный в действие импульсом управляющего устройства, ожил, указав подчиненному на жесткий стул.

— У нас возникла необычная проблема, — сказал он. — Возвращается наш корабль. «Лошадка», если тебе это о чем-то говорит... Компьютер представил подробный отчет, в кратком изложении он выглядит следующим образом: «Лошадка» вошла в какую-то странную область, в течение восьмидесяти четырех секунд компьютер не получал никакой информации снаружи, однако не выключался. По его утверждению, этому предшествовало какое-то странное колебание пространства вокруг корабля, и компьютер сумел отстрелить один сектор. Сектор С — полковник сжал кулак и поместил его на стол. Марио понял, что эта информация имеет особое значение. — Пилот, некий Марат Буль, в это время был обездвижен. Затем, освобожденный компьютером, потерял сознание. Очнулся в терапевтическом отсеке, и когда открыл глаза, компьютер усыпил его, так как решил, что Булю угрожает безумие. Потом пилот, не открывая глаз, перешел, сопровождаемый роботом, в секцию С, ту, которая была отстрелена, и там оказалось, что он не видит остальных трех секций!

Второй кулак лег на стол рядом с первым. Марио постарался, чтобы его лицо выражало соответствующие чувства.

— У тебя вид зайца, которого употребили вместо туалетной бумаги, — фыркнул Сас, и Марио слегка растянул губы в улыбке. Полковник требовал, чтобы подчиненные проявляли изрядную долю само-

критики и чувство юмора, то есть, не моргнув глазом, выслушивали все его оскорбления. — Попросту этот Марат перестал видеть три четверти своего корабля. В то же время он видел секцию С и все ее оборудование, понимаешь?

Сас на миг перевел дух, но Марио не успел и рта открыть, как тот продолжил:

— В конце концов, компьютер усыпил пилота, опасаясь за его расшук. Через полчаса «Лошадка» сядет на нашей базе. Не вся, а только те три секции, которых Марат не видел. Секция С нам пока не нужна, к тому же нам следует экономить топливо. Я изложил тебе эту историю вкратце, потому что ты не успеешь ознакомиться со всем рапортом компьютера, а займешься пилотом и его кораблем. Незвестно, удастся ли выковырять что-нибудь полезное, хотя бы для пропаганды, понимаешь? ПОНИМАЕШЬ? — полковник рывкнул так, что Марио подпрыгнул на стуле.

Бессознательно он сделал именно то, чего ожидал Сас. Полковник не вынес бы мысли, что его офицеры не испытывают перед ним страха. Марио вскочил и вытянулся по стойке «смирно».

— Приказ понял! Разрешите исполнять? — он прижал подбородок к груди и выдержал так ровно три секунды.

— Как же, понял! — фыркнул Сас. — Дерьмо! Но оставим это... Сейчас ты должен привезти этого Марата, найдешь его в медицинском отделе секции А. Получишь желтый пропуск, дело засекречено, подчиняешься мне и генералу Ракоди. Приступай!

Полковник Сас коснулся пальцем кнопки соединения с секретариатом, капитан Марио, выходя из кабинета, услышал приказ через интерком на столе Алтина.

— ...пропуск, бронетранспортер и четыре человека сопровождения. Немедленно.

— Слушаюсь! — бодро ответил Алтин и жестом пригласил капитана к столу.

Он набрал несколько кодов на своем компьютере, подождал появления сообщения и указал Марио на пластину датчика отпечатков пальцев. Капитан приложил сначала правую, потом левую ладонь к прохладной пластине и извлек из щели появившийся прямоугольный пропуск. Стоило ему до него дотронуться, пропуск приобрел желтый цвет.

— Плошадка? — спросил Марио.

— Секунду, — вежливо сказал Алтин и глянул на экран. — Тройка. Вас ждут.

На этот раз он не принимал своей обычной позы, а уселся за стол и нахмурил брови. Некоторое время Алтин смотрел на клавиатуру, затем ударил по клавишам. Марио повернулся и вышел. Шагая по коридору, он проклинал двоюродного брата отца, который, будучи опекуном маленького Эльта Марио, выбрал для него карьеру военного. «Парень, — говорил старый дурень, — это профессия, которая всегда будет востребована, особенно сейчас, когда у нас есть сильный враг на юге. Только в армии ты сможешь легко сделать карьеру даже без особых способностей. Ты быстро станешь самостоятельным».

Самостоятельным! Можешь делать, что хочешь — то есть выполнять приказ очень хорошо, отлично или гениально. Карьера! Чтоб тебя!..

Он дошел до середины коридора и пнул дверь лифта. Подождав секунду, Марио вошел в кабину. Он поднялся на поверхность и коридором, обозначенным мигающей тройкой, доехал до шлюза.

Он вышел на дно залитой солнцем мелкой штольни и подошел к бронетранспортеру, возле которого стояли навтыжку пятеро солдат. Один из них, правофланговый, сделал два шага вперед, и Марио, сознавая, что Сас может наблюдать за ним, выслушал доклад, затем отдал команду и сел в кабину рядом с водителем. Солдат завел двигатель, машина мягко тронулась и, легко качаясь на воздушной подушке, помчалась по пустыне на юго-запад.

Капитан наклонился над панелью компьютера и вставил в щель свой пропуск, а после идентификации потребовал копию отчета компьютера «Лошадки» и досье на пилота Марата Буля. Он внимательно прочитал отчет, бегло сравнивая числовые данные с результатами моделирования, и всунул его в щель сжигателя. Марио изучил биографию Марата, дополненную многочисленными фотографиями, взглянул на все снимки и запечатлел в памяти последние, сделанные перед самым стартом. На всякий случай он скопировал отпечатки пальцев пилота в свой служебный ноутбук, который отстегнул от ремня и подключил на несколько минут к компьютеру, а затем удалил запись в компьютере бронетранспортера и уничтожил досье. После чего удобно уселся и подтянул к себе мундштук сигареты. Мягкая тоненькая змейка выдвинулась из правой стороны передней панели, Марио подумал и выбрал самый крепкий дым. «Баржа». Он затаился и в который раз убедился, что единственная полезная вещь в его профессии — это дармовые, имеющиеся в любом возможном месте, сигареты. И гораздо более уныло подумал, что

этого все же недостаточно для полного счастья. Собственно говоря, уже после пятой или шестой затяжки удовольствие исчезало. Большинство курильщиков считало, что автомат специально запрограммирован — добавляет какую-то гадость, дабы не усугублять зависимость.

Они подлетели к первому кордону, выставленному вокруг посадочного поля. Марио прижал свой пропуск к специальному квадрату на панели. На бронетранспортере загорелась желтая лампочка передатчика. Ворота разошлись в стороны, и они въехали на дорогу, ведущую к участку полного контроля. Здесь им пришлось задержаться, пропуск Марио попал в считывающее устройство. Этого оказалось достаточно, уже без проверки они миновали третий и четвертый участки и, притормаживая, добрались до огромного бетонного гриба, точнее, его шляпки. Купол разошелся, и бронетранспортер въехал в хорошо освещенный гараж. Капитан оставил команду в машине, а сам вышел и направился к лифту, ведущему в операционный зал.

Ни в коридоре, ни перед дверью в зал никто уже не задерживал Марио. Он остановился еще на секунду и несколько раз затянулся «Баржей». На третьей затяжке Марио нажал кнопку рядом с дверью. Компьютер сравнил его отпечаток с отпечатком, сканированным ранее с пропуска, и открыл дверь.

Марио вошел в большой зал, разделенный на два десятка секций, огляделся в поисках нужной и направился туда, где увидел загоревшуюся надпись: «Лошадка». Он вошел внутрь комплекса и остановился перед экраном с картинкой посадочного поля. Оно было совершенно пустым, желтый выжженный бетон отражал солнечные лучи и заставлял шурить глаза. Марио оглядел другие экраны: действовали только два — в центре каждого светилась яркая белая точка. Он подошел к ближайшему темному монитору и включил его в сеть. Когда на экране появилась яркая точка, он нажал на увеличение и убавил яркость. Теперь четко обозначились три гигантские трубы. Каждая из трех дюз полыхала светом, через минуту он стал розовым, затем темно-красным и оставался таким уже до конца скучной операции посадки. Еще до того как из каждой трубы-секции выстрелили по три опоры, Марио покинул операционный зал и поднялся на поверхность. Он сел в бронетранспортер и принялся ждать, пока откроют ворота после снижения температуры посадочной площадки. Марио подумал, не закурить ли на этот раз сигаретку помягче, но стоило ему напомнить себе, что он даже не знает, с чего начать разговор с Маратом Булем, как его ох-

ватила злость, душившая куда круче, чем форменный круглый воротничок.

В очередной раз Марат приходил в себя. Как и в последний раз, это длилось недолго. К нему быстро вернулись ощущение собственно-го тела, контроль над собой. И память.

Он почувствовал возрастающую тяжесть тела и понял: корабль садится на какой-то планете, наверное, на родной Дугее. Он опять связан, а веки заклеены. Марат попытался ослабить путы на руках и удивился, когда они поддались. Наверное, жутко логичный компьютер решил, что Буль все равно не сможет двигаться, поэтому для сохранения хорошего психического состояния пациента позволил ему тешиться мнимой свободой. Все труднее было втягивать воздух в легкие, Марат заложил руки за голову, пролежал без движения всю посадку, собрался с силами и только после этого поднялся с койки.

Шатаясь и выставив перед собой руки, он добрался до стены, продвинулся влево и нащупал дверь. Она сразу открылась (по-видимому, компьютер в соответствии с процедурой уже отключился), и Марат вышел в коридор. Касаясь одной рукой стены, второй он попробовал содрать с век ленту. Дойдя до лифта, он нащупал кнопки, легко распознал самую большую с надписью «Поверхность» и нажал ее. Он спокойно воспринял то, что шлюз без какой-либо процедуры открылся и выпустил его наружу. Марат на мгновение остановился на пороге, сквозь закрытые веки пытаясь определить время суток, почувствовал тепло на лице и увидел слабый розовый свет. День! Марат сделал несколько шагов по пандусу.

Марио увидел открывающиеся ворота и ткнул пальцем перед собой.
— Поехали, — скомандовал он водителю.

Бронетранспортер качнулся и рванул вперед. Они выехали на ярко освещенное поле. Водитель стукнул по круглой кнопке на пульте. Стекло потемнело, и они отчетливо увидели трехсекционную «Лошадку», высокую, торчащую словно фрагмент огромного частотола, вырастающего из бетонного поля. Из-под корабля выкатились последние три машины, заливающие бетон охлаждающей смесью. Бронетранспортер подъехал на расстояние двадцати метров и по команде Марио остановился. Капитан некоторое время наблюдал за кораблем, затем нажал на клавиатуру в подлокотнике и сказал, глядя на опускающийся трап:

— Прямая связь. Один остается возле трапа, остальные за мной поднимаются на корабль. Выполняйте!

Он вытащил из кармана небольшой шарик и всунул его в ухо, затем нажал на уголок воротника рубашки. Теперь любое его слово дойдет до каждого из пяти солдат, оснащенных такими же устройствами. Бортовой компьютер автоматически выбрал свободную частоту и зарезервировал ее для связи.

— Соблюдать очередность, — приказал Марио.

Пятеро солдат перегруппировались, теперь очередной приказ будет выполняться бойцами согласно личному номеру. Солдаты подошли к трапу в тот момент, когда Марат спускался вниз. Они встретились с пилотом в центре платформы и прошли, даже не заметив его. Последний боец остановился сразу перед трапом, широко расставив ноги. Солдат стоял лицом к кораблю, готовый ко всем возможным действиям, но и он не почувствовал, как Марат сначала съездил его вытянутой рукой по физиономии, как эта рука прошла сквозь его голову, а следом за рукой весь Марат Буль, осторожно ступая, прошел через солдата и остановился за ним. Он поднял обе руки к глазам и начал срывать пленку. Марат чувствовал, что под веками появляются слезы, чувствовал, как вырывает целый пучок ресниц. Затем ощутил влагу на щеке и с удвоенной энергией принялся срывать пленку. Сначала в левый, затем в правый глаз ударил свет, но он ничего не видел, пока слезы не смыли нескольких капель крови с ободранных век.

Марат увидел, что парит в воздухе на высоте нескольких метров над какой-то синей, с белесыми полосами, плоскостью. Он зашатался и присел, жесткой рукой незримой поверхности, на которой стоял. Она была жесткой, как бетон, но не холодной и не теплой. Нейтральной. Марат почувствовал, что сейчас зарыдает. Он несколько раз покачнулся и упал на руки. Марат лежал, всматриваясь в поверхность перед собой, слезы стекали со щек и исчезали, будто впитываясь плитой, на которой он лежал. Он поднял голову и увидел солнце. Марат смотрел на него, пока слезы не смазали небо, но узнал то, что хотел: это был Салар, значит, он находится на Дугее. Он поднялся и попытался вернуться на корабль, но не мог решиться сделать двух шагов над пропастью в несколько метров. Марат пошатнулся и, прежде чем сообразил, что должен закрыть глаза, утратил ориентацию. Он рванул вслепую. Марат понял, что потерял «Лошадку», но тело уже не подчинялось ему. Он бежал несколько минут, пока не достиг бункера, в котором находились автомобили, обслуживающие посадочное поле. Марат прошел сквозь них столь же легко, как и сквозь Марио и его солдат, и побежал дальше. Все время по невидимой плоскости, которая даже не отражала солнце, не прогибалась под ним и была идеально

ровной. Наконец он достиг края посадочного поля и внезапно свалился куда-то вниз. На мгновение его обрадовала эта трещина, но тут же он ударился лицом о подобную поверхность двумя метрами ниже — и потерял сознание. Надежда не покинула его по одной лишь причине: не успела.

Капитан Эльт Марио со своим отрядом ступил на корабль. Он прищурил глаза, когда в коридоре загорелись огни, и направился к лифту.

— Один на выходе, — приказал Марио.

Последний боец остановился сразу за шлюзом, остальные трое вошли в лифт и поднялись на седьмой этаж, где находился медицинский отсек.

— Один возле двери, — скомандовал Марио, не останавливаясь. Он чувствовал себя глупо, черт знает зачем так разбрасываясь подчиненными, поэтому отдавал приказы резким, сухим тоном.

Капитан вошел в рубку и остановился. В помещении никого не было.

Он оглянулся и обратился к солдатам.

— Где-то здесь должен быть тип по фамилии Буль. Марат Буль. Возможно, он свихнулся. Быстро найти и, если будет оказывать сопротивление, обезвредить. Взять в целости и сохранности.

Отдав распоряжение солдатам, он уселся на диван. Стал размышлять, что означает эта игра в прятки с Маратом. Покинуть «Лошадку» он не мог, трап с момента отделения от корпуса находился под наблюдением, значит, Буль где-то на корабле. Вероятно, он совсем слетел с катушек. Марио поднялся, чтобы найти в стене передаточный блок с сигаретами, и только после безуспешных поисков вспомнил, что курить на кораблях запрещено. Капитан вышел в коридор и вдруг понял, что нужно было сделать в первую очередь.

— Компьютер! — позвал он.

Не было даже эха. В тот же момент он вспомнил, что компьютер во время посадки всегда выключается дистанционно.

— Первый! — рявкнул он, злясь на собственную глупость.

— Первый докладывает, — прозвучало в наушнике.

— Связаться с командным пунктом. Пусть включают бортовой компьютер. Окружить аэродром. Исчез Марат Буль, пилот «Лошадки». Никого не впускать на посадочное поле. Стрелять в каждого, кто движется. Конец.

Марио пошарил в кармане, но не нашел таблетки стеридина. В бес-

сили он заскрежетал зубами. Над головой раздался тихий свист, завершившийся двумя пульсирующими звуками.

— Компьютер, — спокойно позвал капитан. Он не собирался терять лицо, бегая по кораблю и ругаясь на бездушную цифровую машину. Если даже Марио совершил ошибку, то должен доказать, что она не была результатом плохой выучки.

— Слушаю, — вежливо отозвался компьютер.

— Последние действия Марата Буля, подробно.

— Когда мы вошли в плотные слои атмосферы, я в соответствии со стандартной программой привел пилота в сознание. Такова процедура, — объяснил компьютер. — Затем, когда Марат Буль очнулся, я освободил его от ремней — пилот должен быть в состоянии маневрировать кораблем.

— Но ведь Марат не видел трех секций? Именно тех, которые и должны совершить маневр.

— Да, но такова процедура — пилот должен быть готов управлять кораблем во время посадки.

— Черт бы тебя побрал с твоей логикой, — воскликнул Марио. — И что дальше?

— Когда опоры коснулись поверхности, пилот поднялся с кресла и сделал шаг в направлении стены. Потом меня выключили, действовали только самые простые стандартные цепи.

— Где сейчас Марат? В каком помещении?

Ответ прозвучал немедленно:

— Пилота на корабле нет.

Марио почувствовал, что стоит с открытым ртом, хотя и дышит через нос. Опомнившись, он подобрал челюсть.

— Последние следы Марата! В инфракрасном свете, быстро!

— Они заканчиваются на трапе. На посадочном поле слишком высокая температура.

— На трапе? Марат Буль покинул корабль? — Марио дернул воротник, к счастью, сзади он держался на резинке. Это спасало от удушья именно в такие моменты.

— Несомненно, — бесстрастно констатировал компьютер.

Заявление прозвучало как смертный приговор. Капитан Марио понял это сразу.

Марат очнулся, осознав, что лежит на спине. Глаза слепил свет Салара. Он зажмурился.

«Я болен. Точно. Не вижу корабля, на котором лечу, не вижу зем-

ли, по которой хожу. Отчетливо наблюдаю Салар. Могу увидеть свой комбинезон, но не скафандр. Один робот оказался невидимкой, второго я разглядывал как собственную руку. К черту! Я не болен! Нет такой болезни, чтобы бред и явь путались с подобной последовательностью! Я видел секцию С и все ее оборудование... потому что не вляпался в то дерьмо, куда влезла остальная часть «Лошадки». Так и есть! Это корабль болен, а не я. Ха-ха! А Дугея? Дугея тоже больна невидимостью. Это проще простого — все вокруг больны, а тип, который поставил диагноз — нет! Вот только что делать?»

Марат поднял руку вверх и посмотрел на ладонь, но сразу сообразил: что-то не так. Он опустил руку и огляделся. В яме стало значительно темнее. Салар опустился ниже, и его закрыл край ямы. Еще один курьез. Прозрачная поверхность в некоторых ситуациях не пропускает солнечные лучи. Марат вспомнил, что когда шел, а потом бежал по этой поверхности, то не видел своей тени. Он взглянул на часы: шесть тридцать четыре. То есть все в порядке, Салар — в порядке.

— По крайней мере, одна вещь не подвела. Все остальное полетело к черту, — громко произнес он, прислушался к звучанию своего голоса и вдруг, набрав воздуха в легкие, закричал: — К черту! Все! Хей-ей! Хо! — он поочередно внимательно прислушивался и орал изо всех сил.

Голос был звучным, сочным — таким, каким должен быть. Яма не глушила его, даже давала небольшое эхо. Лежа, Марат достал ряд небольших кубиков, вклеенных в комбинезон, и нашел те, в которые для перестраховки приказал положить несколько капсул с формитом. Он нащупал небольшой выступ в шве и сильно дернул его. Материал разорвался, Марат пошарил в тесном кармане и вытащил один из трех валиков. Затем он старательно заклеил карман и сунул капсулу в рот. Его инструктировали, что нет такой галлюцинации, с которой не справился бы формит. Старые пилоты говаривали: если после приема формита увидишь дьявола, то это наверняка будет означать, что дьявол существует. Он проглотил капсулу и лег, подложив руки под голову. Марат смотрел на все еще светлое небо и старался ни о чем не размышлять, так как считал недостойным предаваться воспоминаниям об этой идиотской ситуации, а о последних событиях он не мог думать без содрогания. На минуту он закрыл глаза, чувствуя, что погружается в сон, но почти сразу открыл их. Ничего не изменилось: перед собой он видел темнеющую стену ямы, чуть выше, за ее краем, блестел Салар, а сам он висел в трех или трех с половиной метрах над плит-

ками из серо-синей глины. Он резко перевернулся на живот, на этот раз свое парение в воздухе он воспринял совершенно спокойно, сумел даже заметить под собой иной, переходящий в апельсиновый, цвет, вероятно, расплавленного грунта. Марат оттолкнулся от поверхности, уселся и проверил содержимое карманов. Восемь концентратов, две капсулы формита, шесть таблеток для опреснения и дезинфекции воды, небольшой фонарик в тонкой, но чертовски прочной оплетке, а под мышкой узкий плоский нож.

Он почувствовал себя настолько хорошо, что поднялся и направился к темному откосу, ведущему наверх. Откос был гладким, без выступов, но подошвы ботинок прекрасно держали на шероховатой поверхности, и он без труда преодолел подъем.

Наверху он огляделся. Салар висел низко над горизонтом, но слой почвы, или что это там было под поверхностью, оказался хорошо освещен, намного лучше, чем его освещало бы солнце Дугеи. Марат покачал головой, притворяясь удивленным этой очередной аномалией, и направился в ту сторону, откуда, как ему казалось, он прибежал. Через четверть часа он подошел очень близко к тому месту, где несколько секунд назад стояла «Лошадка». По приказу Северного штаба она стартовала, чтобы перелететь на полигон в горах Сейера. Северный штаб считал, что там будет легче под видом обычного осмотра провести сверхтщательное исследование корабля. Марат свободно шел сквозь облако бущующего под дюзами пламени.

— Я собираюсь отправить тебя в лапы полевого суда, — эту фразу полковник Сас произнес с явным удовольствием. Марио не сомневался в совершенной искренности такого заявления. — Ты выпустил с корабля пилота, поступки которого нам непонятны. А ты знаешь, что означает, если мы не понимаем чьих-то поступков? То, что этот человек что-то от нас скрывает! — Сас наклонился над пультом. Теперь брызги слюны долетали даже до Эльта. Марио сжал зубы и вскочил с кресла.

— Чихать я на это хотел! — выкрикнул он. — Этот пилот не выходил привычным путем. У меня есть пять свидетелей и еще черт знает сколько в диспетчерской! А ты, старая бездарь, — он направил дрожащий палец на Саса, — просто хочешь прикрыть свою задницу! Хотя раз будь мужчиной и признай, что все твои дерьмовые планы служат не Федерации, а собственным интересам, иначе я потеряю веру в нашу армию!

Он махнул рукой и сел обратно в кресло, уставившись в пол, но вдруг поднял взгляд и посмотрел прямо в глаза Сасу. Марио хотел по-

лучить удовольствие от остолбенелого вида полковника, однако был разочарован: Сас не вытаращил глаза. Сас явно наслаждался взрывом, который спровоцировал. Он еще ниже наклонился над пультом и открыл рот. В правом уголке тонкая ниточка слюны соединяла нижнюю и верхнюю губы.

— Ты будешь жить ровно столько, сколько понадобится для выяснения обстоятельств. Потом добровольно перейдешь в корпус Коцца. А там тебя взгреют так, что ты воспользуешься первым же случаем, чтобы вернуться к папочке с мамочкой. Им тоже у нас не нравилось, правда? — полковник зловеще посмотрел на Эльта.

Капитан поднялся и вышел из кабинета, не прощаясь, быстро пересек секретариат, однако дверь не открылась. Эльт обернулся и посмотрел на Алтина. На этот раз в глазах секретаря появилось искреннее непонимание, он некоторое время смотрел на Марио, а затем перевел взгляд на дверь кабинета Саса. Эльт фыркнул и уселся в кресло рядом с дверью. В тот же момент ожил громкоговоритель на пульте Алтина.

— Алтин! Капитан Марио находится под служебным арестом. Забрать оружие и пропуск. Надеть наручники!

Марио поднялся, вынул из кармана пропуск, который иронично загорелся желтым сочным цветом, бросил его на пульт перед Алтином, отстегнул кобур с личным лазером и накрыл ею пропуск, затем протянул руки Алтину. Секретарь выдвинул ящик в самом низу пульта, вынул из футляра наручники, приложил их к пластине, на которой недавно проверял пропуск Эльта, и надел на запястья капитана. Тихо щелкнул замок, плоский циферблат, почти касающийся фаланг пальцев, загорелся ядовитым красным светом.

Алтин подошел к двери и нажал кнопку. Когда Марио проходил мимо, он вытянулся в струнку, и на этот раз Марио не обнаружил в его позе ничего, что можно было бы истолковать как дурость избалованного лакея.

После часового перехода Марат Буль обнаружил, что почва отличается от поверхности посадочного поля. Стали встречаться впадины, в некоторые он падал, другие были более пологими. Ему удалось спускаться в них, сохраняя равновесие, хотя один раз в самом центре ямы он наткнулся на какую-то ветку и больно ударился коленом правой и голенью левой ноги. Поверхность была почти темной, Салар опустился за горизонт, но багровое зарево все еще горело; в то же время нижний слой пока оставался светлым, хотя Марату казалось, что теперь свет падал на него под другим углом. Сейчас освещались все щели и

трещины в нижнем слое, а он был уверен, что после посадки некоторые шели находились в тени.

Он уселся на какой-то невидимый камень, о который споткнулся и через который перекувырнулся, чуть не разбив нос. Марат уже не задумывался о происхождении этих невидимых препятствий, он решил сначала найти людей, а потом воду и еду. Именно в такой последовательности.

Мысль Марата металась в поисках способа, который позволил бы избежать падений и ударов: он опасался, что невзначай сломает или подвернет ногу, а концентраторов надолго не хватит. Он еще раз проверил запасы. Сначала — фонарик. Марат обрадовался, увидев, что невидимые впадины и холмики отбрасывают довольно отчетливые тени, поэтому он мог идти почти нормальным шагом. Однако радость исчезла, когда он обнаружил, что заряда хватит только на два часа. Это был аварийный, совсем маленький фонарик. Потом Марат развернул шестиметровую бечевку, привязал к одному концу нож в ножнах и бросил его вперед. Бечевка упала на нижний слой, превосходно очерчивая его контур. По правде говоря, шесть метров — это всего восемь-девять шагов, зато издыхающий фонарик можно приберечь на будущее.

Марат подумал еще секунду, взвешивая не перекусить ли, но счел, что чувствует себя достаточно бодро, чтобы сэкономить концентрат. Он поднялся и двинулся вперед. Марат сделал пятьдесят четыре таких броска и прошел пятьдесят четыре отрезка, избежав нескольких дыр и щелей, прежде чем осознал: он мог бы и раньше ориентироваться по теням невидимых валунов, когда светил Салар. Ладно, он поступит так следующим утром. В конце концов, этот промах не слишком расстроил его. Марат решил, что после всего произошедшего имеет полное право быть нерасторопным. Без остановок, усердно бросая и поднимая нож, он двигался к горизонту, туда, где час назад исчез Салар.

Марио в очередной раз пересек свою комнату — от небольшого монитора, встроенного в стену, до двери. Полное бездействие терзало его, хотя еще недавно он не поверил бы, что его огорчит возможность повалить дурака. Его не беспокоили ни арест, ни перспектива службы в штрафном корпусе Коцца. Его интриговало — чему он сам удивлялся — дело Марата Буля и его «Лошадки», а также, разумеется, таинственное исчезновение пилота с борта корабля. Пока он придерживался гипотезы, которая основывалась на аварии компьютера, хотя и понимал: это самое легкое объяснение. Однако в настоящий момент у не-

го не было доступа к данным, которые, наверное, уже начали поступать к ублюдку Сасу, поэтому он, как мог, напрягал извилины. Капитан трезво оценивал эффективность такой умственной гимнастики, однако предпочитал думать о загадке Марата Буля, нежели о словах Саса. Он не желал возвращаться к делу внезапной смерти своих родителей, которая решающим образом повлияла на его судьбу и случайность которой Сас сегодня поставил под сомнение.

Полковник Сас положил на стол генерала Ракоди листок, содержащий краткое изложение дела под шифром «Сапфир». Генерал постукал пальцем по листку и вздохнул:

— Что это такое?

— Мы вляпались в настоящее дерьмо, Моккасари. Какой-то вшивый корабль или его пилот — точно еще не известно — сошли с ума. Пилот перестал видеть часть корабля, по крайней мере, так он сообщил компьютеру. Ясно одно: после какого-то происшествия в космосе пилот все время терял сознание, стоило ему открыть глаза. По-видимому, он действительно что-то видел. Специалисты утверждают: если бы он перестал видеть корабль и обнаружил себя в космосе, то имел бы полное право лишиться чувств. Потом оказалось, что один из модулей для него выглядит вполне привычно. В конце концов компьютер усыпил пилота и притащил к нам. Корабль совершил посадку, а пилот исчез: он сошел по трапу как раз в тот момент, когда на борт поднимался капитан с четырьмя солдатами.

— Ну и что? — Моккасари Ракоди закрыл глаза и пустил дым из трубки.

Казалось, его мало заинтересовал данный случай, но полковник прекрасно знал, что это не так, и реакция генерала встревожила Саса.

— Думаю, это может оказаться полезным для нас, хотя еще не знаю, каким образом. Полезным Федерации и нам — командующим группы Дракона! Либо способ повреждения вражеского компьютера, после чего он начнет творить нечто невообразимое, либо невидимый тип, который сможет спокойно шататься по базам Союза.

— Когда ты последний раз обследовался?

Генерал медленно открыл глаза и поглядел на Саса. Несомненно, это была шутка, но полковник ощутил острые холодные уколы по всей поверхности широкой, как скамейка, шеи. Он счел этот вопрос риторическим.

— Ты можешь себе представить, как я докладываю федеральному штабу о наличии невидимого агента? — добавил генерал.

— А если этот агент докажет свое присутствие? — быстро ответил Сас.

— Вот тогда и будешь морочить мне голову. Займись этим. А пока у меня хватает других проблем... — генерал опустил трубку. — А что с этим капитаном? — внезапно вернулся он к теме.

— Скорее всего, парень говорит правду. Он и вся команда прошли проверку на детекторе лжи. Во всяком случае, они уверены, что никого не видели. Версию с гипнозом можно не принимать в расчет, большая часть обслуживающего персонала наблюдала за посадкой с помощью камер. Это было бы слишком просто...

— Ладно. На всякий случай держи всё под контролем. Вернемся к более серьезной проблеме. Так вот... — генерал вздохнул, положил руку на небольшой пульт и коснулся пальцем одной из клавиш. Помещение наполнил тонкий вибрирующий звук, через мгновение к нему добавился низкий гул. Сас сидел неподвижно, но в его голове мелькнула мысль, что последний раз Ракоди включал мощный глушитель два года назад, когда они обсуждали план удаления из федерального штаба генерала Спорси и замены его генеральским приятелем. Он лениво пошевелился, опершись локтями о стол. Их головы находились на расстоянии не более тридцати сантиметров одна от другой.

Блестящая поверхность под ногами давно потемнела, но это не мешало движению — нижний слой под поверхностью все еще был освещен, хотя теперь уже не подлежало сомнению: источник света, как и Салар, перемещается. Сейчас небольшие неровности отбрасывали четкую тень с той же стороны, что и солнце Дугеи, а многочисленные, толщиной с палец, щели черными змейками ползли во все стороны и заканчивались тоненькими волосками. Бечевка резко выделялась на фоне этой светлой плоскости. Но после четырех часов ходьбы становилось все труднее наклоняться и поднимать нож для очередного броска. Марат попытался подтягивать бечевку, не нагибаясь, но это замедляло темп движения. Начали ныть мышцы спины, досаждало раненое колено и слегка подвернутая лодыжка. Болела разбитая во время падения на посадочном поле голова, хотелось пить, а голод острыми клыками разрывал желудок. Все вместе.

Брошенный в очередной раз нож стукнулся о какой-то камень и со звоном отскочил. Марат дотащился до валуна и, не поднимая ножа, опустился на колени. Некоторое время он ошупывал камень в поисках удобной опоры, наконец уселся, обнаружив в меру гладкий фрагмент для спины. Он осторожно положил голову на невидимый валун и закрыл глаза.

Марат почувствовал, что формит перестал действовать, мысли, постоянно вращаясь вокруг одной темы, стали липкими, желеобразными. Он постарался сосредоточиться, но не мог избавиться от настойчиво возвращающегося убеждения, что он единственный человек, а значит — единственное живое существо в этом жутком двухслойном мире. Сразу после этой мысли появился вопрос: что дальше? Медленная смерть, высохшая мумия на поверхности невидимого покрытия, сухой труп мухи на стекле. Он открыл глаза и повернул голову так, чтобы нож оказался в поле зрения, протянул руку, нашел конец бечевки и медленно потянул его. Нож послушно дрогнул и пододвинулся. Марат несколько раз перебрал руками, пока ножны не легли в ладонь. Он взвесил нож в руке, вынул его из ножен и осмотрел лезвие, затем коснулся острия пальцем, нажал сильнее, оглядел кончик пальца, украшенный маленьким рубином, и вытер палец о комбинезон. Может быть, он спит? Марат сжал пальцы на рукояти ножа, будто это движение могло вытащить его на поверхность реальности. Сердце выполнило несколько спазматических, булькающих, похожих на всхлипы, судорожных пульсаций. Ладно, а формит? Он хлопнул ладонью по лбу — если ему снится, что он принимает формит, то как препарат может прервать сон? Марат прикусил губу, быстро поднял левую руку на высоту груди и несколько раз, четыре или пять, ткнул ножом в предплечье. Он почувствовал боль, увидел несколько капель крови, вытекших из ран. Его охватило отчаяние, ведь боль должна была вырвать его из сна, разве что, как в случае с формитом, ему только снится, что он уколол себя ножом. Он опять закрыл глаза и попытался обратиться к своему тренированному и безотказному до сей поры организму. После многократных команд прервать сон в голове зашумело...

Итак, сон можно отбросить. Безумие он тоже отверг. Оставалось... Ничего. Он приказал себе не плакать, чтобы не тратить напрасно жидкость, и это ему удалось. Затем возникла еще одна мысль: не тратить влагу, не тратить силы, не тратить время! Приложить нож острием к груди и упасть на землю, которой нет. Марат взял нож за острие и выполнил несколько быстрых маятниковых движений, будто готовясь к броску.

— Не думаю, что этот пилот представляет такую великую ценность. Мы просто не успеем применить какое-либо из этих чудодейственных видов оружия, — Ракоди держался настолько спокойно, что у Саса возникло впечатление, будто лишь сверхчеловеческое усилие и жела-

ние продемонстрировать свою стойкость удерживают генерала от того, чтобы не проорать эти слова во всю глотку.

Эта фраза имела огромный вес, Сас и несколько тысяч офицеров ждали ее несколько поколений, с момента разделения когда-то единого общества Дугеи. Лицо полковника не выражало никаких эмоций, но недовольный взгляд генерала напомнил ему, что Ракоди ожидает более живой реакции. Сас должен был отчетливо выразить преданность и рвение, однако не утрированно, а с достоинством. Сас чуть шире открыл глаза и проглотил слюну с минимальным всхлипом. Он увидел одобрение в глазах Ракоди и незаметно вздохнул.

— Через два-три дня совещание генерального штаба Федерации, в расширенном составе, — тихо сообщил Ракоди. — Будет принято некоторое решение принципиального значения, — теперь он выдохнул эти несколько слов, но Сас и так читал их из уст генерала, понимал всё, слышал всё так выразительно, что у него возникли подозрения, не воспринимает ли он мысли, а не слова.

Генерал Ракоди откинулся на спинку кресла, демонстрируя окончание откровения, а может быть, давая Сасу время осознать его. Полковник подождал секунду и изобразил напряженную работу мозга. На некоторое время воцарилась тишина.

Полотенце воняло, и даже не препаратом, используемым для чистки унитазов, а парашей. Терек Каломер убрал его от лица, втянул носом воздух и опять погрузил лицо в полотенце. Затем смял его и бросил в угол.

Он вышел из ванной, понимая, что настроение испорчено на весь день, спустился вниз и заглянул на кухню.

— Жабель, давай перестанем покупать этот чертов порошок на военных распродажах. Меня от него тошнит.

Жабель пожала плечами и продолжала размешивать что-то ложкой на сковородке.

— Я всегда считала, что это дерьмо. Но ты его покупал.

— Может, ты не знаешь почему? Ведь не из любви к армии! У тебя есть деньги на приличный порошок? И ты об этом прекрасно знаешь, но любишь язвить в любой момент и по любому поводу. Тебе надо было пойти служить вместо меня. Ты бы прекрасно муштровала солдат. И я бы этим пользовался. Разрядись ты на батальоне бедолаг, то, может, стала бы добрее ко мне, черт побери!

Он повернулся и вышел из кухни. Как всегда, не было удовлетворения от победы в дискуссии с женой. Терек уже давно понял: он ни-

когда не испытает этого чувства, ведь Жабель не знала понятия «честная игра». Когда кончались аргументы, она просто говорила «Ну и что?» или нечто в этом духе. Или переставала его слышать.

Он вошел в столовую и поздоровался с шурином. Фальт вскочил с дивана и протянул руку. Тереку он нравился: единственный порядочный тип во всей этой расплодившейся семейке. Хороший парень, только недотепа. Самая захудалая задница во всей Федерации могла бы пятьдесят раз облапошить его, а он бы даже не заметил.

Они уселись в кресла у стены и одновременно посмотрели на торчащий из нее мундштук сигареты. Терек улыбнулся, увидев вожделенный взгляд Фальта.

— Потяни первый. Я в любом случае могу через полчаса дернуть на базе.

Фальт протянул руку и ухватил мундштук. Он присосался к нему и крепко затянулся, задержал на некоторое время дым в легких и выпустил его длинной узкой струей.

— Жаль, что нельзя вдоволь... — сказал он, протянув мундштук Тереку, с благодарностью принял небрежное движение руки зятя и затянулся второй раз. — С другой стороны, это хорошо, иначе я накурился бы до смерти.

— Значит, все в порядке? — Терек протянул руку и взял сигарету, он тоже хотел затянуться, прежде чем пойдет дерьмо. Он успел: дым все еще обладал ароматом. Терек отдал мундштук Фальту и подошел к окну.

Услышав кашель шурина, Терек обернулся. Фальт разгонял рукой завесу перед лицом, а затем, исполненный веры в чудо, потянул еще раз, выпустил дым изо рта, даже не затягиваясь, с сожалением поставил мундштук в гнездо и поднялся.

— Как твоя новая работа? — спросил Терек.

— Отлично, — оптимистично кивнул Фальт. — Там служат типы с головами, вот такими! — он очертил руками в воздухе квадрат со стороной не менее полуметра. — Вот, например, пришел к нам клиент в прошлом месяце. Строительный подрядчик. Он хотел построить гостиницу, у него было подходящее место, которое ему досталось почти даром, радовался, что недалеко от центра и так дешево. Но оказалось, что это место находится слишком близко к больнице, и помощник мэра по вопросам медицины уперся рогом. Вот он к нам и обратился. А мы что? — Фальт поднял палец, подчеркивая напряженность момента. — Мы соображаем. Четыре дня. Потом разведка, тоже четыре дня. Потом действуем, и неделю назад этот тип получа-

ет место под строительство. А знаешь, каким способом? Никогда в жизни не отгадаешь! — он хлопнул в ладоши и радостно потер ими. — Так вот, один чиновник в мэрии получил несколько тысяч и соответствующие инструкции. Он в подходящий момент подошел к помощнику мэра и шепнул ему, что мэр-де получил свое и теперь задал помощнику за то, что тот выделяется по поводу этой гостиницы. Понимаешь? И помощник быстренько подписал разрешение. А сегодня там уже готов котлован. И клиенту стоило это меньше, чем взятка помощнику или мэру, и нам капнуло, и у города есть гостиница. Правда, отлично?

— Да! Действительно, ловко, — Терек хотел что-то сказать, но вошла Жабель, и оба погрузнели.

Во время завтрака никто не проронил ни слова, Жабель уставилась в телевизор, мужчины запихивали в себя сочные куски мяса с соусом «либоретт».

Сразу после завтрака Терек поднялся, взял из сейфа оружие, а из шкафа — фуражку и ремень. Он оделся, посмотрелся в зеркало и заглянул в столовую. Фальт постукивал пальцами о стол, Жабель смотрела в пространство.

— Пока, Фальт! Я уже бегу.

На прощание послушал визг жены, которая умоляла брата не барабанить по столу, и вышел. Он вывел из гаража служебную машину, опустил мягкий верх и выехал на улицу.

Улица пустовала, большинство людей отправлялось на работу раньше, Терек обычно тоже, но сегодня он дежурил на холме номер семь, а туда мог добраться всего за двадцать пять минут. Он выехал за город и прибавил газ; на паршивом шоссе никого не было, а у него стоял двигатель мощностью восемьдесят лошадиных сил. Это радовало. Этим следовало воспользоваться и нарадоваться про запас. Терек так и поступил.

Хронометр разбудил Марата в шесть часов. Салар поднялся над горизонтом, а то, что освещало второй слой, еще не поднялось или не было включено, во всяком случае, тот слой был совершенно темным. Хотя Марат уже привык к промежутку между слоями, его обрадовала перспектива путешествия в подобных условиях. Он быстро выпил остаток уже теплой жидкости и свернул бечевку. Лучи Салара отбрасывали тень, но Марат не задумывался над этим явлением, он просто пошел вперед.

Через полчаса Марат увидел тень, пересекающую пройденный им

путь. Он быстро повернул и через двадцать минут вскарабкался на шоссе. Шоссе! Довольно широкая полоса гладкой поверхности, отбрасывающая четкую тень с правой стороны. Теперь он мог даже бежать, мог пойти в одну или в другую сторону и был уверен: куда бы он ни пошел, всегда доберется до людей. В конце шоссе всегда есть люди. Не задумываясь, Марат двинулся в том направлении, которое выбрал в первый момент. Он шел быстро, но не форсировал темп, следовало принять во внимание возможность ошибки и необходимость возвращения. Марат испытывал нарастающую радость и надежду на спасение, оба эти чувства как-то глупо прилипли к гортани. «Без умиления», — сказал он себе и обернулся.

Далеко сзади появилась быстро приближающаяся точка. Через мгновение Марат увидел военного, сидящего в воздухе, приблизительно в метре над землей, с ногами, вытянутыми вперед, и руками, слегка согнутыми в локтях и тоже направленными вперед. Военный мчался со скоростью более ста километров в час.

Терек увидел точку на шоссе за четыре километра перед постом. Человек. Он нахмурил брови и передвинул кобуру с лазером под руку. Незнакомый, одетый в матовый комбинезон, стоял и ждал его. Терек подъехал, затормозил за десять метров до незнакомца и внимательно оглядел его.

У парня не было оружия, если не считать ножа за поясом, но не похуже, чтобы он хотел им воспользоваться. Он таранился покрасневшими глазами на Терека и молчал. Может, это шпион Союза, подумал Терек и положил ладонь на рукоятку лазера.

— Что ты здесь делаешь? — он хотел добавить «на военной территории», но в последний момент прикусил язык.

Чужой странно всхлипнул и качнулся в сторону Терека. Парень успел сделать два шага, прежде чем увидел треугольное дуло, направленное ему прямо в лоб. Незнакомец остановился и что-то прохрипел.

— Громче! Ты знаешь этот язык? — Терек на всякий случай демонстративно передвинул фиксатор в положение «Луч».

— Я пилот гиперсветового фрегата «Лошадка». Марат Буль, сержант. У меня произошла авария... какое-то возмущение в пространстве, и теперь я не знаю, где я...

Чужой едва держался на ногах. Союз, наверное, мог себе позволить иметь хороших агентов, обученных убедительно демонстрировать крайнюю степень истощения. Терек задумался. В его автомобиле не было радиопередатчика, не тот чин. Он не мог, разумеется, оставить

этого типа на шоссе, но не мог также взять его в машину. «Черт бы его побрал», — подумал он.

— Продолжай. Я с удовольствием послушаю, — сказал он, желая выиграть некоторое время.

— Послушай! Я не вижу Дугеи. Знаю, что ты мне не поверишь, я бы и сам не поверил. Я хожу по какой-то плоскости, будто из стекла, не вижу местности, по которой передвигаюсь. Не вижу людей, птиц, животных, домов, самолетов. Ничего! Я уж было подумал, что на нас напал Союз и мы уничтожены! — чужой начал кричать фальцетом, его голос дрогнул и надломился.

— За такие слова я должен тебя расстрелять! — Терек обрадовался. Он точно знал, как реагировать на последнюю фразу, но остальное было настолько лишено смысла, что агент, наверное, и впрямь сошел с ума.

Конечно, Терек не собирался стрелять в чужого, тем более, что тот был старше по званию, черт его знает, может, он говорит правду. Может, у него действительно произошла авария и в голове все перемешалось? Но что же делать? С одной стороны — шанс получить награду, с другой... а если этот тип совсем слетит с катушек?

— Так! Коли ты пилот, то «гаррет» легко сможешь вести, не так ли? — агент открыл рот, но Терек решил прекратить беседу. — Давай иди за руль. А я сяду сзади и приставлю тебе дуло к шее, поэтому не пытайся выкинуть какой-либо фортель, ясно?

Агент как-то странно задрожал, его левое колено выпрыгнуло вперед, правая нога подогнулась, и он почти рухнул на шоссе. Терек в последний момент удержался, чтобы не всадить в незнакомца луч.

— Садись! — рывкнул Каломер.

— Не могу... — простонал агент. — Я не вижу никакой машины... — из его горла вырвался странный хрип.

Терек быстро отвел дуло в сторону и нажал на спуск. Луч ударил в край шоссе: асфальт закипел, повалил черный зловонный дым. Агент начал приближаться к машине Терека. Каломер медленно, не выпуская незнакомца из-под прицела, залез на сиденье.

— Давай-давай. Садись — и вперед. Без фокусов, иначе увидишь свои мозги.

Чужой подошел ближе, неуверенно протянул руку в направлении двери автомобиля. Он сделал это идеально, как настоящий слепец. Протянул руку еще дальше, и его ладонь прошла через укрепленный лист корпуса «гаррета». Терек открыл рот и пискнул. Лазер выпал из его руки и ударился о пол, каким-то чудом не отрезав Тереку обе ноги. Каломер подавился, но сознание его оставалось удивительно яс-

ным, и он превосходно видел, как чужой с каким-то странным истеричным смехом входит в его автомобиль, словно весло в воду, пересекает грудью руль и останавливается между сиденьями. Он частично выростал из капота, а частично, от промежуности, из сидений. У него было лицо сумасшедшего, искривленное жуткой гримасой, блестели зубы за серыми потрескавшимися губами. Из уголка верхней губы сочилась кровь.

Призрак поднял руку, но вместо того, чтобы притянуть Терека и разом высосать из него все пять литров крови, шлепнул его ладонью по лицу. Удар был сильный, солнце плеснуло Тереку в глаза, и некоторое время он не видел ничего, кроме красных кругов, будто долгое время смотрел на Салар без очков. Когда круги побледнели, Терек подумал, что предпочел бы смотреть на Салар, а не в глаза монстра.

— Пойми, я на самом деле пережил катастрофу, — сказал упырь. Постарайся хоть немного подумать. Ситуация кошмарная, но что-то мы сможем выяснить только в том случае, если сохраним хладнокровие. Я уже несколько дней переживаю этот ужас, можешь мне поверить. Я вижу то, чего не существует, и не вижу того, что есть на самом деле. Это совершенно бессмысленно. Сейчас я наблюдаю, как ты паришь в воздухе... Подумай, ведь такой фокус невозможен — мужчина сделал три шага назад и через капот вышел на шоссе. По мере продвижения у него выростали ноги, которые закончились ботинками. Каломер наклонился и поднял лазер, сжав его в руке. Если это упырь, то его и так ничто не возьмет, а если шпион, то его можно доставить и по частям. Награду он все равно получит.

— Марио, я освобождаю тебя из-под ареста. Исполнение наказания откладывается.

Эльт стоял неподвижно, согласно уставу.

Он уперся взглядом в лоб Саса и, чтобы не терять времени, представлял себе разного вида дырки на этой обширной территории. Сас вздохнул и сделал перерыв, чтобы дать Марио время на проявление чувств. Выждав несколько секунд, полковник продолжил:

— Ты и дальше ведешь это дело. Криптоним «Сапфир». Получаешь наивысший приоритет. Я надеюсь, ты сможешь использовать его с толком и вскоре доложишь о конкретных результатах. Отправляйся за пропуском, — выпученные глаза слегка дрогнули, и капитан понял, что это означает конец разговора.

Он поднял левую руку к уху, выполнил поворот и покинул кабинет полковника. Второй раз за сутки он получал у Алтина пропуск и ору-

жие. Марио вышел в коридор и, немного подумав, решил вначале ознакомиться с результатами исследования трех секций «Лошадки». Он нашел пустой оперативный кабинет и заблокировал двери. Усевшись перед монитором компьютера, он вставил пропуск в щель над клавиатурой, включил микрофон и произнес криптоним. На экране появился список данных, более или менее связанных с операцией «Сапфир». Там была полная информация о фрегатах класса «Пеллюр», биография Марата Буля с подробностями, которые удивили бы его самого, рапорт бортового компьютера и свежие данные с полигона в горах Сейера. Марио решил начать именно с них:

— Вывести на экран данные корабля, которые отличаются от стандартных.

Он добросовестно изучил всю информацию, хотя существенные различия касались исключительно тех параметров, которые должны были измениться во время полета — количества топлива, воды, кислорода, продуктов. Несколько потерянных инструментов. Несколько использованных комбинезонов. Отсутствие одного комбинезона — хоть что-то полезное. Капитан тут же связался с дежурным и передал на его монитор изображение Марата, одетого в комбинезон. Он приказал начать поиски пилота, не выполнившего карантинные формальности после посадки. Сделав это, Марио отключился.

Марио подошел к стене с сигаретой и крепко затянулся. Он забыл о Сасе, наручниках, которые на некоторое время лишили его всех прав и поставили в иерархии ниже самой последней псины в подразделении. Он думал о Марате. Стоя перед стеной, капитан курил до тех пор, пока не осознал, что по меньшей мере дважды превысил лимит затяжек. Иронично улыбнувшись, он вдохнул еще раз и отпустил мундштук. Хорошая сигарета для хорошего офицера.

— И что же нам делать? — Терек Каломер посмотрел на Марата.

— Доложи кому-нибудь, — Марат запнулся. — Нет, это бессмысленно. Никто тебе не поверит. Ты далеко едешь?

— Еще два километра. Там есть телефон, — Терек почесал подбородок, открыл ящик и вынул термос. Он открутил колпачок и налил в него пенящийся кофе. Уголкем глаза Терек разглядел, как Марат с интересом наблюдает за ним. Не видит термоса, что ли? — На, глотни, — он протянул колпачок Марату.

Тот покачал головой и смущенно улыбнулся.

— Он для меня не существует, как и твой автомобиль. Не понимаю, в чем дело, но так оно и есть. — Поймав удивленный взгляд Те-

река, Марат осторожно просунул свой палец между его расставленными пальцами, которые держали колпачок. Рука прошла сквозь колпачок, на некоторое время закрыв часть стенки посуды и поверхности светло-коричневой жидкости. Терек тряхнул головой.

— Жуткая история. Свихнуться можно!

Марат подошел ближе и тронул его за плечо.

— Не спеши. Как оказалось, человек быстро сходит с ума. Я — лучшее тому доказательство. Выпей это... — он указал на руку Каломера. — И в путь. Если будешь ехать медленно, то я успею за тобой.

Терек быстро глотнул кофе. Вкус был паршивый — то ли палец Марата в колпачке, то ли просто дешевый сорт заставили Терека после первого глотка вылить напиток на дорогу. Он закрыл термос и завел машину. Терек ехал медленно, Марат шел с левой стороны. Возникли некоторые проблемы с синхронизацией скоростей движения, но через пару минут все как-то уладилось, и они дружно преодолевали метр за метром, пока через полчаса не прибыли на пост.

Терек выпрыгнул из автомобиля, подошел к воротам и набрал входной код. По дороге он договорился с Маратом, что не будет здесь рассказывать о невидимом человеке, разве что кто-то еще увидит пилота «Лошадки». Ворота открылись, и они вошли во двор.

Терек отдал честь капралу Оунду и сказал:

— Мне нужно немедленно доложить в штаб. Разрешите упростить служебную процедуру.

Оунд удивленно взглянул на него, но махнул рукой. Терек вбежал в здание диспетчерской, прошел в комнату, где стояли телефоны, и крикнул:

— Убирайтесь отсюда! Приказ капрала, быстро!

Когда комната опустела, он уселся перед монитором. Тут только до него дошло, что он оставил диспетчерскую без обслуживания. Диспетчерскую поста! Если этот Марат врет или что-то пойдет не так, то он до конца своей никчемной жизни уже не выйдет из ракетной шахты. Он проглотил слюну и нажал клавишу аварийного вызова.

Во дворе Марат сделал несколько шагов в сторону и уселся на землю. Он подумал, что в иной ситуации рассмеялся бы, увидев Терека, отдающего честь посреди пустой стеклянной плоскости, бегущего по воздушным ступенькам, сидящего в не слишком свободной позе и говорящего что-то в несуществующий микрофон.

Треск монитора оторвал Марио от сигареты, которой он угощался, потеряв чувство меры. Он как раз докуривал паек, которого обычно

хватало на два дня. Выпустив мундштук, он бросился к монитору. На экране появилось лицо дежурного.

— Курсант Терек Каломер с поста номер семь только что подал очень странный рапорт. Я выслал бы к нему карету «скорой помощи», но он говорит что-то о пропавшем пилоте Марате Буле. Переключаю, — дежурный протянул руку, и на экране монитора Марио возник взволнованный Терек. Увидев капитана, он вскочил с кресла.

— Сиди! Говори быстро, что ты знаешь о Марате Буле? — крикнул Марио.

— Час назад я встретил на шоссе какого-то человека в сером комбинезоне. Я хотел его задержать, потому что он находился на военной территории, но оказалось, что он не совсем нормальный, то есть... В общем, он проходит через мой автомобиль, как будто машины нет и в помине. Никто, кроме меня, его не видит, а он, в свою очередь, не видит никого, лишь меня. Он не способен увидеть даже зданий поста... Я никому о нем не рассказал, докладываю и прошу инструкций... Он не может даже пить из моего термоса — для него этот термос не существует. Вот, примерно все... — он закончил доклад, как гражданское лицо.

Марио почувствовал, что его мозг набирает высокие обороты. В голове мелькнуло несколько вариантов действий. Это было приятно: ясный ум, интересное дело. Эльт подумал и наклонился над экраном.

— Послушай меня. Через десять минут я приземлюсь на шоссе на расстоянии полукилометра от твоего поста. Ты выйдешь с Маратом, там и встретимся. Постарайся, чтобы никто не заметил, что с тобой кто-то есть, понимаешь? Не разговаривай с ним прилюдно. Позови сюда своего капрала, я скажу, чтобы он освободил тебя от всех обязанностей.

Терек вскочил и отдал честь, прежде чем камера передвинулась вверх. Марио увидел только живот, а через мгновение в поле зрения вошло лицо капрала Оунда. Когда он узрел капитана, его коротко остриженные волосы встали по стойке «смирно». Однако Марио не интересовал круглый череп капрала. Он быстро отдал приказ об освобождении курсанта Терек от всех обязанностей и выскочил из комнаты. Через минуту Марио уже сидел в кабине флаера и на полной скорости мчался в направлении поста номер семь.

Терек вышел из диспетчерской и огляделся. Он увидел Бузо, Черсефа и Урва, которые стояли под забором и с любопытством смотрели на него. Он увидел три танка со стволами, направленными в раз-

ные стороны, хорошо знакомый двор, на котором не было места странным и ненормальным вещам и где таких вещей действительно не имелось. Марат исчез.

На долю секунды Терек вообразил масштаб скандала, виновником которого он стал, представил все последствия, хотя в каком-то проблеске здравого смысла понимал, что всех последствий он предвидеть не в состоянии. Терек снял фуражку, вытер орошенный холодным потом лоб и тут заметил, как из танка, из этой скалы крепчайшей стали, появляется Марат и направляется к нему. Терек сделал несколько шагов, опустился на низкую ступеньку и, прежде чем Марат приблизился, почти восстановил контроль над своим сознанием.

— Нам нужно выйти отсюда так, чтобы тебя никто не обнаружил, — прошипел он сквозь зубы, когда Марат приблизился на достаточное расстояние.

— А кто здесь? — спросил Буль.

— Давай. Иди за мной, — Терек поднялся и двинулся к воротам. Он набрал выходной код, прошел через широкие створки и, не ожидая Марата, быстро зашагал по шоссе. Флаер, покрытый желто-коричневыми пятнами, как раз садился в каких-то трех сотнях метров перед ними.

Капрал Оунд выполнил приказ капитана из командного пункта группы Дракона, но никто не запрещал ему думать и смотреть, поэтому он поднялся на наблюдательную площадку и направил полевой бинокль в спину удаляющемуся Тереку. Некоторое время капрал следил за подчиненным, которого неожиданно вырвали из-под его контроля, а затем направил бинокль на флаера. Из него вышел тот самый капитан с командного пункта. Оунд отметил его номер и на всякий случай продиктовал в небольшой магнитофон на левом плече. Он наблюдал, как Терек приближается к капитану и как тот, стоя боком к Каломеру, смотрит куда-то вдаль, а затем протягивает руку и хватается что-то. Капрал Оунд был уверен, что капитан ловил какое-то пролетающее насекомое, но тот слишком долго держал руку вытянутой и тряс ею, будто хотел эту муху раздавить, и лишь затем повернулся к курсанту Каломеру и задал какой-то вопрос.

Капрал тихо чертыхнулся и приказал немедленно принести на площадку микрофон направленного действия. Он опять глянул в бинокль. Терек что-то рассказывал, капитан слушал, время от времени поворачивая голову в сторону, будто у него было сильное косоглазие, и даже говорил, отвернувшись. Каломер вдруг что-то выдернул из-за ремня,

и капрал застыл, предчувствуя, что сейчас станет свидетелем убийства капитана, но это был лишь обычный термос, который Каломер перед уходом с поста взял из своего «гаррета». Курсант вытянул руку и некоторое время держал термос перед собой, а потом передал его капитану. Тот тоже подержал его, раскрыв рот и не шевелясь, потом снял фуражку и вытер лоб.

— Где этот микрофон? Вы что, хотите, чтобы я вам задницы законопатил? — рявкнул капрал, в высшей степени возбужденный. Два курсанта рванули через двор с длинной трубой и небольшим ящиком в руках. Капрал прильнул к окулярам.

Двое на шоссе некоторое время разговаривали тем же странным способом, они вертели шеями во все стороны, будто боялись, что за ними подглядывают. Вскоре Оунд услышал сопение курсантов и почувствовал, как ему в руку суют микрофон. Он направил его в сторону Каломера и капитана.

— ...если видишь флаер, то сможешь на нем лететь. Так или нет? — услышал Оунд голос капитана.

Ответа не было. Капрал грязно выругался и подкрутил до упора регулятор. В бинокль он видел, как курсант Каломер и незнакомый капитан смотрят на флаер, потом вдруг радостно кивают и входят в открытую дверь. Стократно усиленный рев двигателя взорвался в ушах Оунда и свалил его с ног. Прежде чем подчиненные сообразили снять с ушей капрала наушники, его органы слуха были необратимо повреждены. Капрал очутился в госпитале, а вскоре после этого оказался на некоем довольно хорошо охраняемом объекте в совершенно не известной ему местности. Оунд с маниакальным упрямством повторял какую-то глупую историю и получил место в палате для так называемых неагрессивных. Там уже находился один фетишист. И копрофаг.

— И на посту ты никого не видел? — Марио задал курс автопилоту и повернулся к Марату.

— Никого и ничего, — ответил тот измученным голосом.

— Он прошел сквозь танк, даже не заметив его, — вмешался Терек.

Марио покачал головой. Необычное дело — хотя это, возможно, не самое подходящее определение.

— Невидимый и одновременно невидящий, да? — он повернулся к Марату, протянул руку и ухватил пилота за плечо. — Не беспокойся. Ничего другого пока не могу посоветовать. Тебе придется немного потерпеть. Может, все уладится. — Он, правда, не очень в это верил. — Я хорошо изучил твое дело. Единственное, что мне приходит в голо-

ву, так это то, что на протяжении тех восьмидесяти четырех секунд ты находился в каком-то поле неизвестной нам структуры, и оно... немало тебя переделало. Во всяком случае, ты вышел из него несколько иным. Но раз ты видишь меня, курсанта и этот флаер, то дела не так уж плохи, — Эльт широко улыбнулся Марату. — Эй! Может, хочешь пить? Или съесть что-нибудь? Вот термос. Утром в него заливают свежий кофе, а вечером, если его не выпьют, он попадает в котел для нижних чинов, — Марио открыл ящик и вынул большой черный термос.

Терек вспомнил вкус вечернего кофе, каждый раз другой, и теперь понял причину. Он взглянул на Марата и увидел злость на его лице. Марио вначале не понял, в чем дело, он удивленно смотрел на пилота. Курсант протянул руку и коснулся плеча капитана.

— Он его не видит, — объяснил Терек.

Марио посмотрел на курсанта как на сумасшедшего.

— Но ведь он видит флаер, почему же не должен видеть термос? — Марио повернулся к Марату и добавил: — Возьми термос, пожалуйста.

Марат открыл глаза и протянул руку. Марио подался вперед и вложил термос в его ладонь. Через секунду они услышали стук упавшего на пол термоса и смотрели на сжатый кулак Буля.

— Извини, — сказал Марио. — Трудно вот так сразу уловить все нюансы.

На горизонте появились низкие здания базы, хотя «появились» — не то слово. Просто в окрестные холмы и холмики вписывалась пара десятков бетонных сводчатых грибов неправильной формы, под которыми находился командный пункт группы Дракона.

— Марат, видишь что-нибудь внизу? — спросил Марио.

Тот подался вперед, посмотрел вниз и, покачав головой, повернулся к Эльту. Но вдруг вновь метнулся к левому окну кабины.

— Поверни! Быстро! — воскликнул он.

Марио бросился к панели управления, ударом кулака выключил автотоплот и сделал разворот. Через пару секунд они вернулись на прежнее место. Голос в динамиках верещал что-то о запрещенных маневрах.

— Здесь! — крикнул Марат и указал куда-то вниз.

Капитан установил курс, теперь флаер кружил над указанным Маратом местом.

— Вижу часть коридора! Какая-то дверь в помещение, но все это довольно глубоко. Вот здесь! — он направил палец в купол F.

— Купол не видишь? — спросил возбужденный Марио.

— Какой там купол! — Марат не отрывал взгляда от места, где наконец что-то разглядел. — От поверхности — метров двадцать с гаком. Там коридор выкрашен в желтый цвет, а дверь белая.

— Шестой, предпоследний уровень, — буркнул Марио. — В тридцати метрах от поверхности. Самое глубокое убежище. Черт... Ладно, садимся!

Он взял управление на себя и завис над посадочным полем. Не дожидаясь остановки огромных горизонтальных лопастей фляера, они выскочили на бетонную поверхность и, преодолевая порывы ветра, устремились в направлении открытого шлюза. Марат бежал первым, Марио намеренно пропустил его вперед, но вдруг прямо перед дверью пилот отпрыгнул в сторону и наткнулся на бетонную стену. Собственно говоря, должен был наткнуться, но когда его тело коснулось бетона, тот будто расступился, полностью поглотив его. Ни Терек, ни Эльт не успели даже дотронуться до лазеров, тем более не успел это сделать часовой, который вообще никого, кроме капитана и незнакомого курсанта, не видел.

— Полковник Сас. Слушаю... — Сас стал по стойке «смирно» перед монитором.

— Ладно-ладно. — У генерала Ракоди не было времени на формальности. — Помнишь, о чем мы говорили вчера?

Сас кивнул.

— Так вот, это дело по-прежнему на первом месте. Сроков пока не знаю. Полная боевая готовность в группе. Отмени все пропуска, кроме самых необходимых, уברי больных из госпиталя, собери весь состав и проверь кухню. Соблюдать полную секретность. У меня есть свои информаторы на этой территории, и если они что-то пронюхают, считай, ты запорол дело. Мы понимаем друг друга, не так ли?

Лицо генерала исчезло с экрана, и Сас даже не успел доложить, что разыскиваемый Марат Буль уже находится в бункере F группы командования, что он сбежал от единственных двух человек, способных его видеть, а потом оказалось, что он просто прошел через толстый слой бетона и появился на шестом уровне, точнее — на складе шестого уровня. Он допивал пятую чашку сока, когда Каломер обнаружил его.

Сас как раз собирался поговорить с Маратом, но в этой ситуации должен был пересмотреть план действий на сегодня. Он развалился в кресле и погрузился в обдумывание хитрых приготовлений к приему на базе столь важных гостей. Через полчаса он решил, что ничего не

добьется, если будет действовать тихо. Сас поднялся и подошел к стене, усеянной экранами мониторов. Он открыл кассету в нижнем ряду и дернул рычаг с желтой рукояткой. Тем самым он объявил тревогу второго уровня, надеясь, что в шуме и суматохе, которые всегда сопровождали учебную тревогу, сможет кое-что сделать.

— Что-то не видно Саса, — сказал Марио сияющему от счастья Марату.

Наевшись, приняв душ и выкурив три сигареты, Марат чувствовал себя как в раю. Его даже не беспокоило, что по-прежнему никто, помимо Марио и Каломера, его не замечает, и он не видит ничего, кроме части шестого и всего седьмого уровня.

Эти уровни находились в полном распоряжении тесной компании, даже только что объявленная тревога к ней не относилась. Единственными вещами — по крайней мере, пока, — которыми Марат не мог пользоваться, были телефон и телевизор. Экраны оставались для него темными и глухими независимо от того, разговаривал ли Марио с Сасом или вместе с Терекком наблюдал за суматохой на верхних уровнях.

— Это довольно просто, — сказал Марат после первой сигареты. — Поскольку верх для меня не существует, так как я вижу только большую нишу, заканчивающуюся коридором, то как же я могу смотреть программу, которую передают из несуществующей для меня студии? Железная логика. — Он ухватил мундштук зубами и сделал мощную затяжку.

Они сидели в разных углах большого помещения, которое изредка использовалось для секретных учебных занятий. Неизвестно почему, но считалось, что все, что пахнет тайной, должно быть покрыто особой оболочкой, солнечный свет за окном как-то не подходил для специальных занятий. Сейчас помещение пустовало, кресла вынесли еще перед сверхъестественным спуском Марата на шестой уровень. Марио сидел рядом с дверью, он отдавал себе отчет в том, что напоминает сторожевого пса, но так уж он сел и теперь не хотел менять положение, суетиться. Терек устроился в дальнем углу и чувствовал себя не в своей тарелке в этой компании: он не был ровней капитану и сержанту, пилоту корабля, к тому же невидимке. Он понимал, что лишь его таинственный контакт позволил ему пребывать на самых глубоких уровнях группы командования и что эта ситуация довольно хрупкая. Терек оправился после кошмарных событий этого дня и успел осознать всю шаткость своего положения — в любой момент его выведут из игры, но это не значит, что с миром отпустят домой. Домой — к

Жабель — он вовсе не стремился, просто жаль было расставаться со статусом первооткрывателя.

Марат, самый спокойный и довольный среди этой троицы, удобно развалился в кресле и пользовался всем, чего был лишен с момента посадки на Дуге. Он ел, пил и курил. Вырванный каким-то чудом из одиночества, он считал, что если бы даже пришлось провести остаток жизни в обществе двух земляков, то это все же лучше, чем подобный финал среди полной пустоты, тем более стремительный финал. Он считал, что судьба одарила его одной из своих сияющих улыбок. Наверное, поэтому легкая улыбка не сходила и с его собственных уст.

Дверь зашипела, и в помещение вкатился полковник Сас. Терек вскочил как ошпаренный. Чуть позже поднялся капитан Марио.

— Где он? — пропыхтел Сас и рухнул в ближайшее кресло.

Марат взглянул на открывающуюся дверь и слегка пошевелился. Он не собирался подниматься с кресла, так как уже привык к ситуации, в которой мог позволить себе игнорировать любого человека, которого не замечал. Марат смотрел на вытянувшегося Терек и стоящего по стойке «смирно» Марио, но не видел того, чей приход поднял на ноги двух военных.

— В том углу, — указал Марио на Марата, не уточняя позы пилота.

— Я ни черта не вижу, — Сас растянул губы в улыбке и добавил: — Садитесь. Так... А вы его нормально видите? Как меня?

— Да. Никакой разницы, — ответил Марио.

С этими словами он уселся. И почувствовал радость от собственной безнаказанности. Он забросил ногу на ногу и с огромным удовлетворением отметил, что полковник обратил внимание на эту деталь.

— Дело в том, что если он кого-то не видит, то его тоже не видят, — Марио умышленно поставил на первое место Марата. Сас воспринял это должным образом.

— Так... Ладно. А как вы докажете, что он здесь? — спросил полковник.

— У-ф-ф... — развязно выдохнул Марио. — Действительно, не знаю, — он повернулся в ту сторону, где полулежал улыбающийся Марат. — Ты можешь доказать, что существуешь?

— Думаю, могу. — Улыбка Марата перешла все допустимые уставом нормы. Он поднялся и подошел к Тереку. — Дай-ка, — он протянул руку к кобуре, вынул лазер, несколько раз крутанул его на пальце, подбросил в воздух, поймал за ствол, подбросил еще раз, поймал за рукоятку и опять крутанул на пальце.

С огромным напряжением Сас следил за летающим в воздухе лазе-

ром. Он не вытарашил глаза лишь потому, что они бы выпали на пол при малейшей подобной попытке. Зато он несколько раз моргнул и откашлялся.

— Хорошо, кроме нас троих здесь есть еще кто-то. Следующий вопрос. Я не знаю, действительно ли это пилот Марат Буль, можно ли ему полностью доверять и так далее, и тому подобное, — сказал он громче, чем обычно.

Марио должен был признать, что старый каплун оказался более стойким, чем можно было предполагать. Он утешил себя тем, что Сас знал, чего следует ожидать, и пожал плечами.

— Капитан, не ведите себя как девица на выпускном балу, — резко бросил Сас. — Вы по-прежнему остаетесь офицером армии Федерации, поэтому прошу соответствовать.

Тон его находился в явном противоречии со словом «прошу», но Марио (правда, пока только в душе) некоторое время назад взял односторонний развод с армией Федерации. Пока он не выступал открыто, поскольку его интересовало дело Марата; он говорил себе, что не имеет права отказаться от самой любопытной в его жизни истории. Ну а потом — будь, что будет.

— Насколько я понял, экранов он не видит? — спросил Сас.

— Не видит. Компьютер, должно быть, находится здесь, в убежище, — ответил капитан Марио.

— Разумеется! — съязвил полковник. — Чтобы первая встречная бомба разделалась со всем штабом? Здесь только терминалы.

— Во всяком случае, он ничего не видит на экране. Разве что врет, — добавил Марио.

— Он нас слышит? — Сас слегка наклонился в сторону Марио.

— Насколько мне известно, только то, что говорю я, — признал Эльт.

— Ну, так думай, что говоришь, — процедил Сас. — Сделаем так... — он прикусил нижнюю губу. — Посади его в том углу, — он указал на ближайший к себе угол. — Будешь зачитывать ему вопросы с экрана и вслух повторять ответы. Ты, — он указал на Терека, — сядешь рядом со мной и будешь проверять ответы капитана. Открой эту ячейку, — он показал на небольшой квадрат в стене помещения.

Терек подошел к стене и дернул маленькую рукоятку. В ячейке лежал свернутый в клубок кусок провода, заканчивающийся двумя контактами, то есть детектор. Курсант не спрашивал о назначении устройства, он расстегнул мундир и закрепил контакты на груди и шее, затем повернулся к полковнику.

— Будешь отвечать на вопросы, а Терек будет их проверять возле монитора полковника... — неожиданно сказал Марио.

— Капитан! Кто разрешил? — рявкнул Сас. Он несколько раз глубоко вздохнул, повернулся к Тереку и приказал: — Пододвинь сюда монитор.

Каломер потянул ближайший монитор, который легко вышел из стены вместе с гибким свернутым проводом, затем придвинул его к полковнику и установил экран лицом к Сасу.

— Второй монитор поставь перед капитаном, — приказал Сас, не глядя на курсанта.

Каломер выполнил приказ и, уже не ожидая следующих, подтащил к монитору кресло. Сас осмотрел расставленное оборудование и кивнул.

— Марио, пусть пилот возьмет твой ремень и положит себе на колени, — приказал Сас и пересел в кресло перед монитором рядом с дверью.

Марио отстегнул ремень и подбросил его перед собой. Ремень свернулся и вдруг, пойманный невидимой рукой, распрямился на мгновение и завис, удерживаемый в воздухе какой-то силой.

— Положи его себе на колени, чтобы мы знали, где ты находишься, — сказал капитан и добавил: — Садись здесь, ответишь на несколько вопросов для полной идентификации, — он сделал два шага и сел первым.

Ремень висел еще некоторое время, потом качнулся, переместился и опустился на высоту двадцати сантиметров над краем сиденья кресла. Сас опять кивнул и положил руку на клавиатуру около своего монитора. Некоторое время стояла тишина, тихо шелкали клавиши, с помощью которых Сас запускал сеанс, задавал функции монитора Марио и определял действия своего терминала.

— Громко читай вопросы, — приказал полковник, обратив выпученные глаза к Марио.

Марио взглянул на кресло, где сидел Марат, и сказал:

— Отвечай на вопросы. Кто был твоим тренером по физподготовке в летной школе? — И через секунду: — Эгис.

Сас смотрел на экран, где также возникали вопрос, ответ и прямая желтая черта, указывающая на то, что Терек слышал такой же ответ. Сас ударил по клавише. На экране перед Марио появился второй вопрос:

— Скажи точно: сколько тебе лет, месяцев, дней, часов, минут и секунд.

На этот раз им пришлось ждать дольше, затем Марио ответил:

— Тридцать два года, три месяца, двенадцать дней, шесть часов, двадцать четыре минуты и... уже двадцать пять минут и шесть...

— Хорошо, — буркнул Сас и ударил по клавише.

— О чем тебе говорят инициалы К.Е.?

Марио слегка улыбнулся, слушая ответ, и повернулся к полковнику.

— Он говорит, что это его личное дело.

Сас взглянул на запись Терека, принял ответ и вновь ударил по клавише.

— Сколько раз ты был в горах Сапач и на каких туристических базах?

— Три раза. Всегда в «Пропасти».

Сас откинулся в кресле и некоторое время молчал. Компьютер приготовил более шестисот вопросов, ответы на которые должны были рассеять сомнения относительно личности пилота. Полковник признал, что три-четыре вопроса, выбранные случайным образом, решают эту задачу.

Полковник посмотрел на ремень над краем кресла, поднял взгляд выше и изрек:

— Несомненно, это Марат Буль, — он легко оттолкнул от себя монитор и махнул рукой. Терек поднялся, вставил контакт в гнездо в стене и снял с себя датчики. — Скажи ему, что у нас есть для него задание. Я хочу, чтобы он пролетел над Союзом и проверил, нет ли там укрытий под поверхность.

Марио повернул голову к пустому креслу и повторил слова Саса, затем кивнул и сказал:

— Марат спрашивает, не подстрелят ли его еще на подлете к Союзу?

— Он полетит нашим коридором вдоль их северного берега. Нас прежде всего интересует этот участок. Достаточно, если он подтвердит данные, полученные разведкой.

Марио повторил объяснение Саса и выслушал ответ.

— Он говорит, что, разумеется, сделает это. Собственно говоря, у него нет выбора, — добавил он, глядя на полковника.

— Вот именно, — буркнул Сас, поднялся с кресла, направился к двери и вышел, не прощаясь.

Тишина стояла не менее минуты, вся тройка смотрела друг на друга, и вдруг они почувствовали, что несущественными стали звания, возраст и интересы, что их объединяет нечто другое, и почти одновременно осознали — что именно.

— Пойдемте-ка спать, — предложил Марат. — Кажется, в ближайшее время нам придется немного поработать. — Он сделал несколько шагов к выходу. Терек находился ближе к двери, но подождал и пропустил Марио. В таком порядке они прошли часть коридора и оказались возле дверей двух спален.

— Думаю, начальство желало бы, чтобы один из вас спал вместе со мной. Мне все равно кто, решайте сами, — сказал Марат и вошел в комнату.

Марио посмотрел на Терека и потянулся к одной из дверей. Он столкнулся с курсантом, который стартовал в ту же секунду. Они отскочили друг от друга и остановились. Марио кивнул головой и сказал:

— Идем.

А когда удивленный Марат посмотрел на них, предложил:

— Может, партийку «береты»? — он вытащил из кармана тонкую колоду карт и показал Марату. — Ты видишь карты?

— Ага! — ответил Марат.

— Ну, что? — Марио посмотрел на Каломера и Марата.

Вскоре после этого дежурный в комнате наблюдения удовлетворенно потер руки и направил свою камеру так, чтобы видеть карты капитана. Он уже привык к тому третьему, которого не видел, и его не беспокоило, что один из карточных вееров висит над столом, удерживаемый сверхъестественным образом. Наконец-то ему попалось интересное дежурство.

— Господа, — президент Федерации Гоул Аперт поднялся и посмотрел на присутствующих. — Мы оказались здесь не случайно, и не случайным является состав присутствующих. Рад приветствовать маршала Шино, командующего военно-воздушными силами генерала Мере, командующего сухопутными войсками генерала Сакона, а также командующего отдельной группой Дракона генерала Ракоди и его заместителя полковника Саса. Итак, здесь находятся руководители важнейших для нашей обороны сил, — президент скромно умолчал, что сам он является главнокомандующим армии Федерации. — Наша встреча стала необходимостью в связи с последними разведанными. Они вынуждают нас принять решение исторического значения. Генерал Мере, прошу вкратце изложить сведения, которые вызвали у нас беспокойство, — президент сел и пододвинул к себе какие-то голубые карточки.

Поднялся высокий, широкоплечий мужчина в полевой генеральской форме.

— С некоторого времени, точнее — на протяжении шести лет, до нас доходила информация о работах Союза над новым видом оборотного оружия. Однако эти работы были настолько засекречены, что мы не могли, к сожалению, получить более конкретных данных. Кроме того, президент Жюлеттамис, ваш предшественник, — Мере склонил голову перед Апертом, — не верил нашим, действительно туманным, донесениям и отказывался что-либо предпринимать. И только победивший на выборах президент Аперт, обнаружив в архиве информацию, которой пренебрег Жюлеттамис, приказал тщательно проверить ее. Вначале нам не удавалось выяснить что-либо конкретное, враг очень хорошо охранял свои секреты. В конце концов мы все же кое о чем узнали. Во-первых, Союз дал этому оружию криптоним «Лотос». Во-вторых, это какое-то поле, в котором полностью отказывает аппаратура наших ракет и самолетов. Имеются обоснованные опасения, что это поле представляет собой комбинацию помехосоздающего и силового воздействий, поэтому оно непроницаемо и для наших обычных снарядов. Сейчас я продемонстрирую вам короткий фильм, который мы получили с огромными трудностями, но он однозначно ставит проблему: Союз обладает оружием, которого у нас нет и не будет, по крайней мере, еще несколько лет. Включайте! — Мере махнул рукой, и один из двух присутствующих помощников вставил кассету.

На экране одного из мониторов появилось изображение нескольких зданий, снятых с высоты птичьего полета.

— Это макеты, которые сейчас закрое «Лотос», — пояснил Мере, и вдруг здания затуманились, будто густой дым или пар мгновенно покрыл их. Дым сформировался в виде гриба и замер. — Теперь внимание! — чуть громче произнес Мере, и экран разделился на две части: в одной по-прежнему был виден белый гриб над зданиями, а вторая камера сопровождала полет ракеты, которая в Федерации была известна под названием «Олди». Длилось это недолго, ракета наклонила тупой нос и ударила в купол, тут же взорвавшись. Через несколько секунд дым рассеялся, и на экране возник прежний вид — небольшие хрупкие домики стояли, как и раньше, целые и невредимые.

— Вот так, — буркнул Мере. — Похоже на то, что наши ракеты бесильны.

— Благодарю. Переходим к сути дела, — президент Аперт опять поднялся и отодвинул карточки, которые изучал во время просмотра фильма. — Как заметил генерал Мере, у нас нет ничего похожего на «Лотос», что защищало бы нас от атак Союза. Сейчас не время выяс-

нять, чья нерадивость привела к подобной катастрофической ситуации. Суть ее такова: Союз располагает оборонной системой, которую нам не пробить. Возникает вопрос: не захочет ли Союз, прикрывшись «Лотосом», ударить по нам? — президент хлопнул ладонью по столу.

Маршал Шино вскочил и одернул полы парадного мундира.

— Разумеется, ударит! — выкрикнул он тонким голосом. — Это наш враг испокон веков, коварный и безжалостный, он всегда готов нанести нам смертельный удар! Их экономика и весь промышленный потенциал работают на одну цель, всю свою жизнь они посвящают уничтожению нашей родины. Их общество лишено основополагающих...

— Господин маршал! — прервал его Аперт. — Мы не на церемонии посвящения в курсанты. Я отдаю отчет в том, что некоторая информация для обычных граждан подвергается определенной... скажем так, ретуши. Речь не о том, что Союз такой, каким мы его рисуем нашему обществу, а о том, какой он на самом деле. Их лидеры заявляют, что не намерены атаковать Федерацию. Это лозунг или правда?

— Это лозунг! Вне всякого сомнения! — воскликнул Шино и сел на место, оглядывая присутствующих.

— С другой стороны, — произнес в абсолютной тишине генерал Сакон, — они сделали ставку на оружие оборонительного типа. Мы прекрасно знаем, что на протяжении уже нескольких лет они не брали на вооружение наступательные виды. Еще недавно мы имели перед ними преимущество, теперь же все идет к тому, чтобы на собственной шкуре убедиться в соотношении сил.

— Короче говоря, мы сегодня должны принять решение... Нет, я скажу иначе, — Аперт покачал головой и на минуту задумался. — Несколько дней назад руководитель Союза предложил мне подписать вечный договор о ненападении. Послезавтра истекает срок, который я взял для решения. Я не знаю, намеренное ли это действие — допустить утечку информации и предложить договор под некоторым давлением, или они тоже стоят накануне важных решений и хотят перед этим выяснить наши планы. А мы... — президент сел и потер ухо, — должны определиться: атаковать сейчас, прежде чем вся территория Союза будет накрыта куполом «Лотоса», или подписать договор и согласиться с существованием Союза на Дугее. Как видите, это решение может повлиять даже на принципы нашего государственного строя. Прошу высказываться.

— Возможно ли... — медленно начал Ракоди, — что Союз подбросил нам этот фильм для того, чтобы вынудить подписать договор, а

«Лотос» — обдуманная, долгосрочная диверсионная операция с целью ввести нас в заблуждение?

Сакон несколько раз кивнул головой и сказал:

— Мне это тоже пришло в голову.

— Генерал? — президент посмотрел на Мере.

— Это не исключено. Тем более, что фильм действительно снят Союзом. Мы получили его в результате деликатной операции. Но вряд ли это монтаж, наши специалисты отвергли возможность подлога. Следовательно, «Лотос», скорее всего, существует на самом деле. Я лично верю в это поле, — генерал Мере прищурил глаза и по очереди посмотрел на каждого из присутствующих.

— Господин президент! — выступил маршал Шино. Он старался держать нервы под контролем и придать голосу более глубокое, более солидное звучание. — По-моему, не подлежит сомнению, что они хотят нас обмануть, и им это почти удалось. В любом случае мы должны ударить по ним — или они не успели повсеместно установить свой «Лотос», и мы можем преподнести им неприятный сюрприз, или у них вообще его нет, и тогда удар будет еще чувствительнее. Значит, нужно их упредить. Как можно быстрее! Это мое мнение! — в конце речи голос все же подвел маршала.

— Пусть выскажется каждый, — предложил Аперт. — Решение нужно принять сегодня, поскольку уверенным можно быть лишь в одном: у нас нет времени.

Марат проснулся первым. Курсант спал в кресле, положив голову на стол, а Эльт Марио тихо храпел на кровати у стены. Марат протер глаза и громко зевнул. Он вышел в коридор и направился в ванную. Вернувшись через некоторое время, он прошел мимо комнаты, где они до утра играли в карты, поднялся лестницей на шестой уровень и устремился в конец коридора, который заканчивался нишей, освещенной высоко стоящим в небе Саларом.

Марат приблизился к месту, где заканчивался бетон, и увидел мужчину, висящего в воздухе. Брюнет в возрасте около пятидесяти сидел в кресле и как будто слушал кого-то. Буль понял, что за коридором находится зал, где сидят несколько человек, и одного из них он видит. Он все еще не понимал, почему видит одних и не видит других, но обрадовался, что круг зримых персонажей расширился. Он вышел из коридора на рваную и дырявую в этом месте поверхность. Ему пришлось присесть и нащупывать путь руками, и вдруг он узнал президента Федерации — Аперта. На секунду Марат остановился, а затем пошел

дальше, но теперь старался передвигаться так, чтобы войти в помещение за спиной президента. Марат находился от него в двух метрах, когда Аперт поднялся и сказал:

— Я надеюсь, все присутствующие осознают важность принятого здесь решения. История покажет, кто был прав. Мы решили, что послезавтра в четырнадцать ноль-ноль нанесем удар по Союзу. Операция будет иметь криптоним... э-э-э... «Шепот тигра». Детали предоставляю вам, я должен возвратиться в столицу. Прошу завтра в двадцать ноль-ноль ознакомить меня с подробным планом операции.

Президент поднялся и сделал несколько шагов, протянул руку и потряс ею в воздухе, затем повторил это действие несколько раз. Марат понял, что Аперт пожимает руки присутствующим. Пилот сделал два шага назад и споткнулся, затем быстро присел и провел ладонью по лицу.

Марио и Каломер одновременно бросились к монитору, протяжный стон сигнала поднял их на ноги пару секунд назад. Курсант приормозил, а Эльт Марио нажал клавишу.

— Где Марат? — рявкнул Сас с экрана.

— Не знаю, — возбужденно произнес капитан. — Мне поручали не следить за ним, а посредничать...

— А теперь ты должен его стеречь, оба должны его стеречь! Ясно?

Марио открыл рот, но услышал, как открывается дверь, и обернулся. В проеме стоял Марат.

— Он как раз вернулся, — доложил капитан.

— Значит, все в порядке. Через час я хочу видеть вас в воздухе. Выберете скоростной флаер и сделайте то, о чем мы договаривались: попытайтесь выяснить расположение укреплений и бункеров Союза. Выполняйте! — Сас исчез с экрана.

Никто не издал ни звука. Все трое почувствовали, что рожа Саса испортила им настроение на весь день. Марио подошел к стене и выкурил целую сигарету на пустой желудок, Терек через некоторое время сделал то же. Марат завалился на кровать и повернулся лицом к стене. Капитан подошел к столу и начал собирать разбросанные карты.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего, — буркнул Марат.

— Может, сейчас наступила реакция организма на все эти события? — спросил Терек.

До сих пор курсант открывал рот лишь тогда, когда его спрашивали, поэтому Марат и Марио удивленно уставились на него. Каломер слегка улыбнулся.

— Возможно, — Марат вздохнул, взглянул на Марио и спросил: — Нас подслушивают?

— Конечно, но ты можешь говорить, что угодно. Если только они не нашли еще кого-то, кто тебя видит.

— Речь как раз о том, что я знаю еще одного... — Марат замолчал и со вздохом поднялся. — Летим? Я хотел бы покончить с этим.

— Ладно, — Марио сложил карты и сунул их в карман. — Идем к флаеру. Мы поднимемся лифтом, а ты — не знаю как. — Он пожал плечами. — Двигайся отсюда... — он прищурил глаза, вспоминая расположение взлетных полос, — приблизительно на северо-восток. В худшем случае немного поплутаешь. Полетим тем самым флаером, которым прибыли сюда, ведь неизвестно, подойдет ли какой-либо другой... Ага! Подожди! Меня постоянно грызет один вопрос, — он подошел к Марату и тихо спросил: — Почему я не обнаружил тебя на трапе, а увидел лишь потом?

Марат некоторое время молчал, затем произнес:

— Я тоже думал об этом. Но ничего толкового не приходит в голову. Впрочем, поговорим об этом позже, — он первым прошел к двери и шагнул в коридор.

Когда Марио и Терек вышли следом, он уже исчезал на лестнице, ведущей на шестой уровень. Они сели в лифт и поднялись на поверхность, прошли часть коридора и оказались на посадочной площадке. Флаер уже стоял с открытыми дверями, но им пришлось ждать почти пятнадцать минут, пока из одной стены не появился Марат, который молча направился к флаеру. Он сел сзади и отвернулся к окну. Марио запросил разрешение на взлет и сразу получил его. Он быстро поднял флаер в воздух, взглянул на курс, проверил его и задал автопилоту. Затем, немного покопавшись в радиопередатчике, вытащил какой-то предохранитель и сказал, обернувшись к Марату:

— У тебя что-то на уме. Говори, не бойся, кажется, мне удалось отключить прослушивание. Ну?

Марат оторвал на мгновение взгляд от пустыни под флаером, посмотрел на капитана, затем на Каломера и потер подбородок.

— Включи прослушивание, я пока не до конца разобрался... Возможно, позже, — он опять отвернулся к окну и замолчал.

Марио вставил предохранитель на место и отключил автопилот; он был взбешен и выместил злость на двигателе флаера. Они помчались с максимальной скоростью. Высокий тон двигателя сначала резал слух, но потом стал убаюкивающим, и через час Марио заметил, что оба его попутчика спят или, по крайней мере, лежат с закрытыми гла-

зами. Он вызвал базу и доложил о состоянии дел. К его удивлению, включился Сас и приказал держать курс точно (он подчеркнул — «точно») в коридоре, выделенном для самолетов Федерации, направляющихся к базе на острове Сурумак.

Через полчаса капитан крикнул:

— Эй! Просыпайтесь! Прогулка закончилась, начинается работа!

Марио услышал сзади зевки, один из них показался ему притворным, вот только неизвестно чей. Он ввел флаер в коридор и опустил ся на минимальную высоту, затем включил камеры и оставил пульт управления Марату. Пилот жадно приник к пульту и дал максимальное увеличение, он шелкал переключателями, рассматривая каждый вид лишь одну-две секунды, а затем спросил:

— У нас есть связь со спутниками?

— Конечно! — капитан протянул руку к пульту и нажал несколько клавиш. — Вот.

Марат вернулся к пульту и некоторое время пытал его молниеносными изменениями команд, затем, будто и этого было мало, вызвал спутник, зависший над Федерацией. Некоторое время он сидел неподвижно, на этот раз ничего не меняя и глядя на свою родину с высоты шестидесяти километров.

— Сбавь скорость, — сказал он наконец и опять переключился на Союз.

— Не могу, — ответил Марио. — У нас определенные параметры курса.

— Передай, что у нас неполадки с двигателем: может быть, срабатывает. Мне нужно оглядеться.

Марио связался с базой и доложил о сбоях в работе двигателя, на секунду вырубил топливный насос и выслушал старательно разыгранное возмущение Саса. Он выключил радиопередатчик и посмотрел на пилота: тот сидел, будто всматриваясь в экран, но капитан был уверен, что Марата совершенно не интересуют границы Союза. Марат усиленно думал, и Эльт Марио, сам не зная почему, не мог решиться нарушить молчание в кабине. Он взглянул на Терека, тот внимательно смотрел на пилота и тоже о чем-то думал.

Марат вздохнул и оставил пульт управления.

— Я ничего не вижу. Ничего, — повторил он чуть громче, чтобы это дошло до Саса, и поднялся. — Я пошел в туалет.

Он вышел в коридор. Марио еще раз на короткое время выключил насос, чтобы убедить Союз в правдивости аварии. Ему хотелось чем-то заняться, бездействие напоминало недавний короткий арест. Он

услышал шум двери кабины и шаги Марата в коридоре. Пилот появился в поле зрения, прислонился к переднему стеклу флаера, поднес палец к губам и жестом показал капитану, чтобы тот сел в кресло. Марио подчинился. Он даже как-то вяло отреагировал на то, что Марат держит служебный лазер, который прихватил из ящика в коридоре. Он сел рядом со столь же спокойным Тереком и равнодушно наблюдал, как Марат переключает лазер на минимальный уровень и сжигает радиопередатчик. Пилот сел на край кресла и некоторое время молчал.

— За прошедшие сутки мы узнали друг друга, и поэтому очень жаль, что приходится угрожать вам этим. — Он шевельнул рукой, в которой держал лазер. — Но мне кажется, я сделал несколько правильных выводов. У меня нет желания возвращаться в нашу любимую Федерацию, поэтому я и держу в руке это дерьмо. Если согласитесь со мной, то я отложу в сторону оружие и объясню остальное. Если нет, то сначала я объясню свои выводы, а потом спрошу вас еще раз.

— Сначала объясни, — сказал Марио и махнул рукой. — Впрочем, мне все равно. Может, так будет лучше всего... — он удобно уселся в кресле.

Терек молчал, глядя вниз.

— Так вот... — Марат глубоко вздохнул, — я располагаю информацией о том, что наше руководство решило послезавтра ударить по Союзу. Значит, будет война. Речь не о том, что я ее боюсь, в конце концов, это ведь моя профессия. К сожалению, я знаю результат этого матча, что несколько меняет суть дела. Я могу сражаться, но должен иметь хотя бы малейшую надежду, минимальный шанс, а сейчас я совершенно точно знаю: у Федерации такого шанса нет. Знаете, что я видел, когда смотрел на Союз? То же, что и вы! — он наклонился и проскандировал последнюю фразу. — Все: землю, деревья, реки и людей. Множество людей! Все, как и раньше, перед полетом на «Лошадке» и той аварией... А что я видел у нас? Выжженную землю, выгоревшие дотла бункеры и ни следа людей, животных, птиц и растений... — он прикусил нижнюю губу и на секунду замолчал. — Мне в голову пришло такое объяснение: я вижу то, что будет! Понимаете? Вижу наш мир в будущем. Я не знаю, насколько мир, который мне виден, опережает действительность, но уверен, что не ошибаюсь. Во-первых, та оболочка под ногами — это не что иное, как прожаренная почва Федерации. Во-вторых, оба слоя освещаются под разными углами — это наш Салар, только в разное время года. Поэтому я думаю, что разница между этими двумя мирами составляет всего несколько месяцев.

В-третьих, ты говорил, — он посмотрел на Марио, — что секции А, В и Д «Лошадки» отправили на изучение, а С находится на орбите, так? — Эльт кивнул. — Я потому не видел этих трех секций, что через некоторое время их уничтожат вместе с полигоном, а С, по-видимому, уцелеет. И в-четвертых: я вижу вас и видел нашего президента Аперта. Вы трое переживете эту войну. Аперт — потому что у него есть глубокое убежище, а вы — потому что летите со мной. Именно так я это понимаю, — он ударил кулаком по колену.

— Ты ясновидящий, — заявил Марио после недолгого молчания.

Марат пожал плечами и не ответил. Они летели в тишине, прерываемой только писком автопилота.

— Я уверен, что послезавтра, когда полетят наши ракеты, начнется первый акт уничтожения Федерации. Союз выжжет нас до глубины двадцати метров! Подумайте... Я знаю, что это звучит бредом, но не нахожу другого объяснения.

— Ты мог бы все это рассказать командованию, — заметил Марио.

— Как же, так бы они и поверили! Или прикончили бы меня за распространение пораженческих настроений и измену, или засадили бы в дурдом, где я прожил бы до послезавтрашнего дня. Ты же сам не веришь в то, что говоришь.

— Наверное, но твоя гипотеза не подтверждена доказательствами, в ней есть пробелы. Я спросил, почему ты сначала меня не видел, а потом вдруг увидел?

— Я не могу этого объяснить, — Марат пожал плечами. — Если принять мою теорию, то ты не пережил этой войны, а потом что-то изменилось...

— Подожди! — Марио вскочил с кресла и стоял, всматриваясь в окно флаера. — Меня должны были в наказание перевести в корпус Коцца. Сас, судя по всему, планировал это заранее, поэтому ты меня и не видел. А потом ему пришлось меня освободить, чтобы я и дальше занимался тобой...

— Вот! — Марат тоже вскочил на ноги, забыв об оружии, они стояли друг против друга с сияющими глазами. — Понял? — закивал головой Марат и уселся обратно в кресло. — Я не знаю, на что наткнулся там, — он указал на небо, — на какое-то излучение, волны, складку пространства, времени, геометрии. Не знаю. Зато я полностью уверен в своеобразной логике того, с чем столкнулся, и хочу, насколько возможно, к этой логике приспособиться. А вы, если желаете, можете вернуться и рассказать обо всем Сасу. Я выпрыгну с парашютом. Но думаю, что ваше возвращение — это самоубийство. Я уверен: как

только вы решите вернуться, то исчезнете с моих глаз вместе с флаером.

— Я лечу с тобой! — вдруг сказал Терек. — С какой стороны ни посмотри — мне не к чему возвращаться. С некоторого времени я плохо себя чувствовал в Федерации.

Эльт Марио сжал голову руками и оперся локтями о колени. Он потер лицо, сплюнул сквозь зубы и посмотрел сначала на Каломера, а затем на Буля.

— По-твоему, я смогу выжить только в том случае, если полечу в Союз. У меня нет аргументов, чтобы с тобой поспорить. По-видимому, ты прав.

Он отстегнул ремень с оружием и бросил его на пол перед Маратом. Терек начал отстегивать свой ремень, но Марат жестом остановил его.

— Эй? Зачем мне столько пушек? — он поднялся и бросил свой лазер на кресло. — Меняем курс?

— Наверное, придется, — сказал Марио и поднялся. — И еще одно: здесь есть аварийный радиопередатчик, и мне кажется, что нас слышали в штабе. А может быть, и не только там.

— Ха! — фыркнул Марат. — Это даже лучше. Они не смогут пожаловаться, что я их не предупредил. Я думал, мы передадим какое-то сообщение из Союза, но так даже лучше, — повторил он. — Только, наверное, все уже предрешено...

Изменение курса и передача открытым текстом просьбы о разрешении на посадку заняли у них несколько минут. Когда по бокам появились два флаера Союза, а два других зависли над их машиной, и Марио включил постоянные позиционные огни в знак того, что они готовы выполнить все предписания, Терек вдруг сказал:

— А если твой... наш... — поправился он, — побег и привел к войне?

— Я думал об этом, — сказал Марат Буль и стиснул челюсти. — У меня нет возможности проверить, но мне кажется, что все было решено намного раньше. Возможно, прежде чем мы родились, или прежде чем наши предки прилетели на Дугею, или прежде чем возник наш мир.

**Перевел с польского
Алексей ЯКИМЕНКО**

М И Х А И Л А К И М О В

ИТОГИ

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

РЕФЕРЕНДУМА

Последние двадцать минут поезд напоминал разведчика во вражеском тылу. Он продвигался едва ли не ползком, время от времени останавливаясь, словно проверяя, можно ли проползти еще немного или лучше затаиться и переждать. Андрей раздраженно курил в тамбуре. До города, где жили родственники жены, оставалось часа два, но это если с нормальной скоростью; такая же езда грозила растянуться на неопределенное время. Железная дорога в этом месте делала крутой поворот, и Андрей в окно видел городок, станция которого не желала пропускать их поезд. Выглядел городок довольно симпатично: небольшие домики (ни одной многоэтажки) уютно расположились в зелени деревьев. От всего этого веяло патриархальной неспешностью, основательностью жизни. Он вдруг почувствовал желание сойти с поезда и именно здесь выполнить задание редакции. Провожая его в отпуск, редактор сказал, что раз уж он отправляется в глухую провинцию, то неплохо, если он напишет, как там живут люди и как они справляются со своими проблемами. В том, что проблем у них много, редактор не сомневался, а слово «справляются» следовало отнести на счет его оптимистичной природы.

Уже показалась станция, а Андрей все еще размышлял, как поступить: сойти здесь или двигаться дальше. Потянулась платформа, и он с изумлением прочитал название городка: НЕТАККАКВЕЗДЕГОРОДСК! Не веря глазам, он с нетерпением ждал, когда покажется сам вокзал. Наконец выплыл и он — все точно! Над входом в одноэтажное здание красовалась та же надпись. И тут он увидел такое, от чего внутри приятно екнуло, и его журналистская интуиция подсказала, что уж если писать материал, то именно здесь: справа от входа на белой стене гудроном, коряво и большими буквами, было написано: «Город дураков». Возле надписи сустились двое рабочих. Один разводил известку, второй насаживал на длинную палку скребок.

Андрей решительно бросился в купе, схватил сумку, торопливо попрощался с попутчиками и рванул к выходу, на ходу вытаскивая фотоаппарат. Неожиданное осложнение возникло, когда он сообщил проводнице Танечке, что хочет выйти здесь, и попросил отдать ему билет. Та, по-видимому, была глубоко убеждена, что пассажир обязан ехать до станции, указанной в билете, так как главное все-таки документ, а пассажир — всего лишь приложение к нему. Андрей начал орать, и напуганная Танечка вернула-таки билет, при этом на ее лице было написано убеждение, что она совершает тяжкое должностное преступление, за которое можно и с работы вылететь.

Андрей выскочил в тамбур. Оказалось, что выходит он один, и это было хорошо. Однако поезд, хоть и очень медленно, но все же продолжал движение, увозя его все дальше от здания вокзала, с фотографии которого и следовало начинать работу. Наконец поезд все-таки остановился, и проводница Танечка, нарочито не торопясь, открыла дверь и опустила лестницу. Андрей опрометью кинулся к вокзалу.

Ему повезло: к точке съемки он успел как раз тогда, когда один из рабочих только начал сдирать скребком надпись. Лучшего момента не могло и быть, даже если бы ему позировали. Убедившись, что в кадр влезают и обе надписи, и рабочий, Андрей сделал-таки желанный снимок. Везенье продолжалось: никто этого не заметил. Рабочие были здоровыми мужиками, и начинать командировку с осложнений не хотелось.

Он спрятал фотоаппарат в сумку, перевел дыхание и расслабился: теперь можно не торопиться. Миновав здание вокзала, он вышел на небольшую площадь и с интересом огляделся. Людей немного, и выглядят обычно, ничем не оправдывая весьма неординарное название города. От площади отходили две улочки. Одна из них была более оживленной, следовательно, и более перспективной.

Пройдя мимо домов, среди которых оказался небольшой магазинчик, где он взял бутылку пива, Андрей остановился, ошеломленно вытаращив глаза. Над дверями здания он увидел обычную с виду вывеску, на которой, однако, было написано: РЕМОНТ ВЕЧНЫХ ДВИГАТЕЛЕЙ, и чуть пониже мелким шрифтом: «Гарантия шесть месяцев». Он тут же сфотографировал вывеску и забеспокоился: судя по началу, оставшихся на пленке кадров могло и не хватить. Журналистская его натура пела в это время восторженную песнь. Материал обещал стать ударным!

Бросив в урну недопитую бутылку, он решительно открыл двери и вошел внутрь. Помещение ничем не отличалось от обычной мастерской по ремонту холодильников, или стиральных машин, или телевизоров. Сразу за дверью был небольшой, но высокий прилавок, дальше, в глубине, тянулись вдоль стен столы, заваленные разными деталями; возле двух из них примостились два вращающихся кресла. На одном сидел довольно пожилой мужчина. Повернувшись к двери, он меланхолично жевал бутерброд с колбасой.

— Здравствуйте! — сказал Андрей, лихорадочно обдумывая, с чего бы начать разговор.

— Обеденный перерыв! — приветствовал его мужчина, продолжая жевать. — Да и вообще: прием двигателей в ремонт временно прекращен. Слишком много работы.

Такое начало Андрея обрадовало: теперь можно было самым естественным образом задать несколько вопросов. Решено, он — клиент.

— И чего они так часто ломаются-то? — спросил он, стараясь произнести это с досадой. — Вечные ведь!

Мужчина посмотрел на него более внимательно.

— А вы приезжий, — сказал он отнюдь не вопросительно.

— Приезжий, — признался Андрей.

— Тогда вам, конечно, интересно, — согласился тот. — У вас-то там ничего подобного нет. Вы ведь даже думаете, что такое в принципе невозможно.

— Думаем, — не стал отрицать Андрей. — А вы не могли бы... ну, просветить меня немного...

Разговор становился конструктивным. Мужчина взял со стола тряпку, вытер руки, взглянул на настенные часы и подошел к прилавку.

— Дядя Петя, — представился он, протягивая руку. — Есть у меня пятнадцать минут, спрашивайте.

— Так я, собственно, уже спросил: какой же он вечный, если ломается?

— А ты божий дар с яичницей не путай, — усмехнувшись, перешел на «ты» дядя Петя. — Ну, скажи мне, что такое вечный двигатель?

— Такой, который работает без всякой энергии и не останавливается, — сказал Андрей, порывшись в школьных знаниях.

— Верно, — кивнул дядя Петя, — так оно и есть, да вот только комплектующие — дерьмо! У нас своего завода нет, приходится на стороне покупать. Из чего вы их там у себя делаете? То шестерня полетит, то вал застучит, то привод сломается. Какая уж тут вечная работа!

Он досадливо махнул рукой, и Андрею почему-то подумалось, что вечный двигатель может работать без ремонта от силы месяца.

— Простите, — немного помешкав, сказал он, — вы, пожалуйста, не обижайтесь, я не то чтобы не верю... но все-таки... не могли бы вы показать мне какой-нибудь? Который работает, — добавил он поспешно.

— Нет проблем! — дядя Петя откинул крышку прилавка и приглашающе махнул рукой. — Мы из этого тайны не делаем, в разумных пределах, конечно.

Они прошли через все помещение, и дядя Петя открыл небольшую дверь за перегородкой. Андрей услышал негромкий шум работающего двигателя. На специально оборудованном железном столе, скорее да-

же стенде для обкатки, стояло нечто, формой и размерами напоминающее кухонный комбайн, только раструб был направлен не вверх, а параллельно плоскости стола и постоянно поворачивался в разные стороны, напоминая работу локатора. От основания «комбайна» отходил кожух, а из отверстия в нем — вращающийся вал. Андрей все внимательно осмотрел и даже заглянул под стол: нигде не было видно никаких проводов, которые могли бы подводить электропитание, а диаметр вала и скорость его вращения отменяли любую мысль о батарейке; аккумулятор же, ввиду небольших размеров агрегата, разместить было попросту нигде.

— Ну, а что он может делать?

— А это зависит от того, какую насадку на него поставить. Если циркулярную пилу — можешь доски пилить, а повернешь, — дядя Петя развернул кожух на 90 градусов, при этом послышался шелчок, и кожух зафиксировался, — можно бетон размешивать или, скажем, тесто для пирогов. Короче, все, что душа пожелает, меняй только обороты на редукторе.

— Дядя Петя, а все-таки как же он работает? Ну ведь должна быть какая-то энергия?

Дядя Петя посмотрел на часы и заторопился.

— Извини, некогда мне: перерыв заканчивается. Ты вот что: если интересуешься, найди Колюню, тот тебе расскажет, все равно ведь целыми днями ничего не делает. И найти его просто: пойдешь дальше по улице, он наверняка возле дома на скамейке сидит да семечки лузгает.

И он сделал недвусмысленный жест рукой: давай, мол, на выход, не мешай!

— Дядя Петя, — взмолился Андрей, — еще один вопрос! Как же вы эти двигатели ремонтируете, если они никогда не останавливаются? На ходу, что ли?

— Это самое трудное, — согласился дядя Петя, выпроваживая Андрея. — У напарника моего такие способности — усилием воли может затормозить двигатель на несколько секунд, а я за это время должен успеть всю механику отсоединить. Ну ладно, иди, мне работать надо.

Честное слово, теперь Андрею казалось, что его попросту дурачат. Наверняка проводка проложена внутри стола, вот ее и не видно. А дядя Петя, поди, сейчас хохочет и думает, что обманул его, как последнего лоха. А потом еще и напарнику расскажет. И Андрей решил дать понять мастеру, что не купился на эти рассказы.

— Дядя Петя, — ехидно улыбаясь, спросил он, — а машины времени вы тоже ремонтируете?

— А чего их ремонтировать-то? — удивился дядя Петя. — Там и ломаться-то нечему: кинематики никакой, а если что из электроники вылетает, так то другие ремонтируют. Не разбираемся мы с Егором в электронике, — вздохнул он.

Андрей не нашелся, что и сказать. Постоял некоторое время с застывшей ухмылкой на лице, потом попрощался и вышел на улицу. Некоторое время он пытался осмыслить увиденное и услышанное. Затем его мысли приняли другое направление. Материал для статьи, еще недавно так радовавший его, грозил обернуться полным пшиком: хорошо, если это просто остроумный розыгрыш — такая деталь статью только украсит. А вдруг правда? Кто такому поверит и кто такое напечатает? Он почувствовал соблазн не выяснять, так это или нет — просто зайти в администрацию и поспрашивать о проблемах города, а все остальное поместить как свидетельство того, что жители обладают своеобразным чувством юмора. Материал тогда пройдет на «ура». Однако он тут же устыдился столь недостойных настоящего журналиста мыслей. Так ничего и не придумав, он поравнялся с домом, возле которого на скамеечке сидел мужчина лет пятидесяти, невысокий, худенький и плешивый, и со скучным видом грыз семечки. По всему выходило, что это и есть Колюня.

— Здравствуйте, — сказал Андрей, подходя и присаживаясь.

— Приезжий? — спросил тот. По-видимому, в этом городе не было принято отвечать на приветствие. — Петька небось ко мне направил? Иди, мол, к Колюне, он тебе все расскажет, все равно целыми днями бездельничает? Ему хорошо так говорить, у него вон какая профессия — никогда без работы не останется. Так же, как и эта, — кивком показал он на другую сторону улицы, где стоял обыкновенный с виду домик.

Кажется, это был жилой дом: в окнах виднелись «домашние» занавески, и вход был не с тротуара, а со двора. На углу дома, однако, висела вывеска:

МАРТА ХЕВРОНСКАЯ.

ЛЕЧУ ОТ ТЕЛЕКИНЕЗА.

ВETERАНЫ ВОЙНЫ И ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ

ПРИНИМАЮТСЯ БЕЗ ОЧЕРЕДИ!

— В каком смысле — от телекинеза? — спросил ошарашенный Андрей.

— В прямом, — пожал плечами Колюня.

— Постойте, но ведь телекинез — это способность телепатически перемещать предметы.

— Точно.

— То есть, — Андрей даже покраснел от раздражения: похоже, дядя Петя и Колюня работают в паре, — вы хотите сказать, что владеете телекинезом?

— Я? — испуганно вздернулся Колюня. — Упаси Боже! Два года назад она, — он снова кивнул на дом, — меня вылечила, дай Бог ей здоровья!

— Не понимаю, — хмыкнул Андрей, — зачем от этого лечиться? Ведь это — уникальный дар! Это же просто здорово — уметь такое!

— Так-то оно так, — согласился Колюня, — пока бодрствуешь и себя контролируешь. А только спать лег — тут-то все и начинается. Увидишь во сне какую-нибудь хреновину, проснешься — а она уже тут! Пришел, скажем, в гости к соседу, тот похвастался, допустим, новой моделью антигравитатора, ты подумал: вот бы мне такую — а утром она уже у тебя дома стоит! Ну, несешь, понятное дело, ее назад, извиняешься. Хорошо, у нас люди понимающие... Да если бы только это! А то вот со мной случай был. Посидели как-то с кумом, выпили крепко, а когда я домой пришел, еще пару бутылок пива засадил... так не поверишь: когда проснулся, возле кровати шестнадцать унитазов насчитал! Полдня потом бегал, выяснял, какой откуда! Мало того — я ж их с корнем повывдирил, пришлось потом на место устанавливать, трубы менять — ужас!

— Ужас, — согласился Андрей, решив до поры до времени не обращать внимания на слова про антигравитатор. — А почему ветераны и военнослужащие без очереди?

— Не понимаешь? — удивился Колюня. — Так им же до сих пор война снится! Константин Григорьевич, вон, пока к Марте не ходил, каждое утро с автоматом в руках просыпался! Так хорошо еще, что он их из музеев телепортировал — ему же ППШ снился! А ну как попался бы настоящий да с боекомплектom? Во сне ведь недолго и на спусковой крючок нажать. Баба у него в то время дома и не ночевала: все в бане или у соседей. А внучок к нему в гости приехал, офицерик молодой, в ракетных войсках служит, так у того... Да что там, даже вспоминать страшно!

— А откуда у вас все это: вечные двигатели, машины времени, телекинез?

— Да это все просто, — махнул рукой Колюня, — мы тут у себя некоторые законы физики отменили, ну, там, Второй и Третий Ньютона, Первый и Второй термодинамики, еще кое-какие...

— Как это — отменили?

— Как положено: на референдуме. Мы как раз референдум проводили по поводу изменения названия города — раньше он Лошадиная

Падь назывался, — вот кто-то и предложил заодно и законы изменить. Физические то есть. А наш мэр — он физтех заканчивал — сразу за это предложение ухватился и сказал, что как специалист может подтвердить: почти все физические законы очень вредные, кроме закона тяготения, конечно. Всякие там сопротивления, противодействия... Ну, мы и отменили, спцам ведь надо доверять, они для этого и учились. Вот с тех пор так у нас все и покатилося. Скажу прямо: после отмены намного лучше стало. Да, — спохватился он, — забыл предупредить: купаться у нас нельзя — утонешь сразу. Выталкивающая сила-то тоже не действует. Так что не вздумай!

— Подождите, — поморщился Андрей, — то есть, если я вас правильно понял, достаточно было решения на референдуме, чтобы физические законы на территории вашего города перестали действовать?

— А как иначе? — снова удивился тот. — Как народ решит, так и будет. Против него ни одна сила не устоит.

Андрей не знал, как ему на все это реагировать: верить — не верить, рассмеяться — разозлиться... В конце концов он решил, что не будет торопиться с выводами. Надо еще походить, посмотреть, а там видно будет. Но для начала стоило сфотографировать и вывеску про телекинез. Однако он не хотел делать этого при Колюне: мало ли, узнает, что корреспондент — слова из него потом не вытянешь. Значит, надо под каким-то предлогом его отсюда удалить.

— Извините, — сказал он, — вы не могли бы дать мне чего-нибудь попить: в горле уж что-то пересохло.

— Пожалуйста.

И он протянул невесть откуда взявшуюся в его руке чашку с водой. Андрей изумленно уставился на нее, тогда-то дошло и до Колюни.

— А-а-ай!.. — заголосил он. — Вылечила, называется! Опять началось, года не прошло! Ну ладно, — резво вскочил он со скамейки, — ты меня, зараза, без всякой очереди примешь! А я-то ее еще расхваливал! Ну, подожди, ты у меня получишь, это что — работа?

И он спешным шагом направился через улицу, ругаясь на ходу и размахивая руками. Андрей в раздумье достал фотоаппарат, щелкнул дом Марты Хевронской, отдельно вывеску и побрел потихоньку по улице, размышляя, что делать дальше. Пожалуй, лучший вариант — зайти в администрацию, предъявить журналистское удостоверение и напрямую спросить, что тут у них происходит. Все-таки в городской администрации официальные лица, а не какие-нибудь дядя Петя с Колюней, они не будут лапшу на уши вешать. Хотя эта вот чашка с водой — откуда она взялась?.. А с другой стороны, когда грызешь семечки, во рту пересыхает, может, он ее заранее принес, а потом комедию

разыграл. И побежал он не к Марте, а к дяде Пете, сидят сейчас вдвоем и потешаются над ним.

Так, а вывески? Их что, тоже для него повесили? Ерунда какая-то...

Андрей помотал головой, прогоняя мысли. Тут он отметил, что на улице неправдоподобно мало народу даже для такого небольшого городка: сзади вдалеке виднелись две какие-то фигуры да навстречу шла бабулька с палочкой, и больше — никого.

«Интересно, — подумал он, — где все?»

— Так на работе они, милоч, — сказала бабулька, поравнявшись с ним. — Кто на работе, а кто дома делами занимается. У нас, кроме Колюни, никто не бездельничает!

— О Господи! — испугался Андрей. — Так у вас здесь и мысли читать могут? А это-то с каким законом физики связано?

— Про закон ничего сказать не могу, — остановилась она, — не знаю я их. А насчет остального не беспокойся: я такая во всем городе одна, все другие давно вылечились. Тяжело ведь это, мало своих мыслей, так еще и чужие весь день в голове: бум-бум! бум-бум! Я бы тоже от этого избавилась, да выхода нет: оглохла лет пятнадцать назад, ничего не слышу, вот и приходится терпеть! Так что, если ты поговорить со мной хочешь, можешь языком зря не молоть — думай себе, и все. А про администрацию ты правильно решил: сходи, поговори, они люди грамотные, все тебе и объяснят...

Но такой разговор пугал Андрея пуше прежнего.

— Спасибо вам большое, но я очень тороплюсь, извините, — сказал он все-таки вслух и поспешно направился дальше.

Однако уже через пару шагов обернулся и спросил:

— А это точно, что никто другой мысли читать не может?

— Точно, точно, — заверила бабуля, — можешь не сомневаться! Только ты в администрации-то все-таки не говори, что корреспондент, а то начнут пыль в глаза пускать: мы, мол, и так, и эдак... Скажи лучше, что просто интересуешься. Вот сейчас на первом же перекрестке направо свернешь, там тебе и будет администрация, — опередила она следующий его вопрос.

Андрей поблагодарил и пошел. «Ну и город, — думал он, — от всего этого свихнуться можно. Двигатели у них вечные — ну, почти вечные, только ремонтируй вовремя, — на машинах времени разъезжают, предметы передвигают, так вот еще — и мысли читать могут!» Тут он вспомнил про бабулю и опасно подумал: «А на каком расстоянии действуют ее способности?»

— С полкилометра примерно! — услышал он сзади и прибавил шагу.

На перекрестке Андрей свернул направо и увидел невдалеке двухэтажный дом, перед которым был разбит газон с цветами, а возле подъезда росли две небольшие, но очень симпатичные елочки. Наверняка это и было здание администрации.

Над его головой пронеслась какая-то тень. Андрей поднял голову и увидел, что прямо над ним на высоте около пяти метров летит мужчина. Летел он очень необычно: тело было расположено не параллельно земле, а находилось в привычном вертикальном положении. На спине у мужчины был какой-то прибор, крепившийся наподобие рюкзака при помощи лямок. «Антигравитатор», — без энтузиазма подумал Андрей и даже не дернулся за фотоаппаратом, такая глубокая апатия им овладела. Заметив, что Андрей смотрит на него, мужчина подмигнул, нажал на ляжке какую-то кнопку, после чего скорость резко возросла, и он быстро скрылся из глаз.

«Значит, закон тяготения они тоже немного изменили, — вяло подумал Андрей, — раз он не действует не повсеместно — иначе бы они все улетели на небеса, — а только с помощью прибора». Тут он усмехнулся и подумал, что уже верит всему увиденному. Да и как тут не поверишь? Он нервно закурил и стал вспоминать, куда же идет. Ах, да, в администрацию! Но, пройдя еще несколько метров, понял, что никуда уже идти не хочет, до того ему все здесь надоело. Какая еще администрация? Вокзал, только вокзал! Бежать отсюда к чертовой бабушке! Вернее, к теще, что, впрочем, почти одно и то же.

«А как же статья? — подумал он. — А, ерунда, напишу про тещин город, он ненамного больше, тоже — провинция!»

Андрей резко развернулся и почти бегом направился на станцию. По пути ему пришлось обогнать уже знакомую бабулю.

— Зря ты это, милоч, — осуждающе сказала она, — побыл бы у нас немного, сам бы научился все такие штуки делать! Глядишь, еще и насовсем бы к нам переехал. А что жена? — ответила она на его мысленный вопрос? — Уж мысли-то читать ей бы точно понравилось!

Он почти бежал, а сзади доносилось:

— А про тещу свою ты напрасно так думаешь! Зинаида Степановна — правильная женщина, хотя и строгая!

Стараясь заблокировать свои мысли, Андрей начал довольно громко напевать самую пошлую песенку, какую только знал — «Муси-пуси». Бабуля резко замолчала, и он впервые с теплом подумал о Кате Лель.

На вокзале он узнал, что сегодня ни один поезд здесь останавливаться не будет. Андрей стал всерьез подумывать о том, чтобы пойти пешком, но тут его неожиданно обрадовал дежурный по станции, который, вероятно, понял его состояние и проникся жалостью.

— Через десять минут проходящий, — сказал он. — Я вам помогу сесть.

— А как — на ходу? — спросил Андрей, подумав, что тот собирается каким-то образом телепортировать его внутрь вагона.

— Да нет, — рассмеялся дежурный, — просто к нашей станции все поезда подъезжают осторожно-осторожно. А по самой платформе так ползут, что пешком обогнать можно.

Все произошло, как он и говорил. Они прогулочным шагом шли рядом с вагоном и неспешно уговаривали девушку-проводницу. Узнав, что ехать ему всего пару часов, она не стала долго упираться. Позже, уже в вагоне, Андрей то и дело прокручивал в памяти все пережитое и никак не мог решить: правильно он поступил или нет.

К родителям жены он прибыл в восемь вечера. Теща строго спросила, где это он так задержался. Минут пять Андрей плел про задание редакции, которое якобы выполнял, и только тогда она отошла в сторону, освободив проход в квартиру. Тесть ему шумно обрадовался.

— Андрюха, наконец-то! А я жду не дожусь! Пойдем на кухню, покурим, пока Зина на стол собирает!

Правда, очутившись на кухне, он поменял планы.

— Давай-ка мы с тобой тяпнем немного, а то пока она там все приготовит! — сказал он, доставая две стопки и сооружая легкую закуску.

Андрей раздумывал, рассказать ему про Нетаккаквездегородск или не стоит? Тесть тем временем подошел к водопроводному крану, открыл его и наполнил две стопки.

— Ну, давай выпьем за твой приезд! — сказал он, протягивая одну Андрею. — А как там Леночка?

— В каком смысле — выпьем? — спросил Андрей, недоуменно глядя на стопку.

— Ах, да! — рассмеялся тот. — Я же забыл тебе сказать: у нас в городе недавно референдум был, так мы некоторые химические законы поотменяли! Из этого крана у меня теперь водка течет — ровно 40 градусов, каждый день проверяю! Так что не бойся, продукт — первый сорт!

С минуту Андрей мрачно смотрел на него, затем поставил на стол стопку, взял стоявшую рядом граммов на триста кружку, наполнил ее из-под крана, чокнулся с тестем и залпом выпил.

— Вот что, папа, — сказал он, жуя соленый огурчик, — поезда на Москву у вас тут часто останавливаются?

журнал

АНТИКВАРИАТ

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА

И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку

**Достоверная информация
и реальные цены**

Подписка:

- ◆ по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс **99438**;
- ◆ по каталогу «Пресса России» — индекс **45720**;
- ◆ в отделе распространения, тел. (095)248-6819.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.
Тел.: (095)248-2090 (редакция), 248-6819
(отдел распространения), тел./факс: 248-2190.
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@uuu.ru (отдел распространения)

БЕСКОНЕЧНОЕ ДЕТСТВО

Владислав СИЛИН

Как не раз убеждались наши читатели, субъективный взгляд на литературную ситуацию самих творцов порой оказывается интереснее взвешенного критического анализа. Тем более, что почти всегда подобные выступления порождают споры. Вот и реплика рижского фантаста тоже претендует на дискуссионность.

Знакомый как-то сказал: «Надоело читать книги с подростками в главных ролях».

В самом деле, слишком часто в современной фантастике заявленный автором возраст героя не совпадает с его внутренним мироощущением. Это у мальчишек Крапивина или героя жюль-верновского «Пятнадцатилетнего капитана» смело можно учиться «взрослости». С другой стороны, листая многочисленные романы нынешних фантастов, постоянно ловишь себя на мысли, что сорокалетние десантники и «космические волки» очень уж напоминают тинейджер-инфантов.

Каковы же признаки героя-подростка? У него особый сленг, кочующий из романа в роман, особые нормы поведения. Он шумен, несдержан в эмоциях, пугающе сексуален. Подросток не может просто выпить пива — он обязательно «вводит в организм порцию алкоголя». Завидев женщину, он прежде всего оценивает ее «буфера». У него особое отношение к оружию. Для подростка настоящий мужчина тот, кто носит пушку сорок пятого калибра или ее эквивалент.

Шаблон, по которому авторы выписывают героя, читателю понятен и близок. Не зря же постоянно твердят, например, поклонники Фрая: «Сэр Макс — это я».

Быть шестнадцатилетним — не мед. Подросток дьявольски тщеславен. Авторитет его невелик, лидерские качества неразвиты — и тем сильнее он стремится к власти. Его должны любить и уважать все, иначе он не состоялся как человек. А власть не может достаться просто так. Борьба, борьба и еще раз борьба! В романе Андрея Мартьянова «Войти в бездну» есть эпизод, когда группа исследователей нанимает проводника для путешествия по незнакомой и опасной планете.

«Оглянувшись, я натянул поводья, заставив гиппариона остановиться. Проклятье! Я сто раз предупреждал: без моего ведома никуда не отлучаться, не отставать, смотреть по сторонам в оба глаза и не забывать, что зрима я идиллия в любой момент может очерчиться зубастой пастью тилацина или мегалания! А с последним можно эффективно бороться, только сидя в бункере в обнимку со скорострельной пушкой... Убью идиотов! То есть одного идиота и одну идиотку!»

Ситуация странная. Исследователи — люди опытные. Связаны с разведкой. Они понимают, что если наняли проводника, то должны следовать его указаниям. Но герой действует в рамках «подросткового паттерна», а второстепенные персонажи ему в этом подыгрывают. Луи, герой романа, *обязан* утвердить свое право на власть. Сделать это в боях. Отсюда и его бьющая через край эмоциональность, отсюда его ненависть к людям, которые ему доверились. Луи не просто улаживает пустяковое недоразумение. Для него решается вопрос жизни и смерти.

Книга может научить подростка взрослости. А может утвердить в истинности инфантильного взгляда на мир. Это не так сложно, как кажется. Достаточно описать реальность, в которой подростки — все. Короли, маги, президенты, инженеры, солдаты. Никто не выделяется, все одинаково инфантильны. И читатель вдруг понимает, что в этом мире ему не надо меняться. Он хорош уже такой, каков есть. Пусть мозаичные мостовые Echo пролягут в наших городах. Превратим Землю в Амбер, в Нетинебудет. Пусть дубравы Предвечного Эльфийского леса зашумят на развалинах цивилизации.

К сожалению (или к счастью?), это невозможно. Миры из эскапистских книг нежизнеспособны. Дело не в экономике, не в физике — дело в существах, их населяющих. Существах с психологией тинейджера.

Вот рассказ А.Уланова «Эльфийская обновка». Здесь мир выстроен по всем фэнтезийным канонам.

Дивные и непостижимые эльфы, хитроумные мошенники, могучие маги. Это именно тот мир, куда раз за разом сбегают уставшие от современной реальности читатели. Герой рассказа мошенник Зигги — типичное великовозрастное дитячко. Основным мотивом его действий служит самоутверждение. «И этот вариант устраивал Зигги — потому как по части заполнения нужных ему вещей он не без основания мнил себя мастером». «Полтора Райля был очень высокого мнения о своей задумке». «Мошенник жалел только об одном — что не сможет увидеть лицо эльфа в миг, когда тот поймет, как именно его провели за нос...»

К эльфу, которого Зигги собирается облапошить, он обращается со словами: «Эй, длинноухий! Подь сюда!». Может ли считаться мастером мошенник, начинающий разговор с оскорблений? В подростковой системе ценностей унижить ближнего значит возвыситься самому. И когда авторская точка зрения переходит к эльфу, в грязи оказывается Зигги. Подключаются другие персонажи. Начальник стражи, градоправитель — все они наслаждаются унижением других, чтобы на следующей странице унизиться самим.

Не забудем и о подростковом тщеславии. В нем кроются корни речевых изысков вроде «перевести тело в горизонтальное положение» вместо «улечься». Дело не в низкой языковой культуре и не в какой-то особой иронии. Подросток стремится утвердить значимость всего, что делает и видит. Выпятив каж-

дое слово, возвысить элементарное действие до уровня священно-го ритуала. Потому—то сэр Джуффин из «Лабиринта» Фрая не разговаривает. Он «сотрясает воздух необязательными упражнениями по прикладному лицемерию». У Андрея Мартьянова героя не просто хотят женить, а подходят к нему «с бесконечными матримониальными планами по адресу его скромной персоны». У Ольги Громыко в «Пивовое»: «Я тем временем вела с Бровыкой научно-теологический диспут о роли ведьм в экосистеме религии». Значимо? Несомненно. Не разговаривала, не беседовала, не болтала — вела диспут. Сразу становится понятно: перед нами не какая-то вертихвостка, но солидная ведьма.

Они постоянно вздымают руки, вздрагивают и шарахаются. У них отвисают челюсти, перехватывает дыхание, они вскрикивают от изумления и пугаются до потери сознания. Самый простой способ определить героя-подростка — посчитать число восклицательных знаков в его речи.

«— Жанивский! — рыкнул Се-рега, думая этим привести того в чувство. — А ну живо дерись давай! То есть я хочу сказать — я тебя, гад... на поединок! И попробуй от-кажись!

У отупевшего от страха милорда в голове, видимо, все же сработало какое-то реле. Он хлопнул глазами, подтянул челюсть вверх» (Екатерина Федорова «Милорд и сэр»).

«— Кто же так готовит индюшати-ну?! Что у вас с мозгами?! Это

каким же надо быть уродом... — Мелифаро подпрыгнул от неожиданности и едва заметным движением правой руки прикрыл ему рот. Изамонец благополучно подавился остатками собственного высказывания» (Макс Фрай «Волонтеры Вечности»).

«Всех времен и народов», «самое серьезное выражение лица», «наистрашнейший злодей». Для героев-подростков не существует полутонов и «средних величин». Это естественно. Если уж сражаться, то со всем вселенским злом, если спасать, то весь мир.

Книга подсказывает читателю реакции, нормы поведения. Исподволь, незаметно. Даже те книги, что написаны ради развлечения. Ярким примером тому служит философия, культивируемая эскапистской литературой.

Бегство — и вместе с тем обретение могущества. О, тут и поиски сверхмощных артефактов, и изучение магических заклинаний, и открытие в себе невостребованных в прежней жизни умений. Герой может всю книгу искать сверхбомбу, взрыв которой решит все проблемы на свете. Читателю-подростку не до приключений духа. У него есть конкретные проблемы, которые надо решить здесь и сейчас. Ему не хватает уважения и любви.

И тут на помощь приходит идеология, почерпнутая из книг и фильмов. Подросток верит, что уважение и любовь окружающих можно завоевать чем-то внешним. В жизни это внешнее — красивая одежда, ма-

шина, умение танцевать, престижная работа. В книгах — могущественные бластеры, сверхбыстрые звездолеты, волшебные посохи. Человек становится рабом вещей и навыков. Сэр Макс приобретает множество умений: плевком убить врага, щелчком пальцев подчинить негодяя своей воле, спрятать любой предмет в ладони... Не может он найти одного: взрослости.

Чтобы герой рос и мужал, эмоционально зрелым должен быть автор. Если у писателя нет соответствующего опыта, никакая фантазия не в силах помочь.

Часто «взрослость» героя пытаются передать через цинизм.

Так, например, циничны персонажи Алекса Орлова:

«Билл осторожно наклонился и положил «пикколо» прямо в натекающую из простреленных тел лужу крови.

— Что же это такое?.. — Из-за спины Эриксона показался Глен Савин. — Что же это такое, а? — Он переходил от тела к телу и заглядывал в лица, стараясь опознать убитых.

— Ну что, босс? — не сводя взгляда с Левински, спросил Эриксон.

— Да как тебе сказать? — уже спокойнее заговорил Савин. — С одной стороны, у нас не будет проблем с «пустыми» — теми, кто надоел по пустякам, но с другой стороны, вот лежит Жур — он приносил неплохой материал, а вон там, у окна — это Брумел. Тоже довольно профессиональный парень был...» («Двойник императора»).

В книгах Фрая человеческая жизнь и вовсе не стоит ни гроша:

«— Ладно! — Я с наслаждением потянулся до хруста в суставах и подлил себе камры. — Давай выкладывай свою проблему. Я же как-никак деловой человек, мне на службу надо, людей убивать!» («Волонтеры Вечности»).

А вот герой романа Дмитрия Володихина «Война обреченных» высказывает свое жизненное кредо:

«Самая главная женская эрогенная зона — кошелек. Чуть пощекочешь их в этом месте, и сразу возбуждаются... Поэтому, если мне не лень, я покупаю шлюшку и развлекаюсь с ней».

В «Войне обреченных» весь рассказ герой стреляет, стреляет, стреляет до очумения. В инопланетных тварей. В своих товарищей. Момент взросления так и не приходит. Рассказ обрывается на полуслове, на многоточии — не сумев измениться, герой погибает. А что еще ему остается?

Это последняя форма самоутверждения — истеричная, беспомощная, но такая характерная для подростка — опаснее всего. Цинизм — это незрелость души, высшая форма инфантилизма. Герой, раз и навсегда утвердившийся в мысли, что «мир полон уродов, все женщины продажны, а автобусы идут в парк», на самом деле не видел ни мира, ни женщин настоящих, не знал удачи.

И никогда не увидит. И никогда не узнает. Потому что закрыт для всего нового.

Познакомившись с наблюдениями В.Силина, мы не могли не задать вопрос: может быть, действительно, отечественная фантастика с каждым годом становится все более инфантильной — в идеях, темах, героях? Этот вопрос мы адресовали коллегам автора реалики. Любопытно: несмотря на то, что в «экспертной комиссии» представлены писатели трех поколений с разными творческими пристрастиями, они оказались на редкость единодушны.

Александр ЗОРИЧ:

Дмитрий Гордевский: Да, фантастика инфантилизируется. И я бы даже рискнул дать ответ на незаданный вопрос: «Отчего так происходит?». В последние пятнадцать лет россияне очень много и тяжело работают. Причем с каждым годом они работают все больше. Для страны в целом это хорошо. Меняется облик городов и людей, общество учится потреблять товары и услуги, в общем, сбывается то, о чем мечтали, стоя у пустых прилавков конца восьмидесятых... Но вот для культуры чтения сие пагубно. Потому что чтение — это досуг. Чтобы прочитать даже средней толщины фантастическую книгу, нужно затратить минимум десяток часов. Чтобы прочитать три фантастических книги в месяц, читателю нужно минимум тридцать часов... Понятно, что такую роскошь могут позволить себе либо дети и подростки, либо пенсионеры и безработные, у которых, правда, зачастую нет денег на книги. Одно утешает: на Западе ситуация такая же. Например, самая читающая возрастная группа Германии — 15—25 лет...

Яна Боцман: Фантастика определенно «молодеет». Причем молодеют не только читатели, но и писатели. Я не располагаю статистическими данными и могу рассчитывать здесь лишь на свою интуицию, которая крепнет в процессе знакомства с издательскими анонсами... Так вот, по моим наблюдениям, с каждым месяцем растет доля «молодых талантливых авторов» на российских прилавках. Мэтры пишут книги долго и старательно, у них за плечами советская школа редактуры, они требовательны, порой даже слишком требовательны к себе. А молодые люди, выросшие уже в реалиях хищнического капитализма, «сраму не имут». И Цицеронову максиму «бумага не краснеет» воспринимают как руководство к действию. Для иного молодого-и-талантливого автора не проблема писать по пять фантастических романов в год, по двадцать пять

авторских листов каждый... Это не плохо. Но это и не хорошо. Это, как говорится, «жизнь». В конце концов, инфантилом быть легко и радостно, будь ты хоть писатель, хоть читатель. А кто мне не верит, пусть вспомнит детство золотое...

Сергей СИНЯКИН:

Стала ли современная фантастика более инфантильной по уровню идей, поведению героев? На этот вопрос можно ответить однозначно: стала, господа! Стала! Но ее ли в этом вина? Все началось с того, что в конце прошлого века в фантастику пришел особый издатель — из фэнов, которым казалось, что им недодают зарубежной фантастики, и которые подозревали, что кроме Лема, Брэдбери, Шекли и других авторов, изданных в Отечестве, на Западе имеются сотни звезд, чьи шедевры до нас не доходят по политическим соображениям. Тут как раз рухнул «завес», и благодаря этим фанатам англо-американская фантастика пришла к нам во всем своем многообразии. И оказалось, что чаще всего это произведения с незапоминающимися, склонными к инфантилизму героями, да и сюжеты книг зачастую примитивны. К тому же переводы были в массе своей откровенно нелитературны. Поэтому, когда издатели, исчерпав возможности переводной литературы, обратили свой взор на отечественных авторов, обнаружилось, что свое черное дело они уже сделали. В фантастику пришло поколение, воспитанное на плохой переводной фантастике конца восьмидесятых — девяностых годов прошлого века. Более того, в фантастику устремились дилетанты, которые подчас не обладают даже знанием физики в объеме шестого класса, не интересуются ни социологией, ни психологией, ни даже политикой (она, как известно, надоела). Большинство из этих авторов пишет, как умеет, но если нет серьезных знаний, стало быть, отсутствуют и серьезные идеи. Фантастика в значительной части своей поглупела. Отсюда и примитивизм персонажей — умный герой с глубоким внутренним миром такой фантастике просто не нужен.

Коммерциализация фантастики сделала то, чего не смогли сделать цензоры и редакторы ушедшей эпохи — она вытравила из фантастической литературы острое социальное содержание, вместе с этим из фантастики ушли новые идеи. Разумеется, есть исключения, но они лишь подтверждают правило. Впрочем, читателю, возросшему на иных образцах, такая литература стала ненужной. Она его не интересует. Массовый читатель — вот здесь, возможно, и кроется главное — стал инфантильным. Ему лень вдумываться в происходящее вокруг, он не пытается разобраться в перипетиях нашего существования. Он хочет безопасных приключений, жела-

тельно, не покидая дивана. Ему нужно победоносное Добро с оч-чень большими кулаками. Вчера читатель фантастики рвался в астронавты и ксенопсихологи, сегодня мечтает стать кем угодно, лишь бы при больших деньгах. Современная фантастика создается кошельком читателя. Издатель ориентируется на него, и издателя легко понять, ведь его главная задача не насыщение рынка умной литературой, а получение прибыли. Есть ли более весомый аргумент в современном мире?

Дмитрий КАЗАКОВ:

Я в этом совершенно уверен. Причин несколько. Первая: в фантастику приходит все больше и больше молодых (по возрасту) авторов. Дебютные книги современные фантасты берутся писать и в двадцать, и даже в пятнадцать лет. Сонмища юных фэнов корпят, пытаются сделать, «чтобы было похоже» на любимого автора, и у одного-двух из сотни получается что-то действительно стоящее.

Ну а молодой человек по определению не может написать о чем-либо, выходящем за рамки собственного опыта (большой частью не очень богатого). Отсюда и берутся герои, ведущие себя как инфантильные подростки, возникают идеи и темы, актуальные для тинэйджеров.

Вторая причина связана с тем, что книги, апеллирующие к инфантильным, простейшим импульсам, сохраняющимся в психике любого взрослого человека, продаются, как правило, куда лучше, чем «взрослые», серьезные. Конан и подобные ему герои до сих пор популярны, и задерганный жизнью читатель с большим удовольствием проглотит подростковое чтение, позволяющее ощутить себя красивым, сильным, умным и всеми любимым.

И вполне серьезные, взрослые авторы, прекрасно зная об этой тенденции, умело ею пользуются, снижая определенным образом качество текста, делая его доступным для любого представителя «поколения пепси».

И я не могу их за это осуждать.

Но несмотря на то, что зараженных инфантилизмом книг выходит все больше, причин для переживаний по этому поводу нет. У нас достаточно талантливых авторов, время от времени появляются интересные и сложные фантастические произведения, продолжающие лучшие традиции отечественной школы фантастики.

Кроме того, многие из тех, кто сегодня пишет инфантильную фантастику, в будущем вырастут как писатели. Ну а вместе с авторами вне всякого сомнения будут взрослеть и их книги.

По крайней мере, мне очень хочется в это верить.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ.

От «Страны
багровых туч»
до «Трудно быть
богом»:
черновики,
рукописи,
варианты.

Сост.

С. Бондаренко.

*Донецк: Сталкер,
2005. — 635 с.
5000 экз.*

Какую фамилию первоначально носил герой «Страны багровых туч» Алексей Быков? Какой вариант романа «Возращение. Полдень XXI век» считается каноническим? Как появился в последнем варианте «Трудно быть богом» народный мститель Арата Горбатый? И наконец, кто такие людены?

На последний вопрос ответить нетрудно: людены — это не только сверхлюди из последней повести цикла о Мире Полдня, но и группа энтузиастов-исследователей творчества Стругацких. Неудивительно, что именно благодаря усилиям группы и появился на свет этот замечательный комментированный сборник черновых вариантов и неопубликованных фрагментов рукописей братьев (и, судя по всему, нас ожидает еще один — ведь на «ТББ» массив рукописей и черновиков не кончается). Работа сама по себе достойная восхищения, но еще и поучительная. Поневоле задумаешься о том, что для талантливых людей даже цензура может сыграть роль творческого импульса — ведь именно по требованию советских идеологов и появился в «Трудно быть богом» образ народного героя Араты, без которого сейчас роман и представить себе невозможно. И не странно ли, что именно благодаря цензуре родились в «эпоху застоя» эти беспощадные мысли о бесполезности народного бунта, о бессилии народного гнева? Но, читая черновики и наработки братьев, имеет смысл задуматься и о другом — о том, что истинный талант проявляется именно в самоограничении, в повышенных требованиях к себе, в скрытой от посторонних глаз работе. Ведь, остановись Стругацкие на первых, пришедших в их совокупную голову вариантах, не подвергай они тексты столь жесткой правке и переработке, мы имели бы сейчас совсем других писателей — гораздо более «советских», прямолинейных, пафосных...

Хороший урок для тех, кто, ссылаясь на нынешнее меркантильное время или просто подстегиваемый неистребимым авторским зудом, штампует «сырые» тексты.

Мария Галина

Пол Ди ФИЛИППО

СТИМПАНК

*Москва: АСТ —
Транзиткнига,
2006. — 346 с.*

Пер. с англ.

И. Гуровой,

А. Комаринца.

(Серия

*«Альтернатива.
Фантастика»).*

3000 экз.

Представьте себе мир, в котором тевтонский рыцарь, фанатично отстаивающий чистоту арийской крови, гибнет, пронзенный швейной машинкой, некогда бывшей рыбой-меч. А сбежавшая с престола королева империи Виктория находит себе замену в лице искусственно выращенной самки тритона-скрытожаберника. Мир, неотъемлемой частью которого являются паровозы, работающие на урановом топливе, и машины для перемещения в загробный мир.

Феерия фантастических образов, созданная Ди Филиппо в трилогии, рождена его новыми, но по-прежнему искусными манипуляциями с научной фантастикой и литературой. Если «Потерянные страницы» основаны на использовании знаковых фигур XX столетия и мастерской литературной стилизации, то «Стимпанк» идет дальше в глубь времен и предлагает читателю взгляд на альтернативный XIX век.

Три повести, образующие сборник, на сюжетном уровне связаны упоминанием второстепенных героев и ссылками на их возможное знакомство. Куда прочнее скрепляет произведения их тематика и неполиткорректный, а местами так просто скабресный юмор писателя.

Смелое использование чужих персонажей и их авторов сейчас стало распространенным приемом. Спектр применения весьма широк: от банального паразитизма через пережитки постмодернизма к литературным экспериментам. Книги Ди Филиппо, несомненно, относятся к последним и вызывают в памяти произведения еще одного вольнодумца от фантастики — Филипа Хосе Фармера и, в частности, его историю лорда Грейстока и менее известную у нас серию о Ньютоновой пустоши, а также грандиозный Мир Реки.

Однако в то время как Фармер делал акцент на приключениях легендарных героев, Ди Филиппо пускается в литературные игры. Например, заставляет встретиться в Обители Лета двух поэтов — Уолта Уитмена и Эзру Паунда. Кстати, несколько удивляет избирательность комментариев переводчиков, иногда избыточных, а иногда отсутствующих.

Сергей Шикарев

Наталья
РЕЗАНОВА

**ЯВЛЕНИЕ
ХОЗЯЕВ**

*Москва: Форум,
2005. — 234 с.
(Серия «Другая
сторона»).
4000 экз.*

Прошлый год для нижегородской писательницы оказался удачным — в серии «Заклятые миры» вышла ее постмодернистская юмористическая диалогия «Кругом одни принцессы», а в новой серии «Другая сторона» — «неформатная» повесть «Явление хозяев», сочетание альтернативной истории, судебного детектива и психологической прозы. Излюбленную Резановой модель «альтернативной Римской империи» мы видим глазами молодого честолюбивого адвоката Сальвидиена, приехавшего делать карьеру в провинциальную, по-восточному пышную Арету. Первое же дело, с которым ему приходится столкнуться, оказывает драматическое влияние на его дальнейшую судьбу.

Поклонники Резановой с удовольствием узнают фирменный стиль писательницы — сдержанное, но изобилующее красочными деталями повествование, основанное на солидном культурно-историческом бэкграунде. Дополнительное очарование тексту добавляет то, что упоминается мимоходом, постольку-поскольку, как само собой разумеющееся — историография выдуманного мира, его юриспруденция, религиозная система, быт разных слоев населения, сексуальные отношения и даже мода. И все эти подробности возникли не на пустом месте — материал по этнокультуре реальной Римской империи был проработан более чем внушительный.

Единственное, в чем можно упрекнуть писательницу, это в упущенных возможностях. Адвокат Сальвидиен назван в аннотации «Перри Мейсоном» Римской империи. И он вполне мог бы им стать, дай ему Резанова возможность развернуться — показать себя в деле, не ограничиваясь одним ключевым процессом по защите имущественных прав вдовы Лоллии Петины. Судебные дела могут быть не менее захватывающими, чем разворачивающаяся в имени богатой покровительницы Сальвидиена детективно-психологическая интрига, о которой, чтобы не портить удовольствие будущему читателю, скажу одно: все ружья, заботливо развешенные писательницей по стенкам повествования, выстрелят в надлежащий момент.

Татьяна Рудницкая

Ф.Б.КЕРР

**ДЖИНН
В ПЛЕНУ
ЭХНАТОНА**

*Москва:**Иностранка,
2005. — 428 с.**Пер. с англ.**О. Варшавер.**20 000 экз.*

Будь у рецензий заголовки, сюда так бы и просился классический — «Жертва рекламы». Точнее, жертвы, поскольку пострадавших сторон, как минимум, две: писатель и рецензент.

Известная издательская практика приманивать читателя культовыми именами, ставя новичка в один ряд с мэтрами, нередко оказывает книгам плохую услугу. Не обнаружив в романе заявленного уровня, читатель в раздражении не заметит и достоинств, а главное, начнет искать параллели там, где их, возможно, нет и в помине.

Заставив Керра соперничать с Роулинг, издатели обрекли его на неминуемое поражение. Рассказ о приключениях двух ребяташек, и без того не блещущий особыми находками, теперь и вовсе начинает казаться натужным повествованием.

А ведь на самом деле все не так уж безрадостно. Ключевая авторская идея, на которой основана интрига романа, претендует на оригинальность: Джон и Филиппа из состоятельной американской семьи оказываются... да нет, не магами, а джиннами. Вернее, джинн, как учит их... нет, не глава школы для «детей лампы», но глава клана Марид дядюшка Нимрод: слово «джинн» не имеет множественного числа. И он же приговаривает остальное человечество именоваться... конечно, не маглами, а мундусянами, что на русский слух звучит еще более дико. А главное отличие от Роулинг — полное отсутствие политкорректности. Правда, в основном автор потешается над гражданами России, где находится «самая большая в мире выгребная яма», да и сама страна ее сильно напоминает.

Открыв детям их истинную сущность, дядюшка увлекает ребят в Каир в поисках гробницы Эхнатона (Аменхотепа IV). Дело в том, что этот царь-еретик, уходя в мир иной, прихватил с собой семь десятков заточенных древних джинн, которые кинутся исполнять желания тех, кто их освободит, и если это сделают злые силы, то мундусянам мало не покажется...

Это лишь первая часть трилогии. Втягиваться в долгий разговор или нет — решать читателю.

Вероника Ремизова

Тим ПАУЭРС

**УЖИН
ВО ДВОРЦЕ
ИЗВРАЩЕНИЙ**

*Москва: АСТ —
Транзиткнига,
2005. — 317 с.*

Пер. с англ.

Н. Кудряшова.

(Серия

«Альтернатива.

Фантастика»).

3000 экз.

Грегорио Ривас, популярный бард, вынужден вернуться к своей прежней профессии извавителя, после того как группа зомбированных загадочным мессией «прихожан» похищает его бывшую возлюбленную. Однако движут им не только чувства, но и желание получить свою пригоршню долларов — десять тысяч полтин местной валюты от ее отца. Для этого Грегорио должен совершить полное опасности путешествие, найти Уранию среди сотен таких же «обращенных» и вернуть в относительно благополучный Эллей.

Разумеется, все усложняется, когда Урания оказывается в самом логове неприятеля, проникновение в которое грозит смертью Ривасу, бывшему в юности членом новой церкви и принимавшему причастие от ее пастырей. Теперь Ривасу понадобятся вся его удача и помощь приятеля-конкурента Фрейка МакЭна, чтобы выполнить задание и вернуться живым. Хорошо еще, что во время выполнения этого задания пули будут не так часто свистеть над головой героя — в силу их редкости в мире, лишившемся большинства технологий и деградирующем после ядерной зимы.

«Ужин во Дворце Извращений» — следующая за «Вратами Анубиса» опубликованная книга Тима Пауэrsa — отличается от нее подобно негативу и отпечатку одной и той же фотографии. Снова главный герой с поэтическим дарованием проходит сквозь череду испытаний, попутно обретая себя. Но если действие «Врат...» происходило в прошлом, то действие «Ужина...» — в будущем, на поверку не столь уж отличающемся от прошлого.

Как и положено «посткатастрофическому вестерну», книга построена по кинематографическим канонам: с драйвом, сюжетными поворотами, обилием схваток. Отличительной особенностью стиля Пауэrsa являются богатые декорации, в которых развивается сюжет; на сей раз он щедро раскрашен яркими деталями вроде хемогблинов, хлам-людей и необычным воздействием музыкальной темы «Пети и Волка» на паству и пастырей. Да и главный злодей окажется неожиданной и весьма экзотической фигурой.

Сергей Шикарев

**ПОЛДЕНЬ, XIX
ВЕК: Сб.***Москва: Сомбра,
2005. — 352 с.**(Серия
«Фантастика»).*
5000 экз.

Выходом нового сборника теперь уже никого и не удивить. Этот формат книжной продукции, слава Богу, сегодня снова в почете. Но рецензируемая книга все-таки выбивается из ряда вышедших за последнее время. Среди ее авторов нет модных современных фантастов. «Полдень, XIX век» — подборка повестей русских писателей XIX — начала XX века. Издать в нынешней книжной ситуации, что называется, «неходовой» товар — жест отчаянно смелый и, конечно, заслуживающий уважения. А ведь, казалось бы, не так уж и много времени прошло с момента выхода двух первых антологий русской дореволюционной фантастики — «Взгляд сквозь столетия» (1977) и «Вечное Солнце» (1979), — имевших немалый успех по выходе. Потом было издано еще несколько подобных сборников, но последний из них увидел свет еще в перестроечные годы. Затем интерес к старой фантастике поубавился. Причем настолько, что нынешнему читателю предстоит заново открыть для себя пионеров отечественной НФ — князя В.Одоевского, Н.Фёдорова (которого составитель спутал с известным философом), Г.Данилевского, В.Брюсова и даже В.Соловьёва и Ф.Достоевского.

Но самым большим открытием, думаю, станет для читателей фантаст Ф.В.Булгарин. По известным причинам фигура Булгарина до недавнего времени была, мягко говоря, непопулярна. А между тем Фаддей Венедиктович — один из основоположников жанра в русской литературе, он первым затронул многие темы фантастики, и помещенные в сборнике небольшие повести определенно заслуживают внимания: идеи и мысли сатирических утопий «Правдоподобные небывлицы, или Странствия по свету в 29 веке» и «Предок и потомки» и сегодня выглядят актуальными (чего стоит хотя бы изобретение... деревянных рублей!), а «Похождения Митрофанушки на Луне» любопытны как пример литературной игры, ведь Булгарин отправляет в космическое путешествие не кого-нибудь, а самого известного персонажа Фонфизина.

Словом, «Полдень, XIX век» — поучительное и увлекательное чтение.

Евгений Харитонов

Рэй БРЭДБЕРИ

К ЗАПАДУ
ОТ ОКТЯБРЯ*Москва: ЭКСМО;**СПб.: Домино,**2005. — 320 с.**Пер. с англ.**Е. Петровой.**(Серия «Игра
в классику»).**3100 экз.*

В оригинале сборник, вышедший в США в 1989 году, называется иначе — «Конвектор Тойнби». Почему у нас решили его переименовать, не вполне понятно. Но, по большому счету, это и не принципиально.

В книге собраны тексты классика мировой фантастической прозы, создававшиеся в разные годы, но по каким-либо причинам не изданные ранее. Данная подборка — квинтэссенция тем и сюжетов брэдбериевского творчества, хотя фэнов фантаста «К западу от октября» вряд ли сильно порадует. Большинство рассказов вполне реалистические, демонстрирующие скорее талант тонкого лирика и мастера психологических портретов, чем безудержного фантазера. Взять хотя бы трагическую историю нереализовавшейся любви («Лорел и Гарди: роман») или пронзительное повествование о крахе крепкого прежде семейного союза, когда глубокие духовные связи рвутся безвозвратно («Задача на деление»)..

Конечно же, фантастики в сборнике тоже предостаточно. Правда, не стоит искать в ней новизны и откровений. Признаем очевидное: Брэдбери ныне уж не тот. Конечно, он по-прежнему профессионально и виртуозно проигрывает свои фирменные мотивы. Здесь и классический «рассказ ужасов» «Лаз в потолке», вызывающий ностальгию по текстам из раннего сборника фантаста «Темный карнавал», и типичный для позднего Брэдбери НФ-рассказ «Конвектор Тойнби», обыгрывающий тему парадоксов путешествий во времени. Куда интереснее полуфантастические, написанные с изрядной долей иронии, новеллы «ирландского цикла», позже вошедшие в роман «Зеленые тени, Белый Кит» (1992), и рассказ о городе Гринтауне «Подлинная египетская мумия работы полковника Стоунстила», возвращающий читателя в мир романа «Вино из одуванчиков».

Общее же впечатление от сборника: сегодня гранд-мастер творит по инерции. По блестящей, яркой, недоступной для многих других, но все же по инерции.

Глеб Елисеев

Сергей
СЛЮСАРЕНКО

**ТАКТИЛЬНЫЕ
ОЩУЩЕНИЯ**

*СПб.: Лениздат,
2005. — 336 с.
(Серия «Боевая
фантастика»).*
7850 экз.

Сказать по правде, автор этих строк дебютных книг обычно не читает. Все-таки в большинстве случаев это зряшная потеря времени. Однако для романа киевлянина Сергея Слюсаренко «Тактильные ощущения» захотелось сделать исключение. Во-первых, автор уже известен своими рассказами, а во-вторых, он физик международного уровня, объехавший чуть ли не полмира.

Завязка у романа вполне привлекательная. Главного героя, полууспешного бизнесмена Майера, начинают подводить предметы быта — ручки, пуговицы, кредитные карты. Работают они плохо, да и на ощупь какие-то не такие. А тут еще некие заказчики выделяют Майеру огромное финансирование на его проект в области социальной инженерии... Объяснения всему этому даются нарочито тривиальные. Оказывается, нашу планету опять хотят покорить нехорошие aliens. Действуют они при этом не всегда логично. Например, пытаются привести своих ставленников к власти демократическим путем, хотя никто не мешает им заменить биоклонами нынешних правителей. Майер — единственный, кто может остановить захватчиков, однако те отчего-то тянут с его ликвидацией. Даже он наконец смекает, что к чему, и выходит на тропу войны. К сожалению, читатели догадываются о происходящем страниц на 100 раньше. Это, конечно, не радует.

А что же радует? Ну, наверное, многим понравится довольно злая карикатура на «оппозиционных крикунов», за которой проглядывает не столько нелюбовь писателя к киевским «оранжистам», сколько его презрение к подобному рода деятельности вообще. И еще впечатляет простое наблюдение: если тебя призывают сложить оружие и полюбить Чужого — тобой наверняка манипулируют, и не для твоего блага. Не на последнем месте — литературная даровитость автора, написан роман добротным русским языком. Во всяком случае, это редкий пример дебюта, когда потенциал «молодого» фантаста очевиден. В конце концов, найдите мне дебют «без греха».

Александр Ройфе

ПЕРВЫЙ И НЕПРЕЛОЖНЫЙ

Иван ОХЛОБЫСТИН. «XIV ПРИНЦИП». Издательство «Галерея».

Его преподавание отец Иоанн Охлобыстин, имеющий, как следует из краткой биографической справки, пятых детей, три высших образования и четыре гладкоствольных ружья, написал, опять же согласно аннотации, «роман в жанре фэнтези-био-электроник». Справедливое определение, поскольку киберпанком при всем внешнем сходстве эту вещь назвать нельзя.

В киберпанке окружающий мир не более чем человеческое представление; здесь же, несмотря на то, что человеческое представление способно творить миры, они начинают действовать по общим и непреложным, независимым от человека законам. Киберпанк иногда дает себе труд быть логичным, но демонстративно внеэтичен; в романе Охлобыстина этическая система возникает как бы сама собой, по тем же непреложным законам сотворения миров. Киберпанк brutalen и агрессивен, поскольку мир, предложенный им, являет собой проекцию сознания определенного (зачастую инфантильного) типа; Охлобыстин демонстрирует нам вменяемого героя и взрослую модель взаимоотношений человека с миром.

И.Охлобыстин симпатичен именно своей взрослостью: он ироничен, не криклив, беспартий, но при этом вполне серьезен. И терпим — ожидающих от православного священника назидательной агитки ждет разочарование. Роман Охлобыстина «агитационен» в той же мере, сколь «агитационна», скажем, эпопея Толкина.

Силы, конечно, неравны, но тем не менее «XIV принцип» — одно из самых ярких явлений прошлого года. Казалось бы, что нового можно написать о том, как становится реальностью компьютерная игра? На деле же все зависит от интерпретации, от наполнения — о том, как двое молодых людей любят друг друга, тоже можно написать что-то из ряда вон выходящее, а можно и очередной эстрадный шлягер.

Итак, один гениальный человек, создав сложную интерактивную компьютерную игру, позвал нескольких друзей поиграть в нее. И совершенно необъяснимым образом заработанные в этой игре пойнты стали оборачиваться реальными суммами на реальных банковских счетах. Мало того, оказалось, что игра позволяет в себе жить — на время, проведенное в ней, в настоящем мире человек впадает в анабиоз. В игре всё гораздо ярче и интенсивнее, чем в «жизни», да и дольше — время там «спрессовано».

Не удивительно, что ситуация толкает участников, во-первых, добавлять себе возможности (в результате они становятся богами), во-вторых, усложнять игру, вводя в нее все новые и новые конфликтующие стороны. Пойнты—то начисляются при масштабных тактико-стратегических операциях. В результате геймеры естественным образом разделяются на силы Добра и Зла. Разумеется, первоначальная цель — обычная жажда обогащения — изживает себя. Гораздо привлекательней оказывается существование в устроенном под потребности демиургов мире, постепенно обретающем самостоятельность, как и любая сложная система. Мало того, усложнившись, этот мир из виртуального пространства выходит в пространство реальное, пускай и параллельное нашему, однако соединенное с ним некими порталами.

Став настоящим, этот мир постепенно делается угрожающим — как для мира нашего, не способного противостоять напору «молодого» хтонического божества, сформировавшегося там, так и для себя самого, поскольку в обозримом будущем перед ним встает неизбежная перспектива «последней битвы», Армагеддона. И для того, чтобы избежать катастрофы, враждующие силы этого эрзац-мира, его пришлые боги, объединяются, намереваясь...

К какому решению пришли Создатели, читатель узнает, преодолев почти полностью весьма внушительный объем текста. Добавлю лишь, что решение лежит не только в пределах мифопоэтических канонов, но и в рамках христианской этики (вот, пожалуй, единственное указание на нынешний статус бывшего культового кинорежиссера и сценариста). Тема жертвы, божественного искупления, необходимого для спасения мира, залога его дальнейшего существования, все-таки прозвучит в романе; впрочем, в весьма своеобразной трактовке.

Ну а те, кого высокие материи интересуют мало, найдут здесь всё, полагающиеся в подобных произведениях: приключения, тщательно выписанный антураж и симпатичных персонажей. Не удивлюсь, если Охлобыстин, уподобившись своим героям—демиургам, поместил в роман друзей и знакомых — уж больно живые они получились.

Мария ГАЛИНА

ДВЕ ИПОСТАСИ ГРЕГОРИ БЕНФОРДА

Американский писатель Грегори Бенфорд, 65-летие которого отмечается в этом месяце, немало потрудился на нелегком поприще — реабилитации прилагательного в привычном словосочетании «научная фантастика». Когда-то оно, а не существительное, считалось главным, основополагающим, потом оказалось порядком дискредитировано и приобрело даже некий «стыдный» смысл. И только благодаря таким авторам, как Бенфорд, в последние десятилетия вновь вернуло свой былой респект и благозвучие.

Мое первое очное знакомство с Грегори Бенфордом состоялось в начале 1980-х. Было это в Москве, куда американский гость прилетел всего на день — на следующий день он должен был отправиться в Тбилиси. И не на какую-нибудь фантастическую тусовку (тогда на наши «коны» иностранные знаменитости еще не залетали), а на астрофизическую конференцию.

Короче, встреча состоялась не с фантастом Бенфордом, написавшим на то время несколько романов и три десятка рассказов, а с профессором Бенфордом, автором сотни с лишним научных работ

по астрофизике и физике плазмы. Но весь день, в течение которого я «выгуливал» гостя по первопрестольной, мы, насколько помню, беседовали исключительно о фантастике. Хотя могли бы и сместить тему. Тогда я еще продолжал трудиться на два фронта — писал не только обзоры и статьи по научной фантастике, но и диссертацию по «некоторым точным сферическим и цилиндрическим решениям уравнений Эйнштейна». Так что при соответствующем усилии поддержать профессиональный разговор, вероятно, смог бы... Но беда в том, что меня совсем не интересовал коллега-фи-

зик Бенфорд — в отличие от Бенфорда-писателя.

Он тоже, кстати, все время разрывался между физикой и фантастикой... Нет, не так. Это большинство авторов научно-фантастической литературы, бывших одновременно профессиональными учеными, рано или поздно «завязывали» с одной из этих ипостасей, чувствуя, что дальше сидеть на двух стульях невозможно. Артур Кларк, Айзек Азимов, Борис Стругацкий... — примеры можно приводить десятками. А вот для Бенфорда такое двуединое существование оказалось абсолютно органичным. Может быть, поэтому он и сегодня, уже вкусив все прелести литературного успеха, продолжает активно трудиться в том же Университете штата Калифорния в Ирвайне, куда поступил на работу 35 лет назад. И по той же причине, вероятно, лучше других умеет писать настоящую НАУЧНУЮ фантастику.

Родился будущий писатель и ученый 30 января 1941 года в городе Мобиле, штат Алабама. На свет он появился, кстати, не один, а с братом-близнецом Джимом. Отчего в будущем возникнет дежурная шутка: мол, работают они на пару — пока один строчит фантастические романы, второй читает лекции студентам и пишет формулы, а затем меняются местами... После окончания Университета

штата Оклахома в Нормане и защиты диссертации в Университете штата Калифорния в Сан-Диего молодой физик работал в знаменитой Лаборатории имени Лоуренса в Ливерморе, а в 1988 году был приглашен в группу научных консультантов НАСА. Но основным местом его работы стал, как уже говорилось выше, университет в Ирвайне.

Там же в получасе езды находится фешенебельный городок под исчерпывающим названием Лагуна-Бич. В этом райском уголке на берегу Тихого океана профессор Бенфорд поселился в середине 1980-х. Его дом расположен на высоком обрыве-каньоне, откуда открывается захватывающий вид на город, песчаную полосу пляжа и бескрайний океан до самого горизонта. Но чтобы купить себе дом в этом чрезвычайно дорогом месте и кататься на работу в открытом белом спортивном «мерседесе», одной профессорской зарплаты вряд ли хватило бы. А вот гонораров за романы-бестселлеры — вполне!

Фантастикой Бенфорд «заболел», по его собственным словам, лет в восемь-девять. Началось все с романов Хайнлайна, Брэдбери, Кларка, Азимова — что свидетельствует о хорошем вкусе юного читателя. Вместе с братом Джимом и двумя друзьями — такими же поклонниками фантастики, Терри Уайтом и Терри Карром — Бенфорд

в студенческие годы начал выпускать фэнзин «Void» («Пустота»).

После чего оставалось только сделать следующий шаг. И в июньском номере за 1965 год ведущего журнала «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» появился рассказ дебютанта под названием «Стоя». Дебют имел успех — по результатам конкурса читательских предпочтений, проведенного журналом, рассказ занял второе место. А спустя четыре года уже известный писатель-фантаст Бенфорд публиковал рассказы десятками, а также вел регулярную научную колонку в другом журнале — легендарном «Amazing Stories».

За последующие десятилетия Грегори Бенфорд выдвинулся в лидеры американской «твердой» (естественнонаучной) science fiction. То есть такой, которую до него подняли на недостижимую высоту классики жанра — те же Хайнлайн, Кларк, Азимов. В середине 1960-х это направление себя во многом исчерпало, и с легкой руки бунтарей из «Новой волны» писать научную фантастику стало даже как-то неприлично. Потребовалось два десятилетия, чтобы и авторы, и читатели пришли в себя, а научная фантастика в значительной мере была реабилитирована. Только теперь стали осторожнее относиться к пресловутому прилагательному — и под «научностью» понимать совсем не то, что понимали классики.

Сам Бенфорд не считает, что занятия наукой мешают ему: «Как мне удается совмещать эти два вида творчества? Боюсь, никакого надежного объяснения, тем более рецепта, я дать не смогу. Вероятно, это тот случай, когда ученый-позитивист во мне замолкает, не зная, под какой закон или под какую формулу все это подогнать; а вторая половина — литератор — просто фиксирует еще один труднообъяснимый человеческий феномен».

И на стандартный вопрос — как он сам понимает ставшее привычным словосочетание science fiction? — отвечает, в общем-то, вполне предсказуемо: «В качестве рабочего определения выберем следующее. Это фантастика, пронизанная не столько научной проблематикой, сколько атмосферой научной деятельности, а также оценивающая социальные последствия тех или иных научных результатов. В определенном смысле научная фантастика сохраняет верность породившему ее научно-техническому прогрессу и небезразлична к тому, как наука воздействует на окружающий мир. Таким образом, мне кажется, нужно отдавать себе отчет в следующем. Научный фантаст — по крайней мере тот, кто не стыдится первой части этого словосочетания — совсем не обязательно должен быть ученым. Но просто обязан понимать, знать, чувствовать то,

чем заняты истинные ученые. Различать, что именно в научно-фантастическом произведении будет выглядеть научно достоверным, а что — нет. Читатель требует от вас не достоверности конкретных результатов той или иной науки (эти-то вполне можно нафантазировать), но достоверности иного рода — общей атмосферы поиска, психологии творцов науки...

Конечно, чтобы достоверно и убедительно писать об ученых, требуются солидные домашние заготовки: просто так, с наскоку, о современной науке не напишешь. Мне, разумеется, легче — я как-никак профессор физики. Но не думаю, что тому, кто волею судьбы стал сыщиком, следует убеждать себя: немедленно садись писать детективный роман! Хорошие авторы детективов должны знать, как работают законы, что такое сила доказательства, как проводится расследование, сколь важно обращать внимание на мельчайшую деталь... Но этим писателям совершенно необязательно самим служить в полиции или вести адвокатскую практику. Точно так же хороший научный фантаст должен знать, как «работает» наука, как мыслят и поступают те, кто ее делает. Ну, и еще неплохо бы знать в основных чертах законы мироздания!»

Добавить, в общем, нечего. Бенфорд, кстати, гордится авторством так называемого «обратного

закона Кларка». Если кто забыл, Третий закон Кларка звучит примерно так: «Всякая достаточно развитая наука неотличима от магии». А физик Бенфорд не отказал себе в удовольствии сформулировать обратный закон: «Всякая наука, отличная от магии, является недостаточно развитой». Такие вот игры разума...

А теперь вспомним, как все эти теоретические постулаты Бенфорда-исследователя воплотились в конкретные произведения Бенфорда-писателя. К счастью, сегодня, когда его главное произведение и еще несколько переведены на русский, нет необходимости подробно останавливаться на сюжетах. Достаточно просто напомнить этапы творческого пути Грегори Бенфорда в НФ.

Среди его ранних произведений выделяется повесть «Если бы звезды были богами» (журнальная публикация 1975), написанная в соавторстве с Гордоном Эклундом и принесшая обоим по первой премии «Небьюла». Бенфорд написал еще несколько рассказов, тематически примыкающих к повести, после чего объединил цикл под одной обложкой — так появился одноименный «роман», в котором действительно описано то, что было бы, если бы звезды служили божествами для некоей гипотетической цивилизации. И если бы представите-

ли этой цивилизации в незапамятные времена наткнулись в своих звездных странствиях на Солнечную систему, чье светило стало бы очередным объектом их религиозного поклонения. И высадились бы на Земле, зажгли бы искру разума в обитавших там обезьянах...

В общем, ясно, что при всех этих «если» в результате получились бы мы — такие, какими являемся в реальности. Но вопрос, заданный Бенфордом, остается висеть в воздухе: а кто-нибудь может предложить иной, альтернативный, научно-убедительный сценарий превращения обезьяны в человека? И не просто в существо разумное, но и по непонятной, мистической причине тоскующее по далеким звездам.

Однако наибольший успех, выразившийся во впечатляющем букете высших премий — «Хьюго», «Небьюла», Британская научно-фантастическая, Мемориальная имени Джона Кэмпбелла, австралийская «Дитмар», — выпал на долю романа «Панорама времен» (1980), хорошо известного и российскому читателю. А общий тираж романа перевалил за миллион экземпляров.

Последнее особенно удивительно. Ведь это, если задуматься, не авантурный боевик и не фэнтезийная сага, а «почти реалистический» роман об ученых, их проблемах и повседневной работе. Казалось бы, ну что миллиону с лиш-

ним читателей до профессиональных проблем, волнующих рядовых творцов науки... Хотя, конечно, не совсем рядовых. И уж точно — не только профессиональных.

Напомню, что действие происходит в 1998 году, когда, как казалось Бенфорду в те времена, начнется лавина глобальных катастроф — экологических, экономических и мировоззренческих. Попытка послать сигнал тревоги в прошлое с целью изменить катастрофические события в настоящем — это ведь лишь по форме научный эксперимент. А по сути — нравственный поступок. Что в истинной, большой науке всегда стоит бок о бок. Писатель Бенфорд это остро чувствовал, а профессор Бенфорд смог максимально убедительно и достоверно рассказать. Без частой в этой литературе псевдонаучной развесистой клюквы и ходоульных персонажей. А все эти тахионные гипотезы (кстати, с профессиональной точки зрения, вполне корректные и имеющие право на существование) лишь гарнир. Который в отсутствие самого «блюда» вряд ли принес бы автору и эти премии, и миллион читателей.

После неплохих, но все же явно не «прорывных» романов середины 1980-х — «Против бесконечности», «Артефакт», «Сердце кометы» (в соавторстве с Дэвидом Брином) — Бенфорд снова удивил мир научной фантастики своей новой трилогией. Но на сей раз романы,

составившие цикл о Галактическом Центре — «Великая небесная река» (1987), «Приливы света» (1989) и «Плывя в сияющую вечность» (1995), — скорее, напомнили творчество других классиков жанра, например, Станислава Лема. Как и польский фантаст-философ, Бенфорд замахнулся на масштабную сагу о путях эволюции (с обеими приставками — «био» и «техно») во Вселенной. Вдобавок к биологической жизни и цивилизации «механосозданий» автор вводит еще и третью силу — киборгов, которые, используя особые «космические струны», опутывают ими, как сеть, звезды, выкачивая из них необходимую энергию. Тут уже не профессор-физик берет слово, а философ-космист, последователь Пьера Тейяра де Шардена и Вернадского. А из коллег-фантастов можно добавить Стэплдона и раннего Кларка*...

«Все это началось еще в 1969 году, — вспоминает Бенфорд. — Причем первым толчком была не идея, а, скорее, образ — английский астронавт Найджел Уолмсли, предельно ироничный и совсем не

вписывавшийся в научный истеблишмент. Фактически, я списал своего героя с человека, которого хорошо знал — с английского писателя и критика Кингсли Эмиса. Потом вокруг персонажа «закрутилась» вся эта идея насчет возможного присутствия в нашей Галактике самых разнообразных цивилизаций, в том числе прошедших механическую, а не органическую эволюцию. Разумеется, когда-то предков этих разумных машин создали существа органические. Но, если говорить честно, у механических созданий, снабженных интеллектом и способных к автоэволюции, шансов пережить своих создателей куда больше. На галактических просторах эти «разумные машины» чувствуют себя вполне комфортно, как дома, поскольку на планетах и в космическом пространстве есть все, что им необходимо для поддержания жизнедеятельности: «сырые» полезные ископаемые (в частности, металлы), энергия... Меня интересовали не столько эти «венцы механического творения», сколько конфликт между нашим восприятием машин и

* В одном из интервью писателю задали прямой вопрос — во что он верит? Было предложено три варианта ответа: 1) Вселенная — это результат чьей-то созидательной деятельности, осуществленной по продуманному плану и с учетом возможных последствий; 2) Вселенная — это отвергнутый побочный продукт эксперимента инопланетной науки; и 3) Вселенная — это результат слепого случая. Бенфорд ответил, что склоняется к первому варианту: «Тот факт, что во Вселенной действуют объективные законы, предполагает наличие некоторых основополагающих принципов, заложенных в ее организацию». (Прим. авт.)

восприятием самих себя. Отношение людей к творениям своих рук и мозгов всегда отличалось понятной двойственностью. Да, нас окружают многие игрушки цивилизации, значительно упростившие и обогатившие повседневную жизнь; но сколько было и других, поставивших эту жизнь на грань полного уничтожения...»

Некоторые критики поспешили прилепить к трилогии Бенфорда броский ярлычок «интеллектуальная космическая опера», но самого автора это никоим образом не шокирует: смотря что понимать под «космической оперой». Масштабы? Верно, в них себя Бенфорд не ограничивал — да и не получится это, если ведешь речь о Вселенной и эволюции разумной жизни в ней: «Мы очень, очень незначительные, едва различимые актеры на той гигантской сцене, которая называется Вселенной. И одной из практических задач, которые по силам, пожалуй, только научным фантастам, является как раз показ нас самих в реальном масштабе пространства и времени. Демонстрация того, что мы вовсе не «пупы Вселенной» и, скорее всего, даже не венцы творения. В этой Вселенной мы, вероятно, почти невидимы. Поэтому для высокоразвитой «машинной» расы люди — это не что иное, как неведомо откуда взявшиеся «насекомые», «мошки», если и вызывающие эмоции, то преимущественно

неприятные и брезгливые! Словно крысы, скребущиеся за стенкой... Как к осознанию этой удручающей перспективы отнесутся те, кто по старинке продолжает мнить себя венцами творения, мучило меня, будто неразрешимая головоломка. Я провел немало времени, размышляя над тем, каким образом, с одной стороны, обрисовать конфликт, волнующий меня как писателя; а с другой — что сделать, чтобы при этом не потерять читателя».

Писатель Бенфорд с грустью соглашается: да, эти книги «светлыми» не назовешь. А ученый Бенфорд настаивает: он воспитан в той вере, что нужно стараться воспринимать мир таким, каков он есть — по крайней мере, каким мы его знаем. А не таким, каким хотели бы его видеть. «Что касается задач чисто писательских, то нарисовать образы людей, продолжающих нести свое бремя даже перед лицом удручающей правды, — кто из уважающих себя писателей пройдет мимо такого вызова! Хотя самым трудным оказалось другое: как донести эту драму до читателя — не на уровне высокой, отвлеченной философии, а на индивидуально-человеческом? Может быть, именно в этом разошлись наши пути с «космической оперой» в ее традиционном исполнении. Последняя часто скатывается к грандиозным, монументальным вагнеровским ариям, а мне

хотелось чего-то менее масштабного — более камерного, преходящего, человеческого...»

Последние полтора десятилетия Грегори Бенфорд продолжал активно писать свою научную фантастику, но его романы вызывали скорее споры, чем безудержный восторг. Он отдал дань всеобщему поветрию — «продолжению» классиков в романах «После прихода ночи» и «Страхи Академии», изданном и в России. Пытался развить успех «Панорамы времен» в трех новых романах о близком будущем — «Косм», «Марсианские гонки» и «Пожирательница». Собирал с Мартином Гринбергом оригинальные антологии на тему альтернативной истории. Опубликовал немало ярких, запоминающихся рассказов. Но повторение его невероятного успеха — еще впереди.

Поводы к оптимизму имеются — в отличие от многих коллег по литературному цеху писатель не поддался на известные соблазны книжного рынка. Не стал шлепать бестселлеры (хотя в совершенстве овладел этим ремеслом), не впал в столь привычный в научной фантастике «сериальный грех».

Хорошо, что он не спешит окончательно порвать с наукой. Ученый в душе — оказывается, это неплохое, вполне эффективное противоядие от указанной выше заразы, которая унесла не один десяток

талантливых, мыслящих авторов. Истинный ученый — как, впрочем, и истинный НАУЧНЫЙ фантаст — никогда не променяет острую, смелую, нетривиальную мысль на банальности и примитивные стереотипы, без которых трудно рассчитывать на бестселлер. Чудесные исключения, конечно, случались, но на то они и исключения, чтобы подтверждать правило.

О том, что Бенфорд по-прежнему ясно и нетривиально мыслит — пусть порой и провоцируя аудиторию на резкие эмоциональные контраргументы, — свидетельствует его недавнее интервью. Я долго думал, давать ли нижеприведенную длинную цитату «на десерт» к юбилейной статье — готов держать пари, что эти строчки вызовут агрессивное неприятие у многих читателей. Особенно тех, кто считает себя патриотами, а всех тех, кто понимает патриотизм по-своему, — агентами влияния известно каких вражин...

Признаюсь, после первого прочтения и я испытал недоумение и даже раздражение. А спустя день, успокоившись, перечитал еще раз. А потом вспомнил, как сам писал статью о продаже Аляски американцам, о Калифорнии, которая в ином историческом раскладе могла бы стать русской колонией — и о том, во что бы мы превратили сей благословенный край во время оно. А тут еще поездка в Гонконг,

где я впервые не на рациональном, а на подсознательном уровне понял, что такое «китайская» проблема — если не сказать угроза... Поверьте, при втором и третьем чтении возникают совсем другие мысли и сравнения.

Итак, о чем же будет новый роман американского профессора и писателя-фантаста? О покупке американцами Сибири!

«Следующая идея, которую я хочу всячески продвигать и обязательно использую в новом романе, — это идея превращения Сибири в своего рода протекторат Соединенных Штатов. Заплатите русским столько, сколько запросят — сто, двести миллиардов долларов, — за возможность осваивать и «экологически ответственно» управлять Сибирью. Это настоящий новый фронтир размерами с континентальные Штаты, и он должен быть открыт для освоения. И будет открыт, а станет ли это освоение ответственным или безответственным, другой вопрос. И я считаю, что мы не имеем права упустить такой шанс — через освоенную Сибирь ручеек западных демократических ценностей потечет в Азию. Потому что следующий крупный идеологический оппонент нашей западной системе ценностей с неизбежностью должен вырваться именно в Азии, и думаю, что оттуда его и следует ждать. Зачатки этого «мутировавшего капитализма» уже видны на примере

Сингапура и коммунистического Гонконга, и этот штамм демонстрирует свою заразность и эффективность. «Культурологическую» опасность такого развития событий нельзя недооценивать... Лучший способ достойно встретить вызовы нового века — это полномасштабное, допускающее экономическую экспансию, «прозападное» освоение Сибири — крупнейшего оставшегося на планете хранилища сырья и природных ресурсов. Сибирь даст западной цивилизации все. Даже новый литературный жанр — вместо вестерна его назовут «истерном». Это будет новый Дикий Запад, где парень, которому надоело обслуживать автозаправку в Питтсбурге, сам сотворит свою судьбу».

Прежде чем впадать в патристический раж, уважающим себя читателям научной фантастики советуя задуматься вот над чем. Хорошая мысль — это не та, которая хорошая (в смысле правильная), а та, что провоцирует собственную умственную работу читателя. Бенфорд, поверьте, вполне вменяемый и благоразумный человек. Но он не политик, не политтехнолог, не идеолог — он писатель. К тому же — писатель-фантаст. А чем он и его коллеги, в сущности, и занимаются, как не «интеллектуальной провокацией»? Чтобы заставить нас самих пошевелить мозгами.

**БИБЛИОГРАФИЯ ГРЕГОРИ БЕНФОРДА
(Научно-фантастические книги)**

1. «Проект «Юпитер»» (*Jupiter Project, 1975*).
2. «В океане ночи» (*In the Ocean of Night, 1977*).
3. В соавт. с Г.Эклюдом — «Если бы звезды были богами» (*If the Stars Are Gods, 1977*).
4. «Звезды под покровом» (*The Stars in Shroud, 1978*).
5. «Панорама времен» (*Timescape, 1980*).
6. В соавт. с Г.Эклюдом — «Найми подмену» (*Find the Changeling, 1980*).
7. В соавт. с У.Ротслером — «Шива садится» (*Shiva Descending, 1980*).
8. «Против бесконечности» (*Against Infinity, 1983*).
9. «По морю солнц» (*Across the Sea of Suns, 1984*).
10. «Трение времени» (*Time's Rub, 1984*).
11. «Артефакт» (*Artifact, 1985*).
12. В соавт. с Д.Брином — «Сердце кометы» (*Heart of the Comet, 1986*).
13. Сб. «В чужой плоти» (*In Alien Flesh, 1986*).
14. «Великая небесная река» (*Great Sky River, 1987*).
15. «Приливы света» (*Tides of Light, 1989*).
16. В соавт. с П.Картером — «Рожденный во льдах» (*Iceborn, 1989*).
17. В соавт. с А.Кларком — «После прихода ночи» (*Beyond the Fall of Night, 1990*).
18. «Охладитель» (*Chiller, 1993*) — под псевдонимом Стерлинг Блэк.
19. «Яростный залив» (*Furious Gulf, 1994*).
20. Сб. «Конец материи» (*Matter's End, 1994*).
21. В соавт. с М.Мартином — «Более темная геометрия» (*A Darker Geometry, 1995*).
22. «Плыя в сияющую вечность» (*Sailing Bright Eternity, 1995*).
23. «Страхи Академии» (*Foundation's Fear, 1997*).
24. «Косм» (*Cosm, 1998*).
25. «Марсианские зонки» (*The Martian Race, 1999*).
26. Сб. «Миры отдаленные и разнообразные» (*Worlds Vast and Various, 2000*).
27. «Пожирательница» (*Eater, 2000*).
28. «За границами бесконечности» (*Beyond Infinity, 2004*).
29. «Что могло бы быть» (*What Might Have Been, 2004*).
30. «Мерлин» (*Merlin, 2004*).
31. «Рожденный Солнцем» (*The Sunborn, 2005*).

«Странник»

меняет формат или прекращает существование? 18—19 ноября 2005 года в Петербурге прошел X Конгресс фантастов России. В рамках Конгресса состоялся разговор о следующем шаге развития фантастической литературы, а также японский сейшн и празднование пятидесятилетия издательства «Terra Fantastica». Литературная премия «Странник» на этот раз вручалась не лучшим произведению года, а по итогам своего 12-летнего существования. Что говорит о грядущем исчезновении премии, в свое время претендовавшей на звание «русской «Небьюлы». Призы были вручены представителям спонсоров и издательств-покровителей «Странника», а также лучшим циклам последнего 12-летия. Это «Опоздавшие к лету» Андрея Лазарчука, «Петербургский апокриф» Андрея Столярова, «Ночной Дозор» Сергея Лукьяненко, «Плохих людей нет» Хольма Ван Зайчика, «Приключения Жихаря» Михаила Успенского. Специальный приз достался Нику Перумову.

Пилотную серию

телевизионного сериала о «Терминаторе» представил канал «Фокс». Сериал будет называться «Хроники Сары Коннор», действие займет промежуток между вторым и третьим фильмами киносериала. Сценарий о приключениях семьи Коннор пишет Джош Фридман («Война миров»), в проекте участвуют такие известные продюсеры, как Энди Вайна и Марио Кассар, а также компания Warner Brothers Television. Достоверно известно, что Линда Гамильтон, исполнительница роли Сары Коннор в кинофильмах, в сериале не появится, однако в отдельных сериях может поучаствовать губернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер.

Жюль Верн,

столетие смерти которого стало для Франции серьезной датой, все чаще упоминается в связи с различными событиями ему посвященными. Уже и в России можно приобрести памятные французские монеты, приуроченные к юбилею. Золотые и серебряные монеты изображают героев самых известных романов писателя: «Двадцать тысяч лье под водой», «Вокруг света за восемьдесят дней» и «Из пушки на Луну».

Тем временем готовится крупный кинопроект «3D путешествие» по мотивам романа Верна «Путешествие к центру Земли». Это будет режиссерский дебют оscarоносного

**Очередной
«Зиланткон»**

мастера спецэффектов Эрика Бревига («Вспомнить все»). Фильм, совмещающий живых персонажей и компьютерные пейзажи подземного мира, расскажет об ученом и его сыне: подросток обнаруживает в одном из экспонатов музея тайное послание, открывающее путь в неизведанный мир.

побил рекорды посещаемости — на этот раз фестиваль фантастики и ролевых игр, проходивший в Казани с 4 по 7 ноября, посетили почти две с половиной тысячи участников. Как всегда, основными мероприятиями стали ролевые игры, однако в программе нашлось место и литературному семинару, и выставкам, концертам, турнирам, а также конкурсу исторического костюма и конкурсу им. короля Матиуша I — на лучший игровой проект для детей. Вручалось большое количество призов, среди которых традиционный «Большой Зилант», присуждаемый произведениям, «обойденным» другими премиями. Приз достался Л. и А.Белаш за роман «Война Кукол» и Н.Романецкому за книгу «Убьем в себе Додолу».

Коллекционер

из США заплатил рекордную сумму Лондонской галерее за оригинальный постер 20-х годов прошлого века к знаменитому фильму немца Фрица Ланга «Метрополис». Стоимость плаката, когда-то просто висевшего на стене, составила 690 тысяч долларов.

М. и С. Дяченко

скоро, похоже, станут самыми экранизируемыми русскоязычными фантастами. В данный момент они работают над киноадаптациями своих романов «Ведьмин век» и «Ритуал» (аниме), а также над сценарием сериала «Легенда о Довбуше». По мотивам сказок супругов снимаются короткометражные мультфильмы «Влюбленный экскаватор» и «Красная лягушка».

Лауреаты

мировых премий фэнтези объявлены 6 ноября во время World Fantasy Convention, проходившей в американском Мэдисоне. Лучшим в номинации «Роман» стал «Джонатан Стрэйндж и мистер Нолан» Сюзанны Кларк, «Повесть» — «Росток» Майкла Ши, «Рассказ» — «Проводить сестру песней» Марго Ланаган. Ее же сборник «Черный сок» также получил приз. Лучшим художником назван Джон Пикачио.

На этом же конвенте, но тремя днями ранее, презентовала свои призы Мировая гильдия хоррора. Здесь награды распределились так: роман — «Ночное» Рэмси Кэмпбелла, дебютный роман — «Писатель-призрак» Джона Харвуда, повесть — «Путник» Люциуса Шепарда, короткая повесть — «Квартира Лианы» Дэниела Эбрэхэма, рассказ — «Темп изменения» Дона Тумасониса.

Стивен Кинг

заклучил со знаменитой компанией Marvel Comics соглашение о создании цикла комиксов «Темная башня». Цикл не повторяет событий культового книжного сериала, а, скорее, расширяет его вселенную, рассказывая о не попавших в книжную сагу случаях из жизни Стрелка, а также уточняя не до конца прописанные топологию и мифологию многогранного мира Темной башни. Сценарии и диалоги Кинг будет писать сам.

«Роскон-2006»

состоится не в привычные сроки — в феврале, — а в марте, с 16-го по 19-е. Это связано с тем, что «Роскон» объединяется с мероприятием журнала «Если» — Московским форумом фантастики. Отныне знаменитые призы читательских симпатий «Сигма-Ф» будут вручаться в рамках самого крупного российского фантастического конвента. А сам конвент, благодаря форуму, перейдет под покровительство Федерального агентства по культуре и кинематографии. Организаторы совместного мероприятия предложат участникам обширную программу: писательские мастер-классы, практикумы, семинары, премьерные кинопоказы, концерты, НФ-дискотеку и прочее. Узнать подробности и оставить заявку на участие можно на сайте www.convent.ru.

Агентство F-прессе

Уважаемые члены Большого жюри!

Напоминаем вам, что пора садиться за работу. Возьмите, пожалуйста, лист для голосования на приз читательских симпатий «Сигма-Ф» (см. последние две страницы предыдущего номера «Если») и подумайте над тем, кого вы с чистой совестью назвали бы лучшими. Анкеты можно высылать до 5 февраля, но мы будем весьма признательны, если вы найдете возможность сделать это сейчас.

Заранее благодарим!

Адрес: Москва, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9.

ИД «Любимая книга», журнал «Если».

Редакция

АКИМОВ Михаил Вячеславович

Родился в 1953 году в Вологде. В 1966 году с родителями переехал на Сахалин. Окончил Южно-Сахалинский педагогический институт, работал учителем русского языка и литературы в школе, режиссером на районном телевидении и корреспондентом — на областном. В настоящее время — методист и преподаватель Шахтерского филиала Сахалинского топливно-энергетического техникума.

Первая публикация — юмористический рассказ в иркутской газете «Восточно-сибирская правда» в 1976 году; далее выступал именно в этом жанре, публикуясь в местных изданиях. Фантастические рассказы начал писать два года назад, один из них — «Вторая функция» — победил в конкурсе «Альтернативная реальность» и был опубликован в «Если» в прошлом году.

БЕНИЛОВ Евгений Семенович

Ученый и фантаст Е.Бенилов родился в 1957 году в Москве, здесь же получил высшее образование (в МФТИ) и защитил кандидатскую диссертацию, а с 1990 года проживает и работает в основном за границей — в Австралии, Англии, Ирландии. По основной профессии Евгений Бенилов ученый-математик, кандидат физико-математических наук, ныне профессор математического факультета Университета города Лимерик (Ирландия). В России и за рубежом опубликовал около 50 работ по теоретической физике, механике и прикладной математике.

Фантастикой занимается давно, однако не относится к числу слишком активных авторов. На сегодняшний день у фантаста-ученого вышло несколько публикаций в жанровой периодике, в том числе и в журнале «Если», а также две книги — дебютный роман «Человек, который хотел понять все» (1997), номинированный на российскую Букеровскую премию, и роман-антиутопия «1985» (2003), вызвавший немалый резонанс в читательской аудитории и жанровой прессе.

БЕНФОРД Грегори (BENFORD, Gregory)

(Сведения об авторе см. в статье Вл. Гакова в этом номере)

В одном из последних интервью, данном журналу «Locus», Г.Бенфорд вновь вернулся к вопросу о взаимоотношениях научной фантастики и «большой литературы»:

«Один из вопросов, который особенно волнует меня, звучит на редкость банально: кому будет принадлежать нынешнее столетие? В начале XX века развернулась классическая литературная битва между Гербер-

том Уэллсом и Генри Джеймсом. Хотя последний был страстным поклонником раннего творчества Уэллса (например, его «Машины времени», появившейся в 1895 году), они оба тем не менее яростно схлестнулись по вопросу о том, чем должна заниматься настоящая литература: тем, что Джеймс называл «салонными играми», или тем, что Уэллс определил как «картины будущего». Джеймс выиграл эту литературную битву и таким образом определил развитие «обычной» литературы, которая мало что говорит о будущем человечества. Более того, она как бы молчаливо отодвинула все подобные размышления, недостойные ее, научной фантастике, которая сейчас доминирует в визуальных масс-медиа. А сама, вот в чем ирония, по сей день все так же страдает от джеймсовского предрассудка, согласно которому литература должна заниматься только салонами и спальнями. Это относится, в основном, к роману, поскольку традиционный рассказ — обычный, не научно-фантастический — в настоящее время представляет собой явление практически исчезающее. Сегодня гораздо больше научно-фантастических и фэнтезийных рассказов, написанных «ради денег», чем рассказов традиционных, написанных с той же целью. На мой взгляд — поразительный факт!».

ИГАН Грег (EGAN, Greg)

Один из мировых лидеров «твердой» НФ австралийский писатель Грег Иган родился в 1961 году в городе Перте и там же закончил Университет Западной Австралии с дипломом математика-программиста. Свою литературную карьеру он начал романом-фэнтези «Под необычным углом зрения» (1983); в том же жанре написаны и ранние рассказы Игана. Однако уже к концу 1980-х годов он почти полностью переключился на «твердую» научную фантастику, преимущественно связанную с темами физики, математики и биологии. В этом духе написаны его романы «Карантин» (1992), изданный в России, «Город перестановок» (1994), завоевавший Премию имени Джона Кэмпбелла, и другие. Всего на счету Игана семь опубликованных романов и более полусотни рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборники «Богоматерь Чернобыльская» (1995), «Аксиоматика» (1995) и «Просвещенный» (1997).

Повесть Игана «Океаник» (1998) получила премию «Хьюго». Кроме того, автор четыре раза завоевывал высшую национальную премию «Дитмар» и трижды — премию «Aurealis». В последние годы Иган активно занимается общественной деятельностью, участвуя в движении по защите прав беженцев, эмигрировавших в Австралию.

ГОЛОВАЧЁВ Василий Васильевич

Первый лауреат премии «Фантаст года» В.Головачёв родился в 1948 году в г. Жуковка Брянской области. После окончания Рязанского радиотехнического института по специальности инженер–конструктор радиоэлектронной аппаратуры переехал в Днепропетровск, где более десяти лет проработал в Украинском государственном проектно–конструкторском институте «Металлургавтоматика». С 1989 года — профессиональный писатель. В начале 1990–х переехал в Москву.

В фантастике дебютировал в 1969 году рассказом «Эволюция». Известность пришла к автору уже в начале 1980–х, благодаря приключенческим произведениям, посвященным освоению Дальнего Космоса и Контакту: прежде всего это цикл «Реликт» (1978—1988). Наибольший же успех принесли писателю фантастические боевики, написанные в 1990–е годы и сочетающие в себе элементы «твердой» НФ, детектива и эзотерики. Тираж романа «Смерш–2» достиг полутора миллионов экземпляров, а общий тираж книг фантаста в 2004 году составил 16 миллионов экземпляров.

На счету В.Головачёва около 20 повестей и 30 романов, в том числе «Черный человек» (1990), «Полет Урагана» (1991), «Особый контроль» (1997), «Бич времени» (1997), «Схрон» (1997; последние два образуют дилогию «Смутное время»), «Огнетушитель дьявола» (2004), «Беспощадный, или Искатели смерти» (2004), цикл «Запрещенная реальность» (1997).

В.Головачёв — лауреат многих премий: фестиваля «Звездный мост», Фонда РФ «Третье тысячелетие», «Аэлиты» и других; кавалер Ордена рыцарей фантастики.

Известен писатель и как художник–фантаст, его работы экспонировались на выставках в Днепропетровске и Москве, входили в альбомы фантастической живописи. Ко всему прочему В.Головачёв еще и мастер спорта по волейболу.

ДЕМБСКИЙ Еугениуш (DĘBSKI, Eugeniusz)

Польский фантаст родился в 1952 году в г. Трускавец. После окончания факультета русской филологии Вроцлавского университета работал переводчиком, преподавателем русского языка в университете и институтах, несколько лет был заведующим кафедрой иностранных языков. С 1997 года посвятил себя только литературному труду и работе в качестве литагента. Дембский — президент созданной им Ассоциации польских писателей фантастических (подчеркивая, что такой порядок слов в названии является одновременно оценкой членов ассоциации).

Автор обратился к фантастике в 1984 году, когда был напечатан его первый рассказ — «Наиважнейший день 111 394 года», и с тех пор опубликовал свыше 70 рассказов и 16 романов. Наиболее популярны — цикл из семи романов о приключениях сыщика Оуэна Эйтса, «праправнука» Филипа Марлоу из романов Раймонда Чендлера, а также серия рассказов и повестей о рыцаре—«хамелеоне», выполняющем за вознаграждение разные рыцарские задания в облике заказчика (сейчас готовится к печати заключительный роман цикла). Известен также как переводчик российских фантастов: недавно подготовил первый альманах русской фантастики, который намеревается сделать регулярным.

После публикации в «Если» рассказа «Воля дракона» (2003) в России вышли четыре книги польского писателя — «Ограбленный мир» (2004), «Та сторона мира» (2004), «Блудный брат» (2005) и «Властители ночи» (2005).

Е.Дембский — лауреат премии Шлёнкфа, многократно номинировался на ведущую национальную премию — им. Зайделя. Рассказы автора переведены на немецкий, чешский, венгерский языки.

МИРАБЕЛЛИ Юджин (MIRABELLI, Eugene)

Писатель и ученый—литературовед Юджин Мирабелли родился в 1930 году в Америке в семье итальянских иммигрантов и закончил два престижных университета — Джонса Хопкинса и Гарвардский, в котором защитил докторскую диссертацию по филологии.

Первый роман Мирабелли вышел в 1959 году. Литературное творчество Мирабелли относится к авангардной прозе и поэзии, которую он много лет преподавал в ряде американских университетов. Лишь в последнее время он начал выступать в жанре научной фантастики, публикуя рассказы в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction».

МЮЛЛЕР Ричард (MUELLER, Richard)

Об американском писателе и сценаристе Ричарде Мюллере известно следующее: он дебютировал в фантастике в 1982 году рассказом «Цепи моря», затем в течение семи лет написал около двух десятков рассказов и два романа — «Яйцо Джернигана» (1986) и «Охотники за привидениями» (1989), после чего был полностью поглощен работой над сценариями. В фантастику вернулся лишь в 2004 году, опубликовав первый после долгого перерыва рассказ, а в следующем году напечатал еще две новеллы.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ